№ 765/к
765
Т65

ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть IV

(Январь - май 1920)

Отдельный оттиск из номеров 207 — 231 журнала «Вольное Казачество — Вільне Козацтво».

ДОНСКОЙ АРХИВЪ
Б. XI. 1938 г.
№ 347

ПАРИЖ. 1938

ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА 765/к

07172

Центральный Государственный
архив Октябрьской Революции
и соц. строительства СССР

ф. № 7030 оп. № 3 ед. хр. № 871

К
Т65

ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть IV

(Январь - май 1920)

Отдельный оттиск из номеров 207 — 231 журнала
«Вольное Казачество — Вільне Козацтво».

НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ЦГА СССР
Инв. № 07172

Храпилище
печатных изданий
ЦГАОР СССР
ВХ. № 3008

ПАРИЖ. 1938

ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть IV

(Январь-май 1920)

Отдельный оттиск из номеров 207 — 231 журнала
«Вольное Казачество — Вільне Козацтво».

ВХ. №
ЦГАОР СССР
Хранилище печатных изданий

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ЦГА СССР
Инв. № [illegible]

ПАРИЖ. 1938

Хранилище
печатных изданий
ЦГАОР СССР
ВХ. № 2008

Трагедия Казачества

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

ЧАСТЬ IУ.

Глава 1.

Основные причины возникновения войны в 1917 - 1920 годах на территории бывшей Российской Империи. — Провал организованного русского «белого» движения и успех «красной» России в 1919 г. Оценка положения к началу 1920 г., сделанная русскими «красными» и русскими «белыми».

Русские историки говорят, что земли по р. Оке и по верхнему течению р. Волги, где теперь компактною массою живут Великороссы, в конце XI столетия были глухим и мало заселенным краем, в лесах которого мелкими поселками жили финские племена. Вот на этих землях, из смешения славянских колонизаторов (пришедших с юга и запада) с финнами, выросло Великорусское племя. Это смешение славянских пришельцев с финскими туземцами не прошло бесследно для славян: «они восприняли некоторые физические и духовные черты того племени, с которым роднились на новых местах; изменился их чисто славянский тип и характер; получилось как бы новое славянское племя» — Великорус-

ское (Академик Платонов. Учебник русской истории, стр. 72).

В XIII - XV веках Великороссы, под руководством московских князей, организовали Московское государство, которое уже в XVI столетии, перешло к завоеванию земель соседних народов (захват всего Поволжья с городами Казанью и Астраханью; захват, при помощи казаков, Сибирского царства; войны за обладание берегами Балтийского моря и т. д.).

Во второй половине того же XVI столетия Московия столкнулась с Польско - Литовским государством.

Почти все XVII столетие заполнено упорнейшей борьбой между поляками и русскими за преобладание на восточно - европейской равнине.

В начале XVII стол. царь и преобразователь Московии — Петр I одновременно воевал на Землях Казаков, Украины и Прибалтийских народов.

К концу XVIII столетия Россия присоединила к великорусским землям значительную часть берегов Балтийского моря, Белоруссию, Литву, большую часть земель польских (остальную часть получили немцы и австрийцы), Украину, Казачьи Земли и вступила в борьбу с Кавказскими народами.

В XIX стол., как известно, Россия захватила Финляндию, Бессарабию,выдержала борьбу с Наполеоном I. предпринимала неоднократные походы против Турции через р. Дунай и Балканские горы, захватила весь Кавказ, успешно воевала против Персии, захватила широкие просторы земель народов Средней Азии, проникла в Монголию и захватила Манчжурию...

С конца XIX стол. русское правительство поставило на порядок дня разрешение таких вопросов, как о выходе России к незамерзающим портам Атлантического океана (на севере), о выходе в Средиземное море посредством захвата проливов Босфора и Дарданелл, о выходе через Персию к портам Индийского океана...

В России все было подчинено интересам обширного государства. Разносторонняя работа классов и сословий русского народа, хозяйственная и культурная деятельность завоеванных Россиею народов были направ-

лены на служение России; православная церковь с ее возглавлением святейшим правительствующим Синодом, великорусская школа, царская армия, система налогов и податей, вся финансовая политика, внутренняя и внешняя торговля, железнодорожное строительство — все должно было служить интересам России, раскинувшейся на одной шестой части всей суши земного шара. На всем лежал отпечаток централизации и бюрократизма.

Многонациональный состав населения России наложил свою печать на состав всех классов и сословий государства, на состав краевых и общегосударственных работников на поле экономики, культуры, политики, организации вооруженных сил империи и т. д. Российская интеллигенция, хотя по своему происхождению в известной части и принадлежала к различным национальностям, но, пройдя через русскую школу, вступив на службу русскому государству, оторвалась от своих национальных корней, национально обезличилась. Это явление наблюдалось среди чиновничества всех ведомств, учительства, офицерства, врачей, адвокатов, инженеров, городских и земских служащих, кооперативных, банковских и иных работников.

Так как экономические интересы земледельцев, рабочих, помещиков, купцов различных национальностей бывшей России в значительной мере совпадали; так как особенно угнетенным классам всех национальностей — рабочим и хлеборобам — приходилось вести долгую и упорную борьбу за улучшение своего тяжелого положения, за свои элементарные права; так как господствующие классы всех национальностей, защищая свои преимущества и господствующее положение, вели борьбу за это сообща; так как все «прогрессивные» и, особенно, социалистические элементы населения всех национальностей об'единялись в борьбе за свои интересы, а все защитники царского строя сходились на признании необходимости его сохранения, — естественно, что, попутно, с развитием экономической и политической жизни государства, в России организовывались, «интернациональные» по своему персональному составу,

российские политические партии: социалистов - революционеров, социал - демократов, конституционно - демократов, октябристов, монархистов и т. д.

Публичная и подпольная, устная и печатная политическая партийная пропаганда русских партий долгие годы вела подготовку масс населения к переустройству России, по мнению одних, в демократическую республику на автономных (соц. - демокр.) или, максимум, федеративных (соц. - револ.) началах или же в конституционную монархию (конст. - демократы). Известно, что все правые партии стояли за сохранение существовавшего в России государственного строя.

Общероссийские партии, впитав в себя значительную часть интеллигенции различных национальностей бывшей Империи, стремились к сохранению России в тех границах, до которых она выросла во времена правления ею дома Романовых. Многолетняя работа этих партий воспитала кадры борцов за то или иное политическое, хозяйственное или социальное переустройство России.

Рядом с расширением пределов России путем завоевания соседних территорий не-русских народов, одновременно с стремлением России закрепить эти народы в своем владении на «вечные времена», шел, как известно, и другой процесс — процесс борьбы народов за свою свободу.

У более национально развитых народов сорганизовались свои, отдельные от общерусских, национальные политические партии.

Начало XX столетия в истории России ознаменовалось неудачами, как на внешнем, так и на внутреннем фронте борьбы: в результате проигранной войны с Японией, Россия принуждена была начать отступление на Востоке, уступив Японии южную часть Манджурии и часть о. Сахалина; революция 1905 г. принудила царское правительство к известным уступкам в вопросе о политическом устройстве России, а также и в национальном вопросе.

Сопровождавшееся большими неудачами на фронте участие России в мировой войне 1914 - 1918 г. г., глубо-

кие внутренние противоречия в жизни государства, остро наболевший неразрешенный национальный вопрос — привели вновь к открытому столкновению борющихся сил. В 1917 г. русская монархия пала. Совершилось то, подготовка к чему шла десятилетиями.

С падением русской монархии в том же году к власти пришла коалиция обеих социалистических (соц. - рев. и соц. - демокр.) и конституционно - демократической партии, все усилия приложивших к тому, чтобы, давая России новое политическое, хозяйственное и социальное устройство, соглашаясь на предоставление автономии всего двум – трем народам, не дать ее остальным национальностям и, таким образом, сохранить за великороссами преобладающее положение во всем государстве по-прежнему.

Приход к власти в России большевистской партии осенью 1917 г. и ее быстрые успехи на территории Великороссии сопровождались немедленным отобранием земель у помещиков и передачей их в распоряжение крестьян, отобранием фабрик, заводов и банков от их прежних владельцев и передачей их в руки большевистского государства...

Естественно, что те слои населения России, материальным, политическим и моральным интересам коих революционная, крайне жестокая политика новой власти наносила удар, не могла примириться с существованием такой власти. Это обстоятельство и было основной причиной возникновения «белого» русского движения, руководителями которого были адмирал Колчак на Востоке, ген. Деникин на Юге, ген. Юденич на Северо - Западе и ген. Миллер на Севере.

В виду того, что подавляющее большинство многомиллионного русского народа пошло за большевистской властью, русские противники этой власти принуждены были искать поддержки на «окраинах» быв. России. А так как вдохновителями и организаторами «белого» движения были русские люди, с детства усвоившие мысль о «праве» России на владение завоеванными ею народами; так как, борясь против большевистской власти, русские «белые» продолжали политику царской России в

отношении «инородцев», «белое» движение, понятно, вступило в борьбу и с освободительными движениями этих народов, некоторые из которых к тому времени уже провозгласили свою самостоятельность.

Руководители русского противобольшевисткого движения не признавали национальных республик, делали все для того, чтобы помешать признанию этих республик со стороны Англии, Франции, Италии и т. д., а, где было возможно, «белые» вступали и в открытую борьбу против освобождающихся невольников России.

И большевики, являясь носителями и выразителями желаний и стремлений большинства русского народа (Великороссии), продолжали старую захватническую политику России.

Большевистское правительство не отказывалось от завоеваний, сделанных Россией в течение прошлых столетий, а стремившиеся к освобождению народы не могли отказаться от борьбы за свою национальную свободу.

Русские «белые» союзники Казаков, как на Юге, так и на Востоке, приложили много усилий к тому, чтобы затемнить головы казакам, чтобы закрыть для них истинный смысл происходящей борьбы. Русские старались доказать казакам, что русский народ будто бы против большевистской власти, что большевизм — явление чуждое русскому народу. При этом призывали казаков к благородному, рыцарскому шагу: помочь «русскому народу освободиться от большевистского ига»..

Когда же «белое» движение к концу 1919 г. потерпело крушение, когда истинное положение вещей уже трудно было закрыть фальшивыми фразами, тогда некоторые русские из «белого» стана, иногда, даже публично, говорили правду о русском большевизме. Для примера сошлемся на передовую статью в официозном органе правительства ген. Деникина — «Великая Россия» 12 января 1920 г. Там читаем: ... «Борьба с большевизмом снова приобретает затяжной и длительный характер. И с особенной настойчивостью в настоящий момент встает мысль, что **большевизм не есть случайный и кратковременный эпизод русской истории, но глу-**

бокий и стихийный процесс, подобие затяжной, хронической болезни. Болезнь эта была подготовлена всей предшествующей нашей историей, нищетой и некультурностью масс и роковыми заблуждениями нашей интеллигенции... Столетиями подготовлялся большевизм в наших низах, десятилетиями вырабатывалась его идеология»...

Если бы Казачество во-время усвоило эту истину, оно не пошло бы с теми, кто тянул его на «московскую дорогу», оно организовало бы борьбу только ради защиты своих земель.

Сущность происходивших тогда событий понимали новые вожди русского народа, находившиеся в постоянном и непосредственном с ним общении в Великороссии. А суть кровавых событий была проста: а) русские рабочие и крестьяне сбросили с себя царскую власть и ввели власть советскую; одновременно с тем, в руки крестьян перешли помещичьи земли, а в руки рабочих — фабрики и заводы; б) русский народ вел войны за удержание в своих руках тех народов, которые были завоеваны Россией во времена царей и императоров; в) новая, большевистская Россия успешно разбивала «белые» армии Колчака, Деникина, Юденича и Миллера.

Один из таких вождей, И. Сталин, в декабре 1919 г. в московской газете «Правда» опубликовал следующее:

«Каковы причины поражения контр-революции и прежде всего Деникина?», — спрашивал Сталин и отвечал: **а) «непрочность тыла контр-революционных войск.** Ни одна армия в мире не может победить без устойчивого тыла, ну, а тыл Деникина (а также Колчака) совершенно неустойчив. Этот факт непрочности тыла контр-революционных войск об'ясняется социальным характером правительства Деникина — Колчака, создавшего эти войска. Деникин и Колчак несут с собой не только ярмо англо – французского капитала, победа Деникина — Колчака есть потеря самостоятельности России, превращение России в дойную корову англо-французских денежных мешков. В этом смысле правительство Деникина — Колчака есть самое антинародное,

самое антинациональное правительство. **В этом смысле советское правительство есть единственное народное и единственно национальное, в лучшем смысле этого слова, правительство, ибо оно несет с собой не только освобождение трудящихся от капитала, но и освобождение всей России от ига мирового империализма, превращение России из колонии в самостоятельную свободную страну».**

Отмечая причины поражения антибольшевистских армий, Сталин далее писал: **«б) окраинное положение контр-революции.** Еще в начале октябрьского переворота наметилось некоторое географическое размежевание между революцией и контр-революцией. В ходе дальнейшего развития гражданской войны районы революции и контр-революции определились окончательно. Внутренняя Россия с ее промышленными и культурно-политическими центрами — Москва и Петроград, **с однородным в национальном отношении населением, по преимуществу русским, — превратилась в базу революции.**

Окраины же России, главным образом, южная и восточная окраины, без важных промышленных и культурно-политических центров, с населением в высокой степени разнообразным в национальном отношении, состоящим из привилегированных казаков – колонизаторов, с одной стороны, и неполноправных татар, бакшир, киргиз (на востоке), украинцев, чеченцев, ингушей и других мусульманских народов, с другой стороны, — превратились в базу контр-революции.

Разве не ясно, что никакого другого «географического распределения» и не могло быть. Но это обстоятельство имело своим последствием целый ряд роковых неизбежных минусов для контр-революции и столько же неизбежных плюсов для революции.

Для успеха войск, действующих в эпоху ожесточенной гражданской войны, абсолютно необходимо единство, спаянность той живой людской среды, элементами которой питаются и соками которой поддерживают себя эти войска, причем единство это может быть национальным (особенно в начале гражданской войны),

или классовым (особенно при развитии гражданской войны). Без такого единства немыслимы длительные военные успехи. Но в том то и дело, что окраины России (восточная и южная) не представляют и не могут представлять для войск Деникина и Колчака ни в национальном, ни в классовом отношении даже того минимума единства живой среды, без которого (как я говорил выше) невозможна серьезная победа. Разве не ясно, что войска, составленные из таких разнородных элементов, неминуемо должны распасться при первом серьезном ударе со стороны советских армий...

В противоположность окраинам, внутренняя Россия открывает совершенно иную картину. Во-первых, в национальном отношении она едина и спаяна, ибо девять десятых ее населения состоит из великороссов. Во-вторыхъ, достижение классового единства живой среды, питающей фронт и непосредственный тыл советских войск, облегчается наличием в ней популярного среди крестьянства петроградско – московского пролетариата, тесно сплачивающего его вокруг советского правительства.

Здесь же следует искать об'яснения того, непонятного для просвещенных шаманов Антанты, факта, что «контр-революционные войска, ... дойдя до известных пределов **(до пределов внутренней России)** неминуемо терпят катастрофу»... (газета «Правда», 15/28 декабря 1919 года).

Действительно, всю осень и в начале зимы 1919 г. советские войска почти безостановочно гнали перед собой войска «Правителя России адмирала Колчака» и заняли: 16 октября г. Петропавловск, 1 ноября — г. Омск. 9 декабря — г. Томск. «В конце декабря 1919 г. армии Колчака, добиваемые партизанами, охваченные процессом внутреннего стихийного распада, фактически перестали существовать, как боевая сила, что ставило на очередь вопрос о полной ликвидации нашего (большевистского) восточного фронта. Развал Колчаковского фронта открыл нам (большевикам) путь еще в сентябре 1919 г. на соединение с Туркестаном, что весьма содействовало усилению и повышению авторитета совет-

ской власти в странах востока; первое посольство, которое увидела в своих стенах Москва, после долгого перерыва, было афганское посольство», — говорит Н. Какурин (Русско - польская кампания 1918 - 20 г. г., стр. 16 - 24).

Северный фронт был пассивный.

Северо - западная армия ген. Юденича была отброшена советскими войсками на территорию Эстонии и там 21 декабря 1919 г. была разоружена и интернирована.

Южный фронт откатился к Перекопскому перешейку и к нижнему течению р. Дона.

О состоянии тыла Южного фронта бывший главнокомандующий ген. Деникин говорит следующее:

. . . «Дезертирство приняло широкое, повальное распространение. Если много было зеленых в плавнях Кубани, в лесах Черноморья, то не меньше «зеленых» — в пиджаках и френчах — наполняло улицы, собрания, кабаки городов и даже правительственные учреждения. Борьба с ними не имела никакого успеха»...

. . . «Не только в «народе», но и в «обществе» находили легкий сбыт расхищаемые запасы обмундирования Новороссийской базы и армейских складов. Спекуляция достигла размеров необычайных, захватывая в свой порочный круг людей самых разнообразных кругов, партий и профессий»...

. . . «Казнокрадство, хищения, взяточничество стали явлением обычным; целые корпорации страдали этим недугом»...

. . . «В городах шел разврат, разгул, пьянство и кутежи, в которые, очертя голову, бросалось и офицерство, приезжающее с фронта.

— Жизнь — грош цена! Хоть день, да мой!

Шел пир во время чумы, возбуждая злобу и отвращение в сторонних зрителях, придавленных нуждой»... (Деникин. Очерки русской смуты, т. У, стр. 273-275).

«Все, что создавалось с затратой таких колоссальных усилий — совершенно неожиданно расползалось во все стороны. Это был позорный провал системы, недостатки которой вдруг выявились с ужасающей рельеф-

ностью. Было поздно исправлять ошибки», — говорит один из русских журналистов (Г. Н. Раковский. В стане белых, стр. 51).

Один из самых заносчивых, больных высокомерием и самомнением, вождей «белого» движения — ген. Врангель еще в декабре 1919 г., на станции Ясиноватой, в беседе с командующим Донской армией генералом Сидориным высказывал убеждение в том, что «война с большевиками окончательно проиграна, что драться с ними дальше не возможно и что нужно заняться подготовкой заключения мира с большевиками, спасения тех, кто не мог у них остаться» (там же, стр. 45-46).

«Белые», претендуя на государственную власть в России, все те, кто усердно в течение двух лет сбивал казаков с казачьей дороги, кто подталкивал их на «московскую» дорогу, кто старательно мешал казакам поставить борьбу на правильные свои рельсы, кто высокомерно, не брезгая никакими средствами, боролся против казачьей самостийности, кто портил казакам дипломатическую дорогу к Союзникам, кто погубил казачье освободительное движение, к концу 1919 года скопились в г. Новороссийске.

«В начале января 1920 г. Новороссийск являл собою зрелище необыкновенное», — разсказывает правая рука Деникина — К. Н. Соколов. «Город, до краев переполненный эвакуированными учреждениями и беженцами, изобиловал всевозможными властями и страдал больше всего от безвластия. На голову местному начальству свалилось ростовское начальство, и получился невообразимый переплет инстанций и полномочий, высших и низших, военных и гражданских. Все это распоряжалось, писало приказы, угрожало, и окончательно потерявший голову обыватель не знал, что ему делать — регистрироваться, отправляться на окопные работы, мобилизоваться или эвакуироваться дальше»... (Правление ген. Деникина, стр. 238).

О том же ген. Врангель пишет: «Я прибыл в Новороссийск 29 декабря. Город в эти дни, донельзя забитый многочисленными эвакуированными учреждениями, переполненный огромным количеством бежен-

цев, представлял жуткую картину. Беспрерывно дул обычный в эту пору ледяной норд-ост. В нетопленных домах ютились среди жалких спасенных пожитков напуганные, лишившиеся своего имущества, выбитые из колеи беженцы. Свирепствовал тиф, ежедневно унося сотни жертв. На забитой эшелонами станции стояло большое число санитарных поездов; больных и раненых не успевали разгружать. Благодаря спешной эвакуации в условиях крайне тяжелых, смертность среди больных чрезвычайно возросла. Приходившие санитарные поезда привозили десятки мертвецов. Их на вокзале выносили из вагона, складывали на телеги и, кое - как прикрыв рогожей или брезентом, везли по городу. Из под покрышки торчали окоченевшие руки, ноги, виднелись оскаленные лица мертвецов». (Записки, т. I, стр. 283).

Глава II.

Внешняя и внутренняя обстановка Юго - Восточного Казачества к началу 1920 г. — Подготовка разрыва Казачества с «белым» движением. — Пребывание Донской казачьей армии и Терских частей в русских руках. — Стремление русских генералов к захвату в свои руки военных сил Кубани. — Желание русских держать в своих руках государственную власть на Казачьих Землях. — Принятие генералом Деникиным предложения представителя Англии Мак - Киндера об отношении «к существующим окраинным правительствам».

К началу 1920 г. вся территория казачьего Дона была занята советскими войсками: 1-я Конная армия Буденного, VIII-я, IX-я, X-я и XI-я советские армии занимали фронт от устья р. Дона вверх по правому берегу этой реки до района станицы Каргальской, и далее фронт проходил на юго - восток до Каспийского моря (район Черного Рынка), имея задачей в ближайшее время захватить земли Кубани, Ставропольской губ. и Терека.

Массы беженцев с Дона хлынули на Кубань.

Наступили грозные часы для Юго - Восточного Казачества!

В это время **Казачество не имело об'единенной казачьей власти:** существовали атаманы и правительства Дона, Кубани и Терека; было три казачьих парламента — Донской, Кубанский и Терский.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ЦГА СССР 01172

Казачьи вооруженные силы не были об'единенны **единым КАЗАЧЬИМ командованием.**

Не было ясно поставленной своей конечной цели тяжелой войны, которую с великими жертвами вело Казачество уже третий год.

Хотя в ноябре 1919 г. русские генералы во главе с Деникиным произвели вооруженный переворот на Кубани (Трагедия Казачества, ч. 3, стр. 455-603) и этим злодеянием окончательно выявили свое антиказачье лицо, несмотря на это, продолжала работать Южно - русская конференция, состоявшая из представителей Дона, Кубани и Терека и представителей ген. Деникина.

Однако, ноябрьские и декабрьские события на фронте и в тылу заставили казаков более внимательно задуматься над своим вопросом и внимательным взором поискать основную причину, надвигавшейся на казаков страшной катастрофы.

Даже некоторые горячие сторонники ген. Деникина среди казаков, очевидно, начали понимать то, куда ведет Казачество его союз с русским «белым» движением. 16-го декабря 1919 г. председатель деникинского Особого Совещания (правительства) ген. Лукомский писал ген. Деникину следующее: «Сговориться с казаками теперь будет трудно. Вчера мне Харламов (председатель Донского Круга) сказал: «Не скрою от Вас, что настроение среди членов конференции несколько изменилось и некоторые говорят так: когда Добрармия занимала Орел, то с нами не церемонились и говорили очень твердым языком; теперь пора и нам заговорить другим языком». (Деникин, Очерки рус. смуты, стр. 285).

Тем не менее, руководители «белого» движения и теперь продолжали свою старую линию в отношении Казачества.

Донская казачья армия находилась в надежных руках сторонников ген. Деникина — Донского Атамана ген. Богаевского, ген. Сидорина и ген. Кельчевского. Когда Добровольческая армия за время ее отступления от гор. Орла в Донецкий бассейн так численно ослабела, что уже не могла называться армией, 20 декабря 1919 г. Деникин переименовал ее в Добровольческий

корпус и этот Корпус подчинил командующему Доп. армией ген. Сидорину. Этот факт, без сомнения, говорит о том, что командующий Донской армией пользовался полным доверием со стороны руководителей «белого» движения.

Терские вооруженные силы были в руках испытанного сторонника ген. Деникина — Терского Атамана ген. Вдовенко и главноначальствующего Терско - Дагестанского края ген. Эрдели.

Сторонник Деникина — Кубанский Войсковой Атаман ген. Успенский, избранный на этот пост после ноябрьского переворота на Кубани, умер 17 декабря 1919 года. Неизвестно было, кого именно изберет Кубанская Рада новым Атаманом. Также наперед трудно было сказать, какого состава Кубанское Правительство будет назначено новым Атаманом.

Чтобы предупредить события, ген. Деникин в декабре 1919 г. послал на Кубань своего верного сторонника — ген. А. Шкуро. «Последний, прибыв из Ставки, об'явил по приказанию Главнокомандующего «сполох», об'езжал станицы, собирал станичные сборы. При генерале Шкуро состояли, командированный в его распоряжение... генерального штаба полковник Гонтарев, несколько ад'ютантов и ординарцев» (Врангель. Записки, т. 1, стр. 277).

Ген. Шкуро был ярым противником казачьих самостийников и горячим поклонником ген. Деникина. Еще осенью 1918 г. Шкуро носился с мыслью о необходимости переворота на Кубани с целью введения там порядков, угодных руководителям Добровольческой армии (Трагедия Казачества, ч. 1, стр. 215 - 218; Деникин, Очерки, т. IV, стр. 42 - 53; Врангель, Записки, т. 1, стр. 99 - 100).

Поэтому, не могло быть сомнения в том, какой «сполох» на Кубани поднимал ген. Шкуро.

Однако, ген. Деникин не ограничился посылкой на Кубань только этого генерала. В этот день, когда Деникин издал приказ о сведении добровольческих частей в Корпус — 20 декабря 1920 г., он, Деникин, послал на Кубань и на Терек еще и ген. Врангеля с целью об'-

явить «сполох» на Кубани и на Тереке и спешно формировать там казачью конницу.

Известно, что ген. Врангель был одним из организаторов и непосредственных руководителей ноябрьского переворота на Кубани (Трагедия Казачества, ч. III, стр. 455 - 603). Несмотря на это, Деникин послал именно его, повесившего А. И. Кулабухова, поднимать «сполох».

Ген. Врангель прибыл в Екатеринодар 22 декабря и, вместе с другим организатором ноябрьского переворота — ген. В. Г. Науменком, приступил к работе.

«Разработанный Войсковым Штабом мобилизационный план я полностью одобрил, внеся лишь несущественные поправки», повествует Врангель. «По расчетам Штаба, Кубань могла в течение шести недель выставить до 20 тысяч конницы, намечалось формирование трех корпусов. Казаками Ейского и Таманского отделов должны быть укомплектованы полки корпуса Топоркова. Ген. Науменко должен был собрать казаков линейцев и лабинцев. Ген. Шкуро — казаков Баталпашинского отдела. Мы наметили и обсудили совместно главнейшие вопросы, дальнейшая работа должна была вестись на местах. Вечером я (Врангель) выехал в Пятигорск, где, совместно с ген. Эрдели, Войсковым Атаманом ген. Вдовенко и начальником Терской дивизии ген. Агоевым, также разработал меры по укомплектованию терских частей» (Записки, т. 1, стр. 278).

Изучив положение дел на Кубани и на Тереке, ген. Врангель 25 декабря 1919 г. подал ген. Деникину рапорт, в котором говорил следующее:

«В связи с последними нашими неудачами на фронте и приближением врага к пределам Казачьих Земель, **среди Казачества ярко обозначилось, с одной стороны, недоверие к высшему командованию, с другой — СТРЕМЛЕНИЕ К ОБОСОБЛЕННОСТИ. ВНОВЬ ВЫДВИНУТЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ О СОЗДАНИИ ОБЩЕКАЗАЧЬЕЙ ВЛАСТИ, ОПИРАЮЩЕЙСЯ НА КАЗАЧЬЮ АРМИЮ.** За главным командованием проектом признается право лишь общего руководства военными операциями, **во всех же вопросах, как внутренней, так и внешней**

политики, общеказачья власть должна быть вполне самостоятельной. Собирающаяся 2-го января в Екатеринодаре Казачья Дума должна окончательно разрешить этот вопрос, пока рассмотренный лишь особой комиссией из представителей Дона, Кубани и Терека. Работы комиссии уже закончены и соглашение по всем подробностям достигнуто. Каково будет решение Думы, покажет будущее. Терек, в связи с горским вопросом, надо думать, займет положение обособленное от прочих Войск. Отношение Дона мне неизвестно, но есть основание думать, что он будет единодушен с Кубанью. Последняя же, учитывая свое настоящее значение, как последнего резерва Вооруженных сил Юга России, ... — **стала на непримиримую точку зрения...** Есть основания думать, что **англичане сочувствуют созданию общеказачьей власти, видя в этом возможность разрешения грузинского и азербейджанского вопросов, в которых мы до сего времени занимали непримиримую позицию.**

На почве вопроса о новой власти агитация в тылу наших вооруженных сил черзвычайно усилилась. Необходимо опередить события и учесть создавшееся положение, дабы принять незамедлительно определенное решение.

С своей стороны, **зная хорошо настроение казаков, считаю, что в настоящее время продолжение борьбы для нас возможно, лишь опираясь на коренные русские силы. Расчитывать на продолжение казаками борьбы и участие их в продвижении вторично вглубь России нельзя. Бороться под знаменем «Великая, Единая и Неделимая Россия» — ОНИ БОЛЬШЕ НЕ БУДУТ и единственное знамя, которое, быть может, еще соберет их вокруг себя, может быть лишь борьба за «Права и вольности Казачества» и эта борьба ограничится, в лучшем случае, очищением от врага казачьих земель.**

При этих условиях главный очаг борьбы должен быть перенесен на Запад... В связи с изложенным, казалось бы необходимым принять меры к удержанию юга Новороссии, перенесению главной базы изъ Новороссийска въ Одессу»... (Записки, т. 1, стр. 280 - 281).

Этот документ признает без оговорок тот важный

факт, что Казачество может вести борьбу дальше лишь за права и вольности Казачества. Убедившись в этом, ген. Врангель 26 декабря «решительно отказался командовать Кубанцами» (там же).

Все же русские генералы решили всеми силами и мерами воспротивиться осуществлению всеобщего желания Казачества **«создать общеказачью власть, спирающуюся на казачью армию»,** при условии, что «англичане сочувствуют созданию общеказачьей власти», а значит могут дать казакам свою материальную и моральную поддержку.

Важно здесь отметить и другое указание Врангеля, а именно: ...«Начальник Штаба Английской миссии (при генерале Деникине), ведающий дипломатической частью, генерал Кийз, находился как раз на Кубани и, надо думать, не без указаний из Лондона, ... усиленно за последнее время заигрывал с кубанскими „самостийниками» (там же, стр. 277).

В целях недопущения проведения в жизнь реально наметившейся организации Казачьего государства русские генералы предприняли целый ряд шагов.

Уже в день отказа ген. Врангеля от «командования кубанцами» — 26 декабря 1919 г. — на станции Батайск состоялось тайное совещание в составе следующих лиц: Донского Атамана ген. Богаевского, ген. Врангеля, ген. Покровского, председателя Донского Круга В. Харламова.

Столица Дона — гор. Новочеркасск — уже была оставлена казаками. Добровольцы и казаки спешно переходили на южный берек реки Дона, оставляя гор. Ростов советским войскам...

Естественно, на этом совещании остро стал вопрос; а что же дальше? Что делать, чтобы избежать законного возмездия со стороны Кубанцев за ноябрьский переворот на Кубани, произведенный Деникиным, Покровским, Врангелем, Науменко и другими, при сочувствии и поддержке со стороны Донского Атамана и председателя Донского Войскового Круга В. Харламова?...

Нависшая над головами переворотчиков опасность

диктовала им необходимость сообща обсудить и принять меры противодействия надвигавшейся грозе.

На совещании ген. Покровский говорил, между прочим, следующее: «С отходом за Дон мы будем всецело в лапах кубанских самостийников, **в полной зависимости от казаков.** Необходимо привлечь к себе казачью массу, лучшую часть Казачества. Должен быть сделан яркий шаг, указывающий, что Главнокомандующий казакам верит и решительно ставит крест на прошлое. Вы знаете, какой ненавистью пользуется у казаков Особое Совещание, которое считают виновником всех зол. Хотя сейчас Особое Совещание и упразднено, но правительство осталось прежнее, вышедшее из состава этого совещания. Надо убедить Главнокомандующего, что в настоящих условиях необходимо призвать в состав правительства, как лицо, приемлемое для казаков и в то же время близкое Главнокомандующему и всему нашему делу — это генерал Богаевский»...

Донской Атаман на это предложение ответил: «Что же делать, если я могу быть полезным делу, то я согласен»... (Врангель, Записки, т. 1-й, стр. 282). Поэтому было решено повести дело так, чтобы ген. Богаевский стал во главе Деникинского правительства.

29 декабря 1919 г. должна была начаться сессия Кубанской Краевой Рады, созванной для выборов Войскового Атамана и решения иных важных вопросов. В этот же день ген. Деникин своим приказом назначил выборного Донского Атамана председателем своего правительства.

Между прочим, об этом назначении 29-го декабря ген. Деникин письменно уведомил ген. Лукомского, бывшего председателем его правительства до этого. Уже за границей в своих «Очерках русской смуты» ген. Деникин распубликовал следующее: ... «В конце января (1920 г.) я освободил от председательских обязанностей ген. Богаевского» (т. 5-й, стр. 308). Выходит, что Донской Атаман около месяца был у Деникина председателем правительства.

Однако, все дело с унизительным назначением Донского Атамана председателем деникинского правитель-

ства было проделано только для обмана казаков. На самом деле ген. Богаевский ни одного дня фактически не был председателем этого злосчастного правительства.

Один из виднейших помощников Деникина — К. Н. Соколов по этому поводу опубликовал следующее: в начале января 1920 г. «зайдя по делу (в гор. Новороссийске) к ген. Лукомскому, я был немало поражен тем, что в его приемной на Воронцовской улице оказались в сборе все мои бывшие коллеги по Особому Совещанию. Мне об'яснили, что здесь ежедневно в 1 час. дня происходят заседания правительства. Действительно, новое правительство ген. Богаевского состояло пока только из оного председателя, и силою вещей продолжало действовать старое правительство. Говорили, что ген. Богаевский прислал В. Н. Челищеву телеграмму с просьбой быть его заместителем в Новороссийске. **В действительности, в Новороссийском правительстве председательствовал попрежнему ген. Лукомский»**. (А. С. Лукомский: Воспоминания, т. 2, стр. 166; Соколов: Правление ген. Деникина. стр. 239; Деникин: Очерки русской смуты, т. 5-й, стр. 295, 305, 308).

Так «вожди белого движения» обманывали казаков, а Донской Атаман, в угоду русским, сознательно пошел на этот обман.

Этим дело не ограничилось.

Ген. Деникин хорошо был осведомлен о том, с какими настроениями с'езжаются в Екатеринодар члены Кубанской Краевой Рады, лично перенесшие ноябрьские генеральские издевательства, осуществленные при помощи некоторых же казаков. Долго, но безуспешно перед этим Кубанская Рада добивалась организации самостоятельной Кубанской армии. К концу 1919 г., как отмечено выше, большевистские армии надвигались на Кубань. Но ей нечем было защищаться, так как Кубанской армии все еще не было...

Поэтому Деникин снова спешил обмануть Кубанскую Раду, как он, при помощи ген. Филимонова, уже проделал 1-го февраля 1919 г., когда в официальном приказе Кубанского Атамана, подписанном и военным министром ген. Науменко, было об'явлено о суще-

ствовании Кубанской армии. (Трагедия Казачества. ч. 1, стр. 164-165. ч. П, стр. 148-154, 288-290, ч. Ш. стр. 43-64, 347 - 349).

29 декабря 1919 г. ген. Деникин назначил ген. А. Г. Шкуро командующим еще несуществовавшей Кубанской армией.

Таким образом, Донского Атамана фиктивно провозгласили председателем правительства ген. Деникина, а кубанского генерала Шкуро — об'явили командующим еще не организованной Кубанской армии..

По поводу этого двойного обмана Деникин уже за границей, в 1926 году, глубокомысленно написал: «Этими актами начался ряд уступок Казачеству» (Очерки. т. У, стр. 295).

Между тем положение Деникина ухудшилось до крайности не только благодаря проигрышу вооруженной борьбы против советских войск, но и благодаря коренному изменению политики Союзников в отношении сил, боровшихся на территории Восточной Европы. «Международная кон'юнктура», говорит выше цитированный К. Н. Соколов, «не благоприятствовала Главнокомандующему в его мирной борьбе с крайними казачьими группами. В своем последовательном развитии политика Союзников все дальше и дальше отклонялась от национально - государственной программы ген. Деникина. Союзники смягчились по отношению к большевикам и преисполнились усиленными симпатиями к окраинным сепаратистам. Признание Верховным Советом правительств Грузии и Азербейджана совпало с миссией мистера Мак - Киндера, долго жданного английского комиссара. Английский комиссар от имени своего правительства гарантировал Главнокомандующему продолжение материальной помощи и эвакуацию раненых, больных и офицерских семейств, но связал эти обещания с предложением определить отношение Главного Командования к окраинным образованиям. Союзников интересовало, чтобы ген. Деникин **признал фактически существующие окраинные правительства и заявил, что установление в будущем отношений между Россией и окраинами должно последовать путем соглашения ме-**

жду обще-русским правительством и правительствами окраин при посредничестве союзных держав» (Правление ген. Деникина, стр. 243-244).

Ген. Деникин предложил своему правительству высказаться по поводу этого предложения Союзников.

31 декабря 1919 г. правительство под председательством ген. Лукомского обсудило вопрос и постановило:

... «Во внимание к военному положению, в связи с событиями в Казачьих областях, создающими опасность потери остающейся территории, единогласно признано принять полностью предложение Мак - Киндера, в том числе признание вами (Деникиным) правительством самостоятельности существующих окраинных правительств и установление будущих отношений путем договора общерусского правительства с окраинными правительствами, с допущением сотрудничества союзников» (Деникин. Очерки, т. У, стр. 305).

Проиграв борьбу против большевиков и видя, что Казачество стремится освободиться от сотрудничества с «белыми», под сильным давлением Англии русские «белые вожди» принуждены были, хотя для виду, отступить от «незыблемого до тех пор догмата целокупной русской государственности».

. . . . . .

Если Казачество в 1919 году не смогло укрепить свою государственную самостоятельность и независимость, вину за это несет не только оно само, не только политика «белых» вождей, но и известная политика Союзников, давших опору для политики Деникина...

Эта антиказачья политика победителей в Мировой войне 1914 - 1918 г. г. обессилила Казачество, не дала ему возможности закрепить и защитить свою государственность, и, в конечном счете, только облегчила московским большевикам оккупацию Казачьих Земель. Если бы та колоссальная, в общем, материальная и моральная помощь, которую оказали Союзники русской контр-революции, была дана Казачеству и другим народам — невольникам России, большевизм ограничился бы только пределами Великороссии...

И теперь Казачество и другие народы процветали бы и не мучились бы в русской красной неволе...

Глава III.

Борьба между «белыми» и Кубанью продолжается. — Кубанцы не хотели уже дальше воевать под знаменами Деникина. — Сессия Рады 30 декабря 1919 — 7 января 1920 г. — Выборы нового Кубанского В. Атамана ген. Букретова. — Новое кубанское правительство. — Поведение представителей Союзников. — Телеграмма ген. Сидорина.

Русское «белое» движение, как известно, вело борьбу не только за свержение советской власти в России, но и против самостийнических стремлений других народов, особенно против возрождения казачьей государственности.

Упорной и систематической была эта борьба между «белыми» и Кубанью... Кубанская Краевая Рада защищала право Кубани на самостоятельное ведение, как внутренней, так и внешней политики Кубанского Края.

Среди всех Казачьих Областей только Кубань ни в каком отношении не признала над собой власти правительства Деникина. Кубань отвергла все проекты об'единения с русским «белым» командованием.

Кубанская Законодательная Рада первая, еще в июне 1919 г., постановила закрыть русский «Осваг» в пределах Кубани. Представители Кубани на так наз. Южно - Русской конференции упорно и последовательно защищали право Казачества на самостоятельное решение своей судьбы, на самостоятельное ведение своей внутренней и внешней политики.

В свою очередь, русские всеми способами и сред-

ствами стремились помешать Кубани осуществить ее программу государственного строительства: они неоднократно в 1918 - 1919 г. г. ставили вопрос о государственном перевороте на Кубани... В январе 1919 г. «белые» убили представителя Украины на Кубани — полк. Боржинского; в июне того же года они же убили в Ростове председателя Кубанской Краевой Рады, Н. С. Рябовола, а в октябре предали военно - полевому суду Кубанскую заграничную делегацию...

Неоднократно обращаясь к вопросу о взаимоотношениях «белого» движения и Кубани, глава этого движения, ген. Деникин, в своих «Очерках русской смуты» говорит, между прочим, следующее: «На самом деле — она (борьба) представляла поход Кубанской самостийности против национальной России вообще» (т. У, стр. 194).

Чтобы окончательно покончить с самостийностью Кубани, «белые» отважились на ноябрьский переворот: повесили члена Рады А. И. Кулабухова, насильно изменили Конституцию Кубани, уничтожили Законодательную Раду, уничтожили Закон о Кубанской армии, лишили прав Кубанскую заграничную делегацию, передали власть «линейской группе» (Деникин, там же, стр. 215), выбросили за границу 12 членов Кубанской Краевой Рады...

Вся «русская общественность» и правительственные (осважные) круги пришли в восторг от этого переворота, так как русские беженцы верили, что Кубань после этого пойдет у них на поводу и Кубанские казаки своими головами промостят широкую дорогу в Москву для вождей «белого» движения (см. русские газеты «Великая Россия», «Свободная Речь», «Приазовский Край», «Кубанское Слово», «Кубанский Путь» и др. за ноябрь 1919 г.).

«Но судьба судила иначе», — признает ген. Деникин (У-й том «Очерков», стр. 215).

Напрасно избранный во время переворота новый Атаман ген. Успенский в приказе от 6-го декабря раз'яснял казакам смысл переворота и призывал их к борь-

бе вместе и в союзе с ген. Деникиным («Трагедия Казачества», ч. III, стр. 642).

Напрасно после смерти ген. Успенского председатель Кубанского Правительства, пришедший на этот пост вследствие того же переворота, взывал к казакам: ... «Смертельный кровавый враг наш угрожает раздавить Дон и перебросится на Кубань. Главнокомандующий даст сокрушительный отпор врагу, но для этого нужна помощь всех... Подымайся, Кубань! Бейте в колокола и пусть мощный гул их по станицам и хуторам пробудит геройский казачий дух для решительной, несомненно победной последней схватки с красными разбойниками! Приказываю призвать казаков присяги 1895 - 1900 годов (младшие возрасты уже были мобилизованы)... Первым днем призыва назначаю 28 декабря. Старики, покажите пример молодым — идите вперед! Трусы и дезертиры пойдут за вами... Решается судьба русских армий. Решается судьба Казачества»...

Напрасно члены президиума Краевой Рады ездили в некоторые Кубанские части и призывали их выйти на фронт...

«Дезертирство Кубанцев приняло массовый характцер», — говорит Деникин... — «За Дон, домой потекли довольно внушительного состава полки, на хороших конях» (Очерки, т. У, стр. 262).

Кубанцы не хотели уже дальше воевать под знаменами Деникина.

Не менее показательным было и то, что Финансово-экономическая комиссия, избранная Кубанской Краевой Радой уже после переворота в ноябре 1919 г., после всестороннего обсуждения положения Кубани и ее взаимоотношений с соседями и с правительством Деникина, в заседании 10 декабря 1919 г. постановила:

«1. Признать невозможным безоговорочное установление свободной торговли; 2. признать необходимым сохранение вмешательства Краевой власти в хозяйственно - экономические отношения населения; 3. признать желательным об'единение экономической политики Юга России; 4. признать необходимым реформирование разрешительной системы вывоза и ввоза товаров в смысле

ослабления регистрационной формальности в интересах хлебороба».

Таким образом, Кубань стремилась сохранить свою экономическую самостоятельность и после ноябрьского переворота.

Вместе с тем Кубань позаботилась об обеспечении фронта продовольствием, для чего ввела хлебную повинность — каждый хлебороб должен был дать бесплатно для армии по 5 пудов с каждой десятины посева 1919 г. Эта повинность давала до десяти с половиною миллионов пудов хлеба. Этот факт также свидетельствует о том, что Кубань не собиралась прекращать борьбы...

Как уже было отмечено выше, и после ноябрьского переворота работала Южно - русская конференция, причем на эту конференцию прибыла Кубанская делегация в частично обновленном составе. Однако, самостийническое настроение широких кругов населения Кубани проявлялось настолько бурно, ненависть к деникинщине всюду по станицам выбивалась наружу настолько сильно, что и новые представители Кубани на конференции не осмелились пойти на признание власти ген. Деникина. По этому поводу ген. Деникин говорит следующее: «В конце декабря Дон и Терек пришли к полному соглашению с командованием о конструкции Южной государственной власти. Кубань же вновь воздержалась, а по станицам «Коп» (кубанский отдел пропаганды) рассылал многозначительные раз'яснения: «Так что же, казачество?!! Отвергает ли оно мысль о диктатуре? Станет ли оно на защиту трудового народа, над которым уже вьются арканы, закидываемые помещиками, движущимися вместе с Особым Совещанием при Доброармии? Или его опять, как встарь, новоиспеченные цари и их лакеи обманут и приспят?!.. Или, быть может, казакам, ушедшим далеко в глубь России, просто не дадут увидеть родной Край, как не дали увидеть ближайшую судьбу родного народа и родного Края Н. С. Рябоволу»...

И далее ген. Деникин говорит: «Принципиальное соглашение с Доном и Тереком было достигнуто как раз

накануне общей эвакуации Ростова и Новочеркасска, перевернувшей вверх дном все предположения и в корне изменившей взаимоотношения наши с Казачеством» (т. У., стр. 206).

После смерти ген. Успенского, обязанности Атамана исполнял председатель Кубанского Правительства Ф. С. Сушков, известный сторонник Добровольческого командования. Но, даже это Кубанское Правительство не позволило ген. Деникину разместить на территории Кубани свои правительственные учрежденя после их чрезвычайно поспешной и беспорядочной эвакуации из гор. Ростова. И все эти учреждения, «вследствие враждебности Кубанского Правительства», — говорит Деникин, были направлены в Новороссийск и в Крым.

То же Кубанское Правительство не могло дать своего согласия и на то, чтобы ген. Врангель занимался на Кубани формированием конных корпусов, «ибо ясны были затруднения при мобилизации войск, если во главе дела будет стоять вчерашний усмиритель Кубани», — поясняет бывший сторонник Врангеля Д. Скобцов, в дни переворота в ноябре ставший председателем Кубанской Краевой Рады («Голос минувшего на чужой стороне», номер 1, за 1926 г., стр. 261).

Множество фактов из жизни Кубани за последний месяц 1919 г. убедительно говорили о том, что Кубань, наученная горьким двухлетним опытом, не только отвергла сотрудничество с русскими контр - революционными силами, возглавлявшимися ген. Деникиным, но ненавидела вообще все то, что носило печать деникинщины.

Кубанское Казачество кипело гневом к деникинцам и к тем казакам, кто поддерживал Деникина.

К концу 1919 г. кубанские казаки были вполне подготовлены к полному разрыву с русским «белым» движением.

Но большевистские русские армии нависали на границах Кубанского Края, неся реальную угрозу нового порабощения. Поэтому, готовясь к разрыву с деникин-

цами, Кубань искала путей защиты от большевистского завоевания.

Отношение Кубани к «белым» и к «красным» русским, искание настоящих и верных союзников в тяжелой войне нашли свое яркое выражение в работе Кубанской Краевой Рады, заседавшей в Екатеринодаре от 30 декабря 1919 г. по 7-ое января 1920 г.

Рада состояла из депутатов, избранных населением Кубани еще осенью 1918 г., вскоре после освобождения Кубани от советских войск. Эта Рада имела сессии в ноябре - декабре 1918 г., в феврале и в октябре - ноябре 1919 г. (части II и III «Трагедии Казачества»). На глазах этих депутатов Кубань прошла чрезвычайно сложную и тяжелую борьбу на два фронта: освобождение от большевистских войск в конце 1918 и в начале 1919 г.; бои в Донецком бассейне и на р. Маныче в феврале - мае 1919 г.; победный выход кубанцев на р. Волгу и на р. Днепр; выход казаков на русскую территорию в районе гор. Воронежа и станции Касторной; тяжелое отступление казаков на р. Дон и р. Сал в ноябре - декабре 1919 г. Та же Рада недавно пережила тяжелые ноябрьские дни... Осенью 1918 г. эта же Рада выдвинула вопрос о создании Южно - русского союза и видела провал этого плана в 1919 г.; та же Рада в 1918 г. издала закон о Кубанской армии и видела, как ген. Филимонов, при помощи некоторых старших кубанских офицеров, помог Деникину фактически похоронить этот закон; на глазах этой Рады ген. Деникин подходил к городу Туле, а к концу 1919 г. отлетел в Крым и за нижнее течение р. Дона...Адмирал Колчак весною 1919 г.был у р.Волги, а теперь — армии его распылились, а советские войска захватывали обширные земли Сибири и Туркестана; на глазах этой же Рады два раза — в декабре 1918 г. и в августе 1919 г. — украинские войска входили в стольный город Киев, а теперь только остатки их где - то далеко от Киева вели неравную борьбу; эта же Рада видела в 1918 г. триумфальный приход в разные черноморские города представителей могущественных держав Антанты — победительниц в мировой войне 1914 - 1918 г. г., и громогласные и торжественные заявления

их о том, что они окажут свою мощную поддержку в деле окончательного поражения большевизма в России, а теперь члены Рады читали в газетах многозначительные сообщения о том, что Союзники уже сняли экономическую блокаду с большевистской России, что председатель правительства Англии делает заявления об отказе от борьбы против большевистской власти...

Все это видели и слышали члены Рады...

Было над чем задуматься!

После ноябрьского переворота произошло чрезвычайно знаменательное явление: те кубанцы, которые подлежали отправке на фронт, в подавляющем большинстве своем остались в станицах; в то же время большинство тех кубанцев, которые перед ноябрьским переворотом были в составе фронтовых частей на Украине, в декабре ушли на Кубань. Кубанские части на Царицынском направлении тоже были сильно ослаблены.

Боевая часть кубанских казаков, как-бы совершенно сознательно, по определенному и для всей Кубани одинаковому плану, оторвалась от «красного» и «белого» русского противника, ушла подальше в тыл для реорганизации сил, для составления нового плана борьбы. Так разумные полководцы, при тяжелой обстановке на фронте, стараются оторвать от противника свои войска, чтобы получить возможность реорганизовать их вне непосредственных ударов противника.

Кто же при тех об'ективных условиях внутреннего и внешнего положения Кубани мог вывести ее из очень сложной ситуации?

Эту задачу могла разрешить только Краевая Рада, как единственный выразитель желаний и воли большинства населения Кубани.

Какие же решения приняла Рада?

Прежде всего она удалила с председательствования в Раде Д. Е. Скобцова, попавшего на этот высокий пост в дни переворота на Кубани, и избрала в председатели Рады И. П. Тимошенко: за 223 голоса, против — 134 голоса.

Потом Рада перешла к разрешению более трудного

вопроса — избрания Атамана. Тогда все сходились на мысли, что Атаманом может быть только такое лицо, которое может организовать, прежде всего, оборону Края от советских войск: лично руководить делом организации Кубанской армии и в нужный момент сможет взять на себя главное руководство боевыми операциями Кубанской армии.

Группа членов Рады - самостийников, обсуждая вопрос о кандидате в атаманы, решила категорически отвергнуть кандидатуры лиц, о которых было известно, как о сторонниках Деникина. Подходя с этой точки зрения к кандидатурам, самостийники снова могли с грустью констатировать, что среди старших боевых начальников из числа кубанских казаков, такого кандидата на атаманский пост не находится...

Из целого ряда названных кандидатов остановились на кандидатуре ген. Букретова, приписном казаке. В начале 1918 г. одно время Букретов занимал пост командующего вооруженными силами Кубани.

После освобождения гор. Екатеринодара от большевистских войск, в августе 1918 г. и до конца 1919 г. ген. Букретов не принимал активного участия в вооруженной борьбе против большевиков, так как Деникин и его окружение его игнорировали. Официально это обстоятельство пояснялось тем, что ген. Букретов в период первого захвата большевиками власти в Екатеринодаре, оставался в этом городе, занимаясь личными хозяйственными делами. Русские генералы подозревали Букретова в склонности к сотрудничеству с самостийниками Кубани. Действительно, в 1919 г. ген. Букретов, находясь не удел, поддерживал более или менее близкие отношения с самостийной частью Законодательной Рады.

Ген. Букретов считался противников ген. Деникина и его политики.

Когда в самом конце 1919 г. о кандидатуре ген. Букретова в В. Атаманы начали говорить серьезно, по поручению группы самостийников члены Рады, В. Н. Иванис, И. А. Билый и полк. Бедаков вели переговоры с ген. Букретовым с целью более точного выяснения про-

граммы его будущей деятельности как Кубанского Атамана. Ген. Букретов вполне согласился с тем, что Кубань должна немедленно организовать свою армию, что конечной целью войны против большевиков является очищение Казачьих Земель от советских войск, но что Кубань разрывает с Деникиным теперь же.

Казалось, что, наконец - то, самостийники нашли среди военных подходящего кандидата в Атаманы. Как увидим ниже, они в этом ошиблись...

На официальном заседании Рады 31 декабря 1919 г. на голосование было поставлено две кандидатуры: ген. Букретова и ген. Ткачева. Ген. Букретов получил 275 избирательных и 102 неизбирательных голоса, а ген. Ткачев — 133 избирательных и 244 неизбирательных.

Новый Войсковой Атаман ген. Букретов назначил новое Кубанское Правительство в следующем составе: В. Н. Иванис — председатель и члены: Л. В. Белашов, С. С. Ланко, Д. А. Филимонов, Голуб, ген. Болховитинов, Колотинский, Ледомский, Копейковский, Сулятицкий, Ивасюк и Натырбов.

Далее Краевая Рада единогласным решением своим восстановила Конституцию, измененную в ноябре 1919 г. Этим самым была восстановлена Кубанская Законодательная Рада и Закон о Кубанской армии, уничтоженные во время того же ноябрьского переворота.

Краевая Рада восстановила в правах Кубанскую заграничную делегацию во главе с Л. Л. Бычем.

Тогда же Рада постановила возвратить из - за границы членов Кубанской Краевой Рады, высланных туда ген. Деникиным после того же переворота (см. ч. III, «Трагедия Казачества»).

Атаман ген. Букретов немедленно вступил в переговоры с английским и французским представителями при генерале Деникине с целью выяснения вопроса о снабжении Кубани оружием. Глава английской миссии ген. Хольман ответил Букретову, что вооружение имеется и даже предложил отправить в Новороссийск особую кубанскую комиссию для осмотра складов.

Председатель Рады И. П. Тимошенко об этом ответе

представителя Англии сообщил в заседание Рады, что вызвало там понятную большую радость...

Подводя итоги работ этой кратковременной сессии Рады, можно сказать, что ясностью и определенностью отличаются только постановления, касающиеся ликвидации постановлений той же Рады, принятых ею во время ноябрьского переворота: Рада быстро отменила все то, что под давлением деникинцев принимала в ноябре.

Однако, того же, к сожалению, нельзя сказать относительно выборов Войскового Атамана: в особе ген. Букретова во главе Кубанского Края стало лицо, которое, исключая короткий и неудачный период пребывания его на посту командующего Кубанскими войсками в начале 1918 г., в течение 1918 - 1919 г. стояло совершенно в стороне от политической и военной борьбы Казачества; лицо, настоящий политический облик которого, по меньшей мере, был неясен.

Еще в большей мере это относится к назначенному Атаманом новому Правительству: если в самостийности некоторых членов этого Правительства можно было не осмневаться, то г. г. Ланко, Голуб, Колотинский, Натыр бов и Дм. Филимонов были все теми же общерусскими патриотами. При этом следует отметить, что Дм. Филимонов еще во время 1-го Кубанского похода в 1918 г. одно время — в ст. Пензенской — весьма настойчиво предлагал Зак. Раде помириться с большевиками, а в 1919 г.,входя в состав Кубанской заграничной делегации, весьма упорно протестовал против самостийнической политики ее, а по вынужденном возвращении на Кубань весною 1919 г. и в заседании Законодательной Рады, и на С'езде в г. Армавире в июне того же года резко осуждал самостийнические выступления той же Кубанской делегации, и, хотя осуждал земельную политику Деникина, но активно поддерживал русское «белое» движение в его стремлении собрать воедино «разрозненные части России (после Новороссийской и Сочинской катастроф Дм. А. Филимонов перешел к большевикам и потом служил у них).

Особенно должно быть подчеркнуто то, что ответ-

ственнейший пост военного министра Кубани был предоставлен ген. Болховитинову — лицу совершенно чуждому Кубани, появившемуся на Северном Кавказе только во времена большевистской власти в первой половине 1918 г., к тому же судимому и осужденному деникинским судом за активную службу в советской армии. Уже заграницей стало известно, что ген. Болховитинов, занимая пост кубанского военного министра, верой и правдой служил большевикам.

И на слабые, нерешительные плечи этого разношерстного Правительства, включавшего в свой состав и прямого агента врага, возложено было тягчайшее бремя государственной работы и борьбы при тех невероятно тяжелых условиях.

Во всяком случае, такого состава Правительство не способно было воодушевить, собрать и повести в бой, переутомленные и изверившиеся в руководителях боевые ряды кубанских казаков. Не это правительство могло наверстать упущенное в предыдущие годы, исправить ошибки прошлого и побороть страшное настоящее.

К тому же «красная» и «белая» Россия перешли в новое энергичное наступление против кубанской и вообще против казачьей самостийности. Советская Россия и ее красные армии не ожидали, конечно, пока Кубань с'организует свою армию.

Не успели еще Кубанский Атаман и Кубанское Правительство присмотреться к делам, и, как следует, приступить к исполнению своих обязанностей, как уже 3 января 1920 г. командующий Донской армией ген. Сидорин прислал на Кубань нижеследующую телеграмму:

«Кубанскому Атаману, копия Донскому Атаману, копия Терскому Атаману, копия Главкому.

«Считаю своим долгом обрисовать Вам, Атаман, обстановку на фронте Донской армии. 28-го декабря Армия отошла на левый берег Дона и сейчас занимает фронт от станицы Цымлянской до устья Дона, т. е. 240 верст. Кавказская армия заканчивает отход за р. Сал на фронт село Торговое — станция Ремонтная — ст. Терновская.

По данным разведки красные против фронта Донской армии сосредоточили три армии: 1-ю Конную армию Буденного, VIII-ю и IX-ю в составе четырнадцати пеших и не менее пяти конных дивизий, из коих на важнейшем направлении на фронте ст. Раздорская — Новочеркасск — Ростов — устье Дона он имеют восемь пехотных и четыре конных дивизии.

Сейчас сама природа нам помогает. Начавшаяся 26 декабря оттепель продолжается и по сей день. Дон стал грозной преградой, не позволяя красным предпринять наступление в широком масштабе. Это дает нам возможность приводить в порядок и пополнять сильно поредевшие части, налаживать тыл и особенно обозы — этот бич наших войск.

Однако, надо полагать, что в ближайшие дни погода изменится, наступят морозы и тогда начнутся крупные боевые действия. Группировка сил красных с полной очевидностью указывает на их стремление нанести удар в наш левый фланг с тем, чтобы в случае успеха отбросить на юго – восток и открыть себе дорогу на Кубань. Все это властно требует возможно быстрой организации Кубанской армии и столь же быстрого сосредоточения на север. Быстрота эта должна измеряться не неделями, а днями и крайний срок, к которому должно быть закончено сосредоточение Кубанской армии, я считаю середину января.

Эти условия в связи с тем, что надеяться на наши железные дороги нет оснований, сами собою указывают и на те мероприятия, кои необходимо сейчас же принять, чтобы во время закончить сосредоточение и совместно с нами, даже не ожидая перехода красных в наступление, нанести им сокрушительный удар.

3 января 1920 г. Номер 39/К. Сосыка. Ген. Сидорин».

Действительно, большевистские армии в ночь с 4 на 5 января перешли в наступление через р. Дон на юг на фронте г. Ростов – ст. – Аксайская (см. ниже, глава У).

Русские «белые» тоже не спали: прежде всего они постарались помешать установлению прямых сношений

между новой кубанской властью и представителем Англии, снабжавшей оружием антибольшевистский Юг.

5-го января 1920 г. в заседании Верховного Круга Дона, Кубани и Терека выступил с особым докладом Донской Атаман ген. А. П. Богаевский (см. ниже, глава У) и, в числе агитационных приемов, пущенных в ход для запугивания казаков и удержания их в подчинении Деникину, прочитал нижеследующее весьма важное письмо:

«Кубанскому Войсковому Атаману генералу Букретову.

Ваше Превосходительство!

До меня дошли слухи о том, что есть недоразумения по поводу военного имущества, доставленного из Англии в Новороссийск. Поэтому считаю желательным доложить Вашему Превосходительству, что это военное имущество доставлено для вооруженных сил на Юге России, включая Казачьи Войска, под командованием Деникина.

Приказ, данный мне Правительством Его Величества короля Англии, заключается в том, чтобы помогать генералу Деникину в его борьбе против большевиков.

Поэтому это имущество будет распределено только по приказанию ген. Деникина, как и было сделано до сих пор, и только тем армиям, или частям, которые состоят в его распоряжении и подчинении.

Я не могу дать никому ни одного патрона без согласия его Превосходительства Главнокомандующего ген. Деникина, и другого главнокомандующего не могу признать.

Прошу, Ваше Превосходительство, принять уверение в моем глубоком уважении.

Генерал - Майор Хольман,
Начальник Британской Военной Миссии».

В конце 1919 г. английский генерал Кийз обещал казакам поддержку и помощь оружием. Только на днях то же обещание ген. Хольман дал Кубанскому Атаману ген. Букретову, а теперь он же категорически отказывал казакам в английской помощи, чтобы удержать казачьи военные силы в распоряжении Деникина.

Кубанцы все время вели более ясную самостийническую политику, потому то именно им сообщалось, что помощи оружием они не получат.

А так как это сообщение сделал именно Донской Атаман на Верховном Круге, этим самым подчеркивалось, что Англия отказывает в помощи всему Казачеству...

Казачество загонялось в тупик: с Деникиным оно хотело разорвать и собиралось советские армии само изгнать из казачьих пределов; крайне необходима была помощь оружием, как для осуществления этого изгнания, так и для последующей защиты Казачьих Земель от возможного нового большевистского нашествия; Англия прекрасно знала, что к концу 1919 года «белое» движение потерпело полный крах на всех фронтах...

Несмотря на это, представитель Англии принуждал казаков подчиняться одному из обанкротившихся русских генералов или же прекратить борьбу против большевиков.

Глава IV.

Попытка организации казачьего союзного государства в 1917 - 1919 годах. Ноябрьское постановление Кубанской Красвой Рады. — Начало работ Верховного Круга Дона, Кубани и Терека. — Выступление на Круге Донского Атамана ген. Богаевского и Председателя Донского Правительства Мельникова. — Программа работ Круга. — Комиссии. — Компетенция Круга. — Основы Конституции казачьего государства.

Мысль о создании единого казачьего государства из отдельных Войск в 1917 - 1919 годах была настолько естественной, что к проведению ее в жизнь Казачество возвращалось последовательно несколько раз, несмотря на резко менявшуюся, как внешнюю, так и внутреннюю обстановку государственной работы в Казачьих Землях за эти годы.

Как известно, еще перед большевистским переворотом в России — 20 октября 1917 г. — был организован Юго - Восточный Союз в составе: Дона, Кубани, Терского Войска, Астраханского Войска, Вольных народов Степей и Горцев Северного Кавказа. Примкнули к нему тотчас же Яик и Оренбург.

В 1918 г., когда Казачество вело упорную и кровавую борьбу против советских войск, когда большевики были господами положения в Великороссии, а немецкие войска докатились до самой реки Дона и держали уже в своих руках Керченский пролив, идея Юго-Восточного

Союза воскресла снова и готова была конкретно вылиться в самостоятельное государство: Доно - Кавказский Союз.

Эта же идея снова ожила в единогласно принятом 1-го июня 1919 г. постановлении Донского Круга о необходимости скорейшей организации Доно - Кубано - Терского Союза и в наступивших потом работах казачьей конференции (очерки «Трагедия Казачества», ч. I, стр. 25, 106-108, ч. II, стр. 295, ч. III, стр. 5-13, 65-77).

Наконец, к этому же вопросу вплотную подошла осенью 1919 г. Кубанская делегация на «Южно - Русской конференции», а потом и Кубанская Краевая Рада в дни ноябрьского переворота. По инициативе Донской делегации, прибывшей на Кубань с целью выразить сочувствие Кубанской Раде по случаю произведенного над нею насилия, 13-го ноября 1919 г. в Екатеринодаре состоялось совещание для обсуждения вопроса о месте, времени и условиях созыва Казачьей Думы — так сначала проектировали назвать будущий общеказачий парламент. На этом совещании присутствовали — Кубанский Войсковой Атаман ген. Успенский, делегаты Дона, Кубанского Правительства, президиум Кубанской Рады и — члены Рады — представители отделов (округов) Кубани

14 ноября Краевая Рада постановила:

1) признать необходимым в кратчайший срок созвать общий С'езд Кругов Дона и Терека и Кубанской Рады;

2) поручить президиуму Рады, вместе с представителями Донского Круга, разработать вопрос о С'езде.

и 3) просить Терский Войсковой Круг присоединиться к этой резолюции и принять участие в разработке вопроса о С'езде.

Не мешает отметить и то, какие конкретные задания ставились кубанцами для этого казачьего С'езда - Думы, кроме тех, о которых сказано уже выше: «В руководящих кругах Краевой Рады созыв Казачьей Думы ставится в зависимость от результатов переговоров Южно-Русской конференции с представителями ген. Деникина по вопросу об образовании единой власти на Юге Рос-

сии. Время созыва Казачьей Думы определяется не ранее возвращения Кубанской делегации с Южно - Русской конференции. Если переговоры, ведущиеся в Новочеркасске, приведут к положительным результатам в ближайшее время, еще до созыва Казачьей Думы, то Казачья Дума займется рассмотрением вопроса **об организации Казачьего Союза и согласования мероприятий, предпринимаемых казачьими областями в деле борьбы с большевиками.** Отмечают, например, что благодаря разным законам мобилизации казачьи области несут тяжесть войны не в одинаковой степени. Кроме того, по некоторым вопросам краевого законодательства, как например, по аграрному — Доном, Кубанью и Тереком вынесены совершенно разные постановления. Сторонники созыва Казачьей Думы считают, что авторитет издаваемых Казачьими Областями законоположений значительно бы возрос в случае их единообразия и согласования. Если же переговоры об организации единой власти не дадут в ближайшее время результатов, то Казачья Дума поставит своей главной целью немедленное образование единой (казачьей. Ред.), власти на демократических началах» (газета «Утро Юга», 15 ноября 1919 г., номер 256 - 284).

Таким образом, был поставлен открыто вопрос об организации Казачьего государства. Несколько туманная формулировка заданий общеказачьего парламента, надо полагать, поясняется тяжелой обстановкой, в которой пришлось работать казачьим самостийникам в дни после переворота на Кубани.

14 ноября вечером состоялось новое совещание по вопросу о созыве общеказачьего парламента. На этом совещании присутствовали члены Донской делегации и президиум Краевой Рады.

После этого совещания Донские делегаты выехали на Терек, где в то время начинал свои работы Терский Войсковой Круг. Мысль о созыве Казачьей Думы была одобрена и Терским Кругом.

В начале декабря 1919 г. в гор. Екатеринодар прибыли делегаты Терского и Донского Войсковых Кругов и на совместных заседаниях с кубанцами было поста-

новлено созвать в Екатеринодаре, в самом начале 1920 г., С'езд членов Кругов и Рады. Было решено, что каждый из трех казачьих парламентов вышлет равное число своих членов в общеказачий парламент — по 50 человек.

Необходимо особенно подчеркнуть, что, к сожалению, внутренняя и внешняя обстановка на Казачьих Землях была тогда весьма и весьма неблагоприятна для успешной работы об'единенного казачьего представительного учреждения. Остановимся только на некоторых обстоятельствах, затруднявших работу нового общеказачьего парламента, получившего утвердившееся за ним название Верховного Круга Дона, Кубани и Терека: уже в первые дни работ Верховного Круга, собравшегося в Екатеринодар 5-го января 1920 года, шли упорнейшие бои у Батайска и ст. Ольгинской с противником, стремившимся прорваться далее на юг (см. далее глава У-я); самая подготовка к созыву Верховного Круга проходила при столь неблагоприятных обстоятельствах, что не могли быть точно установлены ни основные задачи созываемого Верховного Круга, ни программа его работ; состав казачьего представительства на Верховном Кругу был чрезвычайно разнообразен, как в смысле политических убеждений депутатов трех казачьих Войск, так и в смысле подхода их к самым основным заданиям Верховного Круга и способа принятия им решений и проведения этих решений в жизнь; русские «белые» союзники казаков, с своей стороны, делали все, чтобы усилить естественные разногласия в среде членов Круга, чтобы парализовать его работу...

Если на направление работ Верховного Круга в значительной степени могло влиять довольно упорное самостийническое кубанское течение, вновь нашедшее свое выражение в постановлениях Краевой Рады, принятых 31 декабря 1919 г. — 7 января 1920 г., то не меньшее (обратное!) влияние на Круг имели Донской Атаман ген. Богаевский и командующий Донской армией ген. Сидорин, как руководители Донской армии, силами которой, главным образом, держался противобольшевистский фронт в январе 1920 г.

При сложной и тяжелой политической и военной обстановке, требовавшей самых быстрых решений и такого же быстрого, руководимого единой целью и волей, проведения их в жизнь, Верховный Круг сам должен был: а) поставить ясную цель своих работ, б) установить отчетливую программу своей деятельности и в) найти способы неуклонного и скорого проведения в жизнь принятых им решений.

В то время, как оба противника Казачества — и русские «красные», и русские «белые» — имели у себя диктаторскую власть, способную принимать быстрые решения, Верховный Круг все сложные и большие вопросы должен был разрешать в условиях, по необходимости, длительного парламентского обсуждения.

Общеказачий парламент не имел в истории своего предшественника. Верховный Круг должен был прокладывать новую, широкую дорогу по политическим зарослям, трущобам и оврагам.

Важно отметить и то, что большевистская власть и ее агенты весьма внимательно следили за тем, что происходит на Казачьих Землях. С большой тревогой большевики наблюдали за подготовительной работой по организации Казачьего государства. Очевидно, не было простой случайностью или совпадением событий то, что генеральный удар для прорыва казачьего фронта большевистское командование назначило на день начала работ Верховного Круга — 5 января 1920 г.

Все эти обстоятельства и условия не следует упускать из виду при общей оценке работ первого казачьего Верховного Круга.

Первое серьезное столкновение на Верховном Круге произошло в самом начале его работ — 5 января, при выборах председателя Круга. Боролись два основных течения — самостийническое и руссофильское. Самостийники в председатели Круга проводили И. П. Тимошенко, слывшего тогда за самостийника, а противное течение выдвинуло испытанного сторонника единой России и ген. Деникина — Д. Е. Скобцова, только на днях удаленного с поста председателя Кубанской Краевой Рады. Насколько эта борьба была упорной, свиде-

тельствуют результаты голосования: И. П. Тимошенко получил только на четыре голоса больше Д. Е. Скобцова.

Хотя в председатели Круга и прошел, считавшийся тогда самостийником, И. П. Тимошенко, но самый факт разделения Круга на почти равные две части при выборах председателя, без сомнения, указывал на то, что на Верховном Круге не было бесспорного большинства, могущего взять на свои плечи всю ответственность за работу Круга и быстро провести те постановления, которые решали судьбу Казачества на многие годы.

Известно, что парламенты без такого большинства не только не являются достаточно работоспособными, но основная линия направления работ таких парламентов не отличается определенностью и устойчивостью, а иногда принимает и опасную форму зигзагов.

Выше (глава II) уже было указано на то, какие меры предприняли вожди «белого» движения в конце 1919 г. с целью борьбы с казачьей самостийностью. Одной из этих мер было фиктивное назначение Донского Атамана Богаевского председателем правительства при ген. Деникине. После этого ген. Богаевский немедленно направился в Екатеринодар и приступил к осуществлению своей миссии. Между прочим, уже на другой день работ Верховного Круга, 6 января, ген. Богаевский, в роли председателя Деникинского правительства, выступил на Верховном Круге с речью, в которой горячо призывал членов Круга идти вместе с ген. Деникиным, который, по словам ген. Богаевского, будто бы совершенно не держится за власть, и если Казачество не желает работать с ним, он немедленно уйдет с Добровольческим корпусом с Казачьих Земель..

При этом Донской Атаман уверял Верховный Круг в том, что Союзники не дадут оружия непосредственно казакам, а только через ген. Деникина. В доказательство справедливости своего утверждения огласил на Круге вышеприведенное письмо главы Английской миссии ген. Хольмана на имя Кубанского Войскового Атамана (см. глава III).

Не может быть сомнения в том, что это письмо под-

бодрило тех членов Верховного Круга, которые были сторонниками Деникина, и подрывало энергию у казачьих самостийников, стремившихся осуществить, наконец, разрыв между Казачеством и русским контр – революционным движением.

7-го января на Верховном Круге выступил председатель Донского Правительства Мельников с тою же целью предостеречь Круг от «пагубного» разрыва с ген. Деникиным.

9-го января Верховный Круг избрал две комиссии:

1. **Конституционную** — в составе: а) от донцов; П. М. Агеев, М. Н. Гнилорыбов, Г. П. Янов, П. И. Ковалев, Г. И. Карев и И. К. Зенков, б) от кубанцев: И. А. Билый, П. И. Курганский, Ю. А. Коробьин, Г. Н. Меликов, Д. Е. Скобцов и О. К. Готагогу, в) от терцев: И. В. Баев, В. И. Абрамов, В. И. Баскаков, П. Д. Губарев, Г. Ф. Фальчиков и Е. А. Букановский.

2. По обороне — в составе: а) от донцов: И. С. Мамонов, Ф. И. Бирюков и В. Г. Хрипунов; б) от кубанцев: И. М. Бедаков, Т. И. Горб и Е. Л. Приходько, в) от терцев: И. И. Таширов, Н. А. Бигаев и В. И. Баскаков.

В том же заседании была принята программа работ Верховного Круга, формулированная председателем: 1) определение того, что такое есть Верховный Круг Дона, Кубани и Терека; 2) об обороне; 3) соглашение Дона, Кубани и Терека; 4) организация общей власти; 5) манифест Верховного Круга. Эта программа принята большинством всех против одного голоса.

Далее, 9-го января, по предложению президиума, Верховный Круг принял следующее постановление:

> «Верховный Круг Дона, Кубани и Терека является **верховной властью** для Дона, Кубани и Терека в отношении дел общих для данных государственных образований.
>
> **Примечание:** перечень общих дел для Дона, Кубани и Терека, подлежащих решению Верховного Круга, обсуждается по Войскам, согласуется в комиссии Конституционной и окончательно утверждается Верховным Кругом».

(«Вестник Верховного Круга», номер 2, 12.1.1920).

Официальный орган Верховного Круга — «Вестник Верховного Круга» — по поводу этого постановления опубликовал следующее:

«О компетенции Верховного Круга. Вчера Верховный Круг Дона, Кубани и Терека, после целого ряда подготовительных заседаний и фракционных совещаний, наконец, приступил к своей капитальной работе. Вопрос шел о компетенции самого Круга, о существе и пределах его власти.

Три краевых образования, три казачьих Войска — Дон, Кубань и Терек, которые до сих пор жили и управлялись каждое у себя дома своими собственными краевыми органами, связанные в одно лишь идеей общего военного командования, олицетворявшегося в главнокомандующем вооруженными силами Юга России, в период краха общерусской власти с его Особым Совещанием, олицетворявшейся тем же командованием, очутились в необходимости искать иных **и новых форм для своего об'единения,** иных органов **единой общекраевой власти.**

Верховный Круг, созванный в момент острого напряжения борьбы, в момент, последовавший непосредственно за крахом и всеобщей паникой, не мог, само собою разумеется, найти в первое же время того **общего единого языка,** которым **должна была заговорить общекраевая об'единенная власть,** не мог представлять собою крепко спаянного организованного единства.

Он должен был организовать такое единство...

...Итак, Верховный Круг, как орган **Верховной Власти для государственных образований Дона, Кубани и Терека,** Верховный Круг, которому будет подчинено все, что касается средств борьбы и организации обороны, а также создание **единой общей власти,** не есть уже ни химера, ни мечта, а реальный факт, готовый входить в жизнь при громе пушек последних смертельных боев под Ольгинской и Батайском.

И если, как говорили, большевики хвастались при вступлении в Ростов, что им Казачий С'езд не страшен, ибо — казаки с'едутся, перегрызутся между собой и раз'едутся, то отмеченный выше осязательный резуль-

тат, к которому приходит Верховный Круг, должен будет в значительной мере помрачить их розовые надежды и заставит серьезно призадуматься»..

Избранная 9 января Конституционная комиссия уже на следующий день доложила Верховному Кругу проект основ **Союзной Конституции** (см. ниже). По поводу этого проекта в заседании Круга возникли горячие прения. Некоторые депутаты в резкой форме высказались против проекта, но большинство ораторов поддержало его.

Предложенный Комиссией проект, с незначительными изменениями, был утвержден Верховным Кругом в заседании 10 января в следующей редакции:

«Мы, избранники Донского Войскового Круга, Кубанской Краевой Рады и Терского Большого Войскового Круга, в тяжелый исторический момент, когда купленной потоками крови свободе и самому существованию самого населения грозит гибель, собрались в Екатеринодаре **для организации решительной борьбы против большевиков и очищения от них наших территорий, защиты от разгрома родных очагов, установления внутреннего спокойствия и обеспечения свободы и права, берем в свои руки Верховную власть по делам общим для Дона, Кубани и Терека** и устанавливаем следующее положение о Верховном Круге:

1. Верховный Круг является полномочным представительством государственных образований Дона, Кубани и Терека и ставит себе задачи: **а) установление союзного государства,** составленного из указанных выше территорий, с возможностью расширения пределов союзного государства включением новых областей на основах союзной конституции и по свободному волеизъявлению населения тех областей; **б) создание союзной власти.** (Уступка самостийникам. **Ред.**).

2. Союзная конституция и союзная власть устанавливаются на время до создания общегосударственной власти Всероссийским Учредительным Собранием. (Уступка руссофилам. **Ред.**).

3. Имеющая быть выработанной конституция вступает в силу с момента принятия ее Верховным Кругом».

Глава V.

Задачи Советской России на Юге. — Переименование советских фронтов. — Усиление Кавказского фронта. — 1-я советская конная армия — директива 18 декабря 1919 г. — Приведение Донской армии в боевую готовность. — Положение раненных и больных. — Бои в районе станицы Ольгинской - Батайска 5, 6, 7 и 8 января 1920 г. — Выводы.

Когда советские армии к концу 1919 г. подошли к нижнему течению р. Дона и к Азовскому морю, заняв города Ростов, Таганрог, Мариуполь и Бердянск, они разделили силы ген. Деникина на две части — восточную и западную. Поэтому дальнейшая борьба красных армий распалась на две задачи: «основную — полную ликвидацию главных сил Деникина, отошедших за р. Дон и дравшихся с армиями Юговосточного советского фронта, и второстепенную — ликвидацию частей, отступивших в Крым и на правый берег Днепра. Ликвидация деникинских частей, отступивших в Крым и за Днепр, остается за Южным фронтом, который переименовывается в Юго - Западный»...

«Донская область, Кубань и Кавказ — колыбель контр - революционных движений на Юге России — явились основными экономическими и политическими базами ген. Деникина, где отступившие его силы могли современем вновь окрепнуть, организоваться, пополниться и оказать Красной армии в ее дальнейшем наступлении стойкое сопротивление.

«Задача уничтожить вооруженные силы Юга России — становится основной задачей нашей Советской Рес-

публики и Главного командования Красной армии. Эта задача ставится Юго - Восточному фронту.

«В добавление к входящим в состав фронта IX, X и XI армиям передается в подчинение командующему фронтом VIII армия и 1-я Конная. На усиление фронта назначаются Главкомом резервные дивизии (3-я, 4-я, 9-я, Латышская и Эстонская).

«Юго - восточный фронт 6 января 1920 г. переименовывается в Кавказский и получает директиву — решительными действиями ликвидировать силы Деникина, овладеть Кубанью и Кавказом» (Б. Майстрах. Маныч - Егорлыкская - Новороссийск. Госуд. издат. Отдел. воен. литер. Москва — Ленинград, 1929).

«Командование Кавказским фронтом своей ближайшей целью ставило ликвидацию сил противника, остановившихся против г. Ростова на левом берегу Дона. Оставляя в силе задачу 10-й армии (выход на Тихорецкую), оно подтягивало к Новочеркасску 9-ю армию, оказавшуюся на уступе сзади 8-й армии в районе ст. Раздорская - Константиновская, и сосредоточивало в районе Ростова 1-ю Конную армию с приданными ей стрелковыми дивизиями». (Гражданская война 1918 — 1921, т. 3-й, стр. 289. Москва — Ленинград, 1930).

Согласно советским данным, «в состав 1-й Конной армии входили три кавалерийских дивизии (4-я, 6-я и 11-я) и, кроме того, ей в данный момент были приданы две стрелковые дивизии (3-я и 12-я), авиационная группа (16 аэропланов) и три бронепоезда; всего численность 1-й Конной армии в то время с приданными ей стрелковыми дивизиями была: 9.500 сабель, 4.500 штыков, 400 пулеметов, 56 орудий, 9 бронеавтомобилей, 3 бронепоезда и 16 аэропланов. В каждой кавалерийской дивизии 3 бригады и по одному артдивизиону и броневотряду: в бригаде два кавполка по 5 эскадронов в каждом.

«Укомплектована 1-я Конная армия была на 80 проц. добровольцами Донской, Кубанской областей и Ставропольской губ. и 20 проц. мобилизованными центральных губерний Р. С. Ф. С. Р. Что касается военной подготовки, то в большинстве это были казаки, с ма-

лолетства занимавшиеся военным обучением» (Н. Тюленев. 1-я Конная армия за Ростовом. Сборник трудов военно - научного общества. Книга 1-я, стр. 108 - 126. Сентябрь, 1922. Москва).

Этой Конной армии, воодушевленной трехмесячными успехами в предыдущих боях на длинной дороге Воронеж — Касторная — Купянск — Лисичанск — Таганрог — Ростов, 28-го декабря 1919 г. был дан следующий боевой приказ:

...«Противник после разгрома с жалкими остатками конницы и незначительной численностью пехоты отходит в общем направлении за реку Ея на линию Ейск — Кущевка...

...«Конармии ставится задача: преследовать отступающего противника по пятам, дабы не дать ему закрепиться на указанной линии...

«В исполнение приказываю: ... в) 6-й кавалерийской дивизии с рассветом 29 декабря... перейти в район Кущешовка — Койсуг, г) 4-й кав. див. перейти в район Батайск — Злодейская, д) начдиву 11-й кав. див. 29 декабря.... перейти в район ст. Ольгинская — х. Нижне - Подолинский.

Начдивам 4-й, 6-й, 11-й во что бы то ни стало выяснить цель отступления и направление противника, срочно же доносить о всем, а поэтому установить связь со Штармом... Командарм 1-й Буденный. Член Реввоенсовета Ворошилов («Красная Звезда», номер 7, за 8 января 1935 г.).

1-я конная этого приказа не выполнила, задержавшись в гор. Ростове – Нахичевани.

⁂

Согласно официальным данным штаба Донской армии, в момент отхода за р. Дон — 26-27 декабря 1919 г. — боевой состав Донской армии был следующий:

1-й корпус	2700 шт.,	450 шаш.,	31 ор.,	160 пул.
2-й корпус	1356 шт.,	3026 шаш.,	33 ор.,	82 пул.
3-й корпус	3210 шт.,	792 шаш.,	34 ор.,	74 пул.
4-й корпус	0000 шт.,	6830 шаш.,	30 ор.,	108 пул.
Всего	7266 шт.,	11098 шаш.,	128 ор.,	424 пул.

Тогда же, согласно тем же данным, в Добровольческом корпусе было:

3383 шт., 1348 сабель 40 ор., 174 пул.

В подчиненном командиру Добровольческого корпуса ген. Кутепову Сводном Кубано - Терском корпусе ген. Топоркова было 1580 шашек, 16 орудий и 96 пулеметов.

Задержка наступления красной армии на р. Доне дала возможность Донской армии привести себя в порядок после долгого и тяжелого отступления (см. ч. III Трагедии Казачества).

Командующий Донской армией отдал «приказание всем командирам корпусов о приведении в порядок своих обозов, и, главное, об их беспощадном сокращении и изгнании из них всех дезертиров; командующий предупредил начальников всех степеней, что за непринятие действительных мер в этом отношении он будет предавать военно - полевому суду, не взирая на боевые заслуги их на занимаемый ими пост».

Меры, предпринятые командным составом Донской армии, а также сознание рядовыми бойцами крайней необходимости защищать родную территорию были причиной того, что в течение этих нескольких дней передышки Донская армия снова приняла свой прежний боевой вид.

Согласно офиц. данным Донской армии, эта армия на 1-ое января 1920 г., без добровольческого корпуса, имела уже 36.470 бойцов, 147 орудий, 605 пулеметов.

К тому же времени в Добровольческом и Кубано - Терском сводном корпусах было 10.988 бойцов, 53 орудия и 255 пулеметов.

А в Донской армии, Добровольческом и Кубано - Терском Сводном корпусах вместе на 1-е января 1920 г. было 47.458 бойцов, 200 орудий и 860 пулеметов.

Фронт от устья р. Дона до Батайска (включительно) занимал Добровольческий корпус, к которому был причислен и Кубано - Терский сводный корпус, ген. Топоркова. Фронт от Батайска вверх по левому берегу р. Дона до района станицы Цымлянской занимала Донская армия.

Согласно данным штаба Донской армии, против Донской армии и Добровольческого корпуса, к 30 декабря 1919 г., большевистское командование имело свыше 43.000 штыков, до 28.000 сабель и 400 орудий.

Согласно тем же данным к 6 января 1920 г., т. е. в день упорнейших боев у Ольгинской - Батайска, против Донской армии и Добровольческого корпуса действовали следующие большевистские силы:

10-я армия (часть сил этой армии)	8000 штык.	1500 саб.	17 ор.
9-я армия	9300 штык.	11000 саб.	108 ор.
8-я армия	17100 штык.	4800 саб.	131 ор.
Конная арм. Буденного	8100 штык.	10100 саб.	94 ор.
Всего	42500 штык.	27400 саб.	350 ор.

Журнал воен. действий Донской арм. отмечает, что бежавший 3-го января из большевистского плена казак рассказывал, что «к войне пехота (советская) настроена отрицательно, а кавалеристы, особенно красные казаки — воинственные». Бежавший из советского плена казак 6-го января рассказывал, что «пехота противника против наступления, был слышен ропот»... И другие источники говорили о деморализации большевистской пехоты, расположенной в районе Ростова — ст. Аксайской.

Правее Донской армии действовала Кавказская (Кубанская) армия. К сожалению, мы не располагаем данными о численном составе этой армии к 1 января 1920 г.

⁂

Переходя теперь к общему рассмотрению боевых операций в начале января 1920 г., не можем умолчать о состоянии дела эвакуации больных и раненых. «Дело эвакуации раненых и больных по железным дорогам и гужем с переходом армии на левый берег р. Дона настолько обострилось, что для упорядочения его должны быть применены героические меры... По рассказам очевидцев (ген. Мамонтова, капитана князя Матсутова и друг.), на грунтовых дорогах творятся не поддающиеся описанию тяжелые картины передвижения, — вследствие оттепели и непрекращающегося трехдневного дож

дя дороги сделались совершенно непроходимыми; в грязи стоят завязшие сотни повозок, автомобили и даже орудия; но ужас весь в том, что на этих брошенных повозках лежат оставленные всеми раненные и больные офицеры и казаки; и кто их вывезет, накормит и перевяжет раны, и когда это будет сделано?.. На пути из Кагальницкой в Кущевку при дороге в грязи лежат пешие юнкера, выбившиеся из сил и не могущие дальше идти; на мосту у Кущевки через р. Ея из свалившихся в яму при с'езде повозок и лошадей и брошенных образовался мост, по которому переезжают повозки; некоторые лошади еще живые. На станциях железных дорог нет не только кипяченой воды, но и простой; больные и раненные не пьют воды по 2-3 суток, некоторые из них не выдерживают и кончают самоубийством; так покончили самоубийством два казака... на пути из Кущевки в Сосыку» (журнал воен. действ. Донской армии).

Не хватает слов, чтобы ими выразить глубочайшую трагедию славных бойцов — больных и раненных, попавших в такие ужаснейшие условия эвакуации и лечения...

И снова, уже 11 января 1920 г., в штабе Донской армии было констатировано: «по прежнему вопрос эвакуации раненных и больных находится в ужасном состоянии, особенно тяжело этот вопрос обстоит на участке Торговая - Батайск», т. е. на железной дороге, обслуживавшей ближайший тыл Донской армии...

К этому вопросу мы еще возвратимся.

⁂

Большевистские исследователи боевых операций под Батайском - Ольгинской о силах противников приводят следующие данные:

1) на антибольшевистском фронте, в районе Азова — Батайска — Ольгинской, было сосредоточено 12.720 сабель, 11.100 штыков, 454 пулемета и 110 орудий, в общем около 24.000 бойцов;

2) против этих сил в начале января 1920 г. красные имели: в районе Ростова 1-ю Конную армию в составе 9.000 сабель и 5.000 штыков (9-я и 12-я дивизии); кроме того, на фронте Ростов — ст. Аксайская — Новочер-

касск располагалась 8-я армия (40-я, 15-я, 16-я, 33-я стрелковые дивизии, 16-я кавалерийская бригада), численность которой достигала 11.000 штыков. 2022 сабель при 168 легких и тяжелых орудиях.

(Майстрах Б. Маныч — Егорлыкская — Новороссийск. Государственное издательство. 1929. Москва — Ленинград, стр. 11. — Гражданская война 1918 - 1921, т. III, стр. 290 - 291).

В общем, в ударной группе красные имели 16.000 штыков и 11.000 сабель.

В 1920 году Дон замерз 2 января.

Командующий Кавказской советской армией Шорин, исполняя поставленную фронту основную задачу, приказал 4 января форсировать р. Дон 1-й Конной и 8-й армиями у г. Нахичевани и у станицы Аксайской с целью отбросить противника на юг и выйти на линию г. Ейск — станица Кущевка.

Сравнивая доступные нам советские данные с данными штаба Донской армии, получим следующую картину этих замечательных боевых операций:

(**Советские данные:** 1) И. В. Тюленев. 1-я Конная за Ростовом. Сборник трудов военно - научного общества при Военной академии. Книга I. 1932. Высший военно - редакционный совет. Москва. 2) Я. Фабрициус. Воспоминания о боях с конницей Деникина за ст. Ольгинскую. Журнал «Война и революция», за 1928 г., книга 2. Москва. 3) Б. Майстрах. Маныч — Егорлыкская — Новороссийск. Государственное издательство. Отдел военной литературы. Москва — Ленинград. 1929. 4) Первая конная в изображении ее бойцов и командиров. Госуд. изд. Москва — Ленинград. 1930. 5) Гражданская война 1918 — 1921, т. III-й. Оперативно - стратегический очерк боевых действий красной армии. Государственное изд. Отдел военной литературы. Москва — Ленинград. 1930. 6) Озолин. Эпизоды. Газета «Красная Звезда», номер 7, за 6 января 1935 г.

Казачьи данные: оперативные сводки, журнал военных действий Донской армии и т. д.).

2. 3 и 4 января 1920 г. большевистские армии производили тщательную разведку с правого берега р. Дона

в сторону ст. Старочеркасской, ст. Ольгинской и Батайска, а в ночь с 4 на 5 января перешли в наступление в таком порядке: 4-я и 6-я кавалерийские дивизии из Ростова—Нахичевани двинулись на ст. Ольгинскую и 11-я кавалер. дивизия из ст. Аксайской — тоже на ст. Ольгинскую; 12-я стрелк. дивизия из Ростова и 9-я стр. дивизия из ст. Гниловской — обе на Батайск; 16-я и 33-я стрелковые дивизии 8-й армии должны были наступать на фронт Ольгинская — Старочеркасская.

Таким образом, в наступление перешли четыре стрелковых и три конных советских дивизии на фронте в 20-24 верст. Три красных конных дивизии, действуя в кулаке, должны были совершить прорыв фронта на стыке Донской армии и Добровольческого корпуса.

Фактически 5 января 9-я и 12-я стрелковые советские дивизии действовали чрезвычайно вяло в направлении на Батайск и поставленной себе задачи не выполнили. Точно также 16-я и 33-я сов. дивизии, имевшие наступать на станицы Ольгинскую — Старочеркасскую, в силу каких - то причин («запоздавшая перегруппировка», пояснял командир 8-й советской) 5-го января в наступление не перешли.

1-я Конная армия Буденного 5 января в 10 часов утра уже закончила переход р. Дона по льду и продолжала наступление далее...

Массовый переход противника в наступление явился неожиданностью как для командиров корпусов, так и для штаба Донской армии. В штабе армии это дело представлялось в таком виде: «5 января противник», читаем в журн. воен. действий Дон. арм., «доселе не предпринимавший крупных активных операций, значительными силами конницы и пехоты переправился по Аксайской и Нахичеванской переправах и ведет наступление сильной конной группой на Ольгинскую и от Аксайской на Старочеркасскую. О противнике поступили разноречивые сведения, но в общем силы противника можно определить не менее дивизии конницы и дивизии пехоты...

«По выяснении обстановки до полудня, командарм решил разбить переправившиеся через Дон части про-

тивника и не допустить дальнейшей переправы, для чего приказано:

1) 3-му Корпусу, подчинив себе 10-ю конную бригаду, не допустить переправы противника через Дон у Старочеркасской и наступлением от Ольгинской разбить красных, переправившихся по этой переправе...

2) Комкору Добровольческого, используя конницу ген. Барбовича и ген. Топоркова, переходом в наступление разбить Нахичеванскую группу противника.

3) Комкору 4 Конного перейти в наступление и разбить конницу противника, направляющуюся в разрез между 3 и Добровольческим корпусами.

4) Комкорам приказано проявить самые энергичные действия, дабы раз навсегда положить предел попыткам противника к дальнейшему наступлению».

Вследствие этой директивы и, главным образом, вследствие собственной инициативы 3-й Донской и Добровольческий корпуса оказали большевистской коннице весьма серьезное сопротивление. И хотя конница Буденного заняла было хутор Старомахинский и ст. Ольгинскую, но далее продвинуться не смогла.

Согласно сообщению штаба 3-го Донского корпуса к 24 часам 5 января в этот день на фронте этого Корпуса произошло следующее: у Аксайской переправы перешли Дон сильные пехотные и конные части противника; «в результате упорного и длительного боя, в течение которого противник вводил новые части, ст. Ольгинская была нами оставлена; части Корпуса главными силами сосредоточились в ст. Хомутовской, оставив сторожевое охранение на линии высот между Ольгинской, Хомутовской и Злодейским; завтра Корпус переходит в наступление»...

Штаб Добровольческого Корпуса о бое 5-го января доносил: «противник занял ст. Ольгинскую, откуда наступал конницей силами до 4.000 сабель при 4-х орудиях на Батайск, двигаясь частью и на х. Злодейский», но это наступление было отбито...

Между тем в штаб Донской армии, расположенный на станции Сосыка — в стыке Ейской жел. дороги с Владикавказской, «после полудня поступили новые сведе-

ния о занятии красными х. Старомахинского, ст. Ольгинской и х. Злодейского; выяснилось наступление большой массы конницы в разрез между 3-м и Добровольческим Корпусами (4-й Донской конный Корпус находился в это время в резерве против стыка флангов 3-го Донского и Добровольческого корпусов, занимавших фронт по р. Дону)».

Получив эти сведения, командующий Донской армией отдал новую директиву:

«Противник после боя к вечеру 5 января занял конными частями Старомахинский, Ольгинскую и х. Злодейский и лезет в мешок. Более благоприятной обстановки для нас ожидать нельзя. На 6-е января приказываю разбить переправившегося через Дон противника, для чего приказываю:

1) ген. Гусельщикову — 3-му Донскому корпусу, — передав в подчинение Комкору 4-го Конного 10-ю конную бригаду и подчинив себе 1-ю пластунскую дивизию ген. Карповича, атаковать противника в направлении на Ольгинскую, прочно обеспечить себя со стороны Старочеркасской станицы;

2) ген. Павлову — 4-й Конный Донской корпус, — подчинив себе 10-ю конную бригаду, атаковать в направлении на х. Злодейский;

3) ген. Кутепову — Добровольческий корпус, — сосредоточив всю конницу в районе Батайска (добровольческая конная бригада ген. Барбовича и Кубано - Терский Сводный корпус ген. Топоркова), атаковать во фланг и тыл Злодейскую группу противника;

4) начало атаки всех корпусов — с рассветом,

5) о получении донести.

Номер 064-К. 5 января, 19 часов 15 мин, 1920 г.

Ст. Сосыка. Ген. Сидорин».

Если принять во внимание боевой состав частей, предназначенных этой директивой для ликвидации большевистского прорыва, можно сказать, что ген. Сидорин бросал в бой на небольшом участке фронта Батайск — Ольгинская — Старомахинский боле 12.000 одной только конницы. Кроме того, здесь же действовала пехота 3-го Донского корпуса, при чем казаки с трех

сторон охватывали прорывавшуюся группу войск противника. Действительно, «более благоприятной обстановки для нас ожидать нельзя».

Как единодушно свидетельствуют большевистские исследователи, 5 января «в 15 часов завязывается ожесточенный бой, длившийся до вечера; в виду того, что местность абсолютно не позволяла коннице развернуться в боевой порядок, а также из-за неимения при себе артиллерии, Конная армия **принуждена** была отойти в исходное положение».

Однако, с рассветом, 1-я Конная армия 6-го января перешла вторично в наступление «в том же порядке, как и 5-го января, не меняя свой оперативный замысел, а лишь усиливая себя 16-й и 33-й стрелковыми дивизиями 8-й армии, каковые должны были наступать одновременно из Нахичевани на ст. Ольгинскую и ст. Старочеркасскую... После трехчасового боя на линии Батайск — Ольгинская частями Конармии удалось выбить противника из ст. Ольгинской и занять последнюю».

И далее: ... «В течение дня 1-й Конной армией было произведено до 9 конных атак, но все они... были отбиты противником... К вечеру шло беспорядочное отступление 1-й Конной армии... Начальникам конных частей с большим трудом удалось установить порядок, и прикрывая свой отход рядом контр-атак, к вечеру... с большинством частей 1-й Конной армии вернуться в Ростов. Лишь незначительные части 1-й Конной армии отошли к ст. Ольгинской, но большинству из них с наступлением темноты удалось пробраться в Ростов и присоединиться к армии».

По данным штаба Донской армии этот бой протекал следующим образом:

«6-го января 1920 г. части ударной группы (4-й Донской корпус) в 9 часов выступили в направлении на Ольгинскую для атаки переправившегося противника. В 11 часов части начали развертывание в боевой порядок на линии Сухой Балки — Батайск. В 13 часов в районе х. Злодейского части корпуса завязали бой с конницей противника. Противник располагал превосходными силами. Бой отличался особенным ожесточением и до 15

часов не давал перевеса ни той ни другой стороне. **В 15 часов противник, разделив свои силы, одну дивизию направил против Батайска.**

«Воспользовавшись этим, командир 4 Корпуса ген. Павлов ввел в бой свой резерв **в тыл Батайской группе красных.** Противник не выдержал и начал постепенно отходить, преследуемый нашими частями. Отступление противника скоро перешло в беспорядочное бегство, причем красные бросали орудия, пулеметы и ящики со снарядами. Некоторые части противника бросились по болотам к Дону. Лед на болотах проваливался и орудия красных завязли.

«К ст. Ольгинской части корпуса подошли в полной темноте и были встречены сильным артиллерийским и пулеметным огнем пехоты, занявшей окопы на окраине станицы. Оставив одну бригаду против Ольгинской, корпус отошел в район Злодейской, имея в виду завтра утром продолжить успешно начатую операцию.

«В сегодняшнем бою, в котором со стороны противника участвовали 4, 6 и 11 конные дивизии Буденного и 12 пехотная дивизия, наши части взяли 9 орудий и около 50 пулеметов, много снарядов, винтовок и обозы. **Корпус понес большие потери».**

Когда разбитая казаками 1-я Конная советская армия вечером 6-го января в беспорядке и поспешно отступила на правый берег р. Дона, в ст. Ольгинской задержались 16 стр. сов. дивизия и части 11 кавалер. дивизии Буденного, а в ст. Старочеркасской — 33 сов. стр. дивизия. Бывший командир 16 стр. сов. дивизии Я. Фабрициус, описывая этот бой, особенно подчеркивает, что эта дивизия имела отличных бойцов и была прекрасно вооружена, как многочисленными пулеметами, так и артиллерией. Другой автор — Озолин — говорит, что ст. Ольгинскую тогда защищали части 16 и 33 стрелковых дивизий и 11 конная дивизия, располагавшие 200 станковых пулеметов («Красная Звезда», 8 января 1935 года).

Понятно, что части 4-го конного Донского корпуса, подойдя в темноте к ст. Ольгинской 6-го января, не смогли выбить крепко засевшего там противника.

Относительно хода боевых операций 6-го января у Батайска официальные данные штаба Донской армии повествуют следующее: «к 13 часам конная группа ген. Топоркова — Кубанская и Терская дивизии — сосредоточилась в районе Батайска. К этому же времени обозначилось наступление неприятельской конницы от Ольгинской на Батайск, главным образом, в обход Батайска с юга (донесение командира 4-го Дон. корпуса говорит о том, что Буденный направил на Батайск одну из своих дивизий, ослабив этим самым силы красных, действовавшие против 4-го Донского корпуса). Войдя в связь с Донцами, ген. Топорков атаковал красных 1 конной (Кубанской) дивизией и стал теснить их к Дону. Около 16 часов противник, получив подкрепление, в свою очередь перейдя в наступление, стал теснить Кубанцев. Ген. Топорков выдвинул на поддержку конницу ген. Барбовича, которая, развернувшись в блестящем порядке за левым флангом группы (ген. Топоркова), бросилась в атаку. Вся конная группа — Кубанская и Терская конные дивизии и бригада Барбовича — во главе с ген. Топорковым, обрушилась на конницу противника, смяла ее и повела энергичное преследование.

«В это время противник был атакован частями 4 корпуса. Сбитый на обоих участках противник начал поспешное отступление, преследуемый нами до темноты.

«Успеху боя значительно способствовало личное хладнокровие и мужество ген. Топоркова, который в конце боя был серьезно ранен в ногу (в командование группой вместо него вступил ген. Агоев).

«Корниловцами и юнкерами сдержано наступление пехоты красных на Батайск вдоль железной дороги с севера».

Таким образом, бой 6-го января закончился разгромом Конной армии Буденного. Но большевики крепко держали в своих руках станицу Ольгинскую.

В 5-ть часов утра 7-го января командующий Донской армией ген. Сидорин отдал следующую директиву:

«1) 3-му корпусу сегодня в 7 часов атаковать противника с востока в направлении на Ольгинскую и с юга на Старочеркасскую.

2) Добровольческому корпусу сегодня в 7 часов решительно атаковать Нахичеванскую переправу и вдоль железной дороги от Батайска на север.

3) Командирам корпусов потребовать от войск напряжения всех сил, дабы использовать блестящий успех 6 января и отбросить противника за Дон...

7 янв. 1920 г. 5 часов. Ст. Сосыка. Ген. Сидорин».

Бой 7 января за обладание ст. Ольгинской отличался большим упорством и ожесточением с обоих сторон. После внушительной артиллерийской подготовки 4-й Донской корпус атаковал ст. Ольгинскую с юга, с запада и на дамбу к северу от ст. Ольгинской. Красные оказали упорнейшее сопротивление, расстреливая атакующие казачьи части пулеметным и артиллерийским огнем.

Части 3-го Дон. корпуса в это время вели упорные бои с частями красных, засевшими в ст. Манычской, х. Алитубском, ст. Старочеркасской и х. Старомахинском, и потому 3-й Корпус не мог с утра 7 января оказать 4-му Донскому корпусу необходимое содействие под ст. Ольгинской.

Видя, что бой за обладание ст. Ольгинской затягивается, командующий Донской армией послал командиру 3 Дон. корпуса «приказание решительно атаковать Ольгинскую с востока для содействия 4-му корпусу, который к 10 часам завязал бой под Ольгинской и направо и налево от себя не видит наступающих соседей; комкору 3, в виду разрозненных действий, указано бить всем корпусом, а не отдельными дивизиями».

Атакованный и с юго - востока частями 3 Дон. корпуса, отрезанный от Нахичеванской переправы, противник решил пробиться за р. Дон. Около 15 часов красные были выбиты из Ольгинской, при чем 47 сов. бригада была уничтожена, а 48 сов. бригада пробилась к Нахичевани, понеся значительные потери убитыми и ранеными.

В этом бою донцы взяли одно орудие, 5 пулеметов и много пленных.

Для содействия донцам (из района Батайска) в 13 часов была двинута Терская дивизия одной бригадой

на Ольгинскую, а другой — на Нахичеванскую переправу, но, узнав, что ст. Ольгинская уже занята донцами, терцы возвратились в Батайск.

«Неудачи под Батайском обострили и вскоре довели до крайнего напряжения взаимоотношения, с одной стороны, между командованием Кавказского сов. фронта в лице В. И. Шорина и, с другой стороны, между командованием 8-й (Сокольников) и Конной.

«Командование фронтом усматривало главную причину неудачи в 12 дневной стоянке в районе Ростова без активных действий, что дало возможность противнику отдохнуть и устроиться для обороны, в введении в дело лишь части сил (во время первых атак на Батайск бездействовали две дивизии 8-й армии — 15-я и 40-я и одна дивизия из приданных конной армии — 9-я стрелковая). Командование Конной армии указывало на совершенно непригодную для действий конницы местность в виде сплошной топи и ограниченность пространства для развертывания конницы. Командование 8-й армии в свою очередь обвиняло Конную армию в проявлении чрезвычайно малой боевой устойчивости» (Гражд. война 1918 — 1921, т. III, 294).

Командарм 1-й Конной Буденный доложил по прямому проводу командующему фронтом Шорину о невозможности добиться успеха в районе Батайска и для достижения основной цели фронта предложил следующий план: 8-й и 9-й армиям удерживать противника на линии р. Дон от устья до станицы Богаевской; 1-ю же конную армию перебросить в район станицы Константиновская, где ею форсировать р. Дон и повести наступление в юго - западном направлении на станцию Тихорецкую. За успех командарм и Реввоенсовет конной ручались вполне.

Командующий фронтом не согласился с этим планом, а приказал в третий раз перейти в наступление и во что бы то ни стало овладеть Батайском.

8-го января 1-я Конная армия совместно с соседними дивизиями 8-й армии вновь перешла в наступление на фронте Батайск — Ольгинская — Старочеркасская — Манычская. Однако, и это наступление красных окончи-

лось их поражением на всем этом фронте: а) в этот день части 3 Дон. корпуса выбили красных из ст. Манычской и ст. Старочеркасской, при чем при отходе на Аксайскую красные оставили 8 орудий, завязших в болоте; б) после продолжительного боя с конницей противника силой не менее двух дивизий, наступавшей от Нахичеванской переправы на ст. Ольгинскую, 4-й кон. корпус обрушился главной массой против левого фланга противника, опрокинул его и отбросил к Нахичеванской и Ростовской переправам. Преследование было задержано сильнейшим артиллерийским огнем красных с правого берега Дона; в) сдержав наступление частей 31 и 40 стрелковых дивизий красных к северо - востоку от Батайска, корниловцы и конница ген. Агоева — Кубано - Терский корпус — перешли в решительное наступление, смяли противника и погнали его к Нахичеванской переправе. Преследованию непосредственно до переправ помешал огонь многочисленной артиллерии с правого берега Дона, от которой Корниловцы понесли большие потери (оперативные сводки).

Это новое поражение ударной группы красных войск принудило командующего Кавказским сов. фронтом Шорина окончательно отказаться от дальнейших попыток прорыва казачьего фронта у ст. Ольгинской — Батайска и выхода отсюда на линию р. Ея.

В боях 6, 7 и 8 января 4-м Донским конным корпусом взято всего 10 орудий, 66 пулеметов, 1700 пленных и большое количество винтовок (данные штаба Дон. армии). Согласно данных штаба Деникина за время боев 6, 7 и 8 января взято 22 орудия и более 120 пулеметов.

Большевики тоже признают, что «лобовые удары по равнинной, заболоченной местности при отсутствии наведенных переправ через Дон, стеснявший свободу маневра, терпят жестокое поражение; за истекшие бои с 4 по 8 января Конная и 8-я армии понесли крупные потери» (Майстрах. Маныч — Егорлыкская — Новороссийск, стр. 12).

Бывший командующий 1-й Конной армией Буденный по поводу этих боев говорит: «С занятием Ростова был

образован Кавказский фронт, в состав которого вошла 1-я Конная. Первые же дни подчинения Конной армии этому фронту дают поучительный пример, — как не надо использовать конницу. Конная армия была брошена в Батайские непроходимые болота, где она, теряя дорогое время и неся значительные жертвы, увязла в болотах. Только после неоднократных настойчивых требований Реввоенсовета Конной армии она через месяц была брошена в стык Кубанской и Донской армий. Наше запоздание позволило противнику несколько оправиться от поражения и оказать бешеное сопротивление, в результате чего едва не были сведены на-нет все наши успехи» («Первая Конная в изображении ее бойцов и командиров». Государственное изд. 1930, Москва — Ленинград).

По окончании этих боев 4-й Донской конный корпус был отведен в резерв. Участок от ст. Манычской до Нахичеванской переправы (исключительно) занял 3-й Донской корпус ген. Гусельщикова.

Глава VI.

Фронт и тыл. — Верховный Круг приветствует фронт. — Ответ Донского Атамана и ген. Деникина. — «Белые» используют успехи казачьего фронта. — Совещание в Тихорецкой 12 января 1920 г. — Совещание в Штабе Донской армии 15 января. — Выступление ген. Деникина на Верховном Круге 16 января. — Ответ председателя Круга. — Политика Кубанского Атамана и Правительства.

Известно, что вообще фронт и тыл всегда между собою связаны тысячами нитей. Тыл живо отзывается на события на фронте, а последний, в свою очередь, весьма впечатлителен на те или иные важные события в тылу. В особенной степени это относится к взаимоотношениям казачьего фронта и казачьего тыла в прошлую войну.

В первые дни работ Верховного Круга Дона, Кубани и Терека в гор. Екатеринодаре, как мы знаем, большевистская ударная группа войск в составе 1-й Конной и 8-й советских армий производила беспрерывные удары через р. Дон на фронте Ростов - Старочеркасская с целью прорваться на Кубань (гл. 5).

С замиранием сердца члены Круга ловили каждую весточку с фронта, к которому были прикованы внимание и слух всего Казачества. Понятно, Верховный Круг не мог остаться и не остался безучастным зрителем кровавой сечи у ст. Ольгинской, где решалась судьба всего Казачества и самого Верховного Круга.

9-го января Верховный Круг послал войскам свой горячий привет. Под влиянием полученных с фронта вестей о блестящих успехах казачьих корпусов, вестей

об одержанных казаками победах над, казалось, непобедимой уже Конной армией Буденного; под влиянием вестей об участии в этих славных делах казаков и частей Добровольческого корпуса (между прочим, в военных сообщениях штаба ген. Деникина подвиги Кубано-Терского корпуса ген. Топоркова, потом ген. Агоева. зачислялись в дела Добровольческого корпуса, командиру, которого был подчинен Кубано - Терский корпус), размякло незлобивое казачье сердце, готовое простить и прошлые грехи и прошлые злодеяния.

Умелые руководители русской политики на Казачьих Землях, а особенно казачьи сторонники ген. Деникина, решили широко использовать победы на фронте. Последние предложили Кругу послать приветствие и ген. Деникину; это предложение было принято. И 9-го января Верховный Круг одобрил нижеследующую телеграмму, предложенную президиумом его:

«Главнокомандующему вооруженными силами Юга России ген. Деникину, копии командующим армиями и Атаманам Войск Донского, Кубанского и Терского.

Верховный Круг Дона, Кубани и Терека, приступив к работам, приветствует в Вашем лице доблестные добровольческие части, находящиеся под Вашим водительством, и шлет им свое благословение на ратный подвиг. Ваша стойкость и героизм принесут желанную победу над общим врагом и дадут народу давно желанную волю».

В заседании Круга 10 января был оглашен следующий телеграфный ответ ген. Деникина:

«Благодарю Верховный Круг за доброе слово. Не только добровольческие части, но и все армии, находящиеся под моим водительством, с нетерпением ждут прекращения внутренней смуты, при которой нет крепости фронта, нет победы. Тогда с благословения Божьего загорится снова в сердцах заблудших любовь к поруганной родине — России и ничто не устоит перед нашим напором. Деникин».

В том же заседании был оглашен и ответ Донского Атамана:

«От имени Всевеликого Войска Донского приношу Верховному Кругу глубокую благодарность за приветствие, с которым Круг, начиная свою деятельность, обратился к нашим доблестным войскам. Верховный Круг Дона, Кубани и Терека ярко знаменует собой исконное братство Казачества и единство его воли к победе, на защиту своих очагов и вольностей. Не сомневаюсь, что об'единенное Казачество совместно с добровольцами доведет борьбу с общим врагом до желанного конца и поможет русскому народу обрести давно желанную свободу. Донской Атаман ген. Богаевский».

Этот обмен телеграммами как бы пробивал брешь в стене, отделявшей руководителей «белой» политики от Казачества. Для русских снова открылась возможность повлиять на решения Верховного Круга в желательном для них смысле.

Уже за границей, при спокойной обстановке изучая и обдумывая прошлые события, ген. Деникин в 1926 г. написал:... «**Казачество сочло возможным самостоятельно и односторонне разрешить вопрос о построении общей власти.** 5-го января в Екатеринодаре собрался «Верховный Казачий Круг», который приступил «к установлению **независимого союзного государства... Идея самостоятельного казачьего государства и самостоятельной казачьей армии под влиянием кубанских самостийников по началу стала брать верх на Круге**» (Очерки, т. 5-й, стр. 292, 294).

Выше (гл. II) уже было отмечено, какой страх среди русских еще в конце 1919 г. вызвало намечавшееся тогда проведение в жизнь через об'единенный Доно – Кубано – Терский парламент построение самостоятельного Казачьего государства. Было также отмечено, какие меры предпринимали Деникины, Врангели, Богаевские, Харламовы, Покровские и др. для борьбы с этим казачьим течением: было проведено фиктивное назначение Донского Атамана Богаевского председателем правительства при Деникине; ген. Шкуро был назначен командующим еще не существовавшей Кубанской армией; Донской Атаман и председатель Донского правительст-

ва выступали на Круге с соответствующими заявлениями; прочитано было письмо главы Английской миссии ген. Хольмана об отказе Казачеству в помощи иностранным вооружением и т. д.

Однако, никакие меры не остановили большинства казачьих представителей в их желании осуществить, наконец, так давно лелеянную мысль об организации своего казачьего государства, со своей казачьей внутренней и внешней политикой, со своей казачьей армией. Эта государственная творческая мысль нашла свое выражение в постановлениях Верховного Круга, принятых 9-11 января (гл. IУ).

Ни натиск красных армий извне, ни большевистская пропаганда внутри, ни иностранные запугивания, ни нашептывание страхов, которые будто бы могли наступить, когда Деникин «вместе с Добровольческой армией перенесет борьбу на другой фронт» (на какой?), ни самая трудность государственной работы, за которую с таким опозданием взялись, наконец, казачьи представители, ни другие трудности не сбили казаков с дороги: постановление о государственной самостоятельности Казачьих Земель было принято Верховным Кругом 11 января...

И, вместе с тем, в упорных боях 5-8 января под Ростовом казаки разгромили и «красного» своего противника...

Снова блеснул луч надежды! Казаки после трехмесячного тяжелого отступления, после отдачи большевикам почти всей территории Дона, после двухлетней нудной, взаимно гибельной, «союзной волокиты» с главным командованием, казалось, воспрянули духом, почувствовали себя снова настоящими казаками, вольными и независимыми кузнецами своей собственной судьбы...

Стоило только подняться Кубани, стоило только приободриться Тереку и красный враг снова полетит в беспорядке на Север...

У кое кого теплилась надежда, что казаки – буденовцы (и Деникин, и быв. нач. развед. и операт. отделения штаба Донской армии полк. Добрынин, и красные авторы в один голос утверждают, что большинство

бойцов в трех конных дивизиях Буденного составляли казаки), увидя, что Казачество порвало с русской контр – революцией, увидев, что на Казачьих Землях строится казачье государство, бросят красные корпуса и возвратятся в родные казачьи корпуса, борющиеся за свою свободу. Ну, а с русской пехотой казаки справятся.....

Была ли тогда, в январе 1920 г., советская Россия так могуча на внутреннем и на внешнем фронте, что ее нельзя было разбить?

Для наиболее об'ективного ответа на этот очень важный вопрос обратимся к советским данным того времени.

Когда все усилия красного Кавказского фронта прорваться через р. Дон на юг 5-8 января разбились о доблесть казаков, главнокомандующий всеми вооруженными силами Советской России, ген. штаба полк. Каменев, принужден был серьезно задуматься над военной обстановкой на всех боевых фронтах сов. России, подвести итоги и сделать выводы. Обстоятельно проанализировав все, имевшиеся у него тогда, данные, 14 января 1920 г. он представил нижеследующий доклад:

«Главнокомандующему всеми вооруженными силами Республики. 14/27 января 1920 г. Номер 432/ОП. Гор. Москва. Совершенно секретно. В собственные руки. Срочно. Председателю Совета рабоче – крестьянской обороны РСФСР через председателя Рев. Воен. Совета Республики.

«К настоящему времени военная обстановка на боевых фронтах Красной армии РСФСР складывается следующим образом.

«На северном фронте, в виду сосредоточения до сего времени главного внимания и сил на более важных фронтах, наши операции здесь имели неподвижный характер.

«На Западном фронте военные события в настоящее время развиваются так, что более или менее оптимистические предположения, так уместные недавно и не позволявшие расчитывать на натиск здесь противника, ныне сменяются более серьезной обстановкой на фрон-

те. Поляки настолько широко развили свои операции в районе Латгалии, что это заставляет в данное время сомневаться в том, что наступление поляков основывается лишь на искренней помощи Латвии в овладении Латгалией. Успех польского наступления может иметь более крупные последствия: упоенная им армия, а вместе с ней и польское правительство, могут очень легко принять решение развить наступление на всем своем фронте. К этому необходимо добавить, что нет достаточных оснований считать, что Антанта прекратит свои попытки использовать Польшу в борьбе с советской Россией, а недавние успехи польской армии могут скорее побудить Антанту к воздействию на Польшу в развитии активных действий. Только что очерченная военная обстановка в конечном выводе говорит за то, что **на западном фронте необходимо быть готовым к крупной борьбе.**

«На Юго - западном фронте более или менее упорное сопротивление противника на путях к Одессе и в Крым, по последним данным, приводит к заключению, что и здесь окончательный успех потребует значительного напряжения сил...

«На кавказском фронте военная обстановка сложилась весьма серьезно. Задержка в нашем наступлении, происшедшая в силу местных условий (разлив Дона и других рек и ручьев), **явилась одной из главных причин того, что не удалось сразу, после взятия Ростова-на-Дону и Новочеркасска, нанести окончательный удар разбитым армиям Деникина к югу от Дона. Последние, пользуясь этой передышкой, оправились, пришли в порядок и могут оказать новое сильное сопротивление.**

«Если к вышеизложенному добавить, что нашим войскам приходится преодолевать такие естественные рубежи, как р. Дон и р. Маныч, в связи с сложившимися очень трудными условиями форсирования их вследствие раннего вскрытия, — все это говорит за то, что для нанесения окончательного и решительного удара Деникину необходимо не только продолжительное время, но и указывает, что если мы не будем вливать средства в войска кавказского фронта, особенно в виде пополне-

ния, то военное положение здесь может принять опасный характер.

«В восточной части Кавказа также оказалось недостаточно направленных здесь сил для владения районом Грозного и западным побережьем Каспийского моря.

«В Туркестане, по заявлению командующего фронтом тов. Фрунзе, наши задачи по упрочению положения советской власти в крае еще далеко не закончены.

«В Сибири военное положение снова обострилось тем, что завязавшиеся переговоры о перемирии с чехами не дали положительных результатов и мы оказались на положении воюющей с чехами стороны. Возможно, что последние ограничатся лишь обороной с целью прикрытия своего отхода к Владивостоку, но если бы чешское командование решило перейти к активным действиям, то известные уже нам отличные боевые качества чешских войск, количество их (до 35 — 40 тысяч) и, главным образом, те обстоятельства, что чехи могут оказаться тем остовом, вокруг которого могут сгруппироваться в короткий промежуток времени остатки бывших армий Колчака, отступающие к Иркутстку — все это создает нам на Востоке нового противника и притом довольно серьезного. Наши же силы в Сибири, во-первых, сильно растянуты вдоль всей Сибирской железнодорожной магистрали; во-вторых, с резко нарушенным управлением ими; и, в-третьих, имеют чрезвычайно обширный и неустроенный тыл, полный элементом, едва приобщенным к советской власти и могущим создать при всей неустойчивости крупные осложнения для нас. Только что очерченное положение в Сибири может создать для нас очень и очень серьезную обстановку и потребовать значительных сил.

«Все вышеизложенное в настоящем докладе говорит о том, что период вооруженного отстаивания существования Советской Республики еще не прошел, что ослабление военного напряжения Республики преждевременно, и что такое может повести к тому, что в ближайшее время необходимо будет еще большее военное

напряжение, чем было раньше при меньших уже шансах на успех...

... «Оценивая всю совокупность обстановки, главнокомандование считает себя обязанным заявить, что в настоящей стадии вооруженной борьбы необходимо снова встать на оставленную точку зрения полного напряжения военной мощи советской России, создать снова боевое напряжение всех сил Республики и продолжать поддерживать таковое до того времени, пока не будет нанесено окончательное поражение армиям Деникина, являющегося главным и непримиримым противником советской власти в России.

Подлинный подписали:

Главнокомандующий Каменев.
Наштаревсовет Лебедев.
Член РВСР Курский».
Военком штаба Данишевский.

Что военное положение сов. России в то время было не легким, видим это и из других данных. В январе 1920 г. сов. Россия принуждена была подписать мир с сравнительно небольшой Эстонией, подписала перемирие с Латвией, вступила в мирные переговоры с Финляндией. 10 января сов. Россия «обращается к трудящимся всех стран Согласия с воззванием, в котором указывает на подготовку Антантой нападения Польши на сов. Россию и призывает не допустить военной поддержки правительства Польши; 15 января Совет Народных Комиссаров предлагает Польше начать мирные переговоры; 22 января с подобным же предложением обращается к Польше украинское советское правительство и т. д. (Н. Какурин. Русско – Польская кампания 1918 – 1920. Москва, 1922, стр. 10).

Советское правительство, несмотря на все усилия, все же не могло справиться тогда с движением Махно и, в конце концов, принуждено было вступить с ним в союз. А разве можно было бы сравнивать силу махновской организации с силами общеказачьей военной организации, руководимой одной целью и одной волей?!...

Нет, не может быть сомнения в том, что и в начале 1920 г. хорошо и быстро организованное Казачье го-

сударство, опирающееся на свою армию, могло с успехом повести борьбу против советских войск, очистить свою территорию и защитить ее границы от нового советского нашествия.

Но не было согласия между всеми казаками, не было единения, не было одинакового понимания целей борьбы...

Когда на Верховном Кругу, хотя и с трудом, выковывалось единение, устанавливалась единая ясная цель борьбы, нашлись в среде казачьей люди, которые помогли врагам Казачества сначала ослабить, а потом и совсем разрушить добрые начинания.

Лицо, в качестве военного корреспондента близко стоявшее к командующему Донской армией ген. Сидорину и вообще к военным верхам казачьих и добровольческой армий в 1919 - 1920 г., и вследствие этого весьма хорошо осведомленное, Г. Н. Раковский, хотя частично приоткрывает завесу над тем, что творилось тогда в военных деникинских и деникинско - казачьих верхах для постепенной и незаметной ликвидации той государственно - творческой работы, которую осуществлял Верховный Круг Дона, Кубани и Терека.

«Большинство членов Верховного Круга», свидетельствует Раковский, «склонялось к полному разрыву с ген. Деникиным и лицами его окружавшими. Члены Верховного Круга готовы были идти на всякий риск, лишь-бы обособиться от Ставки и, в сущности, от Добровольческой армии. Препятствием к проведению этого желания в жизнь являлась та позиция, которую заняли представители военного командования, в особенности руководившего операциями на фронте — штаба Донской армии.

«Отрицательно оценивая политику Деникина, фронтовики - донцы стояли на той точке зрения, что ген. Деникин является носителем идеи единства России, а казачество всегда было и должно было быть носителем не только местных, но и общегосударственных идеалов. На той же точке зрения стояли и другие военно-начальники, считавшие, что разрыв с главнокомандую-

щим знаменует собою уход с фронта добровольцев и равносилен катастрофе...

... «**Вражда к главному командованию с каждым днем все более и более росла,** и на Верховном Кругу в Екатеринодаре делались все более и более решительные шаги в смысле **разрыва с главным командованием...**

«Не подлежало сомнению, что, если не будут приняты решительные меры, **разрыв произойдет...**

«Тогда представители Донского командования предложили Деникину собрать большое совещание, на котором оппозиция могла бы увидеть, что все военные начальники поддерживают главное командование, что, конечно, не могло бы не произвести на нее отрезвляющего впечатления. Мотивом к созыву совещания послужили и те затруднения, которые встречались при формировании Кубанской армии...

... «Необходимо было ребром поставить вопрос и заставить кубанцев немедленно самым энергичным образом формировать Кубанскую армию и тем самым поставить в центре, вместо вопросов политических — чисто военные, которые в данный момент были особенно важны. Со всеми этими мотивами Деникин согласился и совещание было созвано». («В стане белых», 68-78).

Как видим, решено было попробовать сбить Верховный Круг с той дороги, на которую он стал; решено было принудить кубанцев под знаменами Деникина снова бороться за неделимую Россию, заставить Казачество опять воевать за успех «белого» движения, потерпевшего уже полный крах...

«Для вящшаго воздействия на Круг», говорит Деникин, «по инициативе военных начальников я собрал 12 января в Тихорецкой, где находилась ставка, совещание из атаманов, правителей и командующих»...

На это совещание были приглашены: начальник штаба Деникина ген. Романовский, командующий Донской армией ген. Сидорин, начальник штаба этой армии ген. Кельчевский, ген. Покровский, ген. Шкуро, командир Добровольческого корпуса ген. Кутепов, Донской Атаман Богаевский, председатель Донского Правительства Мельников, председатель Донского Круга Харла-

мов, Терский Атаман Вдовенко, председатель Терского Правительства Абрамов, председатель Терского Круга Губарев, Кубанский Атаман Букретов, председатель Кубанского Правительства Иванис,председатель Кубанской Рады и Верховного Круга Тимошенко и др.

Все приглашенные, кроме Куб. Атамана ген. Букретова, председателя Куб. Правительства Иваниса и председателя Рады и Круга Тимошенко, были теми лицами, которые в 1918 - 1919 годах весьма активно поддерживали политику ген. Деникина; ту самую политику, которая привела уже Казачество к страшной катастрофе и которая была осуждена большинством членов Верховного Круга Дона, Кубани и Терека...

Совершенно естественно, что, собравшись для того, чтобы продемонстрировать единодушную поддержку ген. Деникину, участники совещания, по справедливости видя в Верховном Круге своего противника, на этом совещании произнесли соответствующие речи, например:

Донской атаман **Богаевский:** ...«Создается совершенно ненужный союз! Предатели затевают нечестную кампанию и ставят крест на нашем существовании!... Что было сегодня в Екатеринодаре? Два часа бессмысленных речей людей, ничего не понимающих в военном деле. Там собрались, чтобы воткнуть нож в спину... Если Добровольцы уйдут, все рухнет! Бредни... бессмысленные бредни ничего не понимающих людей... Если откажемся от общей власти, от общего командования, будет лишь совдеп»...

Ген. **Сидорин** — обвинял кубанцев в предательстве...

Председатель Донского Круга **Харламов:** «Самостоятельное казачье государство для нас не мыслимо»... Я считаю своим долгом отметить, что единственная речь, произнесенная на Верховном Круге, напоминающая о государственной идее и говорившая об общегосударственной власти, единственная речь — говорю это с болью в сердце — вышла из уст осетина»...

Председатель Терского Круга **Губарев:** ...«Тяжелая обстановка и атмосфера на Круге! Там слово «Россия» произнесено быть не может»...

Председатель Терского Правительства **Абрамов:** «Без общей государственной власти и согласия с главным командованием ни бороться, ни жить Терское Войско не может»...

Терский Атаман **Вдовенко:** «Течение у Терцев всегда одно. Золотыми буквами у нас написано: «Единая и Великая Россия». У терцев нет и мысли разрывать с Добровольческой армией»...

«В стороне от общего настроения собравшихся», говорит быв. председатель этого знаменитого совещания, Деникин, «стояли только кубанские представители — Атаман Букретов и председатель Рады Тимошенко» (Очерки, т. У, стр. 296 - 299).

«Демонстрация полного единения всех военных начальников была внушительна... Не менее единодушно высказано было осуждение Верховному Кругу и возобладавшим в нем течениям», говорит Деникин.

И далее тот же Денкин говорит, что высказанное на совещании сводилось к следующему:

1. Продолжение борьбы возможно, необходимо и обещает успех.

2. Необходимо немедленное выдвижение на фронт кубанских частей для прикрытия обнаженных ими направлений и для наступления.

3. Донская и Кубанская армии имеют право на существование, но составляют с прочими единую русскую армию, управляемую единой властью, которая использует казачьи и добровольческие корпуса на тех фронтах и в тех армиях, где этого потребует стратегическая обстановка.

4. Разрыв с Добровольческой армией знаменовал бы немедленное падение фронта и конец борьбы.

5. Добровольческая армия, добровольческие части, входящие в состав казачьих армий, и русское офицерство — местной власти не подчинятся.

6. Горские народы Сев. Кавказа власти Верховного Круга не признают.

7. Без идеи единства России и единства Армии — продолжение борьбы немыслимо. То тягостное неопределенное положение, в котором ныне живет армия, долее выносить нельзя. Необходимо немедленное разрешение вопроса о власти, ибо русское Добровольчество и офицерство готово сложить свои головы за Россию, но **за благополучие одного лишь казачества умирать не будет.** Это положение было высказано твердо не одними добровольческими начальниками, но и командующими Донской и Кубанской армиями (ген. Сидорин и ген. Шкуро).

«Для членов Круга ясно было, что реальная сила — фронт находится все еще в подчинении у главного Командования... Хотя формально совещание в Тихорецкой и не дало конкретных результатов», говорит Раковский, «однако, это совещание, несомненно, дало победу Деникину и перед членами Верховного Круга продемонстрировало их полную оторванность от фронта и резко отрицательное отношение к ним со стороны военных начальников. После совещания вопрос о соглашении с главным командованием можно было считать предрешенным, так как оппозиция убедилась, что реальная сила в лице представителей военного командования не поддержит ее в случае разрыва с Деникиным» (цит. выше книга, стр. 80).

Со всею отчетливостью как - бы вдруг проявилась старая болезнь казачьего государственного строительства, болезнь, подтачивавшая силы казаков, парализовавшая нормальное развитие казачьей государственности и, в конце концов, приведшая Казачество к русской большевистской неволе: все казачьи Войска, возрождая потерянную во времена царского владычества Казачью Свободу, восстанавливая свои парламенты — Круги и Раду, воскрешая многовековый институт казачьей власти — выборного Атамана и Правительство, утверждая свои казачьи Конституции, **выбирали в Атаманы, в председатели Кругов, вводили в состав правительства не настоящих борцов за казачью свободу и каза-**

чью государственную независимость, а ставили на эти высокие посты тайных и явных защитников единой и неделимой России.

За эту роковую ошибку Кубанское Казачество заплатило тем, что так и не смогло добиться организации своей Кубанской армии, заплатило страшным и позорным ноябрем 1919 г., унижением Рады и всей Кубани.

То же самое, только в больших размерах, произошло в начале 1920 г. с тремя Казачьими Войсками: Верховный Круг строил Казачье Государство, рвал с русской контр - революцией возглавляемой Деникиным, а **казачьи правители и казачьи высшие военные начальники демонстративно перешли на сторону Деникина, выявив этим не только свое несогласие с решениями верховного Круга по основным вопросам казачьего бытия, но и смело заявили, что они воспротивятся проведению в жизнь этих постановлений...**

И перед казачьими самостийниками вновь во весь рост стал вопрос: или отказаться от построения Казачьего Государства, или же немедленно и решительно удалить с казачьих верхов всех сторонников Деникина, заменив их решительными защитниками Казачьей Государственности. В первую очередь, надо было заменить всех тех казачьих правителей, которые на совещании в Тихорецкой высказались против решений Верховного Круга и за поддержку ген. Деникина...

Однако, Верховный Круг по формальным причинам не мог этого сделать, так как власти по отдельным Казачьим Войскам были поставлены местными Кругами — Донским и Терским и Кубанской Радой и только ими могли быть удалены и заменены новыми лицами.

В то время вышло наружу вновь и другое зло казачьей жизни: в самой толще казачьей, избиравшей депутатов на Круги и Раду, и среди этих избранников народа далеко не все было ясно, что касается борьбы за казачью государственную независимость. Не было, конечно, случайностью то, что на Дону и на Тереке председателями Кругов, Войсковыми Атаманами и председателями Правительств были только горячие сторонники России, только защитники оставления Казачьих Земель

в составе русского государства. Сама казачья масса через своих депутатов выбирала таких правителей, давала им моральную поддержку в их русской деятельности, а, значит, сама масса несла ответственность и за результаты политики своих выборных атаманов, председателей Кругов и Рады, и назначенных атаманами казачьих правительств...

Казачьи победы над красными войсками у ст. Ольгинской и Батайска подняли престиж и значение казачьего высшего командования — штаба Донской армии, руководившего операциями войск во время этих боев. Именно это командование было инициатором Тихорецкого совещания и само весьма активно и решительно поддержало ген. Деникина, приютившегося со своим штабом на станции Тихорецкой.

Деникин нужен был казачьим верхам, как лицо, возглавлявшее и олицетворявшее борьбу за ту именно идею, которой служили эти верхи — единой и неделимой России. Казачьи руссофильские верхи хорошо понимали и знали, что в провале казачьего освободительного движения виноваты и они, а не только ген. Деникин.

В свою очередь, Деникин жался к этим верхам потому, что только благодаря им и через них он мог использовать Казачество для русских целей.

Если бы стремление к Казачьей Государственности было бы воплощено в жизнь через Верховный Круг, на Казачьей Земле нечего было бы делать не только Деникину со своею ставкою, но и всем тем казачьим правителям, которые были против Казачьей государственной самостоятельности.

Поэтому казачьи (русские) верхи защищали Деникина, а последний защищал эти верхи, ибо они помогали ему вести борьбу против Казачьей самостийности. Между Деникиным и этими верхами давно уже установилась активная взаимная поддержка и «братская выручка» в борьбе за общие цели.

⁂

Штаб Донской армии через Тихорецкое совещание решил поднять покровительственную руку над оскро-

тевшей главою Деникина, затерявшегося и растерявшегося в бесконечной казачьей равнине. А ген. Деникин без совета этого штаба не делал тогда ни одного сколько – нибудь серьезного шага в казачьем вопросе.

Казачьей распыленности и неорганизованности русские противопоставили свою, правда неписанную, но морально крепкую и целостную русскую организацию, хорошо знавшую, чего она хочет и кто ее возглавляет и ведет на борьбу с противником.

Тихорецкая демонстрация единства, существовавшего между Деникиным и казачьими верхами, прошла настолько удачно и так воодушевила всех их, решивших открыто и смело выступить против Верховного Круга, что совещавшиеся 12 января в Тихорецкой решили дать политический бой казакам - самостийникам на заседании самого Круга в Екатеринодаре.

Сам председатель Верховного Круга И. П. Тимошенко протаптывал генералам дорожку к Верховному Кругу. «После совещания (в Тихорецкой) Тимошенко обратился ко мне», пишет Деникин, «с предложением прибыть на Круг, уверяя, что личное общение разрешит скорее и легче все недоразумения. Я ответил, что это будет зависеть от того, как отнесется Круг к вынесенным сегодня постановлениям» (т. У-й, стр. 298).

Оставляя в стороне вопрос о роли И. П. Тимошенко, пока отметим только один факт из его деятельности: после расправы с Краевой Радой и повешения А. И. Кулабухова, ген. Покровский немедленно собрал во дворце Кубанского Атамана совещание для обсуждения вопроса «о снабжении Кавказской армии»; на это совещание пришли и тогдашние члены Кубанского Правительства, а в числе их и министр продовольствия и снабжения И. П. Тимошенко, державшийся на совещании подчеркнуто – заискиварще перед Покровским; Тимошенко дошел до того, что лично Покровскому услужливо предложил снабдить его отличными окороками с одного из кубанских заводов... Человек, способный на такие поступки, оказался в такие страшные времена во главе бурного общеказачьего парламента, обязанного вывести Казачество на твердую, прямую дорогу...

Выступление ген. Деникина на Верховном Кругу было назначено на 16 января. Решено было, что Деникин выступит там с соответствующими программными заявлениями по всем основным вопросам.

Ген. Деникин, заготовив проект своей речи, предназначенной к прочтению на Верховном Круге, 15 января вечером прибыл с ним на станцию Сосыка **на совещание** с командующим Донской армии ген. Сидориным и его штабом. На совещании в Сосыке присутствовали ген. Деникин, нач. его штаба ген. Романовский, командующий армией ген. Сидорин, начальник штаба Донской армии ген. Кельчевский и начальник оперативного отделения этой армии полк. Добрынин.

Совещание, прежде всего, остановилось на обсуждении вопроса о положении фронта: «На оперативном докладе было выяснено, что начатая 14 января операция против прорвавшей фронт 2-го Донского корпуса конницы Думенко (на р. Маныче, в районе хут. Веселого; см. главу VII) сулит полный успех, в связи с чем временно исполняющий должность командира 4 Дон. корпуса ген. Павлов даже запрашивал о возможности преследования противника за р. Дон. Препятствием к этому являлась невыясненность двух вопросов:

1) будет ли в операции 15 января противником введена в дело, вместе с конницей Думенко, и конница Буденного (Конная армия Буденного к этому времени была переброшена из района Ростова - Нахичевани в район ст. Богаевской и направлялась для удара на нижнем Маныче);

2) каковы надежды на помощь Кубани и следует ли ожидать ее помощи.

В общем было выяснено, что особых надежд на Кубань сейчас возлагать нельзя, что ее казаками наглядно проявлены все признаки шкурничества и для придания законности уклонению большинство казаков идет без седел и лошадей. В заключение было намечено решение, если операции против конницы противника дадут хорошие результаты, то, быть может, придется действовать и дальше, по крайней мере, для захвата Новочеркасско - Ростовского плацдарма.

«Направлению Великокняжеская - Тихорецкая главком не придает особого значения даже в том случае, если бы здесь пришлось временно и осадить — главное направление это к политическому центру Дона».

Из приведенной выписки отметим, прежде всего, то, что врем. командир 4 Донского кон. корпуса ген. Павлов считал возможным гнать противника с р. Маныча за р. Дон, и что штаб Дон. армии и ген. Деникин признавали возможным «действовать и дальше». Это только подкрепляет высказанное нами выше утверждение, что возможно было тогда же начать освобождение территории земли Войска Донского, захваченной большевиками.

Важным является и то, что Деникин не придавал особого значения защите направления Великокняжеская — Тихорецкая. Важно это потому, что именно на это направление большевистское командование вскоре перенесло свой главный удар, решивший судьбу всего фронта (главы XI – XIУ).

Далее, на совещании «большое внимание было отведено вопросам политики. Командарм — ген. Сидорин — доложил Главкому информационный материал о Екатеринодаре, где Верховный Казачий Круг принимает решение для ответа на запросы, поставленные ему командованием.

«По одним данным настроение там после совещания 12 января сильно понизилось, по другим — Донской Атаман сделал некоторые уступки с занятой им позиции на заседании 12 января, принес извинения за резкие выражения в роде «совдеп» и т. д.

«Это изменение курса признано было Главкомом, командармом и их начальниками штабов совершенно непонятным и недопустимым и решено во всяком случае поддерживать Атамана, председателей Правительства и Круга, так как время для перемены признано неподходящим, а между тем против указанных лиц ведется сильная кампания» (из официальной записи об этом совещании).

Как уже отмечено было выше, на совещании 12 января в Тихорецкой Донской Атаман ген. Богаевский в

своих заявлениях глубоко оскорблял и унижал Верховный Круг. Члены Донского Круга — 50 из них входило в состав Верховного Круга, — узнав о таких заявлениях выборного Атамана, естественно, были глубоко возмущены его поведением. Богаевский принужден был принести извинения.

Однако, генералы Деникин, Сидорин, Романовский и Кельчевский — один казак и три русских, как видно из записи о ходе совещания, бывшего 15 января, были возмущены такой «уступкой» со стороны Богаевского, «так как время для перемены признано неподходящим», и эти генералы решили «во всяком случае поддерживать» своих коллег по работе среди казаков — г.г. Мельникова, Харламова и Богаевского. Для генералов было важно поддерживать несогласия, рознь и борьбу в среде Казачества, чтобы легче было держать его в своих руках.

Так действовали заговорщики против Казачьего Парламента, собиравшегося стать на Казачий Путь.

«Обратившись к вопросу предстоящего завтра выступления в Верховном Круге, Главком прочитал пространную и всесторонне разработанную им декларацию, законченную с громадным под'емом. Начинается декларация признанием сделанных ошибок и высказанным желанием их исправить. Обрисовав причины неудач, декларация указывает на то, что если Верховный Круг постановит взять в свои руки полноту Верховной власти, то **главнокомандование этому не подчинится.** Следствием этого разногласия будет уход добровольцев с фронта и полный развал и казачьего фронта, выяснить вину в чем будет делом истории, причем главнокомандующий отметил готовность сражаться за Россию и невозможность — только за Казачество».

Совещание всецело одобрило эту часть декларации Деникина и этим самым, вместе с ним, решило вступить на путь дальнейшей борьбы против проведения в жизнь решения Верховного Круга, принятого 11 января (глава IУ), об организации союзного Казачьего Государства.

При обсуждении дальнейшей части декларации «го-

рячий протест встретил пункт о передаче земли **за вознаграждение.** Высказано мнение, что **этого совершенно не следует говорить,** так как фактически никакое командование не в состоянии будет решить этот вопрос без Учредительного Собрания. Это возражение вызвало сильные колебания главкома. Видимо, стоя всецело на стороне народа, главком все таки еще болел и за тех, кого он считал обездоленными при проведении этой реформы.

— «Ведь у вас же тоже земля отбирается за выкуп?» пытался слабо возражать главком на пылкие выпады Донцов. Ответом на это послужило возражение, что дарственные земли и войсковые передаются бесплатно, а купленные — по тем оценкам, которые были в период перехода земли к последнему владельцу, что по нынешним ценам следует считать почти бесплатно.

Результатом этих разговоров явилось исправление главкомом пункта о земле в духе желаний Донского командования...

По другим вопросам особых разногласий не было.

Около 1 часа ночи 16 января совещание было кончено и главком был приглашен на ужин, во время которого были получены сведения о блестящих успехах Донцов и Добровольцев 15 января (глава VII). Около 3 часов ночи главком отбыл в Екатеринодар» (та же запись о совещании).

«16 утром мой поезд», говорит Деникин, «прибыл в Екатеринодар. Тотчас начались посещения целого ряда лиц, имевших целью побудить меня к уступкам и предотвратить возможный разрыв. Явились английский и французский представители, принеся навеянный Кругом, но все же далекий от его пожеланий проект государственного устройства Юга. Их речи были неуверенны, понимание положения сбивчивое, но цели несомненно искренние.

Пришел и Тимошенко (председатель Круга), который, в качестве аргумента в пользу уступок и соглашения с казачеством, привел «достоверное сведение» о... брожении в добровольческих кругах» (Очерки, т. У, стр. 299).

В полдень ген. Деникин прочитал на Верховном Круге свою длинную декларацию, в которой обещал «искупить свои большие и малые, вольные и невольные вины перед Родиной», говорил о том, что у него «болело сердце за тысячи погибших Добровольцев, которые, имея возможность безболезненно уйти в Крым, жесточайшими боями пробивались к Дону, чтобы вместе с Донцами грудью прикрыть Кубань и Кавказ»; говорил о последних казачьих победах на р. Дону и р. Маныче и об общей слабости советской России, упорно нападал на Кубанцев...

«И если Верховный Круг все же найдет возможным принять рискованное решение — откажется от организации общерусской власти, создаст Казачье Государство, отдельную армию и поставит ей задачу только самозащиты, то ни мне, ни Добровольческой армии здесь не место... Я с Добровольческой армией уйду. Русские офицеры и Добровольцы, заполняющие почти все технические части казачьих войск, уйдут с нами. **Уйдет и значительное число казачьих начальников...** В тот же день **рухнет весь фронт.** Большевики зальют Задонье и Кубань»...

Деникин выдвинул следующие положения:

1. Едина, Великая, Неделимая Россия.

2. Донская и Кубанская армии составляют неразделыную часть единой русской армии, управляемой одними законами и единой властью.

3. Борьба с большевиками до конца.

4. Автономия окраин и широкая автономия Казачьих Войск, историческими заслугами оправдываемая. Широкое самоуправление губерний и областей.

5. Правительство, ведающее общегосударственными делами, из лиц честных, деловых и не принадлежащих к крайним воззрениям. Полное обеспечение в нем интересов Казачьих Войск вхождением казачьих представителей.

6. Представительное учреждение законосовещательного характера.

7. Земля — крестьянам и трудовому казачеству.

8. Широкое обеспечение профессиональных интересов рабочих.

9. Всероссийское Учредительное Собрание, устанавливающее форму правления в стране.

Деникину ответил председатель Верховного Круга И. Тимошенко:

«Два года длится упорная, ожесточенная борьба», между прочим сказал Тимошенко, «и в этой борьбе Казачество заняло одно из первых мест. Оно было тем фундаментом, на котором укрепили знамя с лозунгом Великой, Единой, Свободной России. Великие русские патриоты генералы Корнилов, Алексеев и **наш** Главнокомандующий генерал Деникин, во имя освобождения поруганной и обесчещенной Родины борются рука об руку с казаками...

...«Мы глубоко ценим талант нашего вождя... Верховный Круг Дона, Кубани и Терека, об'явив себя верховной властью на Дону, Кубани и Тереке, **не мыслит себя совершенно отдельно, отрезанным государством от России!** Идея Великой, Свободной России Верховному Кругу близка и дорога! Верховный Круг так же будет бороться за эту идею!... Верховный Круг понимает и знает, что уход главнокомандующего ген. Деникина, уход добровольческих частей — **это гибель Казачеству,** но это вряд ли будет спасением и небольших частей добровольцев...

... Верховный Круг Дона, Кубани и Терека свято хранит в своих сердцах идею Великой, Единой, Свободной России», восклицал председатель Тимошенко («Вестник Верховного Круга», номер 7, за 20 января 1920 года).

Председатель Верховного Круга Тимошенко, как сказано выше, сам пригласил Деникина на заседание Круга. Тот же Тимошенко произнес потом выше приведенную речь (с текстом своей речи г. Тимошенко никого из членов Круга перед тем не познакомил). Сопоставляя эти факты, видим, что председатель Круга много сделал для того, чтобы склонить Верховный Круг к соглашению с ген. Деникиным. Тимошенко, бряцая звучными легкими фразами о казачьей самостийности, в дей-

ствительности, вместе с председателем Донского Круга В. Харламовым и председателем Терского Круга Губаревым, стал в одну шеренгу бойцов за неделимую Россию.

***

Каково же было настроение рядовых членов Верховного Круга и в какой степени ответная речь Тимошенко отвечала их желаниям? Один из очевидцев рассказывает: ... «Когда Деникин в эффектной форме корниловского полка стоял на трибуне перед членами Верховного Круга, **посторонние свидетели, и я в том числе, вполне определенно ощущали, что между главнокомандующим и серой массой казачьей, заполняющей зал заседания, ЛЕЖИТ ЦЕЛАЯ ПРОПАСТЬ. В кулуарах, где члены Верховного Круга в душной, прокуренной атмосфере оживленно делились своими впечатлениями, особенно остро чувствовалось, что ставка и члены Верховного Круга — ДВЕ НЕПРИМИРИМО ВРАЖДЕБНЫЕ СИЛЫ, которые никоим образом не могли вступить между собою в химическое соединение. Что бы ни говорил Деникин, ему не доверяли»** (Раковский. В стане белых, стр. 81-82).

Но казачьи верхи сделали все, чтобы Верховный Круг не порвал с Деникиным...

Отдельно стоит вопрос о кубанских — Атамане и Правительстве Иваниса, вышедших из недр «Кубанской Рады народного гнева». Для освещения действительной политической позиции и подлинного лица их, отметим пока — что только следующие факты.

1. Деникин произвел государственный переворот на Кубани в ноябре 1919 г. По приказу Деникина был повешен член Рады А. И. Кулабухов. Краевая Рада в сессии с 30 декабря до 7 января восстановила кубанскую государственность, поручив исполнительную власть вновь избранному Атаману Букретову. Новая власть не поставила вопроса о привлечении Деникина к законной ответственности за совершенное в ноябре злодеяние. Деникин свободно передвигался по территории Кубани. Больше того, новая власть вела с ним мирные переговоры и допустила появление его в столице Кубани...

2. Атаман Букретов и Правительство Иваниса фактически подтягивали казаков под знамена Деникина. 15 января 1920 г. появился следующий приказ:

ПРИКАЗ
Кубанскому Казачьему Войску, номер 32.
15 января 1920 г.

«Ко мне поступают донесения, что во многих станицах, отделах и полковых округах в настоящее время население занято политикой в ущерб плодотворной и крайне необходимой работе на помощь фронту.

Видимо некоторые казаки этих станиц склонны верить больше пропаганде, исходящей из подполья и из рук опытных провокаторов.

Стыдно! Пора бы казакам убедиться, что те «доброжелатели», которые сейчас сулят Казачеству разные блага и тем стараются усыпить их бдительность, не так давно, всего лишь год тому назад, на кровавом опыте и на казачьей шее показали, что всякие посулы и добрые обещания не в их духе.

Требую, чтобы отныне все население напрягло все силы к ускорению формирования частей, которые должны бодро и дружно влиться в ряды Кубанской армии, рожденной для защиты своих станиц от воли красного террора.

Время не ждет! Еще раз приказываю забросить раз'едающую нас политику. Одна должна быть политика — выдержка, спокойствие и победа над врагом, остальное приложится.

Войсковой Атаман, ген. шт. ген.-майор Букретов.
Член Правительства по военным делам,
ген. шт. ген.-лейт. Болховитинов».

Когда население призывали бросить заниматься политикой и безоговорочно идти на фронт, а сами продолжали вести далеко не ясную политику, ставленник Деникина — ген. Шкуро продолжал раз'езжать в это время по станицам Кубани в качестве командующего Кубанской армией, назначенного ген. Деникиным. Однако, Кубанский Атаман и Кубанское Правительство не ограничились этим: 18 января был издан «Приказ по Кубанскому Казачьему Войску, номер 45, назначавший

чуждого для Кубани ген. Стогова, Николая Николаевича, начальником штаба Кубанской армии, а полк. Булгакова, Константина Герасимовича, генерал - квартирмейстером Куб. армии, и при этом ссылались на ст. ст. 37 и 41 основных Законов Кубанского Края. Чтобы вполне ясным стало это назначение, надо иметь в виду, что ген. Стогов был ставленником ген. Деникина.

Таким образом, организуемую Кубанскую армию заблаговременно и предусмотрительно передали в руки русских генералов: Болховитинов — военный министр, Шкуро — командующий и Стогов — начальник штаба этой армии.

Нельзя сомневаться в том, куда повели бы кубанцев эти генералы... Кубанцам запрещали заниматься политикой, а сами, втихомолку, над казачьими головами замыкали русский круг...

Естественно, что Кубанские казаки, видя такую работу своих правителей, не очень то воодушевлялись на новые жертвы.

Глава VII.

Отход казачьих корпусов за р. Маныч. — Новый план советского командования. — Сосредоточение Конной армии Буденного и конного Корпуса Думенко на Маныче. — Ликвидация прорыва Думенко 13 - 15 января. — Телеграмма командарма Сидорина Атаману Богаевскому. — Прорыв Буденного на левый берег р. Маныча. — Бои 15 - 16 января — разгром армии Буденного. — Новое неудачное наступление армии Буденного в низовьях Маныча. — Причины поражений красной армии. — Разногласия среди высшего красного командования. — Новый командующий советским фронтом. — Приказ Донской армии 17 января 1920 г.

Схема 2.

Когда между Батайском и ст. Старочеркасской, 6 января 1920 г., казаки разбили Конную армию Буденного и отбросили ее за р. Дон, ободренный этим успехом командующий Донской армией ген. Сидорин 7-го января приказал командирам 2-го и 1-го Донских корпусов, действовавших на левом берегу р. Дона — в низовьях рек Маныча и Сала, «отбросить противника за р. Дон (на правый берег) на своих участках».

С своей стороны, командующий красной армией Шорин, спешил подтянуть к р. Манычу свои 9-ю и 10-ю сов. армии, чтобы достигнуть более сосредоточенного расположения советских сил.

1-й и 2-й Донские корпуса не выдержали натиска красных армий и не только не достигли поставленной

им цели, но под давлением красных отступали все далее на юго - запад.

8-го января 1-й Дон. корпус продолжал отход за р. Сал на участке слободы Мартыновки — х. Павловского. Левее его отходил 2-й Дон. корпус. 8-го января, «после боя с наступающим со стороны х. Сусальского и х. Кузнецовского на хутора Солоные противником», части 2-го корпуса отводились за р. Маныч.

Выход 9-й сов. армии на р. Маныч 8-10 января облегчил операции 10-й сов. армии, нажимавшей на кубанцев: к 13-му января 10-я сов. армия заняла фронт по правому берегу р. Маныча от зимовника З. Балабина через Великокняжескую до Соляных озер. Правее действовала группа войск 11-й сов. армии.

Появление 9-й и 10-й советских армий на р. Маныче в значительной мере изменило общее положение дел на всем фронте казачье - русской борьбы.

Сравнительно легкое продвижение 9-й сов. армии с р. Дона сначала на р. Сал, а потом и на р. Маныч в его нижнем течении и одновременные с этим систематические неуспехи Конной армии Буденного под Ростовом натолкнули красное командование на принятие нового плана боевых операций. Прежде всего, командармы 1-й Конной и 8-й сов. армий, потерпевших весьма серьезные поражения 5-8 января, решили, «не повторяя лобовых атак на Батайск, Конную армию сосредоточить у ст. Богаевской, а 12 (25) января ударить ею через Хомутовскую на Кущевскую, охватывая таким образом Батайскую группу противника с правого фланга и тыла, в то время, как пехота обоих армий будет вести наступление на ст. Ольгинскую».

Этот план в общем одобрил командующий фронтом Шорин. Главное советское командование в лице полк. Каменева директивой от 11 января указывало перенести центр тяжести операции против казачьих армий на маневр 9-й и 10-й армий; в частности 9-я армия получала задачу прорыва линии Маныча с целью обеспечения продвижения конного корпуса Думенко во фланг и тыл казачьим войскам, которые перед этим разгромили войска красных на линии Батайск - Ольгинская - Старочер-

касская – Манычская. (Гражданская война 1918 — 1921, т. III, стр. 292).

Тем временем 9-я сов. армия, дойдя до рубежа р. Маныча, сумела одной из правофланговых дивизий захватить ст. Манычскую, расположенную, как известно, на левом берегу р. Маныча — при его впадении в р. Дон.

Получив об этом сведения, главнокомандующий вооруженными силами Совет. России Каменев 12 января предложил следующий план операций Кавказского фронта: 8-я армия с передаваемыми ей из Конной армии 9-й и 12-й стрелковыми дивизиями получала задачу сковать силы противника на своем фронте; Конная армия должна перейти форсированным маршем из района Ростова — Нахичевани в район ст. Раздорская — ст. Константиновская, потом усилить свой состав присоединением конного корпуса Думенко и 21-й стрелковой дивизией из 9-й армии, прорвать казачий фронт на нижнем Маныче и ударом в общем направлении на ст. Мечетинскую охватить с фланга и тыла войска противника, занимавшие фронт от устья р. Маныча по р. Дону до гор. Азова.

Однако, командующий фронтом Шорин изменил этот план в том смысле, что приказал корпусу Думенко самостоятельно прорвать фронт на р. Маныче в районе хуторов Ефремов — Веселый и действовать в направлении на ст. Мечетинскую, а 1-й Конной армии Буденного было приказано прорвать казачий фронт на р. Маныче в районе х. Мало - Западенского и дальше наступать на фронт ст. Кагальницкая — ст. Хомутовская. (Гражд. война 1918 — 1921, т. III, стр. 292).

Согласно последнему плану, как видим, красная конница должна была прорвать казачий фронт примерно на протяжении 25 верст и выйти на линию железной дороги Батайск — Торговая в районе станиц Хомутовской — Кагальницкой — Мечетинской.

Действия этих двух конных большевистских групп — Буденного и Думенко — фактически не были согласованы: корпус Думенко перешел в наступление через р. Маныч рано утром 13 января, а 1-я конная армия —

только в 2 часа ночи 15 января. Этот разнобой значительно облегчил работу казачьей конницы.

⁂

Остановимся сначала на действиях конницы Думенко. Официальные данные штаба Донской армии об этом говорят следующее: «13 января, сегодня с утра противник повел наступление значительными силами со стороны х. Спорный на х. Веселый и выбил из последнего 3-ю бригаду сводной дивизии. В дальнейшем, наступая на х. Процков и на Поздеев, коннища противника, повидимому, корпуса Думенко, окружила 2-ю и 3-ю бригады сводной дивизии к северу от Процикова и забрала в плен почти всю пехоту и артиллерию. Спаслись, ускакав, только начдив с наштадивом и дивизионная конница. Перешедшая в наступление 1-я пластунская бригада и Ополченская бригада заняли было восточную окраину х. Веселого, но были атакованы конницей и отошли, все же отбив у красных 4 орудия, потерянных 3-й бригадой; наступление 4 дивизии из района х. Хорольского на Процков также успеха не имело и части отошли в исходное положение».

Перед началом этой операции казачий фронт занимали 1-й, 2-й и 3-й Донские корпуса, а 4-й конный корпус, сыгравший такую блестящую роль в боях 5-8 января под Ольгинской, находился в армейском резерве в ст. Кагальницкой. Командующий армией ген. Сидорин решил использовал именно этот корпус для ликвидации опасного прорыва фронта конницей Думенко.

Переговорив по аппаратам со штабами 1-го и 4-го корпусов, командующий Донской армией спешил отдать следующую директиву:

«Комкорам 1, 2, 3, 4, Добровольческого, копия Наштаглав и наштармкав» (хотя Деникин и назначил ген. Шкуро командующим Кубанской армии, но ее еще фактически не существовало, а была попрежнему Кавказская армия, почему эта директива посылалась для сведения не начальнику штаба Кубанской арм., а начальнику штаба Кавказской армии. Ред.).

Противник, обрушившись сегодня из района х. Спорный в общем направлении на Мечетинскую конни-

цей, поддержанной пехотой, нанося удар нашей Сводной дивизии, к вечеру вел бой в 8 верстах севернее ст. Мечетинской.

Я решил, сдерживая противника на остальном фронте, разбить его прорвавшуюся группу, для чего приказываю:

1) Первому корпусу, сосредоточив возможно большие силы на своем левом фланге, сильным ударом на запад в тыл прорвавшейся группе противника, отрезать ему путь отступления.

2) 4-му корпусу, подчинив себе 4-ю конную дивизию (из состава 2-го корпуса), разбив прорвавшегося противника, отбросить его за р. Маныч, после отойти в исходное положение.

3) 2-му корпусу остальными силами оказать содействие 4-му корпусу.

4) 3-му и Добровольческому корпусам обеспечить операцию с севера, не допустив переправы противника через р. Дон.

О получении донести.

13 янв. 1920 г. 23 часа. Нр. 0209-К.

Ген. Сидорин».

Исполняя вышеприведенную директиву, 14 января «4-й кон. корпус, выступив с утра из ст. Кагальницкой, к ночи сосредоточился: 9-я дивизия в х. Попов и 10-я див. в х. Н. Кузнецовский; подчиненная командиру 4 конного корпуса 4-я кон. дивизия ночевала в районе х. Хорольского; авангардный полк, выдвинутый в направления на Проциков, вечером южнее этого хутора вел бой с 2 – 3 конными полками противника».

В течение этого дня — 14 января — «Думенко распространился из границ занятого накануне района, заняв хутора В. Хомутец, Таловский, Поздеев и Мало - Западенский».

Отметим, что в то время, когда корпус Думенко, прорвав казачий фронт 13-го января утром, два дня — 13 и 14 января — находился уже на левом берегу р. Маныча, как-бы в казачьем мешке, Конная армия Буденного, перейдя в район ст. Богаевской, располагалась следующим образом: 4-ая кон. дивизия в ст. Богаевской,

6-я кон. див. в хут. Елкин и 11 кон. див. в хут. Хохлатовском, «где последняя производила рекогносцировку переходов через р. Маныч; правее и левее находились части 9-й сов. армии (И. Тюленев, 1-я Конная за Ростовом, стр. 115).

Бездействие Конной армии Буденного 14 января дало полную возможность 4-му Донскому корпусу за этот день произвести необходимую перегруппировку. К вечеру 14-го января 4-й Дон. корпус сосредоточился для перехода 15 января в атаку на прорвавшуюся конницу Думенко.

В этот же день — 14 янв. — Буденный отдал приказ о переходе Конной армии в наступление через р. Маныч ночью под 15 января.

Отметим, что 14 января штаб Донской армии имел совершенно точные сведения о районе сосредоточения Конной армии Буденного. Поэтому утром 15 января 4-й Дон. корпус, совместно с частями 2-го Дон. к-са, уверенно перешел к ликвидации корпуса Думенко.

Необходимо отметить и то, что один 4-й Дон. корпус в то время более чем в два раза численно был сильнее корпуса Думенко. Не могло быть сомнения в исходе предстоящего боя.

О самом бое 15-го января имеются следующие данные штаба Дон. арм.: «Около 9 час. сегодня авангард 4-го кон. корпуса завязал бой с противником у хуторов В. Хомутец, Процков и Поздеев. С нашей стороны с начала боя введена была почти вся артиллерия и красные начали отступать, преследуемые нашими частями. Планомерный отход красных до х. Талового далее обратился в поспешное отступление, а от. х. Процикова в беспорядочное бегство.

У х. Веселого красные пытались оказать упорное сопротивление и к югу от него выставили большое количество артиллерии, открывшей сильный огонь по наступающим частям корпуса. Стремительной атакой наших конных полков красные снова были опрокинуты и в беспорядке бросились через Маныч. Несмотря на большие морозы лед проваливался и большое количе-

Сидорин действительно спешил оказать моральную под-

ство орудий с упряжками, пулеметы и всадники стали тонуть.

К северу от х. Веселого конница красных неслась в полной панике; дорога от х. Веселого до х. Солоного усеяна орудиями, зарядными ящиками, повозками, брошенными ящиками со снарядами и трупами.

К 16 часам наши части вышли к хуторам Солоным, где завязался бой.

В сегодняшнем бою взято свыше 20 орудий, много пулеметов, зарядных ящиков и обозы. Потери Корпуса незначительны. Со стороны противника сегодня в бой было введено 9 конных полков корпуса Думенко, а на правом берегу Маныча — дивизия пехоты»...

В этот же день — 15 января — левофланговые части 9-й сов. армии перешли в наступление через р. Маныч у зимовника Янова и далее наступали двумя колоннами — на зим. Ф. Королькова и вверх по балке Сухая Кугульта, вступив в упорный бой с 14 конной и 4-й пластунской донскими бригадами 1-го Корпуса. На этом участке фронта развязка боя наступила только 16 января (см. далее).

15-го же января 8-я сов. армия, перейдя в наступление на участке ст. Аксайская — г. Нахичевань, силою до 10-ти пеших (по другим сведениям — 6 полков) и двух конных полков, двинулась на ст. Ольгинскую; но после упорного боя с частями 3-го Дон. Корпуса большевики были отброшены на правый берег р. Дона, оставив в руках казаков 500 пленных, много пулеметов и «батарею с полной упряжкой, которая была тот-час же повернута против красных и обстреливала их бегущие толпы».

В этом бою 8-я Дон. див. понесла значительные потери.

По случаю одержанных побед в боях 15 января командующий Донской армией обратился к Донскому Атаману ген. Богаевскому с нижеследующей телеграммой:

«Донскому Атаману, копия Кубанскому Атаману.

«Спешу донести Вам, **А т а м а н,** о новой победе, одержанной Донской армией и входящим в нее Добровольческим корпусом.

Противник, потерпев неудачу в боях 6-8 января, стремился совершить скрытую перегруппировку в районе Мелиховской — Богаевской с тем, чтобы оттуда обрушится на 2-й Корпус. Конница Думенко, прорвав фронт 2-го корпуса, вышла на южный берег Маныча на линию Хомутец — Процików — Поздеев.

Учитывая общее положение и предугадывая натиск противника в этом направлении, командованием были сосредоточены резервы для контр - удара (4-й Дон Корпус был брошен против Думенко уже после сделанного им прорыва. Ред.). Сегодня, 15 января, противник перешел в решительное наступление по всему фронту от хутора Веселого до устья Дона, развернув не менее семи пехотных дивизий и более двух корпусов конницы. Атаки масс пехоты на Добровольческий и 3-ий корпуса с огромными для противника потерями были отбиты, при чем Добровольческий корпус захватил много пленных, пулеметов и другие трофеи и отбросил противника за Дон. 3-ий Корпус, переходя в контр - атаку, у одной только Аксайской переправы разбил 10-ти (шесть!) пехотных полков противника, захватив батарею с полной упряжкой и 500 пленных.

4-й конный корпус с конницей 2-го Корпуса повел с утра наступление против конного корпуса Думенко и к вечеру разбил его, отбросив далеко за Маныч и захватив 20 орудий. Весь путь отступления противника за Маныч усеян пулеметами, обозами, зарядными ящиками и брошенными орудиями. Лед на р. Маныч не выдержал, отступавшие части противника и масса людей и лошадей провалились под лед.

Рад, особенно поделиться с Вами победой, зная, что Вы не покидали армию в самые трудные ее моменты и не теряли веры в ее силу и неизменную крепость духа в то время, как масса малодушных, разнося панику по тылам гнусными разговорами о мире с большевиками спасая свою жизнь, бежали в Екатеринодар и Новороссийск.

16 января 1920 г. 4 часа. Станция Сосыка. Нр. 0240-К Сидорин».

Конец этой телеграммы ясно говорит о том, что ген.

держку Богаевскому, согласно постановлению совещания в ночь под 16-е января (см. главу 6). Об этом говорит и посылка копии телеграммы только Кубанскому Атаману. Как сказано выше, генералы во главе с Деникиным 15 января совещались до 1 часу ночи, около 3-х часов ночи ген. Деникин выехал из Сосыки в Екатеринодар на Верховный Круг, а в 4 часа ночи уже летела в Екатеринодар вышеприведенная телеграмма ген. Сидорина.

Демонстрировалось единение победоносной Донской армии с ген. Богаевским, упорно ведшим наступление, на Верховный Круг Дона, Кубани и Терека (главы II, IУ, УI).

***

Конная армия Буденного вечером 14 января получила от своего командарма следующий приказ: «11-й и 6-й кавалерийским дивизиям ночью начать переправу через р. Маныч в районе хуторов Мало - Западенский и Княжевско - Леоновский, где энергичным напором сбить противника и в дальнейшем наступать в общем направлении на станицу Хомутовскую с целью выйти в тыл частям противника, действующим в районе ст. Ольгинская — Батайск; 4-й кавал. дивизии двигаться вслед за 11-й и 6-й кав. дивизиями, развивая их успех» (выше цитир. работа Тюленева, стр. 116).

В 2 часа ночи 15 января части Конной армии начали переправу через р. Маныч по льду, вступив в ожесточенный бой с Донскими частями, занимавшими переправу (7-я дивизия донцов). После 3-х часового боя Конармии удалось занять х. Мало - Западенский и далее развить успех на х. Поздеев, при чем большевики утверждают, что они взяли 1500 пленных.

В 14 часов начальник 7 кон. дивизии донес, что в х. Мало - Западенском сосредоточилось 9-ть конных полков красных и что в направлении х. Мало - Западенского движется еще около 6 полков конницы противника. Части 7-й Донской дивизии к ночи отошли в район хуторов Усманов — Пустошкин, т. е. за один день отступили верст на 15.

Приходилось ликвидировать и этот прорыв крас-

ной конницы. В виду того, что находившийся перед этим в резерве в районе ст. Кагальницкой 4-й Донской кон. корпус 15-го января был скован боем с красным корпусом Думенко, командующий Донской армией приказал Кубано – Терскому Сводному корпусу ген. Агоева перейти в подчинение командира 4-го Донкорпуса и сосредоточиться в ст. Кагальницкой. Перед этим Кубано – Терский корпус находился в подчинении командира Добровольческого крпуса ген. Кутепова.

Конная армия Буденного, очевидно, еще не оправившаяся после понесенных ею поражений в боях 5–8 января под Ростовом, действовала теперь очень неуверенно.

В ночь под 16-е января командующий Донской армией приказал:

... «Ген. Павлову — 4-й Дон. К-с, подчинив себе конный корпус ген. Агоева, который должен сосредоточиться в районе ст. Кагальницкой, дружным выдержанным ударом разбить конницу Буденного и части противника, потеснившие в районе Воровско – Бальского 7-ю дивизию. Ген. Гусельщикову — 3-ий Дон. К-с, с приданной ему 7-й дивизией оказать ген. Павлову энергичное содействие... 16 янв. 20 г. 2 часа ночи».

На 16-е января в руках ген. Павлова оказались 10-я и 9-я кон. дивизии 4-го Дон. корпуса, 4-я кон. дивизия из 2-го корпуса, Кубанская див. и Терская див. — общей численностью не менее 12 тысяч бойцов.

16 января в 8 часов утра, в районе к северу от х Поздеева 9-я Донская конная див. завязала бой с противником. «Противник, обрушившись превосходными силами, вынудил дивизию отойти в хут. Веселый и далее к хутору, что в 4-х верстах южнее Веселого; здесь часть дивизии была собрана и отведена в х. Процков» (сводка). Словом, эта Донская дивизия понесла поражение и была даже рассеяна противником.

4-я Донская дивизия, которая должна была одной бригадой прикрывать переправу у х. Веселого, а двумя другими бригадами, действовать на правом берегу р. Маныча (приказ на 16-е января), не смогла выполнить возложенную на нее задачу и отошла к х. Казачьему...

Положение спасла 10-я Донская дивизия. «Около 9 часов утра 10-я дивизия 4-го Донского корпуса атаковала со стороны х. Поздеева колонны красных, двигавшиеся от х. Мало - Западенского на х. Веселый (красные преследовали 9-ю Дон. див.). Наша атака была настолько стремительной, что массы конницы до 6.000 была смята и в беспорядке бросилась за Маныч через переправу у х. Платова (у восточной окраины лимана Пресного). Захвачены многочисленные трофеи, 20 орудий, много пулеметов и пленных, принадлежащих к составу 4-й, 6-й и 11-й конных дивизий Буденного. Преследование противника продолжалось до переправы у х. Платова и частью сил до х. Федулова. В виду наступившей темноты и появления со стороны х. Ефремова трех больших колонн противника, дивизия в полном порядке была отведена в район к югу от х. Поздеева. Потери дивизии незначительны» (оперативная сводка).

После боя 16 января части ген. Павлова расположились следующим образом: 1) 4-я дивизия в районе х.х. Харченко, Казенный, Кирпичный и В. Хомутец, 2) 9-я див. в районе х. Веселого, 3) 10-я див. в районе Персиянов — Поздеев и 4) Кубано - Терский Сводный корпус ген. Агоева в районе х. Хорольского. Штаб ген. Павлова — в хут. Процикова.

Большевики признают, что после боя 16 января их «11-я кав. дивизия временно утратила свою боеспособность» (Гражд. война 1918 — 1921, III-293).

Один из советских авторов по поводу этих боев говорит следующее:

«Необходимо отметить, что когда Конная армия вела ожесточенные бои **15, 16** и **17** января, то 8-я и 9-я армии вели себя пассивно и этим самым давали возможность противнику свободно маневрировать и бить нас по частям»... Однако, это утверждение не вполне соответствует действительности, так как 8 армия, как отмечено выше, 15 января перешла было у Ростова и Нахичевани большими силами в наступление на ст. Ольгинскую, но в тот же день наступавшие части красных были разбиты казаками 3-го Донкорпуса и отброшены за р. Дон с значительными потерями.

Также 15 января у Яновской переправы перешли в наступление через р. Маныч части 9-й сов. армии, но 16 января были разбиты храбрыми казаками 1-го Донского корпуса, при чем казаки взяли 13 орудий, 40 пулеметов, 1500 пленных и обозы.

17 января Конная армия Буденного отошла к ранее занимаемым пунктам и донесла в штаб фронта, что в данном районе одной Конной армии достичь успеха весьма трудно.

В ответ на это командующий фронтом Шорин 17-го же января (даты по старому стилю) директивой Нр 00119 об'единяет под общим командованием Буденного конный корпус Думенко и еще подчиняет Конармии 21 стрелковую дивизию 9-й армии и снова приказывает продолжать наступление в районе ст. Богаевской. Надо сказать, что это распоряжение Шорина находилось в согласии с указаниями красного Главкома со дня 12 января.

18 января части Конармии с конкорпусом Думенко и 21 стр. дивизией составляли вместе 14.150 сабель, 2139 штыков, 47 орудий, 333 пулемета и были расположены 4-я кон. дивизия в ст. Богаевской, 6-я кон. див. в х. Елкин, 11-я кон. див. — в х. Хохлатовском, конный корпус Думенко в Большом и Малом Солоных и 21 стр див. три версты южнее станицы Богаевской.

Этими силами Буденный переходит в наступление 19 января в таком порядке: 4, 6 и 11 конные дивизии переправляются чуть свет через Маныч у х. Мало - Западенский и ведут наступление на х. Веселый, одновременно с этим конкорпус Думенко тоже должен был вести наступление на х. Веселый и 21 стр. дивизия — занять переправы через р. Маныч в районе станицы Манычская — х. Мало - Западенский... «Но так как противник 19 января тоже перешел в наступление», говорят большевики, «то частям Конармии пришлось принять встречный бой; Думенко не подчинился приказу Буденного благодаря чему части Конармии вынесли на своих плечах неравный бой и, понятно, не достигли успеха».

Согласно данным Донской армии, 18 января на фронте 4-го Конного Донского Корпуса боевых столкно-

вений не было, при чем этот Корпус занимал фронт по Манычу в районе х. Веселый — х. Платовский, разведку и наблюдения выдвинув на правый берег р. Маныча На всем остальном фронте Донской армии и Добровольческого корпуса тоже было — «спокойно» или «без перемен».

К вечеру 19 января части 9-й Дон. дивизии 4 Корпуса контр - атакой отбросили конницу красных от х Процикова и, преследуя, выбили его из х. Веселого (Думенко). Красные отошли на правый берег Маныча. В районе х. Платова два полка противника также отошли на правый берег и двинулись в сторону Манычско - Балабинского. Эскадрон красных перешел было через Маныч у х. Хирный и двинулся к зим. Демин, но частями 4-й д. был отброшен. В тот же день Верхне - Донская ополченская кон. бригада 3-го Донского корпуса, преследуемая от х. Мало - Западенского двумя - тремя полками красных, отошла в район Воровско - Бальский красные заняли х. х. Самодуров и Усманов... Но конная группа полк. Старикова наступлением от ст. Манычской оттеснила конницу противника из этих хуторов и к ночи возвратилась к ст. Манычской. Большие силы пехоты красных наступали от х. Хохлатовского на ст. Манычскую, но были отбиты...

20 января частями 4-го Донкорпуса были отброшены на правый берег Маныча большевистские конные части, еще задерживавшиеся на левом берегу р. Маныча в районе х. х. Мало - Западенского и Платова (части армии Буденного).

***

Вяло и разрозненно действовали большевисткие конные и пешие части, в течение январьских боев запуганные блестящими сосредоточенными ударами казачьей кавалерии и пехоты. Особенно тяжелым для большевиков было поражение их кавалерии на р. Дону и на р Маныче.

О причинах этих неудач большевистских армий у советских авторов находим много разных рассуждений Например, один из таких авторов пишет следующее:

... «Основными причинами неудачи... служит следующее:

1. Направление главного удара от Ростова на Батайск было нацелено в лоб главным силам противника...

2. Чрезвычайно невыгодные условия местности для действий значительных сил, главным образом, конницы не были в должной мере учтены...

3. Действия 8-й и 9-й армий не были сообразованы с наступлением 1-й Конной, выполнявшей главную задачу...

4. Упорное сопротивление белых частей в течение наших январьских операций свидетельствует о значительном повышении боеспособности противника, что являлось результатом энергичных мероприятий командования белых в период передышки, предоставленной противнику красной армией, задержавшейся в своем наступлении на р. Дон...

5. «Твердость», проявленная командованием фронта в нанесении неоднократных лобовых ударов, однообразных в сущности по своему замыслу, страдала отсутствием необходимой оперативной гибкости и ясного учета, складывавшейся обстановки (Б. Майстрах. Маныч — Егорлыкская — Новороссийск, стр. 14 – 15).

В другом труде советских авторов по этому же вопросу читаем следующее: «Рассматриваемое вне связи с политико - моральным состоянием положение «вооруженных сил юга России» являлось несравненно более выгодным под военным углом зрения, чем их противника (советских войск). Их тыл сблизился со своими военными базами и базами людских пополнений, опираясь на сильные местные рубежи в виде р. Дона и р. Маныча. Пользуясь местными особенностями этих рубежей (болотистая широкая долина Дона), проходимых по известным направлениям, и сильно занимая Батайское и Великокняжеское направление, они могли действовать подвижными маневренными резервами по внутренним операционным направлениям. Это давало им возможность отбрасывать по очереди обратно на противоположный берег те красные части, которые одна за другой пе-

реправлялись на их сторону. Наконец, впервые, пожалуй, за всю историю гражданской войны белые могли испытать столь знакомые красным преимущества перевернутой политической базы. Таковой для белых являлась Донская область. Выброшенная из нее Донская армия, отделенная от нее только течениями рек Дона и Маныча, стремилась к возвращению обратно на Родную территорию с оружием в руках. Это стремление находило свое отражение в повышении боеспособности Донских частей. Мы видели, как неоднократно и жестоко битая конной армией конница Мамонтова (4-й Дон. корпус) вновь обрела свою боеспособность и начала не без успеха состязаться с Конной армией.

Несомненно, что на под'ем боеспособности белых влиял и ряд их частичных успехов. Последние явились следствием введения в дело красных сил по частям (сначала 8-я и Конная армии, затем по частям 9-я и, наконец, 10-я армии), отсутствия единства и твердости управления (командармы 8-й и Конной все время «согласуют» свои действия), **некоторого разнобоя в среде высшего красного командования** и трудных условий местности и погоды» (Гражданская война 1918 — 1921, т. III, стр. 296).

Не отрицая того, что все выше отмеченные причины имели то или иное влияние на исход боевых операций, тем не менее можно утверждать, что было две **основных** причины весьма серьезных поражений советских войск:

1) доблесть казачьих частей, защищавших Родную Землю от чужого завоевания

и 2) моральная слабость советских армий, шедших на завоевание чужого.

***

Неудачи Конной армии Буденного на р. Маныче вызвали новые острые разногласия между командованием красным фронтом и Революционным Военным Советом Конной армии. Командующий фронтом Шорин главную причину неудачи усматривал в том, что Конная армия после удачного боя 15 (28) января при переходе Маныча потеряла полсуток, не преследуя противника. Это утверждение Шорина соответствовало действитель-

ности. Член Р. В. С. Конной армии Ворошилов указывал на отсутствие об'единенного руководства двумя конными группами — Думенко и Буденного, что тоже отвечало правде. Думенко вырвался вперед, когда Конная армия только что готовилась переправляться через р. Маныч. Поэтому казаки могли порознь справиться — 15-го января с корпусом Думенко, а 16-го января с Конной армией Буденного.

Командарм Буденный и Револ. Воен. Совет его армии, после поражения под ст. Ольгинской — Батайском, как известно, сами просили высшее советское командование о том, чтобы Конную армию могли перебросить из под Ростова на Маныч, при чем Буденный был твердо уверен в успехе операции.

Теперь, потерпев весьма серьезное поражение и на р. Маныче в боях 16 и 19 января командарм Буденный и Рев. Воен. Совет Конной армии послали непосредственно председателю Револ. Военного Совета Республики Троцкому, главнокомандующему Каменеву и копию командующему сов. фронтом Шорину нижеследующую телеграмму:

«С 30 декабря (12 января по нов. ст.) последними директивами командующего Кавказским фронтом Конная армия была брошена одна в бой без общего наступления всех армий. В ожесточенных боях между 30 декабря (12 января) и 20 января (2 февраля) Конармия потеряла 3.000 кавалеристов и лошадей. Необходимы срочные меры по усилению пехотных частей Азов — Манычская и немедленный переход в наступление по всему фронту. Конский состав уменьшился вдвое и приходит в полную негодность. Только безотлагательные, экстренные меры могут спасти положение. Все мои обращения к командующему фронтом остались без результатов. Жду срочных распоряжений.

Командарм 1-й Буденный. Члены РВС Ворошилов. Щаденко».

Эта телеграмма ясно говорит не только об остром конфликте в среде высшего красного командования, но.

главным образом, свидетельствует о том, в каком тяжелом положении находился в то время Кавказский советский противоказачий фронт. Перед Казачеством открывались широкие возможности для победы над советскими войсками и для освобождения Дона и нижнего Поволжья от большевистских армий...

Конфликт между Буденным и Шориным красная Москва разрешила очень просто: она удалила Шорина и командующим фронтом назначила Тухачевского.

***

Подводя итоги январьским боям, командующий Донской армией Сидорин 17 января обратился к армии с нижеследующим приказом:

ПРИКАЗ
ДОНСКОЙ АРМИИ.
17 января 1920 г. Нр. 25 Ст. Сосыка

Доблестные Войска Донской армии и Добровольческого корпуса!

Когда преступный наш тыл совершенно разложился и наша администрация, погрязши во взяточничестве, позабыв Закон и нужды населения, восстановила против армии народ занятой нами территории; когда противник, сосредоточив на фронте все силы, перешел в наступление, вы принуждены были начать отход.

Вы геронически дрались, вы, отходя, наносили противнику удары, но на два фронта борьбу вы были не в силах выдержать и с мучительной болью в сердце, лихорадочно сжимая винтовку, шли на юг, храня свои ряды.

Даже тогда, когда все бежало и все бросалось — обмундирование, целыми вагонами лежавшее в тылу в то время, когда фронт был раздет, снаряжение, транспортные средства и т. д., даже в это время вы держали фронт, и единственно вы, мужественные и честные, вносили бодрость и уверенность в том, что еще не все погибло.

И вы, великие, спасли дело борьбы!

5 января было первым днем, когда, перейдя на левый берег Дона, вы должны были или победить, или, не выдержав, начать последний отход.

И вы победили!

В районе Ольгинской и Батайска вы нанесли самому сильному врагу огромный урон и резко оборвали его самонадеянность и мнимую непобедимость.

15 января на Маныче, у Старочеркасска и старого Азова, освященного памятью Великого Петра, вы одержали новую блестящую победу, победу, в которой со всей силой явились героизм войск и мудрость вождей

Это — победа, моральный результат которой неисчислим. Противник разбит на всем фронте! Его вера в свою победу пала, его дух сломлен.

Вы же, сильные духом и смелые, стали непобедимы!

Теперь с вами будут только победы!

Ваши великие вожди и атаманы — Корнилов и Алексеев, Каледин и Назаров незримо будут присутствовать среди вас и своим великим духом будут вести вас вперед.

Не бывать прошлым ошибкам! Борьба за народ и для народа, за Россию и для России, за Казачество и его свободу — это ныне основы нашей борьбы и нашей работы.

Единым фронтом пойдут казаки и добровольцы сметут коммуну и тем положат начало миру между русских людей.

Ваши победы — тому залог, ваши жертвы — тому приказ.

За них вам, смелым и сильным, мое, вашего Командующего, великое спасибо!

Приказ этот прочесть всем казакам и добровольцам.

Генерал - лейтенант **Сидорин».**

Мягко стлал ген. Сидорин. Но беда в том, что снова казачьи победы собирались использовать не для построения Казачьего свободного Государства, а для достижения совершенно непосильной и ненужной для Казачества цели — построения неделимой России.

Верховный Круг Дона, Кубани и Терека приступил к организации Союзного Казачьего Государства, а командующий казачьими вооруженными силами, давая

справедливую оценку казачьим победам, в то же время вел пропаганду в пользу «белой» России...

Не может быть сомнения в том, что этим приказом ген. Сидорин хотел оказать нужное для русских воздействие на членов Верховного Круга и вообще на казаков в духе заявлений казачьих и русских правителей на совещании в Тихорецкой 12 января, в духе решений на совещании в штабе Донской армии на станции Сосыка, ночью 15 – 16 января и в полном соответствии с основными положениями программной речи ген. Деникина, произнесенной на Верховном Кругу 16 января (глава VI)...

Твердо и уверенно шли русские политики к раз намеченной цели...

Глава VIII.

Причины неуспеха национальных освободительных движений на Юге, Юго - Востоке и Востоке бывшей России. — Терская, Донская и Кубанская резолюции по вопросу об об'единении. — Казачье - русский компромисс. — В 1920 г. Деникин принял то, что отвергал в 1919 г. — Неискренность обоих сторон. — Решение Верховного Круга 22 января. — Организация Южно - русского правительства Н. М. Мельникова. — Вопрос о раненных и больных. — Делегация Круга в Грузию, Армению, Азербейджан и к Горским народам. — Перерыв сессии Верховного Круга.

Неуспех национальных освободительных движений на Юге, Юго - Востоке и Востоке бывшей Российской империи об'ясняется многими причинами.

Среди этих причин первое место занимает, без сомнения, влияние России на эти народы, систематически проводившееся в жизнь в течение долгих двухсот - трех сот лет.

Русские методы национальной политики общеизвестны: завоевания или просто «присоединение», последующее подавление восстаний; тюрьма, порка, ссылки и казни национальных героев, осмелившихся словом или делом стать на защиту своей национальности; ликвидация национальной школы и церкви; посулы изменникам и предателям из среды самих народов; привилегии и различные приманки для тех классов и сословий порабощенных народов, которые по тем или иным причинам

поддерживали русские интересы, русское влияние, русскую власть; и т. д. В общем же — последовательное обрусение, борьба с национальными движениями, жестокая борьба с сепаратизмом, установление повсюду русской централистической власти...

Единство религии — православная церковь — у подавляющего большинства славянского населения империи, подчиненность церковных властей светской власти — тоже сыграли видную роль в деле обрусения украинцев, казаков и, отчасти, белоруссов.

Сравнительно большой процент русского населения на национальных территориях, особенно в городах, естественно, являлся опорой, как для царской, так для большевистской и для русской контр - революционной — «белой» власти на этих землях; известно, что значительное число лиц, составивших в 1917 - 1920 годах кадры русского большевистского или русского антибольшевистского движения на не-русских территориях дало русское население, осевшее на «окраинах» во времена русского владычества.

Русская или обрусевшая нерусского происхождения интеллигенция, служившая и работавшая, напр., на казачьих территориях в органах станичного, сельского, аульного, городского и государственного управления, в школах, в церквах, в армии и т. д., во времена самодержавия, представляла из себя готовые кадры для укомплектования русской «белой» или русской «красной» власти во времена тяжелой борьбы 1917 - 1920 годов.

Но самую главную отрицательную роль в борьбе национальностей, вне сомнения, сыграла **неподготовленность и масс, и интеллигенции** не русских народов на Юге, Юго-Востоке и Востоке б. России.Отсутствие хорошо подготовленных, в горниле борьбы закаленных, достаточных кадров национальных работников, которые в нужную минуту могли бы взять в свои руки политическое руководство борьбой, которые организовали бы национальную устную и печатную пропаганду, которые организовали бы органы центральной и местной своей государственной национальной власти и армию; которые во-время связались бы с внешним миром и органи-

зовали бы пропаганду своего освободительного дела среди чужих народов — было одним из самых больших минусов национальных освободительных движений в нашем недавнем прошлом.

Решающее отрицательное значение в деле национальной борьбы против советских войск, во многих случаях, особенно на Казачьих Землях, сыграло также отсутствие на национальных территориях запасов вооружения, снаряжения, санитарного имущества, медикаментов, инструментов и т. д.

Не малую роль сыграли, конечно, и Союзные державы (Антанта) на Юге (Англия, Франция и Италия) и на Востоке (Англия, Япония, Франция, Соединенные Штаты Северной Америки),поддерживавшие, как известно, в первую очередь, организаторов русских антибольшевистских армий, ибо на первом плане у Союзников стоял вопрос борьбы против большевизма в пользу единой неделимой...

Видным и в то же время трагическим недостатком борьбы национальностей за освобождение в описываемое время было то, что значительная, хотя и меньшая, часть населения «окраин» активно поддерживала большевизм, идя в ногу с красной Москвой или даже пополняя ее армии, и этим самым это, большевистски настроенное, меньшинство бросало антибольшевистское большинство нерусского, национально неподготовленного, населения в коалицию или даже в союз с русским «белым» движением.

Борьба в некоторых случаях незаметно заменялась или переходила в борьбу социальную «в общерусском масштабе», в борьбу «белой» и «красной» России. К тому же национальные или краевые парламенты и правительства, осуществляя радикальную земельную и иные реформы, наносили экономический, правовой и моральный ущерб части богатого и привилегированного во времена царей населения, представители которого, забыв национальный долг перед своим народом, переходили в стан русской контр – революции с целью, через победу последней, защитить прежде всего свои, частные, хозяйственные и иные интересы.

Кроме отмеченных выше слабых сторон и недостатков в национальных освободительных движениях, недостатков, проявившихся на Юге, Юго - Востоке и Востоке и приведших к временному проигрышу в этой непрерывной борьбе, отрицательную роль именно у казаков играло еще и то обстоятельство, что **Казачество разделялось на отдельные Войска Казачьи, на отдельные Республики,** каждая из которых имела свои слабые стороны, свои болезни и свои недостатки: всюду существовал большой, сложный и больной казачье - иногородний вопрос, на Тереке — казачье - горский, а на Кубани не раз давал себя чувствовать еще и черноморско-линейский вопрос...

Немалую отрицательную роль в казачьем движении сыграло и то, что Казачьи Войска были разделены значительными районами, заселенными неказачьим населением, или районами со слабым численно казачьим населением — Ставропольская губернии, Астраханские песчаные просторы по обоим сторонам нижнего течения р. Волги, Донецкий шахтерский остров и т. д.

Русскому большевистскому количеству **Казачество не сумело противопоставить общеказачью организованность, общеказачье единство сил и средств, общеказачий государственный разум...**

Все время шла борьба между русской и казачьей идеей, при чем у русских был свой организующий и собирающий силы политический и военный центр — Деникин и Добровольческая армия — у «белых», Ленин и коммунистическая партия, — у «красных», а **у казаков** подобного центра не было; больше того, казачье - русские верхи стремились уничтожить все попытки организации настоящего общеказачьего политического, военного и государственного руководящего центра; казачье-русские верхи стремились русский деникинский центр обмотать и укрепить послушной казачьей физической силой. Известно, что злокачественный член семьи может принести своей семье далеко больше вреда, нежели стороняя враждебная особа...

***

Русские пришлые и местные русские и казачье-рус-

ские политики, в общем, довольно умело вели свое дело (см. главы IУ и УI).Они сумели использовать в своих интересах январьские победы казаков на р. Доне и на р. Маныче: после побед 5–8 января у Батайска – Ольгинской — 12 января появилось Тихорецкое совещание с его демонстрацией взаимного понимания, дружбы и тесного сотрудничества между казачьими правительственными верхами и ген. Деникиным, демонстрацией преданности Деникину всех высших военных руководителей казачьих армий и третированием Верховного Круга Дона, Кубани и Терека; после тех же побед и Тихорецкого совещания ген. Деникин смог 16 января появиться на Верховном Круге и произнести там речь, в которой подхваливал Донцов и Терцев и поносил Кубанцев; а казачьи победы 15–16 января на р. Маныче были использованы русскими для того, чтобы склонить Верховный Круг к соглашению с ген. Деникиным — этим ставленником казачьих правителей и казачьих военных верхов....

Через полчаса после выступления ген. Деникина с программной речью на Верховном Кругу 16 января 1920 г. (см. главу УI) состоялось частное совещание членов Верховного Круга Дона, Кубани и Терека, на котором председатель конституционной комиссии Круга Д. Е. Скобцов доложил, «что при выполнении комиссией поручения Верховного Круга — установить те положения, которые должны служить предметом переговоров с Главнокомандующим, в комиссии обнаружились два основных течения; согласно взгляду большинства комиссии создание союзной власти для Дона, Кубани и Терека не должно исключать возможности создания общегосударственной власти, которая может быть образована по принципу соглашения; по взгляду же меньшинства — союзная власть Дона, Кубани и Терека и есть южнорусская власть» («Протоколы заседаний Верховного Круга Дона, Кубани и Терека с 4-го по 30-е января 1920 г., номера 1–17, издание канцелярии Верховного Круга. Екатеринодар, 1920).

На этом совещании членов Круга начались горячие прения, в которых приняли участие Ю. А. Коробьин, Г.

Ф. Фальчиков, В. В. Шапкин, Г. И. Яцков, председатель Донского Правительства Н. М. Мельников, Д. Е. Скобцов, В. Ф. Синев, И. В. Баев, председатель Терского Правительства В. Абрамов, В. И. Баскаков, А. А. Рябцев, И. С. Базалий и П. М. Агеев. Отметим, что в самый разгар этих прений была оглашена «телеграмма начальника штаба Донской армии о крупных успехах, достигнутых 15 января на Донском и Манычском фронтах».

В конце концов, на этом совещании большинством голосов было принято следующее положение: «Создание союзной власти для Дона, Кубани и Терека не должно исключать возможности создания государственной власти, которая может быть образована по принципу соглашения». Меньшинство же совещания голосовало за следующее предложение: «Союзная власть Дона, Кубани и Терека и есть южно – русская власть»...

После этого утомленное совещание членов Круга приняло следующие тезисы: «1. Образование южно-русской власти на основе народного представительства; 2. Осуществление народного представительства через особый орган с законодательными функциями; и 3. Ответственность перед законодательным органом имеющего быть сформированным правительства» (первый и второй тезисы приняты единогласно, третий — большинством голосов против 1).

17 января заседания Верховного Круга не было. Происходили совещания фракций Донской, Кубанской и Терской. Члены Круга колебались.

В то время Донское командование фактически руководило и ген. Деникиным (Деникин был в одиночестве. В январе 1920 г. Деникин фактически никем уже не командовал и ничем не руководил, так как Добровольческим корпусом распоряжался штаб Донской армии, а Крымскими войсками — ген. Слащев; Крым фактически вышел из повиновения Деникину) и политикой казачьих русских верхов — правителей и некоторых членов Верховного Круга, организационно не связанных, но об'единенных горячим желанием сломить Верховный Круг, ибо, в случае торжества самостийнического казачьего течения на этом Круге, русское военное командование

казачьими вооруженными силами и русские казачьи правители не только проигрывали политически, но должны были бы уступить свое место тем казакам, которые честно взялись бы за работу построения Казачьего Государства и организацию его защиты.

И Донское командование смело шло вперед, подняв щит, на котором было написано: Богаевский — Деникин — Россия.

Выше (глава VII) была уже приведена телеграмма которую командующий Донской армией ген. Сидорин 16 января послал ген. Богаевскому; был приведен также и Приказ Донской армии, изданный 17 января, призывавший казаков спасать Россию...

17-го же января ген. Сидорин послал следующую телеграмму:

«Главнокомандующему вооруженными силами Юга России ген. Деникину и ДонскомуАтаману,
копия Кубанскому и Терскому Атаманам, копия председателю Верховного Казачьего Круга, копия — председателю Донского Круга.

«Счастлив донести и приветствовать Вас с новой большой победой, одержанной Донской армией и входящими в нее войсками Добровольческого корпуса.

Продолжая движени к югу, красные 15 января перешли Маныч у Яновской переправы и заняли район зимовников С. Жеребкова и Ф. Королькова. 16 января решительным наступлением пластунов с юга и беззаветной атакой конницы 1-го Корпуса с севера во фланг и тыл противник был смят и разгромлен. Полностью уничтожены 29-й кавалерийский полк, 1-я бригада 14-й дивизии, 2-я бригада 22-й дивизии и 23 кавалерийский дивизон. Взято 13 орудий, 40 пулеметов, 1500 пленных и все обозы.

В районе нижнего Маныча конница Буденного, двигаясь от х. Мало-Западенского на х. Веселый, повидимому, для содействия корпусу Думенко, была атакована 10-й дивизией 4-го Конного корпуса (гл. VII). Атака была настолько стремительной, что масса в 6.000 коней в беспорядке бросилась за Маныч и преследовалась до переправ и частью сил дальше. Взято множество трофеев

20 орудий, много пулеметов и пленных, принадлежащих к составу 4-й, 6-й и 11-й дивизий Буденного и к конной бригаде Блинова.

В ночь на 17 января Дроздовцам была поставлена задача разбить противостоящего противника на участке х. Колузаев — х. Обуховский, и они блестяще выполнили эту операцию. Атаковав противника ночью, в бурю, метель и мороз, доблестные Дроздовцы в рукопашном бою захватили 5 орудий, 20 пулеметов и 300 пленных.

Всего за операцию 15 и 16 января взято 64 орудия свыше 100 пулеметов и 2500 пленных.

Рад особенно засвидетельствовать мужество и безаветную удаль нашей конницы, добровольцев и пластунов, ведущих эти славные бои в невероятно трудной обстановке в стужу и бурю, а поражение сильнейшей группы — Буденного и на новом направлении еще больше укрепляет во мне веру в близость того часа, когда враг окончательно будет сломлен и покатится на север

Нр 0260-К. Ст. Сосыка. 17 января 1920 г.

Ген. Сидорин».

Политическая сторона этой телеграммы была ясна а) ген. Сидорин особенно подчеркивал, что сотрудничество казаков с русскими на поле брани дает блестящие победы, открывающие широкую дорогу к окончательной победе над большевиками, б) ген. Сидорин с этими победами приветствовал Главнокомандующего Деникина и Атамана Богаевского и этим самым подчеркивал. что именно эти лица возглавляют те силы, которые дали такой выдающийся успех в борьбе с красным противником, в) председатель Верховного Круга получил только копию телеграммы, чем подчеркивалось, что Всеказачьему Кругу, провозгласившему себя Верховной казачьей властью, принадлежит другорядное, если не третьерядное место в пирамиде властей...

На вышеприведенную телеграмму командующего Донской армией президиум Верховного Круга ответил:

«Ваша телеграмма о доблестных победах 15 января получена тогда, когда Верховный Круг, об'единив Дон, Кубань и Терек, закрепляет об'единение с Добровольческой армией под общими лозунгами, признаваемыми

Главнокомандующим и Верховным Кругом: все для воссоздания Единой и Свободной России, земля трудовому народу и казачеству, и законодательство, обеспечивающее рабочий труд.

Восхищенный и вдохновенный Вашей победой, Верховный Круг видит в ней решительный поворотный пункт к одолению наглого врага, разорившего и опозорившего Родину.

Верховный Круг с особенным воодушевлением напрягает все силы разумения к об'единению армий и разрозненных частей Родины, видя в этом могучую и несокрушимую силу фронта и тыла.

Да послужит наша работа и стремления залогом новых побед. 17 января 1920 г. Нр 35. Председатель Верховного Круга Тимошенко. С подлинным верно: секретарь Верховного Круга П. Прокопович».

(Текст этой телеграммы Кругу доложен не был).

Действительно, блестящие победы на фронте после трехмесячного уныния, упадка духа, после страшного отступления ободрили и воодушевили казаков. Эти победы отодвинули на задний план другие вопросы. Многим казалось, что стоит только оформить об'единение казаков с добровольцами, как все пойдет хорошо и быстро к желанному концу.

Ответ президиума Круга командующему Донской армией предрешил временный исход борьбы между казачьими самостийниками и их русскими противниками. Оставалось только оформить русско - казачье соглашение.

Каждая из трех фракций Верховного Круга — Терская, Донская и Кубанская — отдельно обсуждала вопрос о тех основах, которые должны были стать фундаментом соглашения между казаками трех Войск и русским «белым» движением (между Верховным Кругом и ген. Деникиным). Деникин не допускал «ограничения полноты военной власти главнокомандующего», поэтому категорически настаивал на том, чтобы фактически в его руках была сосредоточена вся власть, чтобы те министры, которые имели ближайшее отношение к армии и ведению военных действий — военно - морской, путей

сообщения и снабжения, — подчинялись бы только ему — Деникину, чтобы он имел право неограниченного «вето» над решениями Законодательной Палаты...

Посмотрим, как отнеслись Терцы, Донцы и Кубанцы к условиям соглашения, выставленным Деникиным.

После длительных и, иногда, довольно бурных обсуждений, 18 января фракции Верховного Круга вынесли свои постановления - резолюции по вопросу о соглашении. В виду того, что эти резолюции представляют особый интерес, приведем их полностью.

Терская фракция Верховного Круга постановила:

«1. Главнокомандующий вооруженными силами на Юге России есть и глава Южно – Русской власти.

2. Глава Южно – Русской власти избирает председателя Правительства.

3. Совет министров формируется на основе об'единенного правительства.

4. Правительство ответственно перед Законодательной Палатой.

6. Министры военный, снабжения, путей сообщения — ответственны перед Правителем, но входят в состав кабинета. Военные кредиты отпускаются в общем порядке, но составляют особый военный фонд.

7. Палата представителей с властью законодательной, с представительством от всех областей, но с преобладающим казачьим представительством.

8. «Вето» предоставляется Правителю абсолютное».

Из вышеприведенного постановления Терской фракции видим, что Терцы согласились принять те условия, на которых настаивал ген. Деникин.

Донская фракция вынесла следующее постановление:

«Исходя из соображения, что все борющиеся против большевизма силы, при наличности сходства принципов будущего политического устройства России и разрешения насущнейших ее вопросов — земельного, рабочего и национального, должны быть об'единены на почве честного компромисса по вопросам второстепенного значения и, принимая во внимание, что Главное Командова-

ние вооруженными силами на Юге России, с одной стороны, и Верховный Круг Дона, Кубани и Терека, с другой стороны, в заседаниях 15, 16 и 17 января с. г. установили:

А) абсолютное обязательство для себя следующих обязательных основных принципов, во имя коих ведется борьба: — 1) Всероссийское Учредительное Собрание, как Верховная неограниченная власть государства Российского, 2) земля трудящимся, 3) охрана рабочего труда и 4) раскрепощение всех национальностей России по вопросам их культуры и быта от всероссийского центра,

и В) принципиальное признание того положения, что путь к успешной борьбе с большевиками лежит через идею народоправства, воплощаемую в представительном органе с законодательными функциями и в правительстве, ответственном перед народным представительством,

— Донская фракция, признавая, что ее идеалом является законченное народоправство в форме демократической республики, по условиям военной обстановки **находит приемлемым и необходимым** образовать незамедлительно общую для юга России власть с теми дефектами в виде абсолютного «вето» Главнокомандующего и неответственности перед народным представительством министров: военно - морского, путей сообщения и военных снабжений, на которых Главное командование настаивает, как ультимативных своих предложениях, — в твердой надежде, что: 1) власть, организованная на началах, в отношении коих соглашение достигнуто, гарантирует нас от ошибок в законодательстве и управлении, которые имели место в минувшем и которые явились ближайшею причиною нашего неуспеха, и 2) при непосредственном знакомстве Главного Командования с народными представителями, оно отбросит те, навеянные на него третьими лицами, представления о самостийниках и демагогах, которые заставляют его осторожно относиться к охране своих прав в ущерб последовательной, демократически организуемой власти, и усовершенствует Южно - Русскую власть, согласившись

на устранение ее нынешних, с точки зрения демократии. недостатков».

Как видим, и Донская фракция приняла условия генерала Деникина, хотя и с длинными оговорками...

Кубанская фракция вынесла такое постановление.

«Заслушав сообщение о результатах переговоров с Главнокомандующим ген. Деникиным, Кубанская фракция постановила:

1) Возглавление Южно - Русской власти предоставляется Главнокомандующему, как таковому, по обстоятельствам военного времени.

2) Южно - русская власть создается на началах народоправства: а) законодательное народное представительство на началах пропорциональности; б) условное «вето» Главнокомандующего, в) правительство с полной ответственностью перед Законодательным представительным органом.

3) Верховный Круг, как ячейка будущего Законодательного Органа, принимает участие в формировании Правительства, вплоть до кандидатуры на пост председателя правительства.

4) Верховный Круг предлагает исполнительной власти немедленно создать представительство от Черноморской и Ставропольской губерний и принимает основы Конституции Южно - русской власти и избирательного Закона по созданию Законодательного органа.

5) Верховный Круг одновременно с этим продолжает работу по созданию Союзного Государства на основах, принятых Верховным Кругом».

Из этого постановления Кубанской фракции, прежде всего, видим, что Кубанцы отвергли требования Деникина по вопросу о безответственности перед Законодательной Палатой трех министров: военно - морского путей сообщения и военных снабжений. Кубанцы стояли на том, что и эти министры должны нести полную ответственность перед Законодательной Палатой, т. е., что последняя своим голосованием может удалить и этих министров. Далее, Кубанцы соглашались предоставить Главнокомандующему только относительное «вето».

Не менее важным было и то, что Кубанцы предла-

гали: а) продолжить работу Верховного Круга, «как ячейки будущего законодательного органа», б) немедленно создать представительство и от Черноморской и Ставропольской губерний и, самое главное, в) продолжить работу Верховного Круга для **создания Союзного Государства из Дона, Кубани и Терека** на тех основах, которые были приняты Верховным Кругом 11 января 1920 г. (глава IУ).

Но, раз Донцы и Терцы не настаивали больше на организации Казачьего Союзного Государства, то кубанцам просто не с кем было строить этот Союз. — Между казаками не было согласия по самым важным вопросам того времени. Казачья цель борьбы снова начала заволакиваться туманом... И, по прежнему, бродили казаки в политических потемках...

После оглашения постановлений трех фракций Круга в его открытом заседании еще раз подчеркнуто было расхождение между представителями трех Войск. Ради выяснения вопроса о возможности сближения точек зрения Донцов и Терцев, с одной стороны, и Кубанцев, с другой, 18 и 19 января состоялись закрытые заседания членов Верховного Круга. Разбирался вопрос о том, какой **наказ** даст Верховный Круг для той комиссии, которая от имени Круга должна была вести переговоры с ген. Деникиным.

В вечернем заседании Круга 19-го января был принят следующий **наказ:**

«1. Южно – русская власть устанавливается впредь до созыва Всероссийского Учредительного Собрания.

2. Первым главою Южно – русской власти, по соглашению Верховного Круга Дона, Кубани и Терека, с одной стороны, и Главного Командования вооруженными силами Юга России, с другой стороны, признается генерал Деникин.

3. Преемник его избирается Палатою народных представителей от государственных образований и областей, освобожденных от советской власти, на срок, определенный Палатой.

4. Законодательная власть на Юге России осуществляется Законодательною Палатою из представителей,

избранных населением по пропорциональному принципу.

Примечание: Впредь до сформирования Законодательной Палаты, функции этого органа отправляет Верховный Круг Дона, Кубани и Терека.

5. Функции исполнительной власти, кроме возглавляющего Южно - русскую власть, отправляет Совет Министров, ответственный, как в целом своем составе, так и в лице отдельных членов перед Законодательною Палатою.

Примечание: На время гражданской войны постановление об ответственности членов Совета Министров перед Законодательной Палатой на военного министра не распространяется (настоящее примечание принято по настоятельному предложению членов Верховного Круга ген. В. И. Баскакова (Терец) и ген. Г. П. Янова (Донец).

6. Председатель Совета Министров назначается лицом, возглавляющим Южно - русскую власть, а члены Совета Министров утверждаются им же по представлению Председателя Совета Министров.

7. Лицу, возглавляющему Южно - русскую власть, принадлежит право **относительного** «вето».

Этот **наказ** был принят большинством голосов, против 12, при 6 воздержавшихся.

В комиссию для переговоров с ген. Деникиным на этом же заседании Верховного Круга были избраны **И. П. Тимошенко, М. Н. Гнилорыбов, В. И. Баскаков и Ф. С. Сушков.**

21 января на станции Тихорецкой состоялось совещание для обсуждения все того же вопроса об основах соглашения между Верховным Кругом и ген. Деникиным. На этом совещании присутствовали а) вышеназванные делегаты Верховного Круга и б) ген. Деникин, Донской Атаман Богаевский, командующий Донской армией ген. Сидорин, председатель Донского Правительства Мельников, начальник штаба Деникина ген. Романов-

ский, начальник штаба Донской армии ген. Кельчевский, В. Н. Челищев, Н. А. Савич и полк. Глазков.

На этом совещании русские согласились принять то, что ген. Деникин категорически отвергал в 1919 г. во время работ Южно - русской Конференции (см. ч. III «Трагедии Казачества») — ответственное министерство. Законодательную Палату, условное «вето» и т. д.

Но русская сторона при переговорах категорически настаивала на том, что военный министр и министр путей сообщения ответственны только перед главою Южно - русской власти и категорически отвергала право Верховного Круга на исполнение им законодательных функций до созыва Законодательной Палаты, а также **отвергала право Верховного Круга на продолжении им работ «по созданию Союзного Государства на основах, принятых Верховным Кругом»...**

После возвращения делегации Верховного Круга с этого совещания в Тихорецкой, в тот же день — 21 января — состоялись заседания Донской, Кубанской и Терской фракций, на которых обсуждались окончательные предложения русской стороны, оказавшейся весьма настойчивой в виду выше приведенных решений Терской и Донской фракций, принятых 18 января.

Кубанская фракция 21 января решила голосовать против предложенных Деникиным условий соглашения. Значительная часть Донцов колебалась принять эти условия и только меньшинство Донской фракции и Терская фракция, всецело соглашались принять предложения русской стороны.

22 января вечером состоялось заседание Верховного Круга, на котором должен был решиться вопрос о соглашении. Перед заседанием Круга снова были фракционные совещания. В заседание Кубанской фракции явились: Кубанский Атаман ген. Букретов, председатель Куб. Правительства В. Иванис, военный министр Кубани ген. Болховитинов и министр внутренних дел Л. Белашов. Войсковой Атаман и Председатель Правительства настаивали на пересмотре решения Куб. фракции В. Круга, заявив, что они к разрыву еще не готовы, так как главное, еще не организована Кубанская армия... Под

влиянием этих настояний Кубанская фракция большинством 17 против 15 голосов постановила в официальном заседании Верховного Круга голосовать **за соглашение**. Зашатались и Кубанцы...

Перед голосованием вопроса о соглашении с ген Деникиным на официальном заседании Верховного Круга 22 января особые заявления сделали представители Донской, Терской и Кубанской фракций. Представитель Донской фракции полк. **М. Н. Гнилорыбов** между прочим сказал: «Нас заставляет голосовать за эту резолюцию не сила убеждения, а **внешние обстоятельства...** Донская фракция допускает отступление от чистоты демократических принципов с болью в душе, ради спасения Родного Края... Донцы подошли сейчас к вопросу с практической стороны и чашка весов, на которой оказался лишний Добровольческий Корпус, перетянула»...

Представитель Терской фракции ген. **В. И. Баскаков** предложил принять условия ген. Деникина в целом.

Представитель Кубанской фракции **Рябцев** заявил ... «Кубанская фракция нашла пункты ген. Деникина далекими даже от скромных пожеланий Круга, а тем более от идеала последней, но, принимая во внимание то обстоятельство, что идеалы эти слишком дороги, и во имя их столько было пролито крови, принимая во внимание, что целью работ по организации Южно - русской власти является созыв Учредительного Собрания и об'единение сил для борьбы с большевизмом — высказалась за принятие упомянутых выше положений в целом»... (Протоколы заседаний Круга. Газета «Кубанская Воля» за 24 января. Г. Покровский. Деникинщина).

22 января Верховный Круг утвердил текст соглашения с ген. Деникиным.

22 - 23 января Верховный Круг избрал особую комиссию для ведения дальнейших переговоров с ген. Деникиным в следующем составе: от Донской фракции — **П. М. Агеев** и **М. Н. Гнилорыбов,** от Терской фракции — **К. И. Сапронов** и **В. И. Баскаков** и от Кубанской — **П. И. Курганский** и **Ф. С. Сушков.**

23 января председатель Верховного Круга И. П. Ти-

мошенко, по поручению Круга, обратился к ген. Дени кину с нижеследующей телеграммой:

1. Южно – русская власть устанавливается на осно вах соглашения между Главным командованием воору женными силами на Юге России и Верховным Кругом Дона, Кубани и Терека впредь до созыва Всероссийско го Учредительного Собрания.

2. Первым главою Южно – русской власти по со глашению Верховного Круга Дона, Кубани и Терека, с одной стороны, и Главного командования вооруженны ми силами на Юге России, с другой стороны, признается ген. Деникин.

3. Закон о преемстве власти Главы государства вы рабатывается Законодательной Палатой на общем ос новании.

4. Законодательная власть на Юге России осуще ствляется Законодательной Палатой.

Примечание: Проведение выборного закона в спешном порядке, а равно текущее законода тельство возлагается на Законодательную Ко миссию, созываемую по соглашению с Главным Командованием из представителей Казачьих Войск и местностей, находящихся под управле нием Главнокомандующего.

5. Функции исполнительной власти, кроме возглав ляющего Южно - русскую власть, отправляет Совет Ми нистров, ответственный перед Законодательной Палатой кроме министров военно – морского и путей сообщения

Примечание: Военное снабжение сосредоточи вается в военном министерстве. Министр про довольствия исполняет требования военного ве домства по снабжению армии.

6. Председатель Совета Министров назначается ли цом, возглавляющим Южно – русскую власть, а члены Совета Министров им же утверждаются по представле нию председателя Совета Министров.

7. Лицу, возглавляющему Южно – русскую власть принадлежит право роспуска Законодательной Палаты и право относительного «вето», причем к вторичному рас смотрению отклоненного закона Палата может присту-

пить не ранее, чем через четыре месяца после его от-
клонения. И закон восприемлет силу лишь по принятии
его большинством двух третей состава Палаты.

Благоволите подтвердить Ваше согласие и не отка-
жите указать представителей для совместного с ними
разрешения вопросов, вытекающих из принятого поло-
жения.

Председатель Верховного Круга **Тимошенко».**

Таким образом, «соглашение» состоялось.

По этому поводу Деникинский официоз — газета
«Великая Россия», 30 января 1920 г., распубликовала сле-
дующую оценку: ...«Вопреки всем предсказаниям, со-
глашение Главнокомандующего с Кругом состоялось. Ку
банские политические кружки и закоулки несколько по
убавили свой задорный тон... Все внимание сосредото
чилось на вопросах реального осуществления соглаше
ния. Начала работать особая смешанная Комиссия... По-
ложение, однако, по прежнему продолжает оставаться
и сложным, и трудным.

Численно ничтожные и морально разбитые Кубан-
ские самостийники продолжают играть свою разлагаю-
щую роль. При их попустительстве враги России ведут
на Кубани **бешеную агитацию»...**

Орган Кубанских самостийников — «Кубанская Во-
ля», ном. 48, за 25 января 1920 г., в передовице писал
следующее: «В трагические январьские дни, когда кон
ница мистически непобедимого Буденного грозила обру-
шиться на Кубань, когда Дон обагрился кровью, а на
Тереке замигали зловещие огоньки восстаний, Верхов
ный Казачий Круг взял на себя задачу, под огнем не-
приятеля, перестроить свой внутренний фронт и, порвав
с диктатурой, провести немедленно в жизнь принципы
народоправства.

И как бы ни расценивать практические возможности
этого запоздавшего решения, задача была поставлена
правильно: другого выхода не было и не могло быть у
казачьей демократии.

Но вот Буденный остановился. Начались долгие дни
переговоров и соглашений, закрытых совещаний и ди-

пломатических нот. Энтузиазм очищения потух, политика компромисса взяла верх.

И в результате, мы снова стоим перед фактом утверждения диктатуры, на этот раз волею большинства Верховного Круга.

И не все ли равно, продиктован ли этот шаг «обстоятельствами военного времени», или соображениями международного характера; слабостью и нерешительностью одних или непреклонной волей и давлением других»... И «Кубанская Воля» призывала Верховный Круг: «Вопрос должен быть поставлен ... четко и недвусмысленно», т. е. — вернуться к решению вопроса о независимом Казачьем Государстве.

***

Верховный Круг, интенсивно работая, намечал пути выхода из тяжелого положения. На другой день после принятия текста соглашения с ген. Деникиным Верховный Круг издал следующий **указ:**

УКАЗ
ВЕРХОВНОГО КРУГА ДОНА, КУБАНИ И ТЕРЕКА

«В борьбе с большевизмом мы переживаем самый решительный момент. Над Вольным Казачеством нависла красная опасность. Дон, в течение двух лет гражданской войны прикрывавший Кубань, Терек, Ставропольскую губернию и Земли Горских Народов, залит кровью своих сынов. На его берегах войска, верные своему долгу, сдерживают натиск наступающего противника, а все неспособное носить оружие Донское население, однажды испытавшее доверчиво все ужасы коммунизма, теперь, в зимнюю стужу, оставив свои родные хутора и станицы, ушло в безлюдные Донские степи и на Кубань.

Вожди большевизма поставили себе задачей во что бы то ни стало сломить Казачество, поработить его, обезглавить и использовать, как живую силу для борьбы против других народов, считающих большевиков врагами человечества.

Несмотря на грозную опасность, у нас наблюдаются

факты, свидетельствующие о недобросовестном отношении к своему гражданскому долгу отдельных лиц, уклоняющихся от призыва в войска, продающих получаемое от казны вооружение и снаряжение и самовольно уходящих с фронта по домам.

Не сохранят своей свободы те, кто по малодушию или расчету прячутся за чужие спины. Не спасут своего имущества те, кто расчитывает исключительно на чужую помощь и на поддержку Союзников, а сам остается в стороне от общей борьбы. Преступник тот, кто бросает в трудную минуту своего истекающего кровью брата и на его крови расчитывает упрочить свое благополучие.

Поставив себе задачей обеспечить за землеробом его права на землю, за ремесленником и рабочим — их права на свободный труд, за всем народом — его право на осуществление свободного народовластия и выявление своей державной воли путем Всероссийского Учредительного Собрания, мы должны отстоять свою свободу и освободить немедленно порабощенный Дон.

Мы, Верховный Круг Дона, Кубани и Терека, приняв все меры к тому, чтобы ошибки и преступления, послужившие причиной недавней катастрофы на фронте, не повторились, признали необходимым для блага народа и успеха борьбы с большевизмом установить и установили в полном согласии с Главнокомандующим вооруженными силами на Юге России общую власть для всего юга России и единство командования для всех армий, чтобы совместными усилиями Казачества, Добровольцев и Горцев сломить противника и развить наши успехи, а потому **указываем:**

1. Всем Войсковым Атаманам и Краевым Правительствам принять самые решительные меры для проведения в срочном порядке общей мобилизации и формирования частей.

2. Всем призванным в войска без всяких отговорок незамедлительно становиться в ряды армий во исполнение распоряжений военных властей и Краевых Правительств, памятуя, что против уклоняющихся Верховный Круг найдет средства принуждения, опирающиеся на силу и волю народа.

Принято Верховным Кругом Дона, Кубани и Терека в заседании 23 января 1920 г. Город Екатеринодар.

Подлинный подписали: председатель Верховного Круга И. П. Тимошенко, товарищи председателя: П. Д. Губарев, І. К. Зенков, Ф. Т. Аспидов, секретарь Верховного Круга П. И. Прокопович и товарищи секретаря: Ф. Ф. Голов и Н. А. Преображенский»...

***

В тот же день Верховный Круг утвердил «**З А К О Н** об амнистии казакам, солдатам и офицерам - красноармейцам Дона, Кубани и Терека»:

ОТ ВЕРХОВНОГО КРУГА.

«Казаки и солдаты - красноармейцы Дона, Кубани и Терека.

Верховный Круг Дона, Кубани и Терека, на который собрались полномочные народные избранники от населения названных земель, **взял в свои руки всю верховную народную власть в пределах Дона, Кубани и Терека.**

ЗАНЯВШИСЬ ОРГАНИЗАЦИЕЙ ОБОРОНЫ СВОИХ КРАЕВ, А ТАКЖЕ ОРГАНИЗАЦИЕЙ ТЕСНОГО БРАТСКОГО СОЮЗА ДОНА,КУБАНИ И ТЕРЕКА И ПРОЧИХ ЗЕМЕЛЬ, Верховный Круг в эти исторические дни вспомнил о вас, волей или неволей очутившихся во враждебном нам лагере, а посему в своем заседании от 23-го января 1920 г. принял следующий закон:

З А К О Н

об амнистии казакам, солдатам и офицерам - красноармейцам ДОНА, КУБАНИ И ТЕРЕКА

1. Все офицеры, казаки и солдаты (иногородние), Донцы, Кубанцы и Терцы, находящиеся в настоящее время в рядах Красной армии, добровольно сдавшиеся и перешедшие с оружием или без такового на сторону войсковых частей Дона, Кубани и Терека и Добровольческой армии, получают полное помилование (амнистию).

2. Все офицеры, казаки и солдаты, сдавшиеся и перешедшие, освобождаются от службы в войсковых частях в течение двух месяцев со дня перехода, если сами не пожелают служить добровольно.

3. Всем воинским чинам, военным и гражданским властям и населению Дона, Кубани и Терека воспрещается, под страхом ответственности по законам военного времени, отбирать обмундирование и чинить расправу с перешедшими добровольно офицерами, казаками и солдатами.

Итак, Верховный Хозяин Дона, Кубани и Терека, этот голос народа, дает вам, заблудившимся, полное прощение.

Он не только вас прощает, но примет самые решительные меры, чтобы вас, в случае перехода к нам, к своим родным братьям – казакам и солдатам, оградить от всяких обид и насилий со стороны отдельных лиц.

Теперь только от вас самих зависит, быть ли с нами, а значит со своими женами и детьми, отцами и матерями, братьями и сестрами, — или навсегда остаться в руках предателей нашей несчастной Родины России — Ленина и Троцкого, и быть самим — такими же предателями и погибнуть вдали от своих родных станиц, сел и семейств.

Вам до сих пор комиссары говорят, что у нас воюют только одни генералы и буржуи. Не верьте этому и твердо знайте, что с Лениным и Троцким и прочими комиссарами борется весь наш народ, все казаки и все остальное население.

Знайте и то, что мы боремся не за помещиков, которых у нас нет, так как мы всю землю у них давно уже отобрали и отдали тому, кто на ней трудится; а мы боремся за «Землю и Волю» для крестьян, таких же хлеборобов, как и мы; мы боремся за народные права — за право народа управляться так, как он того пожелает.

Знайте и то, что мы боремся за Всероссийское Учредительное Собрание, где со всех концов нашей матушки России соберутся лучшие народные избранники, и только оно, этот Хозяин Земли Русской, даст нашей измученной Родине мир и порядок.

Знайте и то, и твердо это знайте, что Ленин и Троцкий и все прочие палачи России никогда, вовеки веков, нас не победят. Восставший народ за свободу против насилия победить нельзя.

А если вы все это знаете, то неужели вы останетесь с этими насильниками, которые, вместо обещанного России мира, залили всю русскую землю потоками крови.

Неужели вы останетесь с теми, кто затеял братоубийственную войну, которая длится уже более двух лет, и привела всех к нищете и позору?

Неужели вы останетесь там, в Совдепии, чтобы слезы ваших жен и детей и всех родных никогда не высыхали, и чтобы родные вам станицы и села вас проклинали, как предателей?

Нет, вы перейдете в свои братские ряды.

И вот теперь, в грозный для вас час, последний час для вашего раскаяния, когда наши народные войска, те войска, которые несут на своем чистом знамени свободу, равенство и братство для всех, готовы очистить от всех комиссаров, совдепов и чрезвычаек наш братский Дон, Верховный Круг Дона, Кубани и Терека обращается к вам с призывом:

Бросайте Ленина и Троцкого!
Бросайте окровавленные знамена!
Идите к своим родным братьям!
Идите к своим семействам!
Переходите к нам по одному, переходите группами!
Вам Верховный Круг Дона,Кубани и Терека дал полное помилование.

Возвращайтесь, пока не поздно».

Принято Верховным Кругом Дона, Кубани и Терека в заседании 23 января 1920 года.
Город Екатеринодар.

Подлинный подписали: Председатель Верховного Круга И. П. Тимошенко, Товарищи председателя: И. Д. Губарев, І. К. Зенков, Ф. Т. Аспидов, секретарь Верховного Круга П. И. Проко-

пович, товарищи секретаря: Ф. Ф. Голов, Н. А. Преображенский.

С подлинным верно: Секретарь Верховного Круга П. Прокопович».

В этом же заседании Верховного Круга была оглашена телеграмма Главнокомандующего ген. Деникина от 23 января «с из'явлением согласия на принятие установленных Верховным Кругом, в заседании 22 января, оснований соглашения и уведомлением, что представителями его, при дальнейших переговорах, назначаются: генерал Богаевский (Донской Атаман), В. Н. Челищев, Н. В. Савич и П. И. Новгородцев».

Также было принято «предложение президиума о приглашении на завтрашнее заседание Верховного Круга, прибывшего в Екатеринодар, командующего Донской армией ген. Сидорина с просьбой сделать сообщение Верховному Кругу о положении на фронте» (протоколы Верх. Круга).

***

24 января на Верховном Круге выступил с приветствием командующий Донской армией ген. Сидорин, заявивший между прочим, следующее:

... «Гордый дух красных армий в дни 5, 6 и 7 января сильно потрясен и поражение врага, — **если Кубанью будет оказана поддержка до 1-го февраля,** несомненно. В феврале месяце прошлого года Кубань поддержала Дон, а в январе текущего года Дон с добровольцами защитил своей грудью Кубань... Немедленно нужно дать бойцов на фронт, так как угроза зеленых отрезать железнодорожное сообщение с Новороссийской базой заставила снять с фронта одну из боевых Донских дивизий.

Если Кубань быстро окажет помощь, то все будущие поколения будут с восхищением вспоминать подвиги Казачества в общем деле устройства счастья России... Я знаю, что поддержка со стороны Кубанцев будет оказана, но все же я прошу Верховный Круг принять все меры к тому, чтобы к 1 февраля все Кубанские части были бы на фронте, а не в тылу... И я верю, что мы

сейчас стоим на той границе истории, когда еще одно усилие и вновь все Казачество расцветет славою, которую оно не переживало еще»...

Речь ген. Сидорина была покрыта продолжительными аплодисментами членов Верховного Круга. В ответ на эту речь член президиума Ф. Т. Аспидов заявил, что Верховный Круг вполне разделяет взгляды на возможность и близость победы над врагом и с своей стороны принимает все зависящие от него меры в деле оказания поддержки фронту.

25-28 января заседаний Верховного Круга не было.

Приступлено было к организации Южно – русского правительства на основе казачье – русского соглашения. 26 января утром в кабинете председателя Верховного Круга происходило совещание Совета Старейшин Верховного Круга, посвященное обсуждению кандидатур на пост председателя Совета Министров, «так как последовало принципиальное согласие ген. Деникина назначить главу Правительства по предварительному сговору с представителями Верховного Круга».

Совет Старейшин, после долгого и всестороннего обсуждения кандидатур, остановился на трех кандидатах: председателе Верх. Круга **И. П. Тимошенко,** чле не Верх. Круга **П. М. Агееве** и председателе Донского правительства **Н. М. Мельникове.** Имена кандидатур в тот же день через ген. Богаевского были доведены до сведения Главнокомандующего («Вестник Верх. Круга» Нр 14, за 28-1-20).

26 января вечером ген. Деникин прибыл в Екатеринодар и пригласил к себе товарищей председателя Верховного Круга г. г. **Е. К. Зенкова** (донец), **П. Д. Губарева** (терец), и **Ф. Т. Аспидова** (кубанец), для окончательных переговоров о кандидатах на пост председателя Совета Министров. Из названных выше трех кандидатур ген. Деникин выбрал **Н. М. Мельникова**, которому и поручил составить Южно – русское правительство.

На дело подбора лиц в состав этого Правительства ушло около десяти дней, и 5 февраля был опубликован список членов нового Правительства (не полный). В этом Правительстве собрались надежные русские люди

перед этим активно боровшиеся, кто как мог, против казачьей самостийности.

Сторонники Деникина побеждали, казалось, по всему фронту.

Отметим, что после того, как Верховный Круг склонил казачьи знамена перед русскими, последние нашли необходимым 25 января в Екатеринодаре открыть занятия Донского Большого Войскового Круга под председательством В. А. Харламова.

В тот же день в заседании Донского Круга выступили с приветствиями председатель Кубанского правительства В. Иванис, убеждавший и уверявший Донцов в том, что «Кубанцы выполнят свой долг» и «дружно выйдут на фронт»... Председатель Терского Войскового Круга И. Губарев заявил о готовности Терека воевать ради спасения России: «Что можно будет, двинем на защиту Дона и Великой Свободной России». Потом говорил Донской Атаман ген. Богаевский и, наконец, командующий Донской армией ген. Сидорин, сказавший между прочим следующее: ... «Сегодня я позволю себе принести вам привет... и от мертвецов, наиболее доблестных которые во имя чести и славы нашей **казачьей** отдали свои жизни... Я не только Командующий **сорока** тысячами живых воинов, но и 50 тысячами **мертвецов»...**

— И речи своей не закончил...

В газетах потом было об'явлено, что Командующий Донской армией во время своей речи заболел и не мог ее докончить...

31 января Большой Войсковой Донской Круг разбирал вопрос о переизбрании своего председателя. Снова был избран В. Харламов 125 голосами «за», 31 голосом «против» и при 13 6воздержавшихся».

К этому времени большевистские армии закончили подготовку к наступлению и 1-го февраля прорвали казачий фронт на Тихорецком направлении. Конная, 10-я и 11-я советские армии появились на границах Кубани..

Еще 15 января в заседании Верховного Круга был заслушан доклад председателя Комиссии по обороне ген. В. И. Баскакова «по поводу заявления прибывшего из Грузии г. - м. Магалова о **возможности сформирования из уроженцев ЗАКАВКАЗЬЯ особых добровольческих отрядов,** условиях перевозки их на Северный Кавказ и снабжения их платными поставками провианта, **для усиления антибольшевистских сил,** и желательности засвидетельствования со стороны Верховного Круга сочувственного отношения к данному начинанию» (протокол заседания Верх. Круга, ном. 9).

По обмене мнений в тот же день Верховный Круг постановил: «выдать г.-м. Магалову письменное засвидетельствование сочувственного отношения Верховного Круга к предпринимаемому им начинанию формирования из грузин и уроженцев Закавказья, офицеров и солдат, добровольческих отрядов для усиления анти - большевистских сил»...

30 января Верховный Круг вновь возвратился к обсуждению вопроса о сотрудничестве казаков с Кавказскими народами: —«по докладу представителя комиссии по обороне члена Круга И. В. Горбушина о желательности посылки делегаций Верховного Круга: 1) к Горским народам — для взаимной информации и установления добрососедских отношений, и 2) в Грузию, в связи с рассмотренным в заседании Верховного Круга 15-го сего января предложением г.-м. Магалова, — для выяснения возможности военной помощи со стороны Грузии Казачьим Областям в борьбе с большевиками и взаимной информации».

«Постановлено: а) принять предложения Комиссии по обороне о посылке делегаций, с указанными выше целями, к Горским народам и в Грузию, поручив последней делегации посетить, с теми же целями, — Армению и Азербейджан; б) включить в состав первой делегации по одному представителю от каждой фракции и, сверх того, — двух представителей от Кубанских горцев, и во вторую — по одному представителю от каждой фракции; в) утвердить избранных в состав делегаций: к Горским народам — от Кубанской фракции П. А. Куралеси-

на и от Кубанских горцев — члена Верховного Круга А. Г. Шемгохова и члена Краевой Рады М. М. Набокова, от Донской фракции — В. Г. Хрипунова и от Терской — П. Т. Яхонтова; в Грузию: от Кубанской фракции М. А. Зозулю, Донской — П. И. Ковалева и Терской — Н. А. Бигаева» (протокол В. Круга, ном. 17).

1-го февраля делегация в Грузию уже выехала из Екатеринодара через г. Владикавказ в Тифлис.

***

30 января Верховный Круг выслушал доклады об ужасающем положении санитарного дела и постановил избрать особую Санитарную Комиссию в составе: Г. П. Янова, К. А. Шамшина, С. П. Сухореброва, П. А. Савицкого и Д. С. Якунина. Этой комиссии был дан следующий наказ:

1. Комиссии войти в немедленную связь с Главным начальником санитарной части вооруженных сил на Юге России и главными инспекторами государственных образований Дона, Кубани и Терека.

2. Совместно с переименованными лицами или их представителями выяснить все причины беспорядка по эвакуации, размещению и уходу за ранеными и больными воинскими чинами армии.

3. В случае обнаружения злоупотреблений, привлекать виновных к ответственности, входя с представлениями о привлечении непосредственно к Главнокомандующему вооруженными силами Юга России и к подлежащим Атаманам государственных образований Дона, Кубани и Терека.

4. Выработать план эвакуации с целью разгрузки тылового центра за счет станиц и селений территории Дона, Кубани и Терека.

5. Реквизировать помещения, необходимые для развертывания лазаретов, устройства слабосильных команд выздоравливающих. Реквизицию производить с согласия подлежащих Правительств Дона, Кубани и Терека.

6. Предоставить Комиссии право самого широкого контроля действий чинов санитарного ведомства, учреждений, лазаретов и эвакуационных пунктов.

7. Вступить в переговоры с представителями ино-

странных Миссий с целью получения необходимых медикаментов и предметов для оборудования лазаретов, питательных пунктов и санитарных поездов, с указанием на то, что все хищения и злоупотребления, бывшие до настоящего времени, будут караться самыми жестокими мерами, и были вне сферы влияния демократических государственных образований Дона, Кубани и Терека.

8. Пригласить общественных деятелей оказывать самое широкое содействие в устройстве раненных и больных воинов и улучшения их положения, для чего устроить заседание с представителями кооперации и другими общественными организациями.

9. Выяснить порядок отпуска денег и сумм, необходимых для улучшения всех санитарных частей вооруженных сил Юга России.

10. Выработать проект организации об'единения санитарной власти в тылу для представления Верховному Кругу». («Вест. Верх. Круга», 1 февр. 20 г.).

30 января сессия Верховного Круга была прервана на 10 дней в виду необходимости от'езда Терских представителей на Терек.

***

Какое значение имело казачье – русское соглашение для обоих сторон?

«Обе стороны пришли к соглашению под давлением обстановки, без особой радости и без больших надежд», — говорит ген. Деникин (Очерки, У, 308).

Это соглашение не поставило для обоих сторон единой цели борьбы: «белые» русские по прежнему стремились к тому, чтобы на территории всей бывшей России на место большевистской власти поставить русскую антибольшевистскую власть, возвратив народы России к прежнему политическому, хозяйственному и социальному строю, а казаки, как и перед соглашением, воевали за освобождение своих Казачьих Земель. Казачьи русские верхи не могли потянуть уже за собою казачью массу в новый поход на Москву.

Казачье – русское соглашение не создало единого Правительства. По прежнему самостоятельно действовали правительства Донское, Кубанское, Терское и Южно –

русское, при чем власти последнего, по существу, никто уже не признавал. Кубанское Правительство вынесло даже постановление о том, что оно не признает компетенции Южно – русского правительства на территории Кубани и к опубликованному списку министров Южно – русского правительства «Кубанское Правительство не может отнестись иначе, как к особому Совещанию». Начались столкновения между Южно – русским и Кубанским правительствами...

В Новороссийске диктаторствовал ген. Лукомский; в большей части Черноморской губернии господствовали «зеленые», а Крым жил своей бурной жизнью, охваченный всеобщим смятением, недовольством, страхом, борьбой за власть, восстанием капитана Орлова против Деникина...

Совершенно непопулярное среди населения, без территории, без авторитета Южно – русское правительство повисло в воздухе...

Казачье – русским соглашением не было достигнуто и создания единой, одной волей послушной и единую цель преследующей, армии. Терек потопал в хаосе восстаний. Донская армия была совершенно самостоятельной и размеры влияния «главнокомандующего» на ее деятельность равны были нулю или же проявлялись в зависимости от того, считался или не считался штаб Донской армии с желаниями «главнокомандующего».

Казачье – русское соглашение не вызвало также бодрости в населении, не воодушевило его на борьбу против большевиков под флагом Деникина. Об'явленная тогда ген. Деникиным новая мобилизация не-казачьего населения Северного Кавказа в возрасте от 17 до 43 лет не усилила антибольшевистских рядов и явилась только новым толчком к увеличению рядов «зеленых»...

Не совсем благополучно было и в русской офицерской среде. 22-го января ген. Лукомский, тогда еще председатель правительства Деникина, писал последнему: ...«Настроение среди офицеров от младших до старших все более и более ухудшается. Нелепые слухи о полном соглашении с требованиями самостийных казачьих кругов возбуждают офицеров. Спрашивают, за что

же они должны проливать кровь? Усиливается дезертирство, ибо в Казачество не верят и считают, что соглашение приведет к гибели... При нынешней обстановке оставление на этом фронте Добровольческих частей может привести к полному разложению» (Деникин. Очерки русской смуты, т. 5-й, стр. 324).

«Я требовал», — говорит Деникин, — «направления строевого офицерства, буквально наводнившего Новороссийск, на фронт, на пополнение таявших частей Добровольческого корпуса, тогда как новороссийское начальство стремилось к удержанию их для формирования на месте офицерских отрядов. Добровольческий корпус жаловался на препятствия, чинимые даже отпускным и выздоровевшим добровольцам, желающим возвратиться в свои части...

В результате масса офицерства слабого духом, устремляла свои взоры на уходящие пароходы или создавала самочинные организации вроде «отряда крестоносцев», прикрывавшего религиозно – национальной идеей уклонение от фронта» (там же, 326).

Ген. Деникин в «Очерках рус. смуты» уделяет много места описанию того, как, начиная с декабря месяца 1919 г., и чем далее, все сильнее проявлялась работа русских кругов для удаления ген. Деникина с занимаемаго им места главнокомандующего и замены его генералом Врангелем (т. У-й, стр. 263, 288 – 292, 323 – 342 и т. д.).

Русские отворачивались уже от ген. Деникина, а казачьей массе он не только был чужд, но дальнейшее оставление его у власти у одной части казаков окончательно убивало всякую веру в успех войны против большевиков, другая же часть казаков уходила к «зеленым»... Были и такие казаки, которые, окончательно сбившись с Казачьей Дороги и запутавшись в событиях, переходили к большевикам, как бы повторяя печальные события начала 1918 г.

Глава IX.

Отношение Черноморского крестьянства к Деникинской власти и к Кубани. — Решения делегатского с'езда 18 ноября 1919 г. — Обращение «Комитета Освобождения Черноморья» к Кубанской Раде. — Освобождение г. Туапсе от Деникинской власти. — Антиденикинские восстания в Ейском районе, в ставропольской губ. и в Минерало - Водском районе.

В основе решения Верховного Круга Дона, Кубани и Терека о соглашении с ген. Деникиным, вне сомнения, лежало желание казачьих депутатов, голосовавших за это соглашение, увеличить антибольшевистские военные силы за счет тех русских сил, которые собрал и возглавлял или мог еще собрать и повести за собою ген. Деникин.

Уже при рассмотрении событий, происходивших в 1919 г. (см. ч. II и ч. III «Трагедии Казачества»), неоднократно было отмечено, что население Украины, России, Кавказа, Ставропольской и Черноморской губерний враждебно относилось к Деникинской политике и к Деникинской власти. Соседняя с Кубанью Черноморская губ. с весны 1919 г. преисполнена была недовольством по отношению к Деникину. В то же время население этой губернии охотно шло на воссоединение с Кубанью.

Еще 18 августа 1919 года совещание крестьянских делегатов Сочинского округа постановило уполномочить свой выборный исполнительный орган «вести переговоры с Кубанью относительно присоединения Черноморской губ. к Кубани, при условии разрыва Кубани с Де-

никиным» (Сборник материалов и документов. «Зеленая книга». История крестьянского движения в Черноморской губ. Собрал Н. Воронович. 1921 г. Прага).

По мере того, как наскоро построенное Деникинское «государство» разваливалось и власть его ослабевала, усиливалось антиденикинское движение в Черноморской губ. 18 ноября 1919 г. собрался делегатский с'езд черноморского крестьянства и, между прочим, вынес нижеследующее постановление:

«1. Поставить ближайшей целью борьбы образование Черноморской демократической республики с установлением федеративной связи с другими демократическими государственными образованиями, для совместной с ним борьбы против реакции и за конечные цели: Российскую Федеративную Республику, которую мы мыслим, как свободный союз свободных народов...

2. Выбрать Комитет Освобождения Черноморской губ., ответственный перед крестьянским с'ездом. Означенный Комитет осуществляет всю полноту власти на территории Черноморской губ., по мере ее освобождения, впредь до созыва чрезвычайного с'езда.

3. При наступлении более благоприятных условий Комитет Освобождения должен созвать чрезвычайный крестьянско – рабочий с'езд, который окончательно решит судьбу Черноморской демократии.

4. На время до чрезвычайного с'езда Комитету Освобождения предлагается: а) организовать планомерную вооруженную борьбу с реакцией до полного изгнания добровольцев из пределов губернии, б) немедленно **приступить к переговорам с Кубанской Радой на предмет вхождения Черноморья, как автономной единицы, в состав Кубани, но при непременном условии полного разрыва Кубани с добрармией и пополнения Рады свободно выбранными представителями граждан Черноморской губ...».**

Комитет Освобождения Черноморья в декабре 1919 г. обратился к Великобританской, Итальянской, Французской и Сев. Американских Соединенных Штатов миссиям, находившимся в столице Грузии — Тифлисе, с меморандумом, в котором просил великие державы:

1. Запретить армии Деникина обращать переданное в руки этой армии Великими Державами для борьбы с большевиками оружие против защищающих свои законные гражданские права Черноморских крестьян.

2. Предложить Добрармии очистить территорию Черноморской губ. от реки Мехадыри до г. Новороссийска.

3. Передать управление Черноморской губ. в руки выборного крестьянского самоуправления...

После ноябрьского с'езда в Черноморской губ. шла интенсивная подготовка к восстанию против Деникинских властей. В конце концов, в ночь под 15 января 1920 г. поднялся Сочинский округ. Была разбита добровольческая бригада и восставшие захватили 4 орудия, 16 пулеметов, 700 винтовок, много патронов и 800 пленных, отказавшихся воевать ради защиты Деникина.

21 января крестьянское ополчение заняло Сочи.

27 января Комитет Освобождения Черноморья послал Кубанской Раде нижеследующее обращение:

1. Черноморские крестьяне и рабочие желают мира и дружбы с кубанской демократией.

2. Приняв на себя всю полноту власти, Комитет Освобождения Черноморья обращается к Кубанской Законодательной Раде с призывом немедленно отозвать свои войска с туапсинского фронта.

3. Комитет Освобождения предлагает Кубанской Законодательной Раде приступить, тотчас по снятии туапсинского фронта, к установлению экономических соглашений с Черноморьем и прислать для этого своих представителей.

4. Комитет Освобождения вступил через своего правомочного представителя в непосредственные сношения с правительством Грузии, Азербейджана и Армении, а также западно - европейскими государствами и Соединенными Штатами Северной Америки.

5. Прибывшему на миноносце по занятии нашими войсками г. Сочи парламентеру Великобританского правительства даны все вышеуказанные раз'яснения и от него получена гарантия невмешательства в действия новой власти Черноморья.

В начале февраля целый ряд сел Черноморской губ. вынес новые постановления о присоединении Черноморья к Кубани, но при условии, «если Кубань разорвет с Деникиным» и «если на Кубани утвердится настоящая демократическая власть»...

После целого ряда столкновений на побережьи, 11 февраля 1920 г. повстанцы заняли г. Туапсе, где захватили 1500 пленных, 10 орудий и 49 пулеметов. Между пленными был и командующий деникинскими войсками ген. Бурневич. Значительное число пленных свидетельствует о том, что войска, бывшие под командой ген Бурневича, не хотели защищать Деникинскую власть.

Другие отряды повстанцев захватили часть Черноморской губ. от г. Туапсе до г. Новороссийска.

Одновременно с усилением антиденикинского движения в Черноморской губ. поднялись крестьянские восстания и в других районах. 20 января восстали крестьяне в некоторых селах Донской обл. по реке Ее, лежавшие в ближайшем тылу Добровольческого корпуса, занимавшего фронт по р. Дону от г. Азова до Батайска Пробольшевистские повстанцы этого района держали связь через порт Катон с г. Таганрогом, находившемся в руках советских войск. Они проникли даже в г. Ейск..

Против этих повстанцев из ст. Уманской были посланы части Марковской дивизии с приказанием «действовать решительно и беспощадно». 25 января г. Ейск был действительно освобожден от них. Побережье Азовского моря к северу от р. Ей было очищено от красных повстанцев сотнями 2-го Запорожского (Кубанского) полка.

Повстанцы были хозяевами положения в целом ряде районов Ставропольской губ., особенно в Свято - Крестовском...

***

В начале февраля поднялось восстание в Минераловодском районе, угрожавшее отрезать Терек от Кубани.

Широко охватившие Северный Кавказ восстания (с симпатиями в сторону советов) свидетельствовали с крайнем недовольстве населения Деникинской властью.

Эти восстания убивали в казаках веру в победу, оттягивали войска с фронта, оказывали поддержку наступающим большевистским армиям; к тому же повстанцы охотно пополняли ряды советских полков.

Казачье – русское соглашение не только не приостановило этих восстаний,а больше, пожалуй,усилило их Неказачье население Казачьих Земель открыто переходило на сторону Советов, ссылаясь на неприемлемость для него ген. Деникина и его правительства.

Нет сомнения в том, что Добровольческий корпус, защищавший фронт по нижнему течению р. Дона, помог казакам, но не может быть никакого сомнения и в том, что, хотя и вынужденное обстоятельствами, соглашение Верховного Круга Дона, Кубани и Терека с ген Деникиным принесло непоправимый вред Казачеству.

Глава X.

Значение Кубани в борьбе Казачества на два фронта. — Причины ухода Кубанцев с фронта. — Казачья масса и кубанская правящая верхушка.— Пилюковщина. — «Зеленые». — Карательные отряды. — Приказ Кубанского Войскового Атамана.

В январе 1920 г. командующий Донской армией ген. Сидорин несколько раз, и по телеграфу и устно, обращался к Кубанскому Атаману ген. Букретову с просьбой ускорить высылку на фронт кубанских пополнений, утверждая при этом, что если Кубанцы дружно выйдут на фронт, окончательная победа над большевистскими армиями обеспечена. То же самое утверждал и ген. Деникин. Выступая 16 января на Верховном Кругу, он сказал: «Возможны, конечно, еще неудачи; но даже дальнейший отход не страшен при данной силе и настроении главного нашего фронта **и при непременном условии немедленного выхода на фронт Кубанских частей** для наступления и для прикрытия некоторых направлений, совершенно обнаженных и угрожаемых» (Деникин. Очерки рус. смуты, т. 5-й, стр. 299).

Большевистские участники и исследователи описываемых событий утверждают то же самое: ... «Весь успех дальнейшей обороны белых зависел от того, окажется ли на этот раз Кубань таким же жизненным для них районом, каким она была для них в дни возникновения Добровольческой армии». (Гражданская война 1918 - 1920, т. III, стр. 296).

Почему же Кубанцы массово не пошли на фронт в начале 1920 г.? Очевидно, потому же, почему в конце

1919 г. они ушли с фронта. И в начале 1920 г. действовали те же причины, под влиянием которых были Кубанские казаки в конце 1919 г.

Попробуем, хотя схематически, ответить на поставленный вопрос. Очевидно, тут влияли причины не случайного и не мимолетного характера.

Что представляло из себя Кубанское казачество еще перед войною 1918 - 1920 г. г.?

Во-первых, не следует забывать того, что Кубанские казаки, в своем большинстве, происходят от славного Войска Запорожского, многовековая боевая слава которого известна всему свету. Дух воли, независимости, свободы и рыцарского демократизма глубоко сидели в крови казаков...

Можно бы привести тысячи фактов, неопровержимо свидетельствующих о том, что этот дух сохранился как у Кубанцев, так и у казаков иных Войск, и с ним они вошли в революцию 1917 г. и в войну 1918 - 1920 годов.

Другою основною чертой Кубанских казаков является их культурность, о чем свидетельствовало не только хорошо поставленное нисшее образование — прекрасные школьные здания по станицам, хорошие библиотеки, богатые физические кабинеты, сравнительно высокое жалованье станичных учителей, — но и большое количество средних и высших начальных школ по станицам (первая **войсковая гимназия** на Кубани была открыта еще в 1819 г.).

О культурности и хозяйственной предприимчивости Кубанцев говорит и густая сеть кредитной и потребительской кооперации, охватившая все станицы, и три центральных об'единения кооперативных учреждений...

Кубань была в составе бывшей огромной России единственным краем, где само население построило на кооперативно - акционерских началах три железные дороги: Черноморско - Кубанскую, Армавир - Туапсинскую и Ейскую.

Кубань (как и Дон, и Терек) могла похвалиться большим числом, сравнительно хорошо развитых, добрых хозяев — станичных атаманов, кооператоров и

лиц интеллигентских профессий — учителей, священников, офицеров, которые общими усилиями энергично и быстро поднимали культурный и хозяйственный уровень весьма трудолюбивого и предприимчивого населения...

Благозвучный украинский язык большинства кубанского населения, лучшая в мире казачья песня, крепко сохранившиеся старо - казачьи обычаи и традиции, чистота усадеб и жилых помещений, потопающих в прекрасных садах, заметно выделяли Кубанцев наряду с другими казаками, среди населения обширного многоплеменного Российского государства.

Вековая любовь к своему народоправству так глубоко сидела в Кубанском Войске, что даже императорское правительство не могло не считаться с этим фактом, почему уже в 1906 г. на Кубани была собрана Войсковая Рада для решения сложного земельного вопроса. Тот же дух Кубанского свободолюбия и своего рода сепаратизма (отдельности, обособленности от России), заставил российское правительство ограничить представительство Кубанского Казачьего Войска в 3-й и 4-й Государственной Думе (напр. Курская губ. имела в Гос. Думе 13 депутатов, а Кубанское Войско только одного).

С чего началось сотрудничество Кубанцев с русским антибольшевистским движением? — Началось оно подписыванием известного соглашения между Кубанским Правительством и руководителями Добровольческой армии 18 марта 1918 г. в ст. Ново - Дмитриевской о взаимном признании, о признании добровольческими генералами самостийности Кубани и права Кубани на отдельную армию («Трагедия Казачества», ч. 1, стр. 99).

А во что потом вылилось это соглашение?

Кубанцы на своих плечах вынесли «добровольческое командование»; благодаря поддержке со стороны Кубанцев, Добровольческая армия выросла и укрепилась на Северном Кавказе.

В благодарность за это русские люди делали беспрерывные и назойливые попытки навязать Кубани русскую «белую» диктатуру; в 1918 г. они делали попытки произвести переворот на Кубани с целью утверждения

над казаками своей власти; в конце того года различными ухищрениями «белые» весьма способствовали выборам ген. Филимонова в Атаманы. Они нарушили данное ими слово при подписании соглашения 18 марта 1918 г. и неизменно в течение почти двух лет мешали организации Кубанской армии; в начале 1919 г. они зверски убили четырех казаков ст. Пашковской; в течение долгого времени они оскорбляли и раздражали Кубанцев проповедью своего «Освага», систематически унижавшего его и осмеивавшего выборные органы Кубанской власти. «Белые» помешали установлению нормальных добрососедских отношений между Кубанью, с одной стороны, и Кавказом и Украиной, с другой стороны, втягивая Кубань в ненужную войну с соседями; они помешали установлению между Кубанью и иностранными государствами желательных для Кубани дипломатических и торговых сношений. Захватив в свои руки внешнюю торговлю и получение интендантского имущества из-за границы, «белые» не наладили сколько - нибудь удовлетворительного снабжения обмундированием Кубанские войсковые части; получая с Кубани большие запасы продовольствия, они морили голодом Кубанцев, воевавших на Царицынском направлении; обнаглев до крайности, добровольцы убили председателя Краевой Рады Н. С. Рябовола. Осенью 1919 г., в дни наиболее тяжелых и напряженных боев у г. Царицына, где Кубанские полки и батальоны истекали кровью, добровольцы об'явили экономическую блокаду Кубани и помешали снабжению Кубани товарами в период реализации урожая того года. Они предали военно - полевому суду Кубанскую заграничную делегацию, а потом зверски расправились с членом этой длеегации А. И. Кулабуховым, повесив его на старой исторической крепостной площади в столице Кубани. Они все время навязывали кубанским войскам в вожди чуждого для Кубани по крови и духу генерала барона Врангеля...

Каждая из вышеперечисленных «акций» «белых» русских людей глубоко оскорбляла Кубанских казаков, вызывая у них чувство мести, желание уничтожить за-

рвавшуюся чужую камарилью, губившую казачьи жизни, уничтожавшую казачье добро, в корне подрезывавшую взлелеянное казачьими руками и выращенное казачьими трудами дерево казачьей Воли...

По многим причинам не став тогда на прямой путь вооруженной борьбы, одновременно против «красных» и против «белых», русских единонеделимцев, разуверившись в возможности самого успеха в борьбе, веденного в союзе с **«белым» русским движением**, большинство Кубанских казаков, к глубокому сожалению, стало всего лишь на путь пассивного сопротивления и, оставив фронт, разошлось по станицам, а часть Кубанцев ушла даже к «зеленым» — этой, без определенной идеологии и с незаконченной организацией, армии людей, протестующих и против «белых» и против «красных»...

Двинуть Кубанских казаков вновь на кровавую борьбу могла бы только своя, родная, смелая и решительная, **Казачья власть,** окончательно и быстро разорвавшая с русским «белым» движением; власть — **вождь,** власть — **организатор,** власть — **ободряющая, об'единяющая и направляющая народную массу на бой с врагами.**

Кубанская Краевая Рада в своей сессии, от 30 декабря 1919 г. до 7 января 1920 г., прочистила было душную атмосферу... Блеснул, было, луч. надежды. Но эта Рада не сумела избрать Атамана - вождя, из ее среды не вышел разумный и властный народный повелитель... Появился Атаман - чиновник, нерешительный, безвольный атаман — русский интеллигент. Кубанская войсковая булава попала в неуверенные руки русского армейского офицера генерального штаба. Этот неудачный выбор Рады был причиной личной драмы, ныне покойного уже, ген. Букретова и одной из страниц глубокой трагедии Казачества.

О Кубанском Правительстве В. Н. Иваниса, как о неудачном организаторе Кубанского Казачества, было уже сказано выше. О коллективной воле Казачества Кубани, Дона и Терека — Верховном Круге — тоже говорилось достаточно. Политика соглашения Круга с ненавистным, особенно для Кубанских казаков, ген. Дени-

киным, не могла, конечно, поднять Кубанских казаков на новое их сотрудничество с этим «главнокомандующим вооруженными силами Юга России»...

За первые два месяца 1920 г. видно как бы три периода в настроении Кубанских казаков, в их отношении к фронту. Был некоторый под'ем в первые недели января: казаки по мобилизации являются в назначенные для сбора пункты, организуются в части. Даже ген. Деникин, в согласии с правдой, отмечает, например, тот факт, что сорганизованный таким путем 2-й Кубанский корпус во второй половине января выглядел прекрасно — «все воодушевлены порывом вперед и верою в успех»...

Потом оказалось, что железные дороги не смогли наладить сколько - нибудь удовлетворительную перевозку мобилизованных. Да к тому же и казаки увидели, что все остается по-старому, что ген. Деникин и далее выступает в роли главнокомандующего...

Наступил второй период — новое разочарование, упадочное настроение, нежелание понапрасну жертвовать своей жизнью. Начало этого периода отмечено в вышеприведенном Приказе Кубанского Войскового Атамана — дня 15 января 1920 г. (глава VI). В этот второй период часть казаков, увидев, что постановления Рады снова повисают в воздухе, что казачьи правительственные верхи по-прежнему идут с ген. Деникиным, начала сама организовываться для вооруженного выступления и против деникинцев и против большевиков. Тогда окончательно оформилось движение среди Кубанских казаков под руководством члена Кубанской Краевой Рады сотника Пилюка (родом из соседней с Екатеринодаром станицы Елизаветинской).

Казаки - пилюковцы категорически требовали полного разрыва с ген. Деникиным. Однако, кубанские верхи 22 января оформили соглашение с этим самым генералом. Естественно, между казачьей правящей верхушкой, об'единившейся с Деникиным, и пилюковцами возник острый конфликт.

Сначала, с целью уговаривания сотника Пилюка и пилюковцев, в ст. Елизаветинскую ездили — председа-

тель Куб. Правительства В. Н. Иванис, председатель Рады и Верховного Круга И. П. Тимошенко и Кубанский Атаман ген. Букретов. Казаки - пилюковцы как - будто колебались, но, в конце концов, остались на своих позициях. Тогда Атаман и Правительство направили против них карательную экспедицию из юнкеров Кубанского военного училища. Пилюковцы не подчинились и ушли в горы, к «зеленым», где скоро сотник Пилюк стал как-бы признанным вождем большинства «зеленых» отрядов (об этом ниже).

Было много причин, вызвавших так наз. «зеленое» движение на Кубани, но главной из них была ненависть населения к русскому контр - рев. движению во главе с ген. Деникиным. Были, конечно, среди «зеленых» и такие, которые там поджидали только «красных».

К началу 1920 г. число «зеленых» в горах Кубани увеличилось в значительной мере и за счет Кубанских казаков. «Зеленые», от всей души ненавидя «белых», стремились перерезать железную дорогу Екатеринодар — Новороссийск, чтобы помешать «белым» убегать за границу. Как теперь известно, «зеленые» охотились за самим ген. Деникиным, желая захватить его в свои руки...

Когда налаживалось соглашение между Верховным Кругом и Деникиным, «зеленые» начали проявлять значительную активность и захватили часть железной дороги на Новороссийск. 22 января, т. е. в день принятия Верховным Кругом соглашения с Деникиным, последний приказал: ... «Для очищения от зеленоармейцев района станиц Ильской, Холмской, Абинской (все — по железной дороге Екатеринодар — Новороссийск) и далее на юг теперь же перебросить по жел. дороге в указанный район 1-ю Донскую дивизию» (Нр. 0018).

Следует подчеркнуть, что начальник штаба Донской армии ген. Кельчевский, 23 января за Нр 0344, «самым решительным образом протестовал против направления 1-й Донской див. против «зеленых» и настаивал на использовании сил этой дивизии (1.228 шашек, 6 орудий и 11 пулеметов) на Новочеркасском направлении». Командующий Донской армией ген. Сидорин все

же дал согласие на посылку этой дивизии в тыл и она была направлена в Таманский отдел «для борьбы с зелеными и изменившими своему долгу и Казачеству Кубанскими казаками, приставшими к ним», как формулировал задачи дивизии ген. Сидорин (журнал воен. д. Донской армии).

Таким образом, Кубанский Атаман ген. Букретов и Кубанское Правительство Иваниса стали на опасный путь посылки карательных отрядов по станицам Кубани. Как пояснил председатель Правительства Иванис в частном совещании членов Кубанской Рады, Донского и Терского Кругов, 22 февраля 1920 г., эти карательные отряды подчинялись и Кубанским властям, и этим отрядам даны были «точные и определенные инструкции»: «выловить дезертиров с **применением военно - полевого суда, им разрешено применение телесного наказания;** что касается членов Рады», пояснял прдседатель, «то, если будут улики, они (карательные отряды) обязаны их арестовать и представить в Екатеринодар для предания в обычном порядке суду Краевой Рады» («Вестник Верховного Круга», Нр 37, за 25.II.1920).

К каким пагубным результатам привела посылка этих карательных отрядов, будет сказано ниже.

Так было на Черномории. Нечто подобное было и на Линии, где, например, станицы правого берега р. Лабы — Темиргоевская, Воздвиженская и Петропавловская вынесли формальные требования об удалении ген. Деникина из пределов Кубани. Некоторые станицы требовали немедленного ареста генералов Покровского и Врангеля и предания их военно - полевому суду за ноябрьский переворот на Кубани (Покровский: Деникинщина, 276. «Трагедия Казачества», ч. III). Это движение перекинулось и в Хоперский округ Баталпашинского отдела.

Волнение охватило весьма значительную часть Кубанского Войска.

В конце января лично посетив целый ряд станиц Таманского отдела, Кубанский Войсковой Атаман издал нижеследующий приказ:

«Приказ Кубанского Войскового Атамана, Нр 76.

Счастлив об'явить Кубанскому Краю, что Кубанская армия образована и сейчас спешно пополняется конными, пластунами и иногородними. С 26 января в состав Кубанской армии включены все части упраздненной Кавказской армии и во главе Кубанской армии поставлен мною генерал - лейтенант Шкуро.

Пополнения и вновь формулируемые Кубанские части постепенно выступают на фронт. Приказываю всем остальным полкам, пополняющимся в Крае, выступить без задержек, для чего начальствующим лицам позаботиться о спешной подаче подвижных составов.

До моего сведения дошло, что в станицах находится много так называемых легальных дезертиров — молодых казаков, солдат и горцев, которые по разным документам прибыли в станицы из частей и по мобилизации на сборные пункты не явились.

Приказываю и требую в самый кратчайший срок всем Атаманам станиц и хуторов, всем старшинам сел и аулов, доставить Атаманам отделов списки оставшихся в станицах лиц, подлежащих отправлению на фронт и уклоняющихся от этого, а Атаманам отделов немедленно таковые списки представить в Войсковой Штаб.

Неявившихся на сборные пункты по мобилизации считать, как дезертиров нашей родной Кубанской Армии, предав суду и карать без всякого снисхождения.

Пусть знают все, что Кубанская армия никаких дезертиров не потерпит: сейчас, когда на долю Кубанской армии выпал счастливый жребий склонить чашу весов военного успеха в нашу сторону, все истинные сыны Кубани должны, как один, спешить туда, где уже наши братья б'ются с врагом, защищая родные очаги.

С верой в славный путь Кубанской армии, я призываю и требую от всех и каждого, от генерала до казака, проявить присущий Кубанцам героический порыв и довершить начатый год тому назад великий и славный путь спасения Родины от кровавой междоусобной войны.

Приказ прочесть на всех станичных, хуторских,

аульных и сельских Сборах, во всех сотнях, ротах, командах и батареях.

Подлинный подписали:

Войсковой Атаман Ген. Штаба ген. - майор:
Букретов,

и управляющий Военным Ведомством Ген. Штаба,
ген. - лейтенант **Болховитинов.**

Третий период в настроении Кубанцев наступил с того времени, когда в первых числах февраля большевистские армии с востока подошли вплотную к границам Кубани или даже в некоторых местах перешли их, и когда **члены Кубанской Краевой Рады 10-12 февраля раз'ехались по станицам Кубани ПОДНИМАТЬ СПОЛОХ.** Тогда не верили уже больше ни Верховному Кругу, ни Кубанскому Атаману и Правительству. «Верховный Круг теперь утратил в наших глазах свое значение... Мы приложим все усилия, чтобы поднять массы и, твердо опираясь на силу, пред'явим свои требования»,— говорил тогдашний лидер Черноморцев — член Рады и Верховного Круга И. А. Билый. (Деникин. Очерки р. смуты, т. 5-й, стр. 314).

° |||| °

Глава XI.

Состояние советских армий. — Неудавшееся наступление X-ой армии через р. Маныч. — Советский шпионаж, советские агенты и «пособники». — Распределение сил на фронте. — Подготовка советского удара в Тихорецком направлении. — Отношение Верховного Круга к фронту. — Деникин — «диктатор». — Положение на верхах Донской армии. — Положение раненых и больных. — Директивы ген. Деникина и ген. Сидорина.

(Схема 3).

Выше уже было отмечено, что на второй день после занятия красными г. Ростова было приказано Конной армии Буденного немедленно перейти р. Дону для преследования казаков. Конная армия не выполнила этого приказа. Потом эта армия, поддержанная пешими и конными частями 8-ой советской армии, в упорнейших боях 5, 6, 7 и 8 января весьма настойчиво стремилась захватить Батайск, чтобы закрепиться на южном берегу р. Дона. Но, как известно, красная конница и пехота потерпели весьма серьезное поражение и поставленной цели не достигли (глава V, схема 1).

После этих неудач, красное командование перенесло удары на нижнее течение р. Маныча. Но и здесь конные массы Буденного и Думенко, поддержанные пехотой, в кровавых боях с 13 по 20 января понесли поражение и не смогли укрепиться на левом берегу р. Маныча, как не смогло большевистское командование перевести через р. Маныч 9-ю сов. армию, а 8-ю сов.

армию — не смогло вытащить на южный берег р. Дона на участке ст. Старочеркасская — ст. Ольгинская — Батайск — г. Азов. (Глава VII, схема 2).

...«За период нашего стремительного наступления и истекших январьских беспрерывных боев», говорит один из советских исследователей и участников прошлых событий Б. Майстрах, «состояние войск фронта, помимо уменьшения их боевого состава, значительно ухудшилось в отношении политико - моральной устойчивости. Неудачные бои наши на Дону и Маныче значительно понизили настроение в частях, местами возникли упадочные настроения. Потеря значительной доли боеспособности, должной стойкости в последних январьских боях характерна для действовавших на Дону правофланговых VIII и IX армий».

И далее тот же автор дает следующую общую характеристику причин этих явлений: «Тифозные заболевания, развившиеся до предела эпидемии, помимо значительного ослабления живых сил частей, создавали гягостное, подавляющее настроение армии. Тылы были забиты сыпнотифозными. Быстрое продвижение войск в период декабрьского, а для X-й и части IX-й армий и январьского наступления привело к чрезвычайному отрыву боевых частей от своих тылов, зачастую потерявших связь со своими дивизиями.

Снабжение войск из центра, а также эвакуация больных и раненых были совершенно расстроены. Железнодорожный транспор работал с необычайными затруднениями; всякие перевозки по железной дороге гребовали большого времени и средств. Железные дороги не могли обеспечить подвоза войскам даже огнеприпасов, не говоря уже об оперативных переброскаx войск и подвоза резервов. Это чрезвычайно затрудняло оперативные наши возможности. Помимо этого, значигельные участки железнодорожных линий, подходивших к фронту, разрушенные белыми при отступлении, не были нами восстановлены и обречены были на бездействие. Войска, истрепавшие свои транспортные средства, жили использованием местных средств, далеко зачастую недостаточных. Организация технической связи

в войсках не была обезпечена необходимыми техническими средствами, что ставило управление армии и фронта подчас в невозможные затруднительные положения. Все это, определяя общее состояние Кавказского фронта, ставило переход войск к решительному наступлению в чрезвычайно неблагоприятные условия»...

...«Для характеристики состояния наших войск», продолжает Б. Майстрах, «позволю себе привести разговор командарма VIII-й тов. Сокольникова с главнокомандующим С. Каменевым, характеризующий состояние VIII-й армии, типичное для большинства частей фронта в целом, и отмечающий нервное настроение командования VIII-й армии, вызванное сложившейся тяжелой обстановкой и поставленной фронту в данных неблагоприятных условиях активной наступательной задачи. Командарм VIII-й тов. Сокольников выезжает в Луганск и, вызвав главкома к проводу, докладывает:

«Вам, вероятно, известно, что вследствие трудности похода, гигантской эпидемии тифа и потерь в боях части VIII-й и соседних армий в численности состава дошли до минимума. К тому же, старые бойцы заменены местными, мобилизованными и пленными. Пополнений нет. Моя 13-я дивизия, бывшая во фронтовом резерве, добралась до Новочеркасска в составе 400 штыков. Противник, вопреки ложным донесениям увлекающихся товарищей, сохранил все кадры и артиллерию. В настоящее время его организационная работа уже дает результаты. Одна за другой пополненные дивизии Добр. армии появляются на фронте. Скоро перед нами будет враг прежних сил, тогда как мы, по сравнению с прежними временами, имеем на две армии (XIII и XIV) меньше. Наше продвижение вперед без значительного пополнения и реорганизации может кончиться плачевно, так как, в случае отхода, будем иметь в тылу непроходимые разлившиеся реки. Необходима радикальная переоценка всего положения на фронте, дабы избежать чрезвычайно тяжелых поражений в ближайшем будущем».

Главнокомандующий (полк.) Каменев отвечает:

«Я не переоценивал обстановки и давно **считаю ее**

крайне тяжелой и даже больше. Из разговора с тов. Смилгой (член Ревоенсовета Кавказского фронта) убежден, что и фронтом обстановка оценивается, как крайне серьезная»...

(Майстрах. Маныч – Егорлыкская – Новороссийск. стр. 19–20).

***

Ко времени перехода конной армии Буденного из района г. Ростова в район станицы Богаевской, Х-я сов армия вплотную подошла к р. Манычу по обеим сторонам железной дороги Царицын — Тихорецкая. В состав этой армии тогда входили следующие части: 28, 20, 32, 37, 38 и 39 стрелковые дивизии, причем в тылу этой армии находились 34 и 50 дивизии (фронтовой резерв вместе с 39 див.).

Среди частей Х-й армии особенно отличалась 20-я стр. дивизия. «Укомплектованная большим числом рабочих и добровольцев Ленинграда, Центрального промышленного района, Поволжья и Урала, спаянная мощной партийной организацией с испытанным в боях командно – политическим составом, прошедшая большую школу в операциях Восточного, Туркестанского и Юго-Восточного фронтов, (эта дивизия) действительно представляла собой значительную силу; боевой состав дивизии при достаточной технике вооружения — пулеметах и артиллерии — являлся также наибольшим по сравнению с другими частями Х-й армии» (там же, стр. 38).

Отдохнув в течение недели на правом берегу р. Маныча и приведя себя в полный боевой порядок, Х-я сов. армия, воспользовавшись большими морозами, сковавшими льдом Маныч, 20 января перешла в наступление через эту реку вдоль жел. дороги в направлении на Торговую. 20-я див. наступала по линии жел. дороги.

В начале наступления Х-я армия имела успех: на северо – запад от перекрестка жел. дороги и р. Маныча красные нанесли Кавказской стрелковой дивизии громадные потери и отбросили ее к зим. Трубецкого; к юго – востоку от жел. дороги 32 сов. див. красных заняли было Ново – Манычское и Баранниковское.

Однако, на жел. дороге 20 сов. дивизия нарезалась

на кубанских пластунов, которые не допустили ее к селам Шаблиевке и Екатериновское, что лежат в 5 – 10 верстах на запад от р. Маныча. После жестокого и упорного боя, продолжавшегося целый день, 20-я стр. дивизия была отброшена кубанцами на правый берег р. Маныча.

В тот же день кубанцы выбили красных из зимовника Кузнецова и погнали их в сторону Казенного моста.

22-го января «1-я Кубанская дивизия с 4-м и 8-м кубанскими пластунскими батальонами после упорного боя выбили красных из селений Бараниковского и Ново – Манычского» (оперативная сводка).

Таким образом, на всем фронте наступления X-й сов. армии красные дивизии были разбиты и отброшены на правый берег р. Маныча.

В целях более широкого использования этой победы командующий Кубанской армией решил перейти в наступление через Маныч и просил командующего Донской армией оказать кубанцам помощь на левом фланге силами 14-й Донской конной бригады. Но «начальник штаба Донармии не согласился с этим, полагая, что, в виду предстоящей операции (общего наступления в Новочеркасском направлении), нельзя изматывать части для операций, не сулящих положительных результатов» (журн. в. д. Дон. армии). Тем не менее, через 4 дня Кубанская армия получила приказ перейти в общее наступление через р. Маныч (об этом ниже).

На этом примере, как и на многих подобных, видно, какой **большой вред казачьему делу приносило то, что в действительности не было единого КАЗАЧЬЕГО командования всеми казачьими вооруженными силами.**

Разбитые на левом берегу Маныча дивизии X-й сов. армии, отступив за эту реку, получили там полную возможность привести себя в порядок, пополниться и отдохнуть, чтобы через неделю, 1-го февраля, перейти в новое, теперь уже успешное, наступление.

В то время, когда кубанцы отбрасывали X-ю сов. армию за Маныч, важные события произошли недалеко

от впадения этой реки в р. Дон: славные донцы конной группы распорядительного и храброго ген. Старикова, действуя совместно со 2-й Дон. двизией, 21-го января разгромили 12-ю сов. дивизию красных в районе станицы Старочеркасской и остатки ее отбросили к ст. Аксайской. При этом в руки казаков попало свыше двух тысяч пленных, несколько десятков пулеметов, много боевых припасов, винтовок и телефонного имущества...

***

Таким образом, все попытки 1-й Конной, VIII-й IX-й и X-й советских армий в январе 1920 г. перейти реки Дон и Маныч окончились полной неудачей. Лучшая во всей советской армии конница Буденного и пехота — 20-я стр. дивизия, бывшая Пензенская, 33-я и 40-я стр. дивизии — понесли жестокое поражение. Красные войска, потерпев неудачи в своих попытках продвинуться вперед через реки Дон и Маныч, морально и физически сильно подорванные, имея в тылу казачий Дон, беспомощно остановились...

«Красная кавалерия истекает кровью в неравных боях, конский состав уменьшился вдвое и приходит в полную негодность... Только безотлагательные, экстренные меры могут спасти положение», жаловался Буденный по проволоке в Москву 20 января (глава VII).

Вновь в русско - казачьей борьбе наступил поворотный момент.

Поднимись тогда все Казачество мощной, высокой волной; дружно, сильно и смело ударь по большевистским ослабленным армиям на реках Маныче и Доне, как било оно красных на р. Донце и в Донецком бассейней в феврале - марте 1919 г., и — полетят красные супостаты с Казачьих Земель, как летали они уже в 1918 и в 1919 годах, и освободятся от красной напасти измученные большевистским террором родные станицы и хутора... Светлый, согревающий луч свободы вновь радостно засияет над вольной Казачьей Землей и осушит материнские, отцовские, вдовьи и сиротские слезы... Загудят радостные колокола в церквах, возвещая освобождение Казачества от нашествия Северян...

Будь у Казачества единая казачья, а не русская

цель борьбы; будь у казаков единая воля и единое казачье, а не русское руководство, не удержались бы красные на Казачьей Земле...

Но, запуталось тогда Казачество между красной и белой Россией. В те решающие, роковые дни Верховный Круг, как бы замыкая круг непоправимых ошибок казачьей политики 1917 - 1920 г. г., заключал соглашение с ген. Деникиным, приводя в уныние подавляющее большинство кубанскихъ казаков, совершенно не желавших сражаться за Россию. А между тем, на долю именно кубанских казаков выпадал жребий дружным ударом изменить в казачью пользу положение на реках Маныче и Доне...

***

Большевистская власть и большевистское командование очень хорошо были осведомлены о том, что происходило в тылу казачьих армий. Большевики знали, что антиденикинскими восстаниями охвачены Дагестан и Чечня, большие районы Ставропольской губ., вся Черноморская губ., что в районе между ст. Крымской и Екатеринодаром растет «зеленое» движение... С своей стороны, большевистское правительство всеми мерами и способами старалось вызывать такие восстания в тылу у своего противника.

У большевиков прекрасно был поставлен военный шпионаж и военная разведка, которые давали им в руки необходимые данные о расположении сил противника, о планах белого командования, о передвижениях войск и т. д.

Шпионская большевистская организация существовала даже в Донской армии. В официальных документах этой армии находится следующее сообщение: «26 января 1920 г. В 4-м Конном корпусе открыта **шпионская организация красных.** «Наштарм Дон, копия Контразот Дон. Присланный в Корпус из Санитарного отдела врач **Маслов** оказался **агентом красной армии;** будучи уличен, показал, что район Батайск – Веселый обслуживается четвертым отделением, с центром в Кагальницкой. Всего членов двадцать. Документами санитарного отдела снабжаются из Санитарного отдела Штарм

Дона. Необходим арест помощника делопроизводителя начальника военно - санитарного отдела — с... Маслова, сотника Куфтачева и хорунжего Ожогина, имеющих также документы врачей, и в Батайске — комиссара Атмаченко. Самозванец Маслов высылается срочным порядком. Жена Маслова временно будет задержана в Корпусе. Организация открыта под'есаулом Ф. Нр. 0347 Хут. Процков. Подписал ген. Калиновский».

Этот документ, вне сомнения, говорит о том, что большевистская шпионская организация в Донской армии имела хорошо налаженную сеть шпионов.

Можно бы привести целый ряд данных, говорящих о том, что большевистский шпионаж был поставлен широко в тылу казачьих армий и нити его иногда тянулись к самым высоким местам.

Такие важные вопросы, как вопрос о ходе мобилизации, о пополнениях, направляемых на фронт, о ходе дела организации Кубанской армии, о снабжении армии и т. д. обсуждалось в штабах Донской и Кубанской армий, в штабе ген. Деникина, в военной комиссии Верховного Круга, в правительствах Донском, Терском и Кубанском... Все это создавало весьма трудные условия для сбережения военной тайны... И неудивительно, что даже в редакции официального органа Верховного Круга — «Вестнике Верх. Круга» были поражены осведомленностью большевиков о всем происходящем в тылу казачьих армий. Этот факт зафиксирован на страницах этого печатного и публично выходившего органа; в номере его за 15 февраля 1920 г. находим следующее: «Советские газеты Ростова и Новочеркасска: «Советский Дон», «Красный Дон», «Известия», «Коммунист», «Красноармеец» и др. **поражают своей осведомленностью о том, что делается у нас в тылу»...**

Хотя провинциальные большевики, чтобы похвалиться перед красной Москвой своей работой в пользу коммунизма и Москвы, очень часто о своей деятельности в тылу или в армии противника пишут много неправды и поэтому к их данным необходимо относиться с большою осторожностью, все же следует отметить то, что в книге 3-й за 1922 г. журнала «Путь Коммунизма», издавав-

шемся в Екатеринодаре Кубано - Черноморским областным Комитетом Российской коммунистической партии, опубликовал Вл. Черный (куб. казак, коммунист) по нынe разбираемому нами вопросу:

... «В первой половине января через тов. Змиенко у нас установились связи с двумя ответвлениями Кубанской власти — с военным министром ген. Болховитиновым и левой частью Рады. Ген. Болховитинов, когда-то еще в начале организации Красной армии являвшийся членом Высшего Военного Совета Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, на каком - то фронте попал в плен к Деникину, был судим и разжалован в рядовые. Позже на белом фронте он восстановил свои права, но тем не менее был гоним Деникиным, числился в разряде опальных».

И далее тот же Вл. Черный говорит: «В последнее время, когда поражение Деникина было очевидно и когда наблюдался кризис в военном ведомстве (Кубанского) Краевого Правительства, ему (ген. Болховитинову), было предложено занять пост министра. Он, по **нашему совету,** переданному через тов. Змиенко, принял этот пост. Часто тов. Змиенко передавал нам, с какою ненавистью он отзывался о добровольческой армии, неизменно сопровождая свою речь эпитетами: «Сволочь, хулиганы, грабители».

«**Должен отметить**», говорит далее В. Черный, «**что все наши поручения, в частности мои,** как начальника Северо - Кавказского Военно - Революционного Штаба, передаваемые ему в письменном виде, **он выполнял точно и безоговорочно**»... И т. д. (стр. 137 названного выше коммунистического журнала).

П. Сулятицкий — бывший член того самого Кубанского Правительства В. Н. Иваниса, в состав коего, в качестве военного министра, входил вышеназванный генерал Болховитинов, уже в 1931 г. подтвердил, что ген. Болховитинов действительно работал в пользу большевиков, входя в состав Кубанского Правительства. «Бачучи, — ген. Болховітінов був людина розуміна, — що справа ген. Денікіна луснула і не бажаючи, щоб Кубанський Край відділявся від Россіі, він (Болховітінов) **усе**

робив, щоб над ним (над Кубанью) запанували больше вики та ще й по можливости з меншим пролиттям «рус ской крови», утверждает коллега ген. Болховитинова по Кубанскому правительству («Кубанський Край». Орган неперіодичний. УШ. Прага, 1931. Стаття П. Сулятицького: «Від розгрому Ради капітуляції Кубланьскої армії, стр. 29 – 30).

Так как журнал «Кубанський Край», в котором П. Сулятицкий поместил вышеприведенные сведения о пре дательской работе ген. Болховитинова, издавался в Праге группой кубанцев, к активным членам которой принадлежал и бывший председатель Кубанского прави тельства В. Н. Иванис, нужно полагать, что и последний подтверждает вышеприведенную характеристику проти воказачьей работы Кубанского военного министра ген. Болховитинова.

Если считать установленным факт участия военного министра Кубани, **не-казака,** ген. Болховитинова в боль шевистской работе в глубоко казачьем тылу, можно представить, какие широкие возможности открывались перед советской властью в смысле своевременного рас крытия намерений и планов противника и в смысле вне сения полной дезорганизации и путаницы в сложное и ответственное дело организации Кубанской армии.

Союз с русским «белым» ген. Деникиным убивал ду шу Кубанского казака, а пребывание союзника красной России, ген. Болховитинова, на чрезвычайно важном посту военного министра Кубани, вне сомнения, тормо зило, если только не делало совершенно невозможной, скорейшую организацию вооруженных сил для отраже ния большевистского нашествия на Казачьи Земли. Уместно будет отметить и то, что помощником военно го министра ген. Болховитинова был тоже не казак, полк. Морозов, который потом сыграл такую видную роль в деле сдачи большевикам Кубанской армии на Черноморском побережьи в апреле 1920 г. Начальником Штаба Кубанской армии был ставленник ген. Деникина, не кубанец, ген. Стогов (гл. VI).

Долю казаков решали не казаки, при чем и русские белые и русские красные сходились в своем резко отри-

цательном отношении к основному стремлению Казачества — построить свое государство, и те и другие имели своих людей на ответственнейших постах в казачьем государстве.

***

Были и другие серьезные причины, в значительной мере облегчавшие большевистскому командованию, как выработку нового плана наступления советских армий Кавказского фронта, так и успешное проведение этого плана в жизнь.

Ни ген. Деникин, ни Донское командование не обратили должного внимания на защиту Тихорецкого направления. Выше было уже отмечено, что когда на совещании на станции Сосыка 15 января 1920 г. был поднят вопрос об этом направлении, ген. Деникин категорически заявил, что он этому направлению «не придает особого значения даже в том случае, если бы здесь пришлось временно и осадить — главное направление это к политическому центру Дона» (см. гл. VI).

Донское командование вполне согласилось с точкою зрения Деникина. Больше того: как утверждает быв. военный корреспондент Г. Н. Раковский, пользовавшийся особым доверием и расположением со стороны ген. Сидорина, вследствие чего имевший возможность посещать тогда Штаб Донской армии, тыловые ее учреждения и даже те или иные участки фронта, — «у донского командования возник план, который был одобрен командирами корпусов Донской армии: в виду нездорового, полубольшевистского настроения на Кубани, предоставить кубанцам испытать прелести советского рая, а самим (донцам), не взирая на действующего в тылу Буденного, двинуться самым решительным образом на север» (Раковский. В стане белых, стр. 95).

В двадцатых числах января 1920 г. в штабе Деникина и в штабе Донармии было достоверно известно, что большевистское командование накопляет значительные силы на Ставропольском направлении в районе сел Дивного, Дербетовского, Винодельного. Вследствие этого, часть сил Кубанской (Кавказской) армии перебрасыва-

лась с Великокняжеского на Ставропольское направление.

В связи с этим ослаблением фронта Кубанской армии, командование этой армии просило штаб Донской армии о занятии силами донцов участка фронта по р. Манычу от железной дороги Великокняжеская – Торговая до Казенного моста. Ген. Сидорин условно согласился с этой передачей, но начальник его штаба, ген. Кельчевский, «не согласился на принятие этого участка и только отдал приказание командиру 1-го Донского корпуса оказывать содействие левому флангу Кавармии по обеспечению за нами железнодорожного узла Торговая, нанося противнику короткие удары в случае переправы его через Маныч к северу от железнодорожной линии Великокняжеская – Торговая» (журн. воен. действий Дон. армии).

Вследствие того, что Кубанская армия не имела возможности занять этот участок фронта достаточными силами, эта часть фронта, общим протяжением около 20 – 25 верст, на стыке Донской и Кубанской армий в действительности была очень слабо защищена.

Этим воспользовалось большевистское командование, направив в этот разрыв 1-ю Конную армию Буденного.

***

В это время Добровольческий корпус занимал фронт от г. Азова до Батайска (включительно), общим протяжением около 35 верст, Донская армия — от ст. Ольгинской (включ.) по р. Дону вверх до устья Маныча и далее вверх по Манычу до зимовника Янова (включит.), всего длиною около 125 – 130 верст. В общем же фронт Добровольческого корпуса и Донской армии, находившихся под командованием ген. Сидорина, занимал линию около 160 – 165 верст (схема 3).

Согласно данным штаба Донской армии, к 1-му февраля 1920 г. на этом фронте было 47.458 бойцов, 259 орудий, 381 пулемет; кроме того, в разных командах и г. п. было 10.542 чел. Или — на одну версту фронта приходилось 316 бойцов.

По тем же данным к тому же времени против этого

фронта располагалось 54 – 55 тысяч красных бойцов и 253 – 257 орудий, или на одну версту фронта приходилось в среднем 366 бойцов.

Фронт на юго – восток от перекрестка жел. дор. Царицын – Тихорецкая и р. Маныча до района селения Дербетовского, общим протяжением около 150 верст, защищался силами Кубанской (Кавказской) армии. О боевом составе этой армии мы, к сожалению, не имеем данных ни из штаба Кубанской, ни из штаба Донской армий, ни из штаба Деникина. Советские источники силы этой армии определяют в 9.681 штыков, 6.110 сабель, 122 орудия, 366 пулеметов, или на одну версту фронта около 106 бойцов.

Согласно советским данным, на фронте от ст. Манычской до Соляных Озер красные имели на 1 версту около 175 бойцов. (Гражданская война 1918 – 1921, т. III, стр. 294, 297).

Далее идущий по Ставропольской губ. участок фронта от района селения Дербетовского да района Св. Креста, общим протяжением около 150 верст, не был прикрыт достаточными силами.

Кубанская (Кавказская) армия сравнительно слабыми силами должна была защищать в общем около 300 верст фронта — Казенный мост — Дербетовское — Св. Крест. Главная группа сил этой армии находилась в районе Шаблиевка — Екатериновка — Ново – Манычское — Бараниковское.

Надо сказать, что, хотя и с большими затруднениями и очень медленно, но все же дело организации Кубанской армии продвигалось вперед: посылались пополнения на фронт; на территории Кубани закончил свою реорганизацию 2-й Кубанский конный корпус, состоявший из 2-й и 4-й казачьих дивизий, и выступил на Манычский фронт во главе с ген. В. Науменко. Командующий Кубанской армией ген. Шкуро в конце января произвел смотр этому Корпусу и нашел, что «Корпус представился в блестящем боевом порядке и можно смело сказать, что он является гордостью Кубани» («Вестник Верх. Круга» за 2 февраля 1920 г.). В периоде организации находился 3-й Кубанский корпус; в распоряжении

всех атаманов отделов Кубани было собрано значительное число казаков...

***

Учтя положение, как на фронте, так и в тылу, советских армий, так и положение фронта и тыла армий Казачьих, новый командующий противоказачьим фронтом, Тухачевский, решил «нанести удар главными силами фронта в стык Донской и Кубанской армий из района Платовская — Великокняжеская в Тихорецком направлении.

«Новое операционное направление главного удара, избранное Тухачевским», говорит Б. Майстрах, «выводило наши силы во фланг и тыл основной группировки противника, сосредоточенного в районе Батайск — Хомутовская — хут. Веселый, что представляло возможность, при соответствующей быстроте нашего наступления, прижать ее к Азовскому морю и, уничтожая ее силы по частям, не дать прорваться на Кубань и Северный Кавказ. Наступление наших войск в Тихорецком направлении угрожало пересечением главных коммуникационных путей противника, захватом важнейших узлов сообщений. Это приводило к полному разгрому белого тыла, нарушало управление войсками, прекращало снабжение «вооруженных сил юга России» союзниками, грозило быстрым овладением экономической базой, — жизненным районом, питавшим армию Деникина, — Кубанской областью...

«Театр действий благоприятствовал смелым и широким маневрам. Намеченный для прорыва Деникинского фронта участок у ст. Платовской и Великокняжеской, на стыке Донской и Кубанской (быв. Кавказской) армий являлся наиболее уязвимой точкой фронта. Армейский стык не был белыми надежно обеспечен, почему прорыв на этом участке не представлял для нас особых затруднений. Прорывавшиеся наши силы отрывали Кубанскую армию от Донской, вклиниваясь между ними. Кубанская же армия, будучи изолирована от остальных сил, как наиболее слабая армия Деникина, численно и политически, лишенная поддержки донцов и «добровольцев», связанных на Ростовском направлении, — была

бы по частям разбита в короткий период в силу такого удара Кавказского фронта. Ликвидация Кубанской армии обеспечивала организацию последовательных ударов на ших главных сил во фланг и тыл Донской и Доброволь ческой армиям» (выше цитированная работа Б. Майстраха, стр. 27).

25 января Тухачевский приказал Конной армии Буденного приостановить дальнейшие безнадежные попыт ки прорвать казачий фронт на нижнем Маныче. 27-го января Тухачевский отдал следующую директиву Нр 19/оп:

«1.VIII-й армии — к 29 января (11 февр. нов. ст.) удлинить свой левый фланг до ст. Манычской включительно.

2. Конной армии — **форсированным маршем через Сусатский - Комаровский прибыть в район Шарабулацкий — ст. Платовская.**

3. IX-й армии, — в состав которой включается Конный корпус Думенко и стрелковая дивизия (21-я), временно переданная Конармии, и 14-я див., — **сосредоточить главные силы, не менее четырех дивизий,** в районе Садковский — Дальний — зимовник Балабин.

4. X-й армии, — в состав которой включаются дивизии фронтового резерва (34-я, 39-я и 50-я стрелковые), **сосредоточить главные силы,** не менее ше сти **дивизий,** в районе Гремучий Колодезь — Великокняжеская — зим. Курочкин.

5. XI-й армии — **правофланговой группой занять исходное положение для атаки гор. Ставрополя»...**

Все намеченные этой директивой перегруппировки должны были быть закончены к 1-му февраля.

Красные армии Кавказского фронта энергично взялись за подготовку к генеральному наступлению. Главное

внимание было обращено на реорганизацию X-й сов армии, так как на эту армию и на конницу Буденного возлагалась ответственнейшая задача. Во-первых, в X-ю армию из XI-й сов. арм. перебрасываются 50-я и 34-я стр. дивизии, а 39-я из резерва переводится в боевую линию; во-вторых, были расформированы 37-я и 38-я стр. дивизии и Доно - Ставропольская кавалерийская бригада этой армии и бойцы из этих дивизий влиты в состав других дивизий X-й армии; в-третьих, были до минимума сокращены тыловые учреждения... Все это делалось для того, чтобы общее число штыков в боевой линии довести до 29 тысяч, как говорилось в приказе командующего этой армией.

Красное командование хорошо было осведомлено о решении белого командования перейти в наступление с целью захвата Новочеркасска и Ростова. Поэтому Тухачевский спешил предупредить наступление противника, чтобы, захватив инициативу боевых действий в свои руки, расстроить планы Сидорина - Деникина.

30 января Тухачевский отдал следующую директиву:

«Противник продолжает оставаться пассивным. По показанию пленных, его части получают пополнение. Из перехваченных документов выясняется, что разграничительные линии между Донской и Кавказской армиями за последнее время были: Белая Глина — Средне Егорлыкское — зимовник К. Королькова — Казенный Мост. Наши войска выполняют приказ 19/оп; армиям фронта **приказываю:**

1) VIII-й армии, нанося главный удар на Кагальницкая, в ближайшие дни овладеть течением р. Кагальника;
2) IX-й армии, нанося главный удар на пос. Ново-Роговской, 6-го (19) февраля выйти на линию Ново - Протопоповская — пос. Ново - Роговской.
3) Конной армии, **разрывая и сбивая фланги Донской и Кавказской армий противника, прорваться 8-го (21) февраля в район станций Тихорецкая.**

4) X-й армии, **отрезывая пути отступления Кавказской армии на Армавир, 6 (19) февраля достигнуть районов Белая Глина — ст. Успенская.** Выслать X армии боковой отряд на Ново - Александровская — Ново - Троицкая для связи с XI-й армией.

5) XI-й армии **правофланговой группой в ближайшие дни овладеть районом Ставрополь — Армавир.**

Разграничительные линии... **Наступление начать одновременно всеми наличными силами, не ослабляя себя излишними резервами; действовать плотными ударными группами»** (Схема 3).

По замыслу красного командования на фронт Кубанской армии на р. Маныче должна была наступать X-я сов. армия, состоявшая не менее, как из 23 тысяч штыков и 3.300 сабель. (Гражд. война, т. III, Майстрах, Маныч — Егорл. — Новорос.).

Сверх того, против левого фланга Кубанской армии, из района ст. Платовской, направлялась Конная армия Буденного в составе около 10 тысяч сабель, а на Ставрополь — Армавир наступала правофланговая группа XI-й сов. армии в составе не менее 5-6 тысяч бойцов (сводки).

Всего на фронт Кубанской армии наступало не менее 42 тысяч красных бойцов, на фронте длиною не менее 200 верст.

Главная ударная группа красных войск состояла из X-й и Конной армий, насчитывавших не менее 23 тысяч пехоты, более 13 тысяч конницы, при 180 орудиях и 740 пулеметах. Эта ударная группа в исходном положении занимала около 60 верст фронта и направлялась в общем на Тихорецкую, т. е. при тех об'ективных условиях в сторону наименьшего политического и военного сопротивления.

Остальные две советские армии — IX-я, в составе **11.300** штыков и **4.900** сабель (Думенко), и **VIII-ая,** в составе **23.500** штыков и **1.300** сабель, а всего около 35 тысяч штыков и свыше 6 тысяч сабель, должны были от-

бросить Донскую армию и Добровольческий корпус от р. Маныча и р. Дона.

***

Обратимся теперь к рассмотрению плана генерального наступления, принятого «белым» командованием.

Как мы знаем, представитель Англии, снабжавшей антибольшевистский фронт вооружением, — ген. Хольман, с своей стороны, сделал все, чтобы не допустить разрыва между Казачеством и генералом Деникиным (гл. III).

Донской Атаман ген. А. Богаевский, Терский Атаман ген. Вдовенко, председатель Донского Войскового Круга В. Харламов, председатель Терского Войскового Круга Губарев, председатель Донского Правительства Мельников, председатель Терского Правительства Абрамов, командующий Донской армией ген. Сидорин и командующий Кубанской армией ген. Шкуро широко использовали все свое влияние в том направлении, чтобы склонить Верховный Круг Дона, Кубани и Терека к соглашению с ген. Деникиным.

Верховный Круг пошел на компромисс и сделал все что от него требовали тогдашние военные руководители казачьих боевых сил для обеспечения успешной борьбы на фронте: во главе гражданского и военного управления был оставлен ген. Деникин с правами диктатора, остались на своих местах командующий Донской армией ген. Сидорин и командующий Кубанской армией ген. Шкуро (оба горой тогда стоявшие за ген. Деникина), правительственная власть осталась в руках исключительно угодных Деникину русских людей, казачьи самостийники не были допущены в состав Южно - Русского правительства.

Кроме того, Верховный Круг об'явил самую широкую амнистию красноармейцам — гражданам Дона, Кубани и Терека и обратился к населению с особым манифестом, призывая всех боеспособных людей стать в ряды бойцов на защиту Родных Земель.

Круг сделал все, чтобы под власть Деникина подвести формальный и моральный фундамент поддержки со стороны законных представителей казаков, горцев и ино

городних, и 30 января Верховный Круг прервал свои работы, как бы очищая широкий вольный простор для действий военных и гражданских властей.

В полном соответствии со смыслом и духом этой политики действовали Кубанский Атаман ген. Букретов и Кубанское правительство В. Иваниса: восстание казаков вблизи столицы Кубани, руководимое членом Краевой Рады Пилюком и имевшее целью добиться полного разрыва с ген. Деникиным, было ликвидировано применением оружия, порки и виселицы; по станицам Кубани были посланы карательные отряды, а Кубанский Атаман сам ездил по станицам с призывами к казакам подняться на защиту Кубани...

С своей стороны, ген. Деникин издал знаменательный приказ, датированный 23 января 1920 г. — днем издания Верховным Кругом Закона об амнистии и Манифеста (глава VIII). Приказ Деникина гласит:

«Противник в последних боях понес ряд тяжелых поражений; лучшая его конница разбита, дух его войск надломлен. Каждый решительный удар сулит нам верный успех. Но мало одной победы оружием. Недавно мы были у Орла, но ряд тяжелых ошибок привел нас вновь на Кубань. Теперь, когда мы накануне решительного наступления, нам нужна победа над собой. Пусть помнит каждый, что одной из причин крушения фронта и развала тыла были насилия и грабежи. В освобожденных от насильников областях народ с восторгом встречал наши войска; но многие вели себя не лучше большевиков и массы от них отвернулись, а без опоры на народ никакая борьба не возможна. Будем же являть собой пример безукоризненной честности и рыцарского отношения к слабым.

«Пусть ни один упрек не будет брошен в лицо борцов за освобождение и попранное право народа. Если начальники не возьмутся сразу за искоренение этого зла, то новое наступление будет бесполезно и дело рухнет. Требую жестоких мер, до смертной казни включительно, против всех, творящих грабеж и насилие, и против всех попустителей, какое бы высокое положение они не занимали. Помните, что нельзя грязными руками брать-

ся за святое дело освобождения от насильников нашей многострадальной Родины России.

Прочесть во всех ротах, эскадронах, сотнях и батареях.

Генерал-лейтенант Деникин».

Появление этого приказа побудило одного из офицеров штаба Донской армии вновь остановиться на тех непорядках, которые царствовали в армии на верхах и губили усилия и кровавые жертвы бойцов на фронте: ... «Как подвинуть дело вперед, имея, например, таких начальников на высоких постах, как, например, Санитарный инспектор, который, представляя командующему сведения к 24 января к предстоящей наступательной операции о расположении санитарных учреждений, показывает их в Великокняжеской, ст. Платовской, сл. Мартыновке, т. е. в пунктах, которые были заняты противником еще в десятых числах января; неудивительно, что у такого начальника больные и раненные тысячами по месяцах лежат на станциях в ожидания отправления и не многим из них удается дождаться этого отправления (Чертково зимой 19-20)... В деле эвакуации Санитарный инспектор имеет достойного соратника в лице Начальника военных сообщений ген. Кондратьева, которого дела «сообщения» волнуют гораздо меньше, чем хорошо сервированный стол с выпивкой.

«Невозможно здесь привести все факты, рисующие безотрадную картину состояния санитарного (дела) и работы железных дорог, но каждый современник, будучи опрошен, скажет, как все было плохо; что все это было известно командующему армией (ген. Сидорину) и все же эти люди продолжали стоять у столь ответственного дела.

«Является также совершенно непонятным, как полк. Мержанов, стоявший во главе многомиллионого дела на должности заведующего авточастью и проявивший себя с самой отрицательной стороны, — по удалении с этой должности попал в генералы для поручений при командующем (ген. Сидорине); достаточно сказать, что во время заведывания его (полк. Мержанова) авточастью фронт буквально не имел покрышек к машинам и таких

ценных и трудно доставаемых частей, как магнето, карбюраторы и прочее — в Новочеркасском же складе стены ломились от запасов этих предметов. И когда в Новочеркасске к пишущему эти строки, 24 декабря, накануне падения Новочеркасска, пришли офицеры, на попечение коих был передан склад, во время бежавшими подлежащими чинами, эти офицеры докладывали, что они даже во время русско – германской войны не видели ни одного такого богатого покрышками склада, и все это надо было бросить и бросали.

«Заведующий авточастью имел для личных раз'ездов несколько (3–5) прекрасных машин, но ни один командир корпуса (Донской армии) не получил от авточасти порядочной машины для того, чтобы об'езжать фронт; если Комкоры имели хорошие машины, они обязаны были расторопности своих комендантов, бережливости органов хозяйства, а чаще доблести своих частей, которые отбивали машины у красных...

«Можно привести тысячи таких фактов... Больно смотреть, что для поднятия духа армии и тыла — пишутся приказы, передвигаются войска, меняются правительства, раскаиваются в содеяных каких-то ошибках... Дело просто: раз не будут подобраны искренние помощники, если сам (ген. Сидорин) не исправится, дело не тронется с места, как не поверни.

«Если фронт и двинется вперед, все же рано или поздно все налипшее к ногам армии мерзкое, бесчестное, бездарное вымотает силы армии, высосет ее сердце и она волей – неволей покатится назад...

«Если бы в настоящий момент командующий жестокими мерами, не останавливаясь перед повешением десятка преступников, занимающих высокие посты или спекулирующих в тылу, привел все это в порядок, только бы вывез с фронта всех больных и раненных и добился бы человеческого их размещения, он заслужил бы такую известность и уважение, какой не пользовался ни один из вождей эпохи гражданской войны.

«К сожалению, командующий и не талантлив и, тем более, не гениален, а кроме того, назначен не по заслугам, а по принадлежности к партии, вождь которой —

председатель Войскового Круга» (журн. в дейст. Дон армии).

Это — свидетельство человека, непосредственно видевшего то, что делалось на верхах Донской армии.

В заседании Верховного Круга 30 января 1920 г. (см. гл. VIII), начальник санитарной части вооруженных сил Юга России, полковник Шереметьев, между прочим, доложил следующее:

... «С глубоким волнением я выступаю перед вами, господа хозяева земель и войск Донского, Кубанского и Терского. Санитарное положение в настоящее время зашло в грозный тупик. Санитарная служба потеряла свое нравственное основание: уверенность бойца, что в случае его ранения или его болезни, ему будет сделано все возможное для оказания помощи...

... «Итак, вторая грозная причина это то, что **армия тает быстрее, чем поступает пополнение. Число невывезенных раненных и больных на фронте может стеснять даже боевые операции.** Напряжение санитарной службы со времени очищения Харьковского и Воронежского районов чрезвычайное...

«В настоящее время на территории, занятой вооруженными силами Юга России, находятся 33 тысячи оборудованных мест, а больных и раненных всех более 48 тысяч человек... **Картина на фронте ужасающая: больные и раненые лежат в повалку, в каждом маленьком помещении, без медицинского ухода и в последнее время почти без прокормления и так сказать с ужасно слабой эвакуацией...**

... «**Могу свидетельствовать, что раненные и больные обмораживались в санитарных поездах. Не говорю о тех страданиях бесконечных, которые это доставляет, но это вопрос настолько вызывает негодование, что при отходе поездов постоянно слышишь: «Неужели для того мы сражаемся, чтобы лежать здесь и мерзнуть в то время, когда в городе все греются»...**

«В силу того же отсутствия топлива нельзя мыть белья. Хирургические госпитали уменьшили прием потому, что нет чистого белья, нет дров даже для стирки.. Это же отсутствие топлива совершенно остановило де-

зинфекцию. При теперешней завшивости необходима дезинфекция...

... «На станциях нет кипяченой воды...

«В настоящее время необходима **ваша** поддержка **Это и есть последняя надежда для спасения тех, которые находятся в ужаснейшем положении на фронте — НАШИ БРАТЬЯ. Это нужно не только с точки зрения человеколюбия, но это нужно с точки зрения боевой...**

«Я получилъ от начальника штаба Кубанской армии телеграмму о том, что вследствие забитости станций невозможно производить операции, пока раненных не вывезут...

«Затем **нужна твердая власть,** а в тылу она отсутствует».

Летом и осенью 1919 г. ген. Деникин рвался в Москву. О должном устройстве тыла русская «белая» власть не позаботилась. И теперь раненные и больные воины находились в таких невыносимо тяжелых условиях.

В том же заседании Верховного Круга с докладом выступил член Кубанского Краевого Правительства по здравоохранению — врач Ледомский. Из его доклада приведем некоторые места:

... «В прошлом году зимой точно также была эпидемия сыпного тифа и возвратного; в Кубанском Крае были десятки тысяч больных, которые содержались в лазаретах достаточно хорошо оборудованных. С продвижением армии вперед **все кровати были свернуты, как ненужные для Кубанского края, и двинуты за армией вперед.** Здесь (на Кубани) **госпиталей почти не осталось...**

«И когда разразилась катастрофа на фронте, когда началось катастрофическое движение больных и раненных на Кубань, то перед Кубанским правительством ста ла неотложная и грозная задача — немедленно организовать помощь больным и раненным. **Кубанское правительство в течение двух недель развернуло в крае 12000 кроватей и в настоящее время эти кровати уже заполнены. С течением времени было развернуто еще около трех тысяч кроватей.** Все, что было у ведомства здравоохранения — все запасы санитарного имущества и обо-

рудования, все было истрачено на оборудование этих кроватей — этой непредвиденной необходимости, которую пришлось удовлетворять экстренно...

«Кубанскому Правительству с болью приходится разрушать культурные очаги, разрушать учебные заведения, но это оно делает, не останавливаясь перед этим, дабы дать возможность создать новые госпитали» («Вестник Верховного Круга» за 1 февраля 1920 г.).

Кубанское Краевое правительство постановило реквизировать в срочном порядке **под лазареты** женскую учительскую семинарию, Войсковое реальное училище, Горговую школу, Народный дом, 42 городское училище, дом Викторова, Коммерческое училище во всем его об'еме... Постановило прекратить демонстрацию картин во всех биографах Екатеринодара и биографы предоставить тем лицам и учреждениям, которые будут выселяться из зданий, наиболее пригодных для ведомства здравоохранения...

***

Донское командование довольно хорошо было осведомлено о тяжелом состоянии фронта и тыла красных. После разгрома конницы Буденного в боях на нижнем Маныче 19 января (гл. VII) донское командование не преследовало совершенно расстроенную красную конницу. По этому поводу ген. Деникин высказал следующее суждение: «Если бы Донская конница не приостановила (тогда) преследования, мог бы произойти перелом во всей операции» (Очерки рус. смуты, т. У-й, стр. 317).

Все же 20 января командующий Донской армией приказал всем Донским и Добровольческому корпусам: «готовиться к переходу в решительное наступление» (журнал воен. дейс. Дон. армии).

22 января Деникин приказал армиям «начать общее наступление не позже первых чисел февраля» в Новочеркасском направлении.

В виду этого, 22 января начальник штаба Деникина — ген. Романовский издал следующее распоряжение: а) приготовить железную дорогу «к интенсивной работе и средства для починки мостов на участке Батайск — Ростов» и б) «к этому времени приготовить все санитарные

средства и наладить эвакуацию раненых». А 23 января было приказано «заготовить составные части мостов» и т. д.

В это время казачьи и русские верхи были чрезвычайно заняты различными делами: в Екатеринодаре еще заседал Верховный Круг, с 25 января в Екатеринодаре начал свои заседания Донской Войсковой Круг; командующий Донармией ген. Сидорин 24 – 25 января выступал с докладами на Верховном и на Донском Кругах; ген. Деникин, заканчивая переговоры с Верховным Кругом, приступил к организации Южно – Русского правительства; кроме того, ген. Деникин был занят делами Крымскими и Одесскими. Кубанцы были заняты Верховным Кругом, Деникиным, ликвидацией восстаня Пилюка, борьбой с дезертрами и «зелеными»; Кубанский Атаман ген. Букретов уехал в Таманский отдел, а командующий Кубанской армией ген. Шкуро — в Ставропольскую губ.....

Царствовало весьма гибельное многовластие... Переговоры, «компромиссы», излишне длинные заседания, взаимные уговаривания... поглощали много времени и сил.

В это время красное командование вело лихорадочную подготовку к удару на Тихорецкую и Ставрополь. Огромным преимуществом красных была единая военная и гражданская власть.

26 января ген. Деникин отдал след. директиву:

«Командарм Донской, Кубанской, Комвойск Севкав, ген. Лукомскому, Главначснаб и ген. Слащеву.

«Противник, сосредоточив в низовьях Маныча и До на лучшие свои Конную, 8, 3 (3-й здесь не было. Прим. ред.), 9 армии, старается прорваться на Кубань; 11-я и 10-я его армии наступают на Ставрополь и Торговую; 13, 14 и 12 — на Крым и Одессу. Атаки красных на Тихорецком направлении нами отбиты, 8-й, 9-й и Конной армиям нанесен ряд тяжелых поражений, дух их надломлен, на остальных направлениях бои с переменным успехом.

Приказываю:

1. Ген. Эрдели, продолжая энергичную борьбу с

повстанцами и обеспечивая Астраханское направление, разбить Святокрестовскую группу противника и отбросить ее в Астраханские степи.

2. Ген. Шкуро — прочно обеспечивая Ставропольское направление, разбить 10-ю сов. армию. 2-й Кубанский корпус передается в распоряжение командарма Кубанской.

3. Ген. Сидорину — образовав сильную Конную группу на Новочеркасском направлении, разбить группирующегося противника в этом районе, овладеть Ростовом и Новочеркасском и прочно закрепить за собой Ростово - Новочеркасский плацдарм.

4 Ген. Миллеру — удерживать во что бы то ни стало Крым и прикрывать Одесский район.

5. Ген. Лукомскому — восстановить положение в Сочинском округе и самым энергичным образом продол жать очищение Черноморской губ. от повстанцев.

6. Разграничительные линии: между войсками Севказ и Кубанской армией — прежняя, между Кубанской и Донской армией — Тихорецкая — Средне Егрлыкская — Казенный Мост — Платовская — Мартыновка (все пункты, кроме Ср. - Егорлыкской, для Кубанской армии) и далее по р. Дону.

7. О времени перехода в наступление будет сообщено дополнительно.

8. О получении донести.

Екатеринодар, 26 января 1920 г. Нр. 00724.

Генерал - лейтенант Деникин.

Генерал - лейтенант Романовский».

В развитие этой директивы командующий Донской армией 27 января сделал следующие указания подчиненным ему войскам:

«По окончании сосредоточения частей Кубанской армии перейти всеми корпусами в наступление, при чем для главного удара сосредоточить **три конных корпуса** (2-й и 4-й Донские и 3-й Кубанский) в районе х. Веселый, х. Мало - Западенский, х. Хорольский и х. Казенный с целью разбить ими армию Буденного и конный корпус Думенко. В случае успеха преследовать в направлении ст. Мелиховская, ст. Бесергеневская, и, пе-

реправившись через р. Дон, продолжать наступление на Новочеркасск с целью выхода в тыл всей группе красных, расположенной на фронте Новочеркасск — устье Дона.

«Для успеха операции сосредоточить на левом фланге Добровольческого корпуса активную группу из пехоты и конницы (бригада ген. Барбовича, усиленная Терскими частями) для одновременного удара в общем направлении на ст. Хопры и далее через Чалтыр на Султан Салы»... (журнал в. д. Д. а.).

28 января командующий Кубанской армией отдал приказ о переходе в наступление: 1) 2-му Куб. корпусу очистить от красных левый берег Маныча в районе озер Шаут Толга, Ново - Манычское, после чего форсировать Маныч и, выйдя на фронт станций Двойная — Ельмут, разбить противника, 2) Первом укорпусу, наступая вдоль жел. дороги, взять Великокняжескую.

29 января Деникин приказал Кубанской армии немедленно перейти в наступление.

30 января в ст. Кагальницкой, в присутствии Деникина, состоялось совещание командующего Донской армией ген. Сидорина с командирами корпусов в связи с предстоящим общим наступлением.

31 января в штабе Дон. армии были «получены точные сведения о движении Буденного из ст. Богаевской через Орловку на стык Донской и Кубанской армий» и «замечено явное намерение противника перейти к активным действиям» (журнал воен. д. Дон. арм.). Получены также сведения о сосредоточении значительных сил красных на Ставропольском направлении...

В тот же день была отдана следующая директива Донской армии:

«Чтобы воспрепятствовать осуществлению нового плана противника, сосредотачивающего свои усилия на Ставропольском направлении, и окончательно разбить его, приказываю перейти в решительное наступление по всему фронту». Корпусам даны такие задачи:

1) Первому корпусу и конной группе ген. Павлова в составе 4 и 2 корпусов, без Донской и партизанской дивизий, Сводно - Конного корпуса ген. Агоева, фор-

сировав Маныч, разбить и отбросить противника за р. Сал; по выполнении этой задачи иметь в виду 1-му корпусу выход на р. Сал между сл. Мартыновкой и устьем, а ген. Павлову — действия против Новочеркасско - Ростовской группы противника.

2) 3-му корпусу, с включением в него Сводного Конного корпуса ген. Агоева и Добровольческим корпусом разбить Ростово - Новочеркасскую группу противника, для чего сосредоточить ударную группу на своем правом фланге и наступать в направлении на Богаевскую и Бесергеневскую в обход Новочеркасска с востока и с севера, и Добровольческому корпусу, образовав ударную группу на левом фланге, охватывать Ростов с запада. По выполнении этих задач иметь в виду 3-му корпусу выход на фронт Раздорская — Александро - Грушевск — Кутейников - Несвитанский, а Добровольческому корпусу — Несвитайский — Генеральский Мост — Мокрый Чалтыр». (Схема 3).

Должно быть отмечено, во-первых, то, что бездействие антибольшевистских армий в конце января дало возможность красным армиям оправиться после понесенных поражений, привести себя в порядок, пополниться и произвести перегруппировку, обеспечившую возможность выполнения нового плана боевых операций; во-вторых, Деникин и Сидорин, как подчеркнуто выше, не обратили должного внимания на обеспечение стыка флангов Донской и Кубанской армий; в-третьих, не было, очевидно, учтено то, что X-я сов. армия, пополнившись из резерва тремя дивизиями ко времени перехода в наступление против Кубанской армии представляла уже из себя большую силу; в-четвертых, в плане нового наступления не видно необходимой согласованности в действиях Донской и Кубанской армий.

Но самое главное это то, что командующий Донской армией и ген. Деникин, подготовляя такую серьезную операцию, как переход в зимнее время в наступление одновременно по всему фронту (наступления, связанного с преодолением двух водных преград — р. Дона и р. Маныча), не обратили должного внимания на факт перемещения такого серьезного противника, ка-

ким была Конная армия Буденного. Уже «30 января было получено сведение, что 1-я Конная сов. армия перебрасывается вверх по Манычу на Тихорецкое направление» (Деникин. Очерки рус. смуты, т. 5-й, стр. 317, и данные штаба Дон. армии).

Однако, это чрезвычайно важное обстоятельство совершенно игнорируется, хотя в ст. Кагальницкой в это время заседали и обдумывали план предстоящей операции генералы Деникин, Сидорин и командиры Донских корпусов. Больше того, день спустя, 31 января, отдается войскам вышеприведенная директива о наступлении на Новочеркасск. Этим самым красному командованию была предоставлена полная возможность не только беспрепятственно осуществить уже начатую перегруппировку сил, но и перейти в общее наступление, закончившееся поражением казаков, Новороссийской и Сочинской катастрофами.

Или же Донское командование в этом случае осуществляло тот план, о котором говорит Раковский — пустить Буденного на Кубань (Раковский. В стане белых, стр. 95). Между прочим Раковский говорит и о том, что «план этот почти начал приводиться в исполнение».

Донскому командованию хорошо было известно, какие большие усилия надо было приложить и какие большие жертвы понести для ликвидации тех прорывов фронта, которые 1-я Конная сов. армя делала в январе сначала у Нахичевани и Ростова (см. главу У), потом на нижнем Маныче (см. гл. УII): в первом случае Буденный 5 января было отбросил от ст. Ольгинской части 3-го Донского корпуса, и 6 января красная конница была побеждена только сильными ударами: а) с запада — Кубано - Терским корпусом ген. Топоркова и конной бригадой ген. Барбовича, б) с востока и юго - востока — частями 3-го Донкорпуса и в) с юга могучим 4-м Донским корпусом, при чем в этих боях в тылу у Буденного была широкая болотистая долина р. Дона, вне сомнения, сильно стеснявшая маневрирование конницы; 15-го января Буденный прорвался через Маныч, разбив и отбросив Донские части у хуторов Тузлуковского и Мало-Западенского, а 16 января Буденный разбил 9-ю диви-

зию из состава славного 4-го Донкорпуса и только неожиданным ударом с фланга сильной числом и духом 10-й Донской конной дивизии в тот день конница Буденного была отброшена за р. Маныч (см. схемы 1 и 2)

Донское командование хорошо знало, что январьские победы казаков поясняются не только казачьей доблестью, горячим желанием Донцов освободить Родную Землю, не только слабостью советской пехоты, но и тем, что **Донское командование имело в своем распоряжении в качестве армейского резерва 4-й Донской корпус силою в 9-10 тысяч шашек** (ген. Деникин боевую силу этого корпуса определяет в 10-12 тысяч: Очерки рус. смуты, У-317) **и сводный Кубано - Терский корпус ген. Топоркова,** потом ген. Агоева, **силою в полторы - две тысячи шашек.** При помощи именно этихъ **резервных** корпусов Донское командование в январе поражало противника, прорывавшего Донской фронт.

Легко можно было пользоваться этим могучим конным казачьим тараном, так как главные бои происходили на сравнительно небольшой дуге фронта: Батайск — Мало - Западенский — х. Веселый, длиною всего около 75 верст.

Кубанская армия, против которой теперь направлялась 1-я Конная сов. армия Буденного, не имела такого весьма сильного подвижного резерва. Вообще же, переход Конной армии Буденного из района ст. Богаевской в район ст. Платовской самым решительным образом изменял соотношение сил на Маныче в районе ст Великокняжеская — ст. Платовская.

Глава XII.

Переход советских армий в наступление 1-го февраля. — Контр - меры Донского командования. — Директива Нр. 0456. — Действия конной группы ген. Старикова. — Разгром конницы Гая и 28-ой стр. дивизии. — Организация советской ударной группы войск в районе Торговой. — Трагедия 4-го Донского Корпуса и ее последствия.

(Схема 4).

Согласно директивы командующего советским фронтом Тухачевского, отданной 30 января 1920 г. (глава XI), армии этого фронта должны были перейти в общее наступление 1-го февраля (Схема 3).

Фронт по правому берегу р. Дона, от устья р. Маныча до Азовского моря, протяжением около 70 верст по воздушной линии, занимала 8-я сов. армия коммуниста Ратаевского. Согласно данным штаба Донской армии, на 1 февраля в 8-й армии было 23.500 штыков и 1.300 сабель при 125 орудиях.

Против этой армии фронт занимали: от г. Азова до Батайска (включительно) Добровольческий корпус, на 1 февраля имевший 6.425 штыков, 2.509 шашек (с Кубано - Терским сводным корпусом ген. Агоева) при 101 орудии и 881 пулемета, а в тыловых командах было 3.285 воинов. Фронт от ст. Ольгинской (включ.) до района ст. Манычской (включ.) занимал 3-ий Донской корпус ген. Гусельщикова силою в 6.360 штыков, 5.881 шашек при 66 орудиях и 275 пулеметах, а в командах

и тыловых учреждениях было 4.554 казака. В Добровольческом и в 3-м Донском корпусах было 12.785 штыков, 8,390 шашек, а всего 21.175 бойцов, при 167 орудиях, 656 пулеметах и в командах разного назначения было 7.839 душ.

Из сравнения данных о силах противников на этом фронте видим:

красные	23.500 шт.	1.300 шаш.	125 оруд.
«белые»	12.785 шт.	8.390 шаш.	167 оруд.
	и в командах 7.839.		

Большевистская пехота почти в два раза превосходила пехоту казачью, за то казачья конница в несколько раз превосходила красную конницу (полагаем, что данные Штаба Донской армии о числе шашек в 8-й сов. армии значительно расходятся с действительностью — большевистской кавалерии было больше на этом фронте; согласно большевистским данным, на 17 января 1920 г. 8 арм. имела 15.260 штыков и 4.120 шашек; не может быть, чтобы за время с 17 до 31 января число красных кавалеристов так сильно упало — с 4.120 до 1.300).

С утра 1-го февраля 8-я сов. армия перешла в наступление по всему фронту. На участке фронта Азов — Батайск красные захватили было на южном берегу р. Дона селение Кулешовку, но к вечеру были оттуда выбиты частями Добровольческого корпуса. Вообще же наступление красных на фронте Добровольческого корпуса отличалось неуверенностью и потому сравнительно легко было отбито. Ночь с 1 на 2 февраля на фронте Добровольческого корпуса прошла спокойно.

Значительные силы пехоты и конницы 8-й сов. армии с утра 1-го февраля повели наступление со стороны Нахичеванской и Аксайской переправ и со стороны ст. Старочеркасской — на ст. Ольгинскую и со стороны х. Краснодворского на х. Алитубский. К вечеру этого дня красные заняли ст. Ольгинскую и хутора Подолинские и Алитубский, принудив части 3-го Дон. корпуса на этом участке отойти к хут. Тацинскому и ст. Хомутовской.

В районе ст. Манычской в этот день красные дер-

жались пассивно. Таковы были результаты 1-го дня наступления 8-й сов. армии.

⁂

Фронт по р. Манычу от устья вверх до района х. Шара - Булацкого занимала 9-я сов. армия коммуниста Степина, в которую входил конный корпус Думенко. В этой армии, вместе с корпусом Думенко, на 1-е февраля числилось 11.300 штыков, 4.900 шашек при 87 орудиях (данные штаба Дон. армии).

Согласно данным штаба Дон. армии против правого фланга Донской армии действовали правофланговые части 10-й сов. армии, силы которых на 1-е февраля те же данные определяют в 5 тысяч штыков и 2.300 шашек при 25 орудиях. Что касается числа штыков, то донские данные, вне сомнения, не соответствовали действительности: действовавшая на Донском фронте 28-я стрелковая сов. дивизия 10-й сов. армии насчитывала на 1-е февраля всего 1.510 штыков (Майстрах. Маныч - Егорл. — Новороссийск).

Если к вышеприведенным данным о боевом составе 9-й сов. армии на 1-е февраля прибавим данные о силе правофланговых частей 10-й сов. армии, действовавшей на Донском фронте, получим:

9-я сов. армия	11.300 шт.	4.900 шаш.	87 ор.
из 10-й сов. »	1.510 шт.	2.300 шаш.	25 ор.
Всего	12.810 шт.	7.200 шаш.	112 ор.

1-го февраля против этой армии действовали: 2-й Донской корпус ген. Познышева (врем. командовал), 4-й Конный Дон. корпус ген. Павлова (командир этого славного корпуса — ген. Мамонтов 1-го февраля умер в Екатеринодаре от сыпного тифа) и большая часть 1-го Донского корпуса ген. Алексеева. На 1-е февраля эти корпуса имели:

				Команды:
2-й Дон. к.	1850 шт.	6.193 шаш.	35 ор.	78 пул. 1.787 каз.
4-й Дон. к.	—	9.179 шаш.	21 ор.	123 пул. —
1-й Дон. к.	3.285 шт.	3.086 шаш.	26 ор.	134 пул. 500 каз.
Всего:	5.135 шт.	18.458 шаш.	82 ор.	335 пул. 2.287 каз.

Сравнив силы советских и Донских бойцов на р. Маныче на 1-е февраля 1920 г. получим:

Красные силы	12.810 шт.	7.200 шашек	112 оруд.
Казачьи силы	5.135 шт.	18.458 шашек	82 оруд.

Т. е. красная пехота численно в два раза превосходила казачью пехоту, зато казачья конница в два с половиною раза была сильнее конницы большевистской.

Как мы знаем, с 14 января на фронте 9-й сов. армии действовала также Конная армия Буденного. Несмотря на это, итоги боевых операций на р. Маныче в течение всей второй половины января были плачевны для большевиков.

В самом конце января конная армия Буденного была снята с фронта 9-й сов. армии и передвинута на юго-восток, сначала на стык Кубанской и Донской армий. Уход десятитысячной конной армии Буденного с фронта 9-й армии сразу ухудшил положение этой последней.

Это обстоятельство предопределило исход боевых операций, наступивших в феврале на фронте 9-й сов. армии.

Согласно директивы командующего красным фронтом Тухачевского и эта армия должна была перейти 1 февраля в самое решительное наступление через р. Маныч. Однако, в этот день только правофланговые части 9-й армии в районе хут. Княжеско – Леоновского проявили слабую попытку к переходу в наступление, которое легко было отбито казаками. Далее на юго – восток от этого хутора до хутора Садковского, на участке длиною около 30 верст, 9-я армия совершенно бездействовала. И только в районе хуторов Хирного и Жеребкова около двух полков конницы красных обозначило наступление на х. Казачий — Хомутец.

В общем же, 9-я сов. армия не выполнила директивы Тухачевского и в наступление 1-го февраля не перешла.

***

Совсем иную картину представлял фронт 10-й сов. армии коммуниста Павлова (однофамилец временно командовавшего 4-м Донским конным корпусом ген. Павлова), которая 1-го февраля перешла в решительное на-

ступление всеми своими дивизиями: конная дивизия Гая и 1-я Донская (Хоперская) див. в районе зимовника Рубашкина (Четчикова) — зим. Янова; 28-я стрелковая дивизия на зим. Я. Королькова — зим. М. Кузнецова; 50-я стр. див. — на Шаблиевку к северу от полотна железной дороги Великокняжеская — Торговая; 20-я стр. див. — вдоль жел. дороги на сел. Екатерининское — Торговая; кавалерийская бригада — в обход Торговой с юга; 34-я стр. див. — на Ново - Манычское; 32-я стр. див. — на Бараниковское — Нов. Егорлык; 39-я стр. див. действовала в районе Копани - Сладкие — Эсто - Ханское (Схема 4).

Как сказано выше (глава XI-я), 10-я сов. армия в это время имела свыше 26 тысяч бойцов. Кроме того, за правым флангом этой красной армии, как отмечено было уже выше, в районе ст. Платовской к 1-му февраля была сосредоточена вся 1-я Конная сов. армия, согласно советским данным насчитывавшая свыше 9-ти тысяч шашек. К глубокому сожалению, ни Донское командование, ни ген. Деникин не приняли соответствующих мер для того, чтобы своевременно произвести необходимую перегруппировку казачьих сил фронта с целью парализовать на новом месте удар Конной армии Буденного.

Передвижение Буденного из района Ростова — Нахичевани в район устья р. Маныча, как мы знаем, вызвало перемещение на восток 4-го Донского корпуса — на р. Маныч. Совершенно естественно, что дальнейшее передвижение красной конницы на юго - восток — в район ст. Платовской — ст. Великокняжеской — неизбежно должно было вызвать соответствующее перемещение 4-го Дон. конного корпуса. Соотношение красных и казачьих сил на фронте 9-й армии на 1-е февраля позволяло антибольшевистскому командованию, без особого ущерба для обороноспособности этого участка фронта, совершить эту крайне необходимую перегруппировку казачьих сил, вызывавшуюся насущнейшими интересами всего фронта. Разумное, целесообразное и своевременное использование наличных сил казачьего фронта в полной мере обеспечивало тогда новую казачью победу, которая могла быть началом освобож-

дения всей Казачьей территории от армий красных завоевателей: неизменно стойкие и доблестные 3-ий Донской и Добровольческий корпуса справились бы с 8-й сов. армией на р. Доне, храбрые 2-й и 1-й Донские корпуса не допустили бы перехода через р. Маныч пехоты 9-й сов. армии и конного корпуса Думенко, а Кубанская армия, поддержанная славным 4-м Донским корпусом ген. Павлова и доблестными правофланговыми частями 1 Донского к-са — 14 конной бригадой и 18 конным полком, разбила бы 10 и конную сов. армии в районе Великокняжеская — Торговая.

Кубанская (Кавказская) армия в двадцатых числах января сама справилась с 10 сов. армией, стремившейся перейти р. Маныч. Если к 1-му февраля 10 сов. армия была значительно усилена влитием в боевую линию трех резервных красных дивизий, то и Кубанская (Кавказская) армия была усилена 2-м Кубанским конным корпусом, к 26 января прибывшим на фронт Кубанской армии. Ожидался выход на фронт и 3-го Куб. корпуса.

Верховный круг передал власть Деникину, а этот последний не справился с той миссией, которой так добивался, ведя упорную, не стеснявшуюся никакими средствами, борьбу против казачьей самостийности.

Конная армия Буденного, согласно директивы Тухачевского, отданной 30 января, должна была наступать по линии ст. Платовская — селение Средне - Егорлыкское, т. е. на юго - запад. Однако, Буденный, утром 1 февраля выступив со своей авангардной 4-й дивизией из ст. Платовской, **направился прямо на юг** по большой дороге и через хут. Ельмутовский к вечеру того дня подошел к Шаблиевке с северо - востока. Вслед за 4-й дивизией шли 6-я и 11-я конные дивизии армии Буденного (схема 4).

Таким образом, уже в первый день наступления 10 сов. армии Конная армия Буденного выходила на фронт группы ударных дивизий 10-й армии. Эти дивизии с фронта прикрывали передвижение Конной армии, а последняя усилила эти стрелковые дивизии. Получилось весьма удачное сложение конных и пеших сил на желез

ной дороге, ведущей из Царицына на Тихорецкую, с Поволжья на богатую Кубань.

Воспользовавшись тем, что сильные морозы сковали озера и болота Манычской долины, дивизии 10-й армии утром 1-го февраля без особых затруднений перешли эту долину в районе Великокняжеской и на лѣвом берегу Маныча вступили в бой с частями 1-го и 2-го Кубанских корпусов.

Главный удар наносили 50, 20, 34 и 32 стрелковые дивизии и кавалерийская бригада, насчитывавшие около 13 тысяч бойцов, на фронте Шаблиевка — Екатерининское — Ново - Манычское — Бараниковское, длиною 20 — 25 верст.

Как свидетельствует бывший начальник 20 сов. дивизии Б. Майстрах, в этот же день, только несколькими часами позже, в наступление перешла и Кубанская армия: часть казачьей конницы переправилась через Маныч на северный берег с целью захвата ст. Великокняжеской в то время, когда советские дивизии ударной группы уже переправились на южный берег и завязали бой с Кубанскими пластунами у сел. Екатерининского. Встреченная сильным орудийным и пулеметным огнем красных, казачья конница принуждена была отступить на южный берег Маныча в район сел. Ново - Манычского.

На всем фронте от Шаблиевки до Бараниковского между Кубанскими казаками и советскими дивизиями завязался весьма упорный орудийный, пулеметный и ружейный бой. Ново - Манычское и Бараниковское занимал 2-й Кубанский конный корпус ген. В. Науменко. Против этого корпуса сосредоточенно наступали 34 и 32 стр. красные дивизии — около пяти с половиною тысяч бойцов. После жаркого боя к вечеру 1-го февраля части 2-го Куб. корпуса принуждены были оставить оба эти селения и отступить на сел. Новый Егорлык, т. е. отойти верст на 10 - 12.

Селение Екатерининское защищали Кубанские пластуны, оказавшие упорное сопротивление 20 сов. дивизии и конной бригаде красных — около четырех с поло-

виною тысяч бойцов. Все же к вечеру сел. Екатерининское оставалось в руках пластунов.

Только ночной атакой и охватом этого селения с правого фланга и с тыла, после ожесточенного боя на улицах, большевикам удалось захватить это селение.

50-я стр. дивизия — 3.000 штыков — целый день упорно, но безуспешно наступала вдоль полотна железной дороги на Шаблиевку. К ночи в расположение 50-й дивизии, неожиданно для нее, подошла головная 4-я конная дивизия Буденного, вместе с Буденным и его штабом (3.900 шашек, согласно большевистским данным).

И только совместными усилиями конных и пеших большевистских частей, после ночного боя, длившегося до 5-ти часов. утра, большевикам удалось захватить Шаблиевку (данные из донесения Буденного штабу Кавказской красной армии).

В центре 10-й сов. армии — в Шаблиевке — Екатерининском — Ново - Манычском — Бараниковском в ночь под 2-е февраля сосредоточились 50, 20, 34 и 32-я стрелковые дивизии, конная бригада и 4 конная дивизия, в общем представляя из себя кулак в 17-ть тысяч бойцов.

2-го февраля вся эта группа отдыхала, поджидая подхода остальных двух дивизий Конной армии. Не спеша, с остановками для отдыха, из района ст. Платовской передвигались 6-я и 11-я дивизии Буденного.

Обратимся к правофланговым частям 10-й армии. 1-го февраля 28-я стр. дивизия этой армии, выступив из х. Ельмутинского, перешла Маныч, захватила зимовники Я. Королькова и И. Кузнецова, в 20 - 15 верстах севернее Шаблиевки, и наступала далее на запад долиною р. Юлы.

Правофланговая конница 10-й армии — дивизия Гая и 1-я Донская (Хоперская) сов. див., перейдя 1-го февраля р. Маныч, выбила Донцов из зим. Янова и продвигалась далее на юго - запад долиною р. Кугульты.

Самая левофланговая 39-я стрелковая сов. див. 10-й армии продвигалась по Ставропольской губ. в юго - западном направлении.

Таким образом, вследствие недопустимого игнори-

рования «белым» командованием Тихорецкого направления, вследствие желания некоторых генералов «пустить Буденного на Кубань», 1-го февраля 10-я сов. армия всеми своими дивизиями перешла р. Маныч и укрепилась на ее левом берегу. В центре этой армии сосредоточивалась Конная армия Буденного.

Приходилось спешно искать выход из создавшегося грозного положения...

***

Только вечером 1-го февраля, «дополнительно по выяснении обстановки», командующий Донской армией ген. Сидорин отдал командирам 4-го Конного ген. Павлова и 1-го Донского корпусов распоряжение:

... «После полудня 1-го февраля обнаружилась главная масса конницы противника (корпус Буденного, див. Гая и Уральская бригада) на левом берегу Маныча, наступая в общем на Торговую... Корпус Думенко, занимающий район хуторов В. и Н. Солоные, повидимому, прикрывает эту операцию... **Приказываю:**

1) Комкору 4-го Донского, **разбив** корпус Думенко, оставить небольшой заслон с севера, а главными силами двинуться в восточном направлении **для окружения и уничтожения главной конной массы противника;**

2) 1-му Дон. корпусу контр - атакой с запада и Кубанской армии с юга (о чем командующий Донской армии просил командующего Кубанской армии) оказать 4-му корпусу полное содействие».

Ген. Деникин, еще не понимая, что в действительности произошло 1-го февраля на Великокняжеском направлении, приказал командарму Кубанской армии «оказать всемерное содействие Донской армии в ликвидации Великокняжеской группы противника».

В этот день 4-й Донской конный корпус находился на левом берегу р. Маныча в районе хут. Жеребкова — х. Веселого и х. Платовского, т. е. на расстоянии 70 — 100 верст от Великокняжеской — Торговой. При чем, согласно вышеприведенной директивы ген. Сидорина,

этот корпус сначала должен был разбить конный корпус Думенко, находившийся за р. Манычем.

В 6 часов 30 минут утра 2-го февраля части 4-го корпуса приступиил к переходу через реку Маныч у вышеназванных хуторов — 4-я див. у Жеребкова, 9-я у Веселого и 10-я у Платовского и далее направились в **обхват** хуторов Верхнего и Нижнего Солоных, где находился конный корпус Думенко (схема 2).

«Густой туман», доносил командир 4-го к-са ген. Павлов, «держался до 14-ти часов, мешая наблюдению и связи, вследствие чего маневр, расчитанный на окружение, не вполне удался, ибо части вышли к намеченному пункту не одновременно; противник выбит из хуторов Жеребков, Садковский, Спорный, Солоные и после упорного боя отошел в направлении на Ажинов, Кудинов (т. е. к реке Дону — в направлении Новочеркасска). В бою со стороны красных участвовал корпус Думенко, конная бригада Блинова и части 23 стр. дивизии. Нами взято 5 пулеметов и 150 пленных».

Таким образом, корпус Думенко ускользнул из крепких рук 4-го корпуса, отделавшись незначительными потерями.

Преследуя корпус Думенко, 4-й Дон. корпус ген. Павлова еще больше удалился от района Великокняжеская — Торговая, каковой должен был явиться районом главных ударов этого казачьего корпуса.

И 2-го февраля 9-я сов. армия, как и в предыдущий день, продолжала в общем бездействовать. Только из района Орлов — Подвал части этой армии неуверенно наступали на юг.

3-й Донской корпус к вечеру 2-го февраля выбил из станицы Ольгинской части 8-й сов. армии и отбросил их за р. Дон. На фронте Добровольческого корпуса в этот день части 8-й сов. арм. сделали слабую попытку нового наступления на сел. Кулешовку, находившуюся на середине фронта Добровольческого к-са, но легко были отбиты.

Двухдневные попытки частей 8-й армии укрепиться на южном берегу р. Дона окончились неудачей. 8-я и 9-я сов. армии, занимавшие фронт по рекам Дону и Ма-

нычу, и к вечеру 2-го февраля не смогли выполнить директивы командующего фронтом Тухачевского.

В ночь под 3-е февраля командующий Донской армией отдал следующую директиву Нр 0456;

«Комкорам 1, 2, 3, 4, Добровольческого, копия наштарм Кубанской и наштарм Глав.

К вечеру 2 февраля обстановка на фронте армии такова: на фронте первого к-са — 14 кон. бригада и 18 кон. полк вели упорный бой с пехотой и конницей противника в районе зимовников Кузнецова, Королькова, Янова, при чем документально и пленными установлено здесь участие корпуса Буденного; 4-й Корпус отбросил корпус Думенко, бригаду Блинова и часть 23 стр. дивизии в направлении на Ажинов и Кудинов. На фронте Доброкорпуса второе наступление красных на Кулешовку отбито. Бой на фронте 3 корпуса незакончился, но Ольгинская, повидимому, занята нами.

На 3 февраля приказываю:

Первому Корпусу — контр - атаками сдерживать наступление группы Буденного.

Группе ген. Павлова — наступая вдоль Маныча и сбивая на своем пути все части противника, выйти во фланг и тыл группе Буденного и разбить ее совместно с 1-м корпусом.

Третьему корпусу — отбросив противника в районе Ольгинской, сосредоточить Конный (Кубано - Терский) корпус ген. Агоева в районе хуторов Мало - Западенский — Поздеев с тем, чтобы с утра 4-го февраля атаковать разбитые части корпуса Думенко и отбросить его за Дон.

Доброкорпусу — продолжать подготовку к выполнению задачи по основной директиве (захват Ростова) и быть готовым оказать содействие 3-му корпусу в случае наступления противника на Ольгинскую.

Получение донести. Сосыка. 2 февр. 20 г. 23 часа Нр. 0456/К.

Сидорин».

Как видно, и в конце второго дня боев по всему фронту командующий Донской армией еще не вполне отдавал себе отчет в том, что произошло за эти два дня

в районе Великокняжеская — Торговая, где планомерно, согласованно и последовательно действовали крупные массы пехоты и конницы противника, значительно превосходившие силы и возможности Кубанской армии. Если вечером 1-го февраля ген. Сидорин думал еще о возможности в голой степи **окружить и уничтожить** конную массу противника, насчитывавшую около 9-10 тысяч испытанных во многих боях бойцов и в своих действиях опирающуюся на несколько сильных пехотных дивизий, то после событий, происшедших 1-2 февраля в районе Торговой - Великокняжеской, командующий Донармией должен был обратить более серьезное внимание на этот участок фронта.

Донскому командованию и, особенно, ген. Деникину хорошо было известно, что в июне - июле 1918 г. ударом Кубано - Добровольческих сил именно со стороны Торговой на Тихорецкую довольно сильная большевистская армия Антонова принуждена была отойти на юг с фронта Азов — Батайск в пределы Кубани. Известно им было и то, при каких условиях в апреле - мае 1919 г. удалось ликвидировать манычский прорыв той же 10-й сов. армии: тогда быстро были взяты войска не только с северного Кавказа, но и с Донецкого бассейна, охватом с флангов, после значительных усилий, 10-я сов. армия была разбита и отброшена к Царицыну (ч. 2-я «Трад. Каз.»).

Теперь большевистское командование повторяло маневр ген. Деникина 1918 г. и маневр красного командования 1919 г.

Вышеприведенная директива Нр 0456 ген. Сидорина заставляла подчиненные ему войска одновременно действовать в двух противоположных направлениях: 4-й Донкорпус и конница 1-го Донкорпуса бросались в район Торговой, а конная группа ген. Старикова, в состав которой был включен и Кубано - Терский корпус ген. Агоева, бросалась в сторону ст. Богаевской. Богаевская и Торговая удалены одна от другой, по воздушной линии, примерно, верст на 120.

Если успех январьских боев в значительной мере определялся счастливой и редкой возможностью для

Донского командования на небольшой площади применить могучий резерв в виде 4-го Донского и Кубано - Терского корпусов, то в начале февраля, с рассылкой этого резерва в разные концы фронта, Донское командование оставалось без серьезных подвижных резервов, которые можно было бы использовать в случае серьезной неудачи на том или ином участке фронта.

Весь казачий фронт вытягивался в нитку длиною не менее 250 верст — Азов — Батайск — Богаевская — хут. Веселый — Торговая — Сандата. Хотя 8-я и 9-я сов. армии в целом и не проявили тогда так нужных для советской России боевых качеств, но все же упорные двухдневные бои 3-го Донского корпуса с красными у ст. Ольгинской и ст. Старочеркасской, бои Добровольческого корпуса у Кулешовки, сбережение в целости конного корпуса Думенко после того, как против него были брошены минимум вдвое превосходившие его силы 4-го Донского к-са ген. Павлова, указывали на то, что нельзя было не считаться серьезно с силами 8-й и 9-й советских армий, особенно при условии, что у Торговой уже обозначилась весьма серьезная угроза возможности выхода Конной армии Буденного и 10-й сов. армии на фланг и в тыл антибольшевистским корпусам, сражавшимся на р. Доне и на р. Маныче.

Хладнокровный учет всей боевой обстановки на фронте и положения в тылу диктовал казачьему командованию необходимость удержания фронта по рекам Дону и Манычу и скорейшее сосредоточение достаточных сил для ликвидации обходного движения красных на линии Великокняжеская—Тихорецкая, тем более, что сильный нажим красных тогда обозначился уже и на Ставропольском направлении, где они, в случае успеха, могли разрезать Северный Кавказ на две части.

Посмотрим, к чему привело осуществление директивы. Нр 0456. Обратимся сначала к северному фронту.

В силу этой директивы, «конная группа ген. Старикова — 7-я Конная бригада, Кубано - Терский Сводный корпус ген. Агоева, Черкасский конный полк и 8-я пластунская бригада — 3 февраля в 12 часов дня перешла в наступление из района ст. Манычской в общем

направлении на ст. Богаевскую, имея ближайшей целью уничтожение пехоты противника, занимающей хутора Краснодворского и Голые Бугры» (схема 6).

В тот же день стремительной атакой казаки разбили красных в районе хут. Хохлатовского «и на плечах бегущего противника овладели ст. Богаевской; преследуемые нашими частями красные бежали частью на х. Кудинов и на хут. Ажинов и частью на ст. Бесергеневскую; взято 500 пленных, 40 пулеметов и 4 орудия» (операт. сводка).

4-го февраля группа ген. Старикова занимала район ст. Богаевской и х. Елкина. Перед нею в х. Ажинове находилась бригада 21-й стр. сов. дивизии, прикрывавшей хутора Карповский и Сусатовский, где располагался конный корпус Думенко.

4-го февраля упорное наступление 2-й и 8-й дивизий 3-го Донского корпуса на ст. Старочеркасскую успеха не имело; донские казачьи части понесли большие потери, но все же отступили в исходное положение: 2-я дивизия — в хут. Алитубский и Средне – Подолинский, а 8-я див. — в ст. Ольгинскую. Между этой последней и гор. Нахичеванью тоже шел упорный бой.

5-го февраля конница Думенко, в свою очередь, перешла в наступление против группы ген. Старикова; причем, хотя конница Думенко после упорного и кровавого боя у х. Елкина и была отброшена к х. Ажинову, но группа ген. Старикова в этом бою «понесла большие потери, ввиду большого количества у противника артиллерии и пулеметов» (сводка).

Не удалось отбросить корпус Думенко за р. Дон.

В этот же день 5-го февраля на левом фланге и в тылу группы ген. Старикова произошло следующее: «Наступлением со стороны хут. Хохлатовского части 8-й сов. армии заняли хутора Алитубский, Арпачинский и ст. Манычскую». И хотя далее к западу «противник, наступавший на широком фронте в направлении на ст. Ольгинскую, контр-атакой частей 8-й дивизии и пластунов был отброшен и нами взято 200 пленных, 3 орудия, пулеметы и обозы», но значительный успех красных 5-го февраля в районе ст. Манычской поставил конную

группу ген. Старикова, находившуюся в районе ст. Богаевской, в весьма тяжелое положение.

Поэтому ген. Стариков 6-го февраля, т. е. на другой день после тяжелого боя с конницей Думенко, оставляет в х. Елкине бригаду из корпуса ген. Агоева и одну сотню в ст. Богаевской, а с остальными силами поворачивает назад и выбивает из ст. Манычской 16-ю конную дивизию и бригаду 33 стрелковой дивизии красных (левофланговая в 8-й армии) и занимает х. Арпачинский.

Отходом большей части сил ген. Старикова из района ст. Богаевской немедленно воспользовался Думенко и 7-го февраля захватил х. Елкин, ст. Богаевскую и х. Федулов и подошел к р. Манычу у устья.

7-го февраля командующий Донармией приказал ген. Старикову снова направиться против корпуса Думенко. Ген. Стариков выступил из ст. Манычской и 8-го февраля атаковал противника в районе х. Федулова, захватил 800 пленных, 3 орудия, 10 пулеметов и снова занял х. Елкин и ст. Богаевскую. Причем «конницы Думенко здесь не оказалось, а бывшая здесь бригада Жлобы, вместе с пехотными частями, была отброшена на правый берег Дона; по показаниям жителей, Думенко ушел на Новочоркасск» (7-го февраля Добровольческий корпус занял гор. Ростов, а 8 февраля части 3 Донск. корпуса вышли на жел. дорогу Ростов – Новочеркасск, захватив ст. Аксайскую и хут. Большеголовский).

8 февраля 16 конная дивизия красных снова заняла ст. Манычскую. И снова ген. Стариков принужден был из района ст. Богаевской через х. Федулов броситься к ст. Манычской. Ударом на нее с востока, а конных частей полк. Бабкина с запада, к ночи 8 февраля красная конница была выбита из ст. Манычской и отброшена к ст. Кривянской, что у Новочеркасска. И снова группа ген. Старикова была брошена в район хут. Княжевско-Леоновского «с предположением завтра наступать на Богаевскую» (сводки).

Много героизма, удали, смелости и неутомимости было проявлено казаками конной группы ген. Старикова в течение только тех шести дней, о которых мы

говорили выше на основании оперативных сводок Донской армии, а по существу это был кровавый танец доблестных казачьих частей на одном месте. Эта казачья группа в силу своей сравнительной малочисленности не могла одновременно отбросить и левый фланг 8-й сов. армии — 33 стр. дивизию и 16 конн. див., — и правый фланг 9-й сов. армии — 21 стр. див., конный корпус Думенко и др. части.

Если казаки отбрасывали фланг одной армии у ст. Манычской, противник восстанавливал свое положение на фланге другой армии, и наоборот... С уходом 4-го Донкорпуса в район Торговой ослабели казачьи силы в центре. Донское командование, не имея резервов, не могло подать помощь на северном участке фронта, чтобы дать казакам возможность оторвать от рубежей рек 8-ю и 9-ю советские армии и отбросить их за Новочеркасск.

В свою очередь, в эти дни советские армии не смогли отбросить казаков от р. Дона и р. Маныча в районе слияния этих рек.

На этом участке фронта создалось тяжелое для обоих сторон равновесие сил. Морозы держали реки и озера под крепким льдом, что открывало широкие возможности для маневра.

Судьба фронтов и исход борьбы в то время решались на равнине, в степи, в треугольнике Торговая — ст. Егорлыкская — сел. Белая Глина.

***

3-го февраля 50-я, 20-я и 34-я стрелковые дивизии, конная бригада и 2 эскадрона из 4-й конной дивизии Буденного из Шаблиевки - Екатерининского двинулись в наступление на ст. Торговую и около нее лежащее большое и богатое селение Воронцовское, которое защищали части 1-го Кубанского корпуса ген. Крыжановского (схема 4). Хотя от Шаблиевки - Екатерининского до станции Торговой всего 5-10 верст, хотя против 1-го Кубкорпуса навалилась масса бойцов в 9 тысяч большевистской пехоты и полторы тысячи конницы, все же в течение целого дня красные не могли взять Торговую.

«Кубанский корпус Крыжановского стойко держался под натиском наших частей, оказывая упорное сопротивление», повествует бывший начальник 20-й стр. дивизии Б. Майстрах... «Лишь с наступлением темноты» большевистские массы пехоты «атаковали упорно защищавшихся Кубанцев; к 10 часам вечера части 1-го Куб. корпуса были выбыты из села и Торговая - Воронцовское были заняты нами; белые отступили в направлении на деревни Николаевку и Песчанокопскую, понеся значительные потери» (Маныч — Егорл. — Новороссийск, стр. 59).

В этот же день большевики принудили 2-й Куб. конный корпус ген. Науменко, действовавший правее 1-го корпуса ген. Крыжановского, оставить сел. Сандату и отступить на сел. Ивановку.

Необходимо подчеркнуть, что в то время, как 1-й Куб. корпус вел на линии жел. дороги упорные бои с наседающими массами большевистской пехоты и кавалерии, между этим корпусом и правофланговыми частями Донской армии была огромная дыра шириною более 20 верст. Поэтому левый фланг Кубанской армии был совершенно оголен для ударов большевиков.

3-го февраля правофланговые части Донармии находились: 14-я конная бригада в районе зимовника Пишванова (по воздушной линии 35 верст от Торговой), а 18 конн. полк. в районе зимовников И. Кузнецова и Н. А. Королькова, отступив от р. Маныча верст на 30. В этот день штаб Донской армии приказал 14-й конн. бригаде «организовать разведку по долине реки Юлы в общем на Торговую с целью установить, куда движется Буденный и как группируются его силы», а всему 1-му Донскому корпусу отдано было распоряжение «энергичными действиями сдерживать противника и не давать ему продвинуться к западу»... «Для достижения решительного успеха группой ген. Павлова, необходимы энергичные и решительные действия 1-го корпуса», указывал штаб армии.

4-й Донкорпус ген. Павлова, 2-го февраля за Манычем разбив корпус Думенко, возвратился на южный берег этой реки и 3 февраля занимал район зимовников

Я. Королькова, Андр. Королькова, П. Харченко, Казенного и хут. Веселого, к вечеру этого дня передовыми частями с боем выдвинувшись на линию зим. Н. А. Королькова — Орлов Подвал. Отметим, что за 2 и 3 февраля части этого корпуса взяли 700 пленных и 65 пулеметов. Два дня похода и боев в невыносимую зимнюю стужу изнурили бойцов и лошадей. Но от станции Торговой этот доблестный корпус отделяло еще 55–75 верст голой, незаселенной и бездорожной степи, занесенной глубоким снегом, насквозь продуваемой сильным ветром при 19-27-градусном морозе, и продвинувшиеся на левый берег Маныча конные и пешие большевистские части...

***

4-го февраля, двигаясь тремя колоннами все далее на юго-восток в направлении на Шаблиевку – Торговую, передовые части 4-го Конного корпуса ген. Павлова в долине р. Мокрой Кугульты — в районе зимовников Почекаевского, С. Жеребкова и Ф. Королькова, неожиданно натолкнулись на прорвавшиеся на левый берег Маныча большевистские части — конную дивизию Гая и 1-ю Донскую (Хоперскую) красную дивизию. Произошел короткий бой. Красные были разбиты на голову; остатки большевистских дивизий казаки преследовали к Казенному Мосту (схема 4).

В этот же день 14-я конная Донская бригада в долине р. Юлы — в районе зимовника Попова — на-голову разбила 28 стр. дивизию красных, взяла 300 пленных вместе с начальником дивизии Азиным. Эта дивизия, как повествуют сами большевики, «была окружена превосходными конными силами противника в открытом поле и, несмотря на героический бой частей дивизии, была почти целиком уничтожена в упорном бою. 28-я див. вышла из боя в составе лишь 160 штыков и 174 сабель. Погиб почти весь ее командный состав»...

Разбитая казаками дивизия Гая и остатки 28-й сов. дивизии отскочили за р. Маныч в район ст. Платовской х. Ельмутинского.

4 февраля штаб Донской армии не имел никакой связи с находившимся в беспрерывном движении по

безлюдной голой степи 4-м Донским корпусом. Поздно ночью, еще не зная о разгроме казаками большевистских конной дивизии Гая, 1-й Донской (Хоперской) бригады и 28-й дивизии, командующий Донской армией отдал следующее приказание:

«Комкорам 1 и 4 Донских. копия Командрам Куб, комкор 3 Донского и Наштаглав.

...На 5 февраля ставлю задачу уничтожения Яново-Шаблиевской группы противника, для чего приказываю:

1. 4-му корпусу продолжать наступление левым своим флангом вдоль Маныча.
2. 1-му Корпусу энергично атаковать противника, держа боевую связь левым флангом с 4-м Корпусом, а правым — с 1-м Кубанским.
3. Распоряжением Наштакора 1-го настоящее приказание с последними данными о противнике передать Наштакору 4-го Конного по месту нахождения, выяснив его через правофланговый полк 4-го Корпуса.

Сосыка, 4 февр. 1920 г. 24 часа. Нр 0478/К.

Сидорин».

Этот приказ опровергает распространенное мнение, будто бы ген. Павлов самовольно повел 4-й Корпус на Торговую по левому, а не по правому берегу р. Маныча; приведенный выше приказ ген. Сидорина ясно говорит о том, что сам командующий Донармией направлял этот Корпус именно по левому, пустынному берегу Маныча. Яново - Шаблиевской группы большевистских войск тогда не существовало, между зим. Яновым и сел. Шаблиевкой на 20 верст тянулось пустое место.

***

Обратимся теперь вновь к району Торговой, которая, как сказано выше, была взята советскими дивизиями поздно вечером 3-го февраля. Немедленно после взятия Торговой Буденный послал начальнику Штаба Кавказского большевистского фронта и командующему 10-й сов. армией телеграмму, в которой сообщал, что 4-я и 6-я дивизии Конной армии уже находятся в Шаб-

лиевке - Екатерининской и что «в виду больших переходов, в связи с тяжелыми дорогами, занесенными снегом, отсутствием фуража — назначена дневка, ковка лошадей и сосредоточение транспорта с довольствием и огнеприпасами», что только 5-го февраля Конармия перейдет в наступление на Песчанокопскую, имея целью отрезать бронепоезда противника». И, что было чрезвычайно важно, Буденный в этой телеграмме предложил «сделать распоряжение частям 10-й армии, оперирующим в районе Торговая - Сандата, на 4 февраля остаться на достигнутых 3 февраля рубежах и 5 февраля **одновременно с частями конармии** возобновить движение согласно ранее отданных директив.

Командующий 10-й армией Павлов согласился с этим предложением Буденного.

4-го февраля в Торговой - Воронцовской сосредоточились и вновь **отдыхали** 50-я, 20-я и 34-я стрелковые дивизии и отдельная конная бригада Куришко. 5-го февраля эта группа **в наступление не перешла и продолжала отдыхать в Торговой.**

5-го же февраля был отдан приказ об **образовании ударной группы** в составе этих трех дивизий и кон. бригады Куришко под командованием М. Д. Великанова, а 6-го февраля вся ударная пехотная группа была подчинена в оперативном отношении командующему Конной армией Буденному. Вследствие этого распоряжения в руках Буденного оказалось 3 конных дивизии (4-я, 6-я и 11-я), отдельная кон. бригада и три пеших дивизии, что представляло силу в 10.380 шашек и 8.890 штыков, в общем свыше 19-ти тысяч бойцов.

5-го февраля в Торговую - Воронцовскую вошли и 4-я и 6-я конные дивизии, так что в ночь под 6-ое февраля в Торговой - Воронцовской располагались 20-я, 34-я и 50-я стрелк. дивизии, 4-я и 6-я конные и кон. бригада Куришко, или около 9-ти тысяч штыков и 8.630 шашек. 11-ая кон. дивизия находилась в Екатерининской...

Уже два дня эта сильная группа войск красных отдыхала, тепло, уютно и сытно расположившись в

богатом селении. Буденный действовал чрезвычайно осторожно.

И в эти самые дни — 4 и 5 февраля — казаки Конного корпуса ген. Павлова по необитаемой степи, покрытой глубоким снегом, в чрезвычайно сильные морозы, голодные, пронизываемые до костей сильнейшим ветром, все шли и шли на юго-восток в поисках конницы Буденного, чтобы выполнить приказание командующего Донской армии — «уничтожить Яновско - Шаблиевскую группу противника»...

За отсутствием и телефонной и телеграфной связи со штабом Донской армии и со штабами иных донских Корпусов, командир 4-го Конного Донского корпуса не имел правдивых сведений о положении дел на том участке фронта, куда так должен был спешить его Корпус.

Особенно ужасными для казаков и офицеров Корпуса ген. Павлова были дни 4 и 5 февраля, когда Корпус пересекал совершенно бездорожную, голую и пустынную степь по речушке Юле и ее притокам... Обмороженные, измученные и голодные казаки и их верные кони 5-го февраля двигались без остановки и все же к ночи не дошли до жилья... Кругом тянулась бесконечная, занесенная снегом, холодная степь...

Имея сведения, что Шаблиевка уже занята противником, но что Торговая еще находится в руках Кубанской армии, командир 4-го Корпуса ген. Павлов вечером 5-го февраля направил свой Корпус на Торговую, предполагая найти там отдых и тепло для людей и лошадей...

В действительности же, как мы знаем, Торговая была занята 18-ю тысячами большевиков. Произошел ночной бой...

Сухое официальное донесение Штаба 4-го Конного корпуса говорит следующее:

...«5-го февраля Корпус, тремя колоннами двигаясь без дорог и по глубокому снегу, **только в 22 часа вышел на Торговую,** атаковал ее двумя бригадами и ворвался в Воронцовское, захватив 5 пулеметов, 30 пленных, изрубив конвой Буденного; сам Буденный

ушел. 20-я дивизия красных, занимавшая Воронцовское, оказала упорное сопротивление и перешла в контр-атаку, после чего и ввиду чрезмерного переутомления людей и лошадей, которые, следуя по пустынной местности в течение трех суток, почти не имели крова и пищи, — части Корпуса решено было отвести в район Богородицкое — Лопанка.

В полках много обмороженных, и были случаи замерзания казаков в седлах» (журнал военн. действий Донской армии).

***

То, что произошло с 4-м Донским корпусом на путях к Торговой и в самой Торговой в ночь под 6-е февраля, имеет выдающееся значение по своим ужасным последствиям. Поэтому позволим себе привести здесь и те данные, которые подает противная сторона о ночном бое с 5 на 6 февраля.

...«К 22 часам 5-го февраля 2-й и 4-й Донские корпуса (оговорим, что 4-й Донской корпус состоял из двух конных дивизий — 9-й и 10-й; в январе 1920 г. во время ликвидации прорыва Думенко из состава 2-го Донского корпуса была взята 4-я Конная Донская дивизия и подчинена командиру 4-го Донкорпуса ген. Павлову; потом эта дивизия была оставлена в подчинении ген. Павлову; большевистские сводки конную группу ген. Павлова называют 4-м и 2-м корпусами Донской армии, что не соответствует действительности) — «Мамонтовская» отборная конница числом до 9-10 тысяч бойцов, под командованием ген. Павлова, своими раз'ездами и передовыми конными встретилась с нашей разведкой, высланной к северо-западу от Торговой... Командующим группой т. Великановым отдан был приказ стрелковым дивизиям занять для обороны уже ранее намеченные участки по окраинам села и несколько впереди железнодорожной станции Торговая...

...«Получив ценное донесение... разведки о движении белой конницы на Тодговую, мы (командир 20-й сов. Б. Майстрах и Великанов — командир пехотной ударной группы) с т. Великановым отправились из штаба группы к командарму 1-й Конной доложить полу-

ченные сведения и самим узнать что-либо новое. На дворе стоял отчаянный мороз, доходивший до 25 градусов, при сильном ветре. Кое-где была слышна глухая редкая перестрелка с раз'ездами противника... Ночь была темная, ни зги не видно...

«Входим... Небольшая, уютная, жарко натопленная комната, ярко освещенная керосиновой лампой, представляет резкий контраст с темной морозной... Тов. Буденный с тов. Ворошиловым разбирают за столом полученные донесенія частей... Докладываю свои сведения о движении белых на Торговую.

...«Донские мамонтовские корпуса в 9 тысяч слишком сабель, при большом количестве пулеметов и артиллерии — большая сила»... — говорит, улыбаясь, тов. Буденный...

...«Разговор **обрывается на полуслове...** Приводят захваченного нашими раз'ездами почти у самой станции Торговой полузамерзшего казака-разведчика. Допрашиваем пленного. Говорит: «Конные корпуса идут на Торговую... Прошли сегодня больше сорока верст. За четыре дня похода по безлюдной степи, при этом морозе, войска измучились; за дорогу много перемерзло, — кони измучены в конец. Люди вот уже два дня, как не получали горячей пищи»...

...«Показания пленного казака **действуют ободряюще. Грозная «Мамонтовская» конница, измученная и полузамерзшая, уже не так страшна нам... Пока что все нам, казалось, благоприятствовало и сулило успех....**

«Стенные часы показывают уже 11 с лишком... Мы продолжаем спокойно разговаривать, допивая чашку чая, как вдруг дверь с треском распахнулась и с криком: «Семен Михайлович (Буденный), выходи!» — в комнату ввалились в бурках, в папахах и вооружении два донца — «буденновца»:

— «Белые ворвались в Торговую!!.. Тут вот недалеко уже!..»

Мы начали торопливо одеваться, надевать вооружение и **через минуту** выбежали через двор на улицу...

У ворот дома толпились конные ординарцы, дер-

жали оседланных лошадей, — на рысях подходил штабной эскадрон 1-й Конной.

С западной стороны противник строчил «максимами» по селу.

«Вдоль площади **с диким осатанелым криком, с грохотом колес по мерзлой дороге неслись в два и три ряда обозы и артиллерия кавалерийской дивизии** (большевистской), **давя друг друга, обгоняя, ломая тачанки,** — «хмара черная», — как их метко называл командив 50-й (Ковтюх — офицер из иногородних станицы Полтавской).

— «Белые в станице!! Пошел вперед!!» — орали обозники охрипшими голосами. **Остановить их, в животном ужасе мчавшихся вперед, было некому.**

В другом конце площади, куда поскакали с эскадроном т. т. Буденный и Ворошилов, началась стрельба, завязался бой с ворвавшейся конницей противника.

В 3-4 кварталах — штаб 20-й дивизии. Торопимся туда, **рискуя быть задавленными несущимися в панике обозами.** С северной и восточной стороны станицы также начался бой с наседавшим противником.

...В северо-восточной части села Воронцовского, занимаемого конными дивизиями, завязался бой с ворвавшимися в село «мамонтовцами»... Треск пулеметов и ружейная стрельба прерывались криками «ура» атаковавшей нас мамонтовской кавалерии.

Трудно было разобраться в начавшемся хаосе — в эту темную, морозную, жуткую ночь, окутывавшую землю непроницаемым мраком.

...Тов. Тимошенко (командир 6-й конной дивизии армии Буденного) срочно послал распоряжение бригадам строиться для отражения наступавшей белой конницы. Приказания еще не были получены командирами бригад, как уже завязался бой, — никем не управляемый, — с прибывавшими в Торговую белыми частями, беспорядочно бросавшимися по квартирам... Тов. Тимошенко бросился к своим частям, вместе с которыми и стал выбивать «мамонтовцев» из занятых ими районов села...

«Одновременно в расположении 4-й кавалерийской див. происходит такая же картина... Две конные бата-

реи кав. дивизии начинают беспорядочную стрельбу наугад... Еще более усиливается сумбур и неразбериха... Все же кавалерийским дивизиям удается быстро выбить занявших окраины села Торговая...

«Несмотря на то, что передовые части «мамонтовцев» с большим уроном выбиты были нами из Торговой, и белому командованию стало ясным сосредоточение значительных сил нашей кавалерии в Торговой-Воронцовской, противник с подходом его основных сил переходит в общее наступление на окраину села, занимавшуюся нашей «6-й дивизией». Подошедшие новые полки белых бросаются с криком «ура» в атаку, но на этот раз мы уже готовы к надлежащей встрече врага... Наша конница, частью спешенная, сильным пулеметным и ружейным огнем, при энергичной и дружной поддержке пехотных частей 20-й дивизии с большими потерями отбивает атаку перескочившей речку Егорлык белой конницы.

...«К этому времени свежие силы «мамонтовцев» обтекают село с северо-западной стороны и начинают там также упорный бой — последнюю отчаянную попытку овладеть Торговой и Воронцовским. Части 6-й кавалер. дивизии и правофланговые полки 20-й дивизии сильным огнем пулеметов сперва сдерживают, а затем и отбрасывают атакующего противника, переходя местами в контр-наступлние.

«С большими потерями белая конница отходит от станицы на запад, оставляя до 400 убитых и раненых на поле боя... К утру раненые, брошенные на снегу — окоченевшие трупы...

«Конные корпуса с большими потерями отбрасываются от станицы опять на лютый мороз — в голую степь, окутанную темнотой ночи.

...«Часам к двум ночи бой всюду стих... Белые конные корпуса, отброшенные от ст. Торговой, начали отходить в степь к северу и западу — на редкие пустые зимовники и мелкие хутора. До позднего утра светило красное зарево от горевших стогов, раскинутых по степи, около которых ночевала «мамонтовская» конница, спасаясь от мороза. Лишь утром она ушла

в сторону Крученой Балки и сел. Средне-Егорлыкское. У дымившихся пепелищ остались трупы сотен замерзших казаков...

«Неудача ген. Павлова под Торговой в значительной мере определила наши успехи в будущем.

...«Таким образом, за ночь с 5 на 6 февраля конные «мамонтовские» корпуса потеряли, по нашим тогдашним сведениям, до 2 тысяч замерзших и обмороженных бойцов.... Восстановить громадную убыль и потерянную боеспособность 2-й и 4-й Донские конные корпуса ген. Павлова после этого действительно уже более никогда не смогли. Но этого мало: важна была и наша моральная победа над белой конницей, до того отбивавшей наши наступления под Батайском и Богаевской. Некогда гремевшая славными боями и лихими атаками «непобедимая» мамонтовская конница, лучшая белая кавалерия, после этого боя сильно утратила свое грозное значение на деникинском и нашем Кавказском фронтах... Этот ночной бой с белыми «мамонтовскими корпусами» был первым звеном цепи дальнейших побед 1-й Конной и 10-й армий на Кавказском фронте, побед, решивших судьбу деникинщины на Северном Кавказе и Кубани» (вышецитированная работа Майстраха, стр. 68-79).

Об этом ужасном походе 4-го Донского корпуса и бое у Торговой Г. Раковскій пишет: «**Благодаря сильному морозу и ветру, благодаря полному отсутствию жилья, половина корпуса в буквальном смысле слова вымерзла. Вместо десяти-двенадцати тысяч шашек, после этого рейда, по строевому рапорту, в отборной конной группе осталось пять с половиною тысяч шашек. Остальные, в том числе и сам Павлов и весь командный состав, были обморожены, или же совершенно замерзли... В 24-градусный мороз с сильным ветром буквально негде было остановиться и укрыться от холода.** Ночевали в необитаемых зимовниках донских коннозаводчиков, причем один зимовник из нескольких избушек приходился на целую дивизию. Лишь немногим счастливцам удавалось попасть под крышу. Остальные ютились возле заборов и своих лошадей... После

разговоров с участниками рейда создалось вполне определенное убеждение, что **казаки, которые с яростью, с огромным, вполне понятным озлоблением ругали командный состав, в особенности начальника группы ген. Павлова, заморозившего несколько тысяч человек, все же не теряли бодрости душевной.** Эти обмороженные, только что пережившие в степях четыре ужасных дня, люди, одетые в самые разнообразные костюмы, часто в лохмотья, бодро говорили: «Мороз проклятый перетерпим и тогда, как и в прошлом году на Донце, начнем снова купать большевиков». («В стане белых», стр. 96-98).

Бывший командующий 1-й Конной сов. армией Буденный в 1930 году по поводу действий ген. Павлова написал следующее: «Если бы Павлов не морозил свою конницу при движении на Торговую, а удлинил немного путь, идя по обитаемым районам р. Маныча, удар его с Торговой то тылу 1-й Конной армии, хотя и не привел бы к ее разгрому из-за неравенства сил, но, во всяком случае, прервал бы ее дальнейшее движение. Это как раз совпало бы с занятием Ростова белыми, и операция, возможно, приняла бы другой характер. Мы видим здесь, как хорошая конница, получив правильную задачу, вполне соответствующую создавшейся обстановке, гибнет из - за неучета обстановки ее командиром, вырывая крупный оперативный козырь из рук своего командования». (С. Буденный. Красная конница. Москва - Ленинград. 1930).

Глава XIII.

Положение фронта 6-го февраля. — Директива Донской армии Нр. 497. — Наступление Добровольческого и 3-го Донского корпусов через р. Дон. — Тяжелое положение казаков у устьев Манычa. — Разгром 1-го Кубанского корпуса ген. Крыжановского. — Уход 2-го Кубанского корпуса в район станицы Кавказской. — Переход в наступление 4-го конного Донского корпуса. — Группа войск Буденного оставляет Тихорецкое направление. — Поражение 4-го Донского корпуса между Ср. Егорлыкским и Белой Глиной.

Схема 5.

После того, как Добровольческий корпус 1 - 2 февраля отразил наступление частей 8-й сов. армии через р Дон и очистил весь левый берег этой реки на участке Батайск – Азов от переправившихся было туда красных частей, на этом фронте наступило относительное спокойствие, продолжавшееся до 7-го февраля.

Наоборот, в эти первые дни февраля на всем фронте 3-го Донского корпуса шли беспрерывные бои.

На фронте 2-го Донского корпуса по р. Манычу, от района хут. Мало - Западенского до х. Ефремова, после ухода 4-го конного корпуса ген. Павлова в район Торговой, ничего существенного не произошло, так как 9-я сов. армия действовала очень вяло (схема 2).

После того, как 4 февраля части 4-го Донкорпуса

в долине Мокрой Кугульты разгромили большевистские конные части Гая и Блинова, а донская конница ген. Голубинцева разбила 28-ю стр. див. красных в долине р. Юлы; на этом участке фронта наступило спокойствие (схема 4).

Особенно сложным и тяжелым было положение казачьего фронта в районе действий Конной армии Буденного и ударных стрелковых дивизий X-й армии в районе Торговой (схема 5).

Потерпев тяжелую неудачу под Торговой в ночь под 6 февраля, 4-й Донской корпус ген. Павлова остальную часть этой страшной ночи провел в холодной степи, а утром двинулся на запад — в станицу Егорлыкскую (станция Атаман на желез. дороге Торговая — Батайск).

Конница ген. Голубинцева — 14-я бригада и 18-й полк, после неудачи под Торговой оторвавшись от своего 1-го Донского корпуса, долиною р. Ср. Егорлыка отходила в район Лежанки и селения Средне - Егорлыкского.

О том, что в действительности переживал командующий большевистской конной армии Буденный в Торговой в то время, как части 4-го Донского корпуса вели атаки на Торговую ночью под 6-е февраля, свидетельствует нижеследующая телеграмма Буденного, посланная им около полуночи:

«Командующему Кавказским фронтом, копия начальникам штабов 8-й, 9-й и 10-й армий.

Торговая. 5 февраля 1920 г. 23 часа 55 минут.

«Доношу, что противник в составе 4 кавалерийских дивизий — группы Мамонтова — в 22 часа повел наступление на Воронцовское; авангард противника в составе 14-й бригады был отброшен с потерями для него. В 23 часа противник вновь повел наступление и продолжается ночной бой; Воронцовское — станция Торговая атакована с севера, северо - запада и с запада, — бой продолжается. Результаты боя будут сообщены утром 6 февраля 1920.

Дивизии противника, участвующие в бою, выяснены: 9-я, 10-я и 4-я, всего 24 кавполка, общей численно-

стью 9.500 сабель при достаточном количестве техники.

На участке Тузлуковский — Мало - Западенский — Веселый — зим. Янов противником оставлен заслон в составе двух кавполков, **в силу чего представляется случай корпусу Думенко ударить на Мечетинскую** (схема 2).

Обстановка требует перехода в наступление на участке Манычская — Веселый — Янов, а также двинуть кавалерийскую группу товарищей Блинова и Гая самым быстрым маршем в направлении Торговая для ликвидации сгруппировавшегося противника.

Командарм 1-й Конной Буденный. Член Реввоенсовета Ворошилов».

Словом, Буденный, вновь столкнувшись с доблестной конницей 4-го Донского корпуса, перед этим разбившей красную конницу в январе у Ольгинской — Батайска и на р. Маныче, чувствовал, что без серьезной и скорой помощи со стороны других советских армий он не справится с казачьей конницей, хотя в Воронцовской — Торговой Буденный, кроме своих конных дивизий, имел три пехотных сов. дивизии...

Когда Буденный посылал эту телеграмму, он, очевидно, не знал еще того, что дивизии Гая и Блинова 4 февраля были разгромлены казаками, что Думенко несет поражения от конной группы генерала Старикова и, что самое главное, в каком ужасном состоянии казачья конная группа ген. Павлова подошла к Торговой.

7-го февраля Буденный послал командарму 10-й и Реввоенсовету Кавказского фронта новое донесение, в котором между прочим говорит:

... «Потерпев неудачу в ночном налете на Торговую в ночь под 6 февраля, противник всеми силами отошел в западном направлении на 10 верст, где в голой степи расположился на отдых... За время с 3-го по 6-е включительно противник, находясь круглые сутки в открытой степи, по сведениям пленного офицера, понес огромный урон людьми, поотморозившими руки, ноги и совсем замерзшими.

«6 февраля об'единенная группа противника в 8 — 9

часов двинулась в направлении на Средне - Егорлыкское и Лопанка на отдых и пополнение. Нашими кавдивизиями были настигнуты только 4 кавполка противника, как шедшие левым фланговым прикрытием главных сил. Главные силы противника, уклонившиеся вправо, двинулись по степи через ст. Целина, на железнодорожную линию Торговая — Батайск.

Весьма вероятно, что противник, наполовину потерявший от мороза боеспособность, не примет боя в Средне - Егорлыкском и до подхода наших частей уйдет на Ст. Егорлыкскую и далее.

Командарм Буденный. Член Реввоенсовета Ворошилов».

Ужасное физическое и моральное состояние, в котором оказался грозный перед тем для большевиков 4-й Донской конный корпус, отход этого корпуса в район станции Егорлыкской, неожиданно для краснаго командования безмерно облегчил ему достижение тех заданий, которые были поставлены для Конной и 10-й советских армий: а) на линии станица Егорлыкской — сел. Средне - Егорлыкского — сел. Песчанокопского, т. е. местность между конной группой ген. Павлова и Кубанским корпусом ген. Крыжановского, перед группой войск Буденного открылись широкие ворота на запад (около 50 верст), слабо заграждаемые конной группой ген. Голубинцева, отскочившей в северо - восточный угол Кубани (схема 5); б) Кубанские корпуса ген. Крыжановского и ген. Науменко оторвались от Донской армии; в) конная армия Буденного, весьма ободренная как-бы свалившимся с неба счастьем — ослаблением не менее, как на 50 процентов грозной перед тем конницы ген. Павлова, могла свободно теперь выбирать для нанесения ударов, по-очереди, по повисшим в широких степях флангам Кубанской и Донской казачьих армий; г) Донское командование теперь не имело в своем распоряжении сильного подвижного конного резерва и могло усиливать ту или иную часть фронта только путем ослабления иных участков всюду связанного большевистскими армиями казачьего фронта.

Красное командование спешило воспользоваться

создавшейся чрезвычайно благоприятной для него обстановкой на фронте. Прежде всего, конный корпус Думенко получил задачу из района хуторов Елкина и Федулова ударить в направлении ст. Манычской и далее на юго - запад (схема 2); этим и об'ясняются наступившие потом упорные бои этого корпуса с конной группой ген. Старикова. Во-вторых, уже 6-го февраля Буденный выбрасывает из Торговой на запад свои конные дивизии: 6-я занимает Лопанку, а 4-я — занимает сел. Богородицкое, **выходя во фланг и в тыл 1-му Кубанскому корпусу ген. Крыжановского, расположенному по линии железной дороги в селах Николаевском, Развильном и Песчанокопском** (схема 5)... Это ставит 1-й Куб. корпус в очень тяжелое положение, тем более, что располагавшийся вправо от 1-го Куб. корпуса 2-й Куб. конный корпус ген. Науменко принужден был откатываться все далее на юго - запад, оголяя и правый фланг корпуса ген. Крыжановского...

Сверх того, 6-го февраля Буденный осторожно продвигает от Торговой на запад и юго - запад ударную группу стрелковых дивизий Великанова и, не зная намерения противника, располагает эти дивизии в вершине вилки расходящихся от Торговой железных дорог на Тихорецкую и на Батайск — 20-я и 34-я стр. дивизии занимают Крученую Балку, а 50-я стр. хутора Сысоев — Александровский и Крикунова. Конные бригады высылаются на левый фланг пехотной группы.

Отрыв Кубанской армии от Донской, нависание на фланге и на тыле 1-го Куб. корпуса ген. Крыжановского 4-й и 6-й конных дивизий, сильное давление стрелковых дивизий с фронта сразу поставило этот корпус в очень тяжелое положение. Не в лучшем положении находился и 2-й Куб. корпус ген. Науменка, имевший против себя 32-ю стр. сов. дивизию с фронта и 39-ю стр. сов. дивизию с правого фланга — обе имели около 5 с половиною тысяч бойцов (схема 5).

Правее 2-го Куб. корпуса тянулись не занятые казаками равнины Ставрополья почти до самого гор. Ставрополя, защищаемого Кубанцами от надвигавшихся со стороны сел Дивного — Константиновки войск 11-й сов.

армии (схема 3). 4-го февраля большевики заняли сел. Московское, что лежит на границе Кубани, верстах в 20-ти к северу от Ставрополя, и села Казинку и Дубовку. 6-го февраля части 11-й сов. армии заняли Старомарьевку и двигались на сел. Надежденское, приближаясь уже к самому Ставрополю.

Часть восточной границы Кубани к северо - западу от гор. Ставрополя, протяжением около 70 - 80 верст, совершенно не была защищена. Поэтому правый фланг 2-го Куб. корпуса как-бы висел в воздухе, чем в ближайшие дни воспользовалось красное командование, двинув 39-ю стр. дивизию в пределы Кубани именно через эти незащищенные ворота (схема 3).

***

Создавшаяся к вечеру 6-го февраля на фронте обстановка диктовала очевидную необходимость сосредоточения всех усилий на скорейшей ликвидации прорыва между Донской и Кубанской армиями, угрожающе расширившегося в районе селения Средний Егорлык: необходимо было отбросить, по крайней мере, за Маныч конную армию Буденного и 10-ю сов. армию, сумевшие всего в течение 6-ти дней продвинуться вперед по линии Великокняжеская — Торговая — Средне Егорлыкское верст на 70 и по линии Егорлыка верст на 40.

Этого возможно было тогда достигнуть только путем перехода к активной обороне на всей дуге фронта от устьев р. Дона до р. Маныча и далее вверх по этой реке, примерно, до зим. Янова; усилением 1-го Донского и 4-го конного корпусов и ударом этих двух корпусов в юго-восточном направлении во фланг и тыл группе конных и пеших советских дивизий Буденного, ударом, строжайше согласованным с наступательными действиями конной группы ген. Голубинцева, 1-го Куб. корпуса ген. Крыжановского и 2-го Куб. корпуса ген. Науменко.

Что же мы видим в действительности?

По соглашению с главнокомандующим ген. Деникиным, командующий Донской армией ген. Сидорин вечером 6-го февраля отдал следующую директиву:

«Комкорам 1, 2, 3, 4 и Добр., копия Наштарм Куб. и Наштармглав.

Приказываю:

1) группе ген. Павлова, оставляя в своем подчинении конницу 1-го корпуса — группу ген. Голубинцева, — разбить группу противника в районе Торговая, дав предварительно своей группе необходимый отдых;

2) 1-му корпусу, в составе 6-й див. и 5 кон. бригады, выйти на Маныч на фронте Казенный Мост — Платовская, имея связь с группой ген. Павлова и 3 корпусом;

3) 3-му корпусу сосредоточить все свои силы на правом фланге, разбить группу Думенко, овладеть Бесергеневской и Заплавской и наступать на фронт Раздорская — Александро - Грушевск — Каменнобродский;

4) Добркорпусу, в ночь с 6 на 7 февраля сосредоточив ударную группу на своем левом фланге, овладеть Ростовом и выйти на фронт Каменнобродский — Султан Салы - Чалтыр;

5) О получении донести.

Сосыка. 6 февр. 1920 г. 20 часов. Нр 0497/К. Генерал - Лейт. Сидорин».

Какую боевую работу должны были проделать войска, чтобы провести эту директиву в жизнь? Добровольческий корпус должен был перейти р. Дон, выбить противника с правого берега, захватить Ростов и Нахичевань и отбросить советские дивизии на линию, указанную в директиве, т. е. отбросить его верст на 20 к северу и северо - западу от гор. Ростова.

3-й Корпус должен был правым флангом разбить корпус Думенко и пехотные красные части и подняться к ст. Раздорской, т. е. в этом направлении с боями пройти примерно 40 верст; в центре — занять Новочеркасск и дойти до Александро - Грушевского, т. е. подняться на 50 верст к северу; левый фланг должен был продвинуться на север верст на 25. Перед переходом в наступление 3-й Донкорпус занимал фронт длиною около 40 верст по прямой линии, а по выполнении директивы фронт 3-го корпуса принимал форму тупого угла и удлинялся до 75 - 80 верст, т. е. вдвое.

Перед началом операции Добр. и 3-й Дон. корпуса, занимая левый берег р. Дона, были прикрыты этой рекой, а по окончании операции в ближайшем тылу корпусов оставалась р. Дон. При чем, можно было уже ожидать скорого вскрытия льда на реке и плавнях в виду приближения весны.

Для достижения намеченной директивой Нр 0497 цели эти корпуса должны были разбить всю 8-ю сов. армию и правый фланг 9-й сов. армии, где действовал корпус Думенко, и 8-ю армию отбросить далеко за р. Дон.

Замечательной стороной этой директивы является и то, что о задачах 2-го Донкорпуса, занимавшего фронт по Манычу от устья до х. Ефремова, ничего не говорится. Если красный фронт оставался бы на р. Маныче, то как можно было серьезно говорить о вынесении фронта к ст. Раздорской, лежащей против устья р. Сала, когда в тылу оставались части 9-й сов. армии.

Самая главная задача того времени — разгром прорвавшихся частей Конной и 10-й армий возлагалась директивой на морально и физически ослабленный на 50 процентов 4-й Конный донской корпус и конную группу ген. Голубинцева, т. е. на те части, которые не смогли взять Торговую и теперь отступали перед конными дивизиями Буденного. Опустошенный лютыми морозами, и конец измученный и морально подорванный 4-й Донской корпус противоставлялся отдохнувшей, морально ободренной и опиравшейся на пехотные дивизии конной армии Буденного.

Если предыдущие ошибки и грехи белого командования открыли возможность красному командованию перевести через Маныч 10-ю и Конную армии и закрепиться на левом его берегу, то директива от 6-го февраля только помогла красным в дальнейшем развитии уже достигнутых ими значительных успехов. Вообще говоря, директива от 6-го февраля является худшим изданием неудачных директив, данных 26 и 31 января (глава XII).

Ген. Деникин в своих «Очерках рус. смуты» говорит, что приведению в жизнь директивы от 26 января помешало то, что «в эти предположения вторглись два

обстоятельства: 30 января получено было сведение, что 1-я Конная сов. армии перебрасывается вверх по Манычу на Тихорецкое направление; неустойчивость Кубанской армии» (т. 5, стр. 317).

Сравним положение антибольшевистского фронта в конце января с положением 6-го февраля. 6-го февр. **вся конная армия Буденного была уже между Торговой и Средне - Егорлыкской.** Это уже не было только «полученное сведение» о движении армии Буденного на Тихорецкое направление, а реальная и при тех условиях, страшная угроза захвата самой узловой станции Тихорецкой (схема 4 и 5). 1-го февраля 4-й Донкорпус находился в прекрасном боевом виде и имел свыше 9-ти тысяч отборных, отличных бойцов, а 6-го февраля — это был измученный, морально подорванный, численно наполовину уменьшившийся корпус, отступающий перед конницей Буденного. 1-го февраля Кубанская армия стояла на рубеже р. Маныча, перед тем отбросив 10-ю армию за эту реку; а 6-го февраля Кубанская армия далеко отступила от р. Маныча после упорных боев под Шаблиевкой, Екатерининской, Бараниковским, Торговой, Нов. Егорлыкским (схема 4). 1-го февраля Кубано - Терский корпус ген. Агоева был в резерве, а теперь этот корпус, входя в состав конной группы ген. Старикова, принимал участие в тяжелых боях у устья р. Маныча.

Допустимо ли было 6-го февраля гнать далеко на север за р. Дон Добровольческий и 3-й Донской корпуса, оттягивая их от того района, где так угрожающе для противобольшевистского фронта сложились обстоятельства тяжелой борьбы.

Деникин говорит, что будто бы «для отвлечения сил и внимания противника началось наступление наших войск на северном фронте» (У, 318). И далее он же пишет: «Движение на север не могло получить развития, потому что неприятель выходил уже в глубокий тыл — к Тихорецкой» (там же).

Спрашивается: а перед наступлением через р. Дон на север Добровольческого и 3-го Донского корпусов не был ли уже неприятель в глубоком тылу на путях к

Тихорецкой? Ведь 6-го февраля неприятель имел в своих руках не только большого значения узловую станцию Торговую, но подходил уже к сел. Средне - Егорлыкскому и сел. Песчанокопскому (схема 5). При чем, обмороженный 4-й Донкорпус временно совсем вышел из строя.

Эти обстоятельства хорошо были известны авторам директивы, отданной в 8 часов вечера 6-го февраля, потому то их действия в полной мере могут быть названы явно недопустимыми, фактически ведшими к физическому и моральному подрыву казачьего фронта и, вне сомнения, способствовавшие успеху красного оружия.

Посмотрим, к каким результатам привело осуществление директивы.

На северном фронте. 7-го февраля Добровольческий корпус неожиданной для большевиков и смелой атакой занял Ростов и Нахичевань. 8-го февраля, «в результате уличного боя», города эти окончательно были очищены от красных; было захвачено 22 орудия, 163 пулем., 6 бронепоездов в составе 14 бронеплощадок, два танка, два бронеавтомобиля и до 4-х тысяч пленных.

8 февраля «доблестные части 3-го Донского корпуса ген. Гусельщикова сломили сопротивление противника и на правом — северном берегу р. Дона овладели х. Большелоговским и ст. Аксайской». Но красные перешли в контр - наступление со стороны Новочеркасска и станицы Александровской и «наши части после упорного боя **вынуждены были оставить Аксайскую и отойти на старые позиции.** За бой 8 февраля частями корпуса взято 15 орудий (при отходе вывезено только 6). 20 пулеметов, две тысячи пленных, штаб 14-й дивизии с начальником дивизии, начальник 31-й дивизии, часть полевого штаба 8-й армии и обозы 14-й, 15-й и 16-й сов. дивизий».

10 февраля, «под давлением значительных сил противника, наступавшего с севера на Ростов и с запада на ст. Гниловскую», части Добровольческого корпуса отошли на южный берег р. Дона.

Добр. корпус «за эту операцию потерял 700 человек

убитыми, ранеными и обмороженными» (оперативные сводки за 10 февр.). Потери 3-го Донского корпуса тоже были очень велики.

Правый фланг 3-го Дон. корпуса — группа войск ген. Старикова — (см. главу XII) 7-го, 8-го, 9-го и 10-го февраля вела упорные бои близко от устьев р. Маныча с превосходными силами красных. Эта стойкая и храбрая группа не смогла выполнить директиву, отданную 6 февраля (схема 6).

Таким образом, Добровольческий корпус побыл в Ростове 7-9 февраля и потерял 700 человек. Левый фланг 3-го Донского корпуса побыл на правом берегу р. Дона менее суток, а правый фланг этого корпуса не мог подняться выше ст. Богаевской.

Весь северный фронт не мог выполнить директивы командующего Донской армии о выходе на линию Чалтырь — Александро - Грушевск — Раздорская. Все же проведение в жизнь этой директивы генералов Сидорина — Деникина принесло большую пользу большевикам, так как на четыре дня сковало все силы казачьего фронта, что в то время входило в задачи советского командования.

Кроме того, неудача так долго подготовлявшегося выхода казаков и добровольцев на северный берег р. Дона нанесла большой моральный удар, особенно, казачьим частям.

Этим, как нельзя лучше, воспользовалось советское командование для достижения целей, которые были поставлены для конной армии Буденного и 10-й сов. армии.

***

Выше было сказано, что 6 февраля Буденный занял своими конными дивизиями селения Лопанку и Богородицкое, а тремя стрелковыми дивизиями — район Крученой Балки. 8-го февраля Буденный занял 4-й и 6-й конными дивизиями сел. Средне - Егорлыкское, а пехотными дивизиями — Богородицкое, Развильное и Николаевское, оттеснив 1-й Кубанский корпус ген. Крыжановского на Песчанокопскую (схема 5).

4-й Донской корп. ген. Павлова отошел в станицу Егорлыкскую, оставив в хуторе Грязнухинском — в 7 верстах на юго - восток от ст. Егорлыкской — для прикрытия одну бригаду и на станции Целина — 25 верст к востоку от ст. Егорлыкской — один полк.

8-го февраля Буденный решил уничтожить 1 Кубанский корпус ген. Крыжановского. Для осуществления этого намерения Буденный приказал (схема 5):

а) с утра 9-го февраля ударить на Песчанокопскую 50-й стр. дивизией из Богородицкого — с северо - востока и с севера, 20-й стр. див. — из Развильного на Песчанокопскую с востока и 34-й стр. див. из Николаевского — на Песчанокопскую с востока и юго - востока **с целью ударами этих трех красных дивизий сковать около Песчанокопской пластунов 2-й и 3-й Кубанских бригад;**

б) одну бригаду 11 конной дивизии оставить в Средне - Егорлыкском и Лопанке в качестве заслона от возможного наступления конницы 4-го Донского конного корпуса с севера — со стороны станицы Егорлыкской;

в) а остальными двумя бригадами 11-й конной и 4 и 6-й конными дивизиями в полном составе выступить через Новокорсунскую и Горькую Балку на Белую Глину и, отрезав Белую Глину от Тихорецкой, ударом конницы с запада, а красной пехоты — 50, 20 и 34-й дивизиями — с востока окружить 1-й Кубанский корпус.

Таким образом, против 1-го Кубанскаго корпуса, расположенного в районе Песчанокопская — Белая Глина, было одновременно направлено — с востока около 9 тысяч пехоты и 700 шашек. и с запада — около 9 тысяч шашек, а всего свыше 18-ти тысяч бойцов...

В виду того, что связь между Кубанской и Донской армиями не отличалась ни налаженностью, ни регулярностью; в виду того, что связь между штабами Донской армии, с одной стороны, и 4-м Конным корпусом и группой ген. Голубинцева, с другой, вследствие быстрой смены положения этих частей на фронте, часто совсем прерывались, штаб 1-го Кубанского корпуса не имел сведений о том, что дивизии Буденного 8 февраля

уже прибыли в Средне - Егорлыкское. Поэтому 9 февраля ген. Крыжановский не ожидал нападения с тыла значительных сил красных, тем более, что верстах в 12 к западу от Белой Глины — в Горькой Балке находилась Сводно - Гренадерская дивизия.

Между тем Конная армия Буденного 9 февраля в 7 часов утра выступила из Средне - Егорлыкского в юго-западном направлении, отбросила из Ново - Корсунской на Ново - Ивановскую Донскую 14 бригаду ген. Голубинцева, прошла далее на юг — к Горькой Балке, где разбила и взяла в плен Сводно - Гренадерскую дивизию; у Покровских хуторов красная конница подорвала полотно железной дороги, ведущей из Белой Глины на Тихорецкую.

Штаб 1-го Куб. корпуса в поездах, под прикрытием двух бронепоездов, начал спешно отходить из Белой Глины на Тихорецкую. Между красными и бронепоездами завязался ожесточенный бой. Об этом бое и его результатах большевик Б. Майстрах пишет следующее:

«Офицеры штаба Куб. корпуса, во главе с командиром корпуса ген. Крыжановским и начальником артиллерии ген. Стопчиным (?), оставили свой поездной состав классных вагонов, перешли на площадки броневика, откуда продолжали упорно отстреливаться».

В этом бою были убиты командир одной из большевистских конных бригад — Мироненко и большевистского полка Усенко. Тогда конные батареи красных открыли огонь прямой наводкой в упор по бронепоездам.

«Почуяв свою гибель в бронепоездах под нашим артиллерийским огнем, штаб с командиром корпуса и командой бронепоезда, вооружившись винтовками, оставил броневик и начал, отстреливаясь, отходить степью по глубокому снегу в южном направлении от железной дороги. Будучи тут же окружены 4-й дивизией, несмотря на безвыходное положение, белые не сдались и, отстреливаясь из винтовок, пытались пробиться в степь (от Белой Глины тоже уже были отрезаны большевистской конницей). Переходившие в атаку наши части встречались дружным залповым огнем. Попытки захватить штаб корпуса живьем не удались, мы теряли уби-

тых и раненых. Тогда вылетевшие вперед пулеметные тачанки открыли огонь по группе белых, а минуты через две эскадроны 2-й бригады с тов. Городовиковым пошли в атаку. Штаб корпуса с командами броневиков был целиком зарублены на месте. В этом бою был убит командир корпуса ген. Крыжановский, начальник артиллерии, а с ним до 70 офицеров» (Майстрах, цитированная выше его работа, стр. 91).

В это время две стрелковые дивизии красных — 50-я и 20-я — атаковали Кубанских пластунов в Песчанокопской, «встретив стойкое сопротивление белой пехоты». В 15 час., после короткого боя, противник (пластуны) все же не выдержал наступления наших превосходных сил», говорит быв. командир 20-й дивизии большевик Майстрах, «и отступает на Белую Глину».

Большевики не преследовали пластунов, поэтому казаки могли свободно отходить к Белой Глине. В районе хутора Хрыстенко — в 4-х верстах восточнее Б. Глины, около 5 часов вечера 2 и 3 бригады пластунов были атакованы бригадами красной конницы Буденного, после разгрома штаба корпуса Крыжановского уже занявшими Б. Глину.

Сводка Донской армии за 12 февраля говорит: «2-я и 3-я пластунские бригады 9 февраля после неудачной попытки пробиться от Песчанокопской на Б. Глину, отошли на Ново - Покровское (селение) и станицу Успенскую, откуда большинство пластунов разошлось по станицам; оставшиеся с 6 орудиями сосредоточились в районе ст. Кавказской, где приводятся в порядок».

Все имущество 1-го Кубанского корпуса попало в руки большевиков.

***

Было уже выше отмечено, в каких тяжелых условиях пришлось сражаться 2-му Кубанскому конному корпусу ген. Науменка, отходившему по селам. расположенным по течению р. Егорлыка. Приходилось отражать нажим противника, наседавшего, собственно, с трех сторон (схема 5): со стороны железной дороги Торговая

— Б. Глина — Тихорецкая на левый фланг корпуса нападала большевистская конница, с фронта — 32-я стр. дивизия и с правого фланга — 39-я стр. дивизия, почти безостановочно продвигавшаяся в широко открытые ворота между правым флангом 2-го куб. корпуса и Ставропольской группой кубанцев, защищавших подступы к гор. Ставрополю. К 9 февраля, т. е. ко дню трагической гибели 1-го Кубанского корпуса, 39-я дивизия вошла в эти шестидесятиверстные ворота и заняла фронт на самых границах Кубани — селения Привольно и Птичье (схема 3).

7 февраля 2 Куб. корпус отразил большевиков, наступавших со стороны Сандаты на Ивановку; 8 февраля, после боя у сел. Красная Поляна, этот корпус отступил к сел. Летницкому, где и находился в день разгрома Буденным Кубанского корпуса ген. Крыжановского у Б. Глины.

Потерпев поражение на границах Кубани (потеряна была даже часть орудий), 2 Куб. корпус поспешно отступил в пределы Кубани. Сведения о трагическом конце 1 Куб. корпуса, естественно, не могли действовать ободряюще на казаков и офицеров 2-го корпуса, тем более, что уже с северо - запада этот корпус обходили части армии Буденного, а с юга и даже юго - запада 2 Куб. корпус обходили части 39-й сов. стр. дивизии.

В результате, 2-й Куб. корпус ген. Науменка, оторвавшись от противника, через станицы Успенскую, Ильинскую и Дмитриевскую 11 февраля прибыл в район станицы Кавказской (схема 3), что лежит на правом берегу р. Кубани — верстах в семи к востоку от узловой станции Кавказской (хут. Романовский). Этот корпус преследовали части 39-й сов. дивизии, вступившие в пределы Кубани, где 11 февраля заняли станицу Успенскую, 12-го — Расшеватскую и 13 февраля неудачно наступали на станицы Темижбекскую (лежит восточнее ст. Кавказской) и на самую ст. Кавказскую.

После разгрома 1-го Куб. корпуса ген. Крыжановского в районе сел. Белая Глина и поспешного отхода к ст. Кавказской 2-го Куб. корпуса ген. Науменко, дорога на Тихорецкую была совершенно открыта для ди-

визий Буденного. Поэтому штаб Деникина из Тихорецкой поспешно выехал в Екатеринодар.

Разумный, энергичный и распорядительный генерал Шифнер - Маркевич весьма спешно организовал оборону Тихорецкого железнодорожного узла. Насколько малыми силами ген. Шифнер - Маркевич тогда располагал, видно из того, что 10 февраля на усиление обороны Тихорецкой были посланы «из Старолеушковской — 150 коней и из Новолеушковской — 123 коня»...

***

10-го февраля части Буденного отдыхали в районе Белой Глины, расположившись следующим образом: 34 стр. див. и две бригады 11 кон. дивизии были выдвинуты верст на 10 в сторону Тихорецкой, как прикрытие; одна бригада 11 кон. див. находилась в Средне - Егорлыкском селе, как прикрытие с севера, а остальные части — 4 и 6-я конные и 50 и 20-я стрелковые дивизии — были расквартированы в Б. Глине.

Южнее Б. Глины располагалась 32 стр. див. и еще далее на юг — 39 стр. див. вступала в пределы Кубани.

10 февраля красные на главной площади в Б. Глине торжественно похоронили командира бригады Мироненко и команд. полка Усенко, а в это время расстрелянные большевиками из пулеметов и изрубленные конницей чины штаба 1-го Кубанского корпуса и команды большевиков, а также трупы пластунов, брошенные всеми, валялись в степи...

***

Только теперь штаб Донской армии, кажется, понял, какую ошибку он допустил в конце января, не обратив должного внимания на охрану **стыка** Донской и Кубанской армий на р. Маныче, какую ошибку он допустил, 6 февраля, бросив части 3-го Донского и Добровольческого корпусов в наступление через р. Дон в северном направлении, какую непоправимую ошибку он допустил, предоставив Буденному широкую возможность вольных передвижений в районе селения Средне - Егорлыкского.

Что теперь мог предпринять штаб Донской армии при создавшейся катастрофической обстановке, когда ударный кулак конных и пеших дивизий Буденного находился всего на расстоянии 50 верст от Тихорецкой и в 60 верстах от станции Сосыка, где еще находился штаб Донской армии. Прежде всего штаб Донской армии решил немедленно передвинуться из Сосыки в Кущевку, ближе к тылам армии, чтобы, в случае захвата Буденным Тихорецкой, можно было отступать, придерживаясь линии железной дороги Кущевка — Тимошевка — Екатеринодар. Далее, вечером 9-го февраля командиру 4-го Донкорпуса ген. Павлову был послан следующий приказ:

«Конница противника перерезала железную дорогу на участке станции Ея — Белая Глина, расстроив совершенно левый фланг Кубанской армии, чем вызвано обнажение узлов Тихорецкая и Сосыка. **Во имя общего дела нужны крайние жертвы,** считаю необходимым начать выполнение задачи согласно директивы Нр 0532/к от 9 февраля завтра с рассветом. Получение и ваше решение прошу телеграфировать. Сосыка. 19 час. 40 мин. Нр 0540/К».

Таким образом, конная группа ген. Павлова должна была немедленно перейти в наступление против группы Буденного и разбить ее.

14-я конная бригада ген. Голубинцева, усиленная гарнизоном ст. Екатериновской — 3-й Уманский Куб. полк, 4-й Донской полк, гарнизонная сотня и одно орудие — получила приказ наступлением на восток из ст. Незамаевской «разбить надвигающегося противника».

Только теперь, после потери нескольких дней, было решено усилить конную группу ген. Павлова придачей к ней 2 дивизии из 3 Донского корпуса. Помимо того, решено было немедленно взять из группы ген. Старикова, ведшей бои у устьев р. Маныча, Кубано - Терский Сводный корпус ген. Агоева и перебросить его на помощь конной группе ген. Павлова. 10-го февраля корпус ген. Агоева выступил в тыл и 11-го уже прибыл в ст. Мечетинскую.

4-й Донкорпус, в силу вышеприведенного приказа,

не ожидая подхода посылаемых подкреплений из 3-го Донкорпуса, 10-го февраля выступил из станицы Егорлыкской на селение Средне – Егорлыкское и в тот же день выбил из этого селения и из Лопанки, стоявшую там прикрытием, бригаду 11-й конной дивизии Буденного, захватив пулеметы, гурты скота и отбив солдат Сводно - Гренадерской дивизии, забранных Буденным в плен 9-го февраля в Горькой Балке (схема 5). Разбитая казаками бригада красных отскочила в Песчанокопскую.

11-го февраля конница ген. Павлова оставалась в Средне - Егорлыкском, ведя разведку в сторону Песчанокопской и Белой Глины.

Получив сведения о появлении 4-го Донкорпуса ген. Павлова в Средне-Егорлыкском, Буденный собрал 11-го февраля в Б. Глине совещание в составе старших начальников частей для решения вопроса о том, что должна далее предпринять группа конных и пеших большевистских дивизий, сосредоточившихся в Б. Глине и ее районе: **идти ли на Тихорецкую, т. е. далее на юго - запад или же выступить на север — против группы ген. Павлова.**

Так как 1-й Кубанский корпус ген. Крыжановского перед тем был ликвидирован Буденным, а 2-й Кубанский корпус ген. Науменко поспешно отступил далеко на юг; так как с юга и юго - запада группа Буденного была надежно прикрыта почти беспрепятственно продвигавшимися далее, теперь уже в пределах Кубани, 32 и 39-й стр. дивизиями и конной бригадой Куришко, руки у Буденного были развязаны для дальнейших действий, как в сторону Тихорецкой, так и в сторону Средне - Егорлыкского.

Большевистское командование хорошо знало, в каком тяжелом состоянии была конная группа ген. Павлова, не оправившись еще после перенесенных на днях страшных физических и моральных потрясений; знало **оно и то,** что к ген. Павлову направляются подкрепления, но они еще не подошли к нему. Большевистское командование прекрасно понимало, каким большим превосходством сил оно обладало в тот момент в сравне-

ции с силами ген. Павлова. К тому же, поражение, понесенное 10 февраля в Средне - Егорлыкском одной из бригад Буденного, говорило о том, что невозможно красным двигаться на Тихорецкую в то время, когда на тылах Буденного нависла уже конная группа ген. Павлова. Поэтому Буденный решил попробовать счастья и немедленно нанести сокрушительный удар по коннице ген. Павлова.

Оставив в станице Новопокровской заслоном со стороны Тихорецкой и в Горькой Балке 34 стр. дивизию, остальными силами на рассвете 12 февраля Буденный выступил на Средне - Егорлыкскую в следующем порядке: в центре, по большой дороге из Белой Глины двигались 20 и 50-я стр. дивизии, прикрываясь справа четырьмя конными бригадами — три 11-й дивизии и одна, которая постоянно была при 20-й стр. дивизии; левее стрелковых дивизий наступала 4-я конная дивизия и еще левее — через Ново - Корсунскую двигалась 6-я кон. див. Всего — свыше десяти тысяч шашек и 6 с половиною тысяч штыков. При чем, последние значительные успехи весьма приподняли дух пеших и конных бойцов (схема 5).

В тот же день утром конная группа ген. Павлова выступила из Средне - Егорлыкского на Белую Глину, предполагая, что Буденный из Б. Глины двинулся на Тихорецкую. Перед самым выступлением ген. Павлова из Ср. - Егорлыкского было приказано ген. Голубинцеву перейти в энергичное наступление на Б. Глину с запада, а 1-му Донкорпусу было приказано, для обеспечения тыла и левого фланга группы Павлова... перейти в энергичное наступление по всему фронту и отбросить противника за р. Маныч.

Так как у двигающейся на юг из Ср. - Егорлыкского конницы ген. Павлова разведка была поставлена в тот день плохо, **столкновение с пехотой и конницей Буденного на путях к Белой Глине было неожиданностью для дивизий ген. Павлова.** Тройное превосходство красных сил в сравнении с силами казаков тоже сыграло свою, печальную для казаков, роль.

На главной дороге из Ср. - Егорлыкского на Б. Гли-

ну большевики своевременно заметили движущуюся на юг конницу ген. Павлова. Поэтому красные своими пехотными дивизиями заняли чрезвычайно выгодную позицию, расположив пехоту, пулеметы и батареи так, что «белой кавалерии приходилось при наступлении пройти 4 версты до нее (до позиции) по ровной степи под нашим (большевистским) огнем — сначала артиллерийским, а потом пулеметным и ружейным».

Совершенно естественно, что напоровшись в голой степи на укрепившуюся пехоту красных и попав под сильный обстрел ее батарей, конные части ген. Павлова принуждены были остановиться. Плохо поставленная разведка не обнаружила во время масс идущей против казаков конницы красных, поэтому неожиданно напавших на колонны 4-го Донкорпуса. Красные смяли первое сопротивление казаков и врубились в ряды казачьей конницы, не дав казакам развернуться для принятия боя. Казаки дрогнули и начали поспешно отступать, бросая обозы и артиллерию.

Как утверждают большевики, в руки красных попало 29 исправных орудий, 120 пулеметов, до 1.000 подвод обоза, около 300 пленных.

Разбитая большевиками конница ген. Павлова в тот день настолько поспешно отступала и нанесенный ей удар был настолько сильный, что Павлов не мог остановиться в сел. Средне - Егорлыкском и в тот же день — 12 февраля — отскочил снова в станицу Егорлыкскую. А Средне - Егорлыкское и Ново - Роговскую заняли части Буденного (схема 5).

Об этом бое официальная сводка Донской армии говорит: «После тяжелого боя в районе Горькая Балка и Ср. Егорлыкская со всей конницей Буденного и пехотой, 4-й корпус, вместе с 14-й конной бригадой и 18 кон. полком к 18 часам отошел к станице Егорлыкской, понеся значительные потери (12 орудий)».

Таким образом, и второе февральское столкновение конницы ген. Павлова с группой войск Буденного (первое — под Торговой), по об'ективным причинам окончилось весьма неудачно для казаков.

Верховный Круг Дона, Кубани и Терека 22 января передал ген. Деникину всю полноту военной и гражданской власти на Казачьих Землях.

А к каким результатам это привело?

План генерального наступления через Дон и Маныч, принятый Деникиным 26 января, в своей основе был ошибочный. На защиту Великокняжеско - Тихорецкого направления необходимо было обратить такое же внимание, как и на охрану Ростовского и Новочеркасского. Потом, если не сумели уберечь Великокняжеское направление и в самом начале февраля допустили переход 10-й и Конной большевистских армий на левый берег Маныча, необходимо было принять действительные меры для того, чтобы во-время отбросить эти армии за р. Маныч и не дать противнику укрепиться на левом берегу р. Маныча и потом распространиться вглубь казачьего фронта. Было очевидным преступлением 7-го февраля бросать войска на север, за реку Дон, в то время, а) когда более 30-ти тысяч красных бойцов уже глубоко врезалось между Донской и Кубанской армиями по линии Великокняжеская — Торговая — Средне-Егорлыкское, б) когда между правым флангом двух Кубанских корпусов, сражавшихся на Великокняжеском направлении, и группою Кубанских частей, защищавших район гор. Ставрополя, существовал 60 - 80 верстный разрыв, в) когда еще не был обеспечен выход на фронт достаточного количества Кубанских частей, без которых невозможно было в феврале осуществить широких размеров наступление для освобождения территории Дона. И белое, и красное командование одинаково и правильно оценивало роль Кубани в то время: восстанет она, поддержит Донской фронт так, как это она сделала во второй половине 1918 г. и в 1919 году, красные войска будут снова прогнаны за границы Казачьих Земель, а если не поддержит, победят красные...

Казачий фронт еще долго мог бы держаться на Дону и на Маныче, если бы только генералы Деникин, Романовский, Сидорин, Кельчевский сумели правильно и

целесообразно использовать те наличные Донские, Кубанские и Терские силы, которые в начале февраля 1920 г. были на фронте... Тем временем дыхание приближающейся весны растворило бы ледяной покров на реках Доне и Маныче, и сделало бы их трудно проходимыми. Весною Казачество снова восстало бы всеми силами и снова прогнало бы большевиков в Россию. Кроме того, между Польшей и советкой Россией начиналась война, заставлявшая Москву сосредоточивать весьма значительные силы на Западном фронте, а это, в свою очередь, облегчало бы положение казачьего фронта и дало реальные основания для веры в победу.

Тем временем казаки на Верховном Кругу Дона, Кубани и Терека могли бы сделать следующие шаги к ясной и точной постановке вопроса о конечных целях борьбы, разумно и естественно ограничив их очищением и защитой только Казачьих Земель, а значит, логически идя до конца, Верховный Круг мог бы дойти до полного разрыва с силами, которые тянули казаков на Москву, которые **казачьей кровью думали решать русские дела,** т. е. Казачество обстоятельствами борьбы, самой железной логикой совершающихся больших исторических событий, принуждено было бы стать на тот путь, на который стали Финляндия, Эстония, Латвия и Литва, разорвав с русскими белыми силами разных группировок и названий и **твердо став на путь борьбы только за свою государственную самостоятельность...** Прибалтийские народы не побоялись того, что они малы, что в ближайшем их тылу лежит Балтийское море, на котором эти народы не имели ни своего военного, ни своего торгового флота. Эти народы не побоялись и того важного обстоятельства, что земли их расположены близко от Петрограда и Москвы, а значит, доступны для непосредственных ударов русских армий, тем более, что все руководители русской политики с времен еще Ивана Грозного утверждают, что без Балтийского моря Россия не может жить, что за обладание берегами этого моря Россия обязательно и неизбежно будет воевать.

Разорвав с Деникиным и заключив военный союз

с западными народами, бывшими перед тем в русской неволе, Казачество могло бы выйти победителем из затянувшейся войны.

За ошибки свои, за ошибки своих руководителей — выборных Атаманов и Правительств, за ошибки одних и преступления других, Казачество заплатило смертью и искалечением сотен и тысяч казаков обмороженного 4-Донского корпуса, гибелью 1-го Кубанского корпуса ген. Крыжановского, последующим поражением 4-го Донкорпуса на полях между Ср. Егорлыкской и Б. Глиной...

Неразумное руководство армиями в конец подорвало силы казачьего фронта.

Глава XIV.

Положение фронта около 10 февраля. — Стягивание казачьих сил в район станиц Егорлыкской и Мечетинской. — Директива 12-го февраля. — Поражение Буденного под ст. Егорлыкской и поселком Иловайским 13-го февраля. — Отступление 3-го Донского корпуса. — Директива 16-го февраля. — Общее отступление Донской армии.

(Схема 7).

Около 10 февраля в район гор. Ставрополя большевики стянули свыше 5-ти тысяч пехоты и кавалерии и вели наступление на этот город через Бешпагир с востока, через Дубровку и Старомарьевку — с северо-востока и через Пелагиаду и Михайловское — с севера. Кубанский герой — ген. Бабиев, возмещая численный недостаток своих сил искусным маневрированием и доблестью частей, бил порознь наступающие группы большевистских войск 11-й сов. армии; 9 февраля он разбил красных у Старомарьевки и Грачевской, захватив одно орудие и 9 пулеметов; 10 февраля ген. Бабиев в Дубовке захватил 32-й советский полк и т. д. Села переходили из рук в руки, но большевики не могли добраться до Ставрополя.

Севернее Ставропольской группы большевистских войск — на восточной границе Кубани, на фронте Птичье — Привольное — Павловское, около 10-го февраля в пределы Кубани ввалились 39 и 32 советские дивизии, насчитывавшие около 6 тысяч штыков и сабель. 11-го

февраля 39-я дивизия заняла станицу Успенскую (схема 3).

В районе селения Белая Глина располагалась конница и пехота Буденного: 4-я, 6-я и 11-я конные дивизии, бригада Колпакова, 20-я 34-я и 50-я стрелковые дивизии — всего свыше 19 тысяч бойцов.

В районе зимовников Супрунова и Ф. Королькова находились вновь пополненные подвижные 1-я кав. дивизия Гая и отдельная кав. див. — всего около 2.800 шашек; и в резерве была 28-я сов. див. силою в 1.700 штыков и шашек. Между этой советской группой и группой войск Буденного существовал разрыв фронта.

По правому берегу Маныча от хут. Шара Булацкого до устья этой реки и далее до ст. Кривянской фронт занимала 9 сов. армия силою около 19 тысяч штыков и шашек (схемы 2 и 6). В ее состав входил, много раз казаками битый, но подвижной и предприимчивый конный корпус Думенко.

От х. Краснодворского, что лежит на правом берегу р. Дона южнее Новочеркасска, через ст. Аксайскую, гор. Ростов до самого Азовского моря по-прежнему фронт занимала 8-я сов. армия, располагавшая 25-ью тысячами бойцов.

Всего на фронте от района г. Ставрополя до устьев р. Дона на большевистском фронте было около 78.500 бойцов (данные о советских силах, располагавшихся на фронте Донской армии и Добровольческого корпуса приведены согласно данным штаба Донской армии на 10 февраля; данные о Ставропольской группе большевиков, о 39 и 32 сов. дивизиях и о группе войск Буденного взяты из советских источников). Трудно сказать, насколько эти данные, кроме данных о составе войск группы Буденного, отвечали действительности.

К сожалению, мы не имеем сведений о численном составе казачьих и добровольческих войск этого фронта к 10-му февраля, как не имеем сведений и о составе сил противников на Терском фронте.

В вышеприведенном распределении большевистских сил обращает на себя внимание то обстоятельство, что в группу Буденного. располагавшуюся на границах До-

на, Кубани и Ставропольской губ., входила четвертая часть всех большевистских сил на этом фронте. Силы этой группы вполне соответствовали возложенным на нее задачам.

Так как выдвижение Добровольческого и 3-го Донского корпусов 7-9 февраля на правый берег р. Дона, закончившееся быстрым отводом их на прежние позиции на левом берегу р. Дона, не принесло желанных результатов (имелось в виду привлечь внимание красных к Ростову и Новочеркасску и приостановить дальнейшее продвижение Буденного вглубь казачьего фронта) и только задержало своевременное сосредоточение соответствующих сил против группы войск Буденного; так как за время подготовки и осуществления этой, по тем об'ективным условиям чрезвычайно вредной для успеха антибольшевистской борьбы, задонской операции Буденный и 10-я сов. армия успели достигнуть значительных успехов на Тихорецком направлении и в районе селения Средне - Егорлыкского угрожающе повисли на фланге и тылу Донской армии и Добровольческого корпуса, — командующий Донской армией ген. Сидорин решил, что теперь уже невозможно откладывать дело ликвидации очевидной угрозы всему казачьему фронту со стороны сравнительно сильной, предприимчивой и ободренной успехами группы советских дивизий Буденного.

Но как возможно было успешно решить эту важную и неотложную задачу при условии, что в конце января 1920 г. главнокомандующий ген. Деникин и командующий Донской армией ген. Сидорин и их штабы сумели составить такой план общего наступления (глава 11-я) и первые десять дней февраля так руководили боевыми операциями (глава 12-13), что оставили свой фронт без фронтовых резервов.

При создавшихся тогда довольно тяжелых условиях распределения сил и ведения боевых операций на всем фронте от Ставрополя до Новочеркасска и далее до Азовского моря, казалось неизбежным и необходимым выравнение фронта путем временной оттяжки его головы с рубежа нижнего течения р. Маныча и р. Дона

на р. Кагальник и, быть может, даже на р. Ея, чтобы вывести Донскую армию из - под фланговых ударов дивизий Буденного и, путем сокращения фронта, получить возможность выделить нужные силы для разгрома буденовского ударного кулака.

Однако, командование казачьими силами стало на иной путь разрешения сложных задач. Первой крупной ошибкой Донского командования было то, что 10-12 февраля оно бросило ослабленный 4-й Донской корпус против группы войск Буденного (глава 13). После того, как 12 февраля Донская конница ген. Павлова понесла вышеописанное серьезное поражение между селениями Средне - Егорлыским и Белой Глиной, командующий Донской армией решил пойти на весьма и весьма рискованный шаг.

В осуществление намеченного плана вечером 12-го февраля была отдана следующая директива (схема 7):

«Комкорам 1-го и 3-го, Добровольческого, генералу Павлову, полковнику Бабкину, копии Наштаглав; НаштармКуб., карта 5 верст.

«Группа генерала Павлова сегодня — 12 февраля, после тяжелого боя в районе Горькая Балка и Средне - Егорлыкское, вынуждена была начать отход на Егорлыкскую. Я решил сосредоточить **ударную группу** за своим правым флангом с целью разбить конницу Буденного, для чего **приказываю:**

Первое — ген. Павлову, подтянув Корпус ген. Агоева и подчинив себе Сводно - Партизанскую дивизию, сдерживать противника до подхода остальных частей, сосредотачиваемых к правому флангу (Донской) армии.

Второе — Первому Корпусу, оттянув к вечеру 13-го февраля в район ст. Мечетинской Пятую конную бригаду, остальными частями Корпуса оборонять фронт хут. Теряев включительно — зимовник Поздеевой (Мироничено) — зимовник И. Корольков (Гудовский) — хут. В. Хомутец — Родники включительно.

Третье — Третьему Корпусу оборонять участок от х. Родники исключительно до ст. Ольгинской исключительно, обратив особенное внимание на свой правый фланг.

Четвертое — Добркорпусу, оборонять участок от ст. Ольгинской включительно до устья р. Дона, выделить бригаду ген. Барбовича в мой резерв в ст. Кагальницкую, куда бригаде прибыть к вечеру 13 февраля.

Пятое — Второй Донской казачьей дивизии (из состава 3 Дон. корпуса) к вечеру 14 февраля сосредоточиться в районе Мечетинской в моем резерве.

Шестое — тыловые учреждения и все обозы небоевого назначения отвести за р. Ею, строго располагая их в пределах разграничительных линий Корпусов.

Седьмое — о получении донести.

12 февраля 1920 г. 21 час 30 мин. Нр 0607/К. Ст. Кущевка.

Ген. Сидорин».

Как выше уже нераз было подчеркнуто, на северном участке Донского фронта — в районе станиц Ольгинской, Старочеркасской и Манычской и хутора Княжевского - Леоновского — все предыдущие дни февраля большевистские войска вели себя наиболее активно; станицы и хутора этого района не раз переходили из рук в руки (главы 12-13)... Именно с этого фронта теперь забирались Кубано - Терский Сводный корпус ген. Агоева и 2-я Донская дивизия, а ослабленным предыдущими беспрерывными боями частям приказывалось удерживать старую линию фронта при условии, что крепкий ледяной покров давал возможность советским войскам свободно переходить р. Дон.

В тот же день — 12-го февраля — Командующий Донской армией имел следующий разговор с командиром Донской конной группы ген. Павловым:

«Ген. Сидорин: — я хотел бы знать окончательный результат сегодняшнего боя и окончательный результат сегодняшнего совещания со старшими начальниками.

Ген. Павло: — в сегодняшнем бою потеряно 12 орудий, в людях потеря не так велика, как предполагалось сначала. На завтра предполагается совместно с пехотой сдерживать наступление противника; до подхода противника меры разведки приняты.

Ген. Сидорин: – как настроение войск и начальников?

Ген. Павлов:— настроение начальников — хорошее, полагаю, что при действии совместно с пехотой казаки будут действовать уверенно.

Ген. Сидорин: — хватит ли вам пехоты — одна Сводная дивизия?

Ген. Павлов: — угадать трудно. Конечно, были бы желательны подкрепления.

Ген. Сидорин: — сейчас дать трудно. Конницы же через 3 дня будет достаточно, а именно: Корпус Агеева 1.500 шашек, дивизия 2-я 1.000 шашек, бригада Барбовича 1.500 шашек и ваша 5-я бригада, численности которой не знаю. Полагаете ли вы, что с этими силами можно перейти в наступление против Буденного с уверенностью разбить его?

Ген. Павлов: — я тоже полагаю, что таких сил достаточно. Постараюсь держаться до их подхода.

Ген. Сидорин: — я полагаю, что если бы даже вам не удалось удержаться до окончательного сосредоточения, то не будет особой беды, если бы пришлось отойти в район Мечетинская — Гуляй Борисовка. Имейте в виду, что по наблюдению всех летчиков, главная масса конницы красных группируется против вашего левого фланга и обходила Средне - Егорлыкское с востока. Завтра до полудня я буду у вас. Спущусь на аэроплане. Утром в ваш район из Кущевки вылетает 6 аппаратов, которые постараются принять участие в бою, если он будет.

Ген. Павлов: — к завтрашнему дню все приготовлено.

Ген. Сидорин: — отлично. Дай Бог успеха!».

Тогда же начальник штаба Донской армии генерал Кельчевский имел следующий разговор по прямому проводу с начальником штаба ген. Деникин ген. Романовским:

«Ген. Романовский: — в связи с событиями сегодня возникает вопрос об обеспечении тыл. Для этого необходимо в Екатеринодар перебросить одну добровольческую дивизию. Есть ли у вас для этого составы? Если нет составов, то на подводах. Есть ли у вас сведения — в каком состоянии сейчас Павлов? Не слишком ли смел

ваш план? В каком положении Дон, и когда ожидаете его вскрытие?

Ген. Кальчевский:—перебросить какую-либо дивизию от Добровольцев при нашем плане, который уже осуществляется — немыслимо; порожняк занят перевозкой пехоты 2-й Дивизии, конница ее пущена походом. Завтра Агоев подойдет к Павлову. У Павлова потери в людях незначительны, лишь потерял несколько орудий. **Дух бодр.** Под его начальством теперь Партизанская дивизия; подойдет завтра Агоев, а через два дня и прочие части, и **мы уверены, что Буденный будет разбит,** но нам необходимо удерживать свой левый фланг, почему я и говорю, что от Добровольцев брать какую-либо дивизию нельзя, иначе это может значительно изменить обстановку к худшему.

Ген. Романовский: — чем вы об'ясняете сегодняшний неуспех Павлова и какие перспективы у вас в отношении Дона?

Ген. Кельчевский: — Павлов напоролся на три дивизии пехотных и две с половиной кавалерийских; превосходство сил у Буденного было огромное — в Белой Глине 20 32 и 39 дивизии пехоты (неверные данные. Ред.) и 4, 6 и половина 11 кавалерийских дивизий. Бой был горячий. Пехота красных, конечно, не поспеет за конницей, а если и поспеет, то незначительная часть. Завтра утром Командующий летит на аппарате в Корпус Павлова. Туда же сегодня ночью на паровозе едет Коновалов (командир 2-го Дон. корпуса). В разговоре с Павловым ему указано, чтобы он сдерживал натиск и выиграл время для подхода всех прочих частей. Во всяком случае Буденного от Тихорецкой оттянули, а там даст Бог и разобьем. Дон не думает расплываться, да еще и не время. Утром чуть подтаивало, к вечеру мороз.

Ген. Романовский: — будем надеяться на успех! Дивизии Главнокомандующий решил пока не брать, но составы подготовьте. Буденного хотя вы и оттянули, но завтра или после завтра Тихорецкая будет взята.

Ген. Кельчевский:— Пускай берет Тихорецкую, это для Кубани хорошо! Составы будем собирать. Необхо-

димы паровозы. нам нужно вывезти 9.000 больных и раненых».

В этом же разговоре двух начальников штабов по поводу плана боевых операций, принятого Командующим Донской армией, ген. Деникин, с своей стороны. заявил следующее: «План смелый и рискованный, одобряю! Уверен в успехе!».

Как видно из вышеприведенного разговора, даже тогда, когда благодаря неумелому руководству командовавших казачьими силами создалось почти катастрофическое положение на фронте, начальник штаба Донской армии ген. Кельчевский высказывал то самое отношение к Тихорецкому направлению, которое в начале февраля облегчило большевистским войскам переход р. Маныча и все последующие успехи большевиков.

13-го февраля в районе станицы Егорлыкской под командованием ген. Павлова были сосредоточены: 9-я, 10-я и 4-я конные дивизии, 14 кон. бригада, 10 кон. полк, Кубано - Терский Сводный корпус ген. Агоева, бригада Барбовича и туда же подходила 2-я Донская дивизия (схема 7).

Ген. Павлов снова готовился к наступлению против группы Буденного.

Однако, последний, ободренный сравнительно легко добытым успехом в бою 12 февраля (глава XIII) и подгоняемый приказами командующего Кавказским советским фронтом, 13-го февраля сам перешел в самое решительное наступление из Средне - Егорлыкского: 4-й и 11-й конными дивизиями и кавалерийской дивизией Гая на станицу Егорлыкскую и 6-й конной дивизией — на поселок Иловайский, находящийся верстах в 20-ти к юго - западу от ст. Егорлыкской (схема 7).

Днем и даже в сумерках 4-я и 11-я конные красные дивизии неоднократно переходили в атаки на ст. Егорлыкскую, но эти атаки были отбиты дружным ружейным, пулеметным и орудийным огнем пехоты и контратакой Кубано - Терского Сводного корпуса. Красные, понеся значительные потери, принуждены были отступить в селение Средне - Егорлыское. В этом бою крас-

ная дивизия Гая понесла весьма значительные потери, начальник дивизии был тяжело ранен.

6-я конная советская дивизия, наступавшая на поселок Иловайский, сначала имела успех и 13 февраля заняла этот поселок, развивая наступление в сторону Турчаниновки и Гуляй Борисовки. Но подошедшими казачьими частями в ожесточенном бою 6-я сов. дивизия уже в темноте была отброшена к югу от пос. Иловайского. 14-го февраля 6 конная див. отошла в поселок Ново-Роговской, лежащий в 5 верстах к западу от сел. Средне-Егорлыкского.

Насколько серьезное положение создалось для большевиков после поражения конной армии Буденного 13 февраля у станицы Егорлыкской и поселка Иловайского, видно из нижеследующих документов. Командующий 10-й советской армией коммунист Павлов 13-го февраля телеграфировал командующему Кавказским фронтом Тухачевскому следующее:

«Наступление Конной армии на Егорлыкскую—пос. Иловайский успеха не имело, — части отошли в исходное положение в Средне - Егорлыкское. 20-я и 50-я дивизии занимают район Новороговской — Корсунской, где взято 4 орудия. Противник группирует крупные силы пехоты и конницы в районе Мечетинская — Егорлыкское — посад Иловайский, стягивая их с Ростовского направления.

Командарм Буденный и я, командарм 10-й Павлов, **требуем немедленного наступления 8-й и 9-й армий во что бы то ни стало, — иначе нас будут бить по частям...** Вы знаете, что я оценку положения не преувеличиваю. **Момент — решающий все положение и окончательную победу на нашем фронте.** 13 февраля 1920. С товарищеским приветом командарм 10-й Павлов».

В тот же день командующий конной армией Буденный и член Реввоенсовета Ворошилов телеграфировали командующему фронтом Тухачевскому: «Просим срочных распоряжений о выдвижении вперед 8-й и 9-й армий».

Действительно, командующий фронтом Тухачевский и главнокомандующий русскими красными силами

Каменев всеми мерами подгоняли вперед 8-ю и 9-ю сов. армии.

Ослабление северного участка фронта Донской армии незамедлило принести свои печальные результаты. Уже 14-го февраля, «в виду сильного ослабления 3-го Донского Корпуса», как говорит оперативная сводка Дон. армии, «переброской частей к ген. Павлову и не прекращающегося нажима конницы Думенко, усиленной пехотой из района Княжевско - Леоновского (части 9-й армии) и ст. Старочеркасской (части 8-й армии) на 3-й Корпус, было приказано 2-ю Конную дивизию перебросить из группы ген. Павлова в 3-й Корпус.

В ночь под 15-е февраля командующий Донской армией отдал следующую директиву:

«В результате упорных боев 12-14 февраля конная группа Буденного потерпела неудачу и нашими контратаками отброшена с фронта ст. Егорлыкская — пос. Иловайский в район Средне - Егорлыкского. Атака противника 14-го февраля на всем фронте Доркорпуса отражена. Конница Думенко, перейдя сегодня в наступление из района Кн. - Леоновского, потеснила группу ген. Старикова, части которой к вечеру 14-го февраля отошли в район хуторов Тацынский — Турчанский.

Приказываю:

Первое: группе ген. Павлова, по окончании перегруппировки, **разбить группу Буденного,** ведя тщательную разведку до начала решительных действий. В распоряжение комкора 3 выделить 2-ю Донскую конную дивизию, направив ее с рассветом 15-го в район Кагальницкой.

Второе: Первому Корпусу, выполнив прежнюю задачу, передать в распоряжение комкора Третью пластунскую бригаду в полном составе, передвинув ее с рассветом 15 в район Хорольский — Камышеваха.

Третье: Доркорпусу, уже сменяющему левофланговые части 3 корпуса до Средне - Подолинского включительно, оказать возможное содействие комкору 3.

Четвертое: Комкору 3., использовав передаваемые

части из других Корпусов, разбить группу Думенко.

Пятое: о получении донести.

Кущевка. 14-го февраля, 23 часа, Нр 0653/К.

Генерал-лейтенант Сидорин».

Тогда же «Кубанскому Атаману была послана телеграмма с просьбой направлять запасные Кубанские части в распоряжение ген. Шифнер - Маркевича для прикрытия Тихорецкого направления».

Героический, но ослабленный беспрерывными тяжелыми боями, тянувшимися уже полтора месяца, и оттяжкой к ген. Павлову Кубано - Терского конного корпуса, 3-й Донской корпус не мог выдержать систематического натиска частей 8-й и 9-й советских армий. Кризис на фронте этого Корпуса наступил 16-го февраля. Официальная оперативная сводка Донской армии по этому поводу говорит следующее:

«Сегодня части Корпуса после упорного и тяжелого боя с превосходными силами конницы и пехоты противника, наступавших со стороны хут. Княжевско-Леоновского в юго - западном направлении и из района Старочеркасской на юг, к ночи вынуждены были, понеся большие потери, отойти в район Камышеваха, ст. Хомутовская. В сегодняшнем бою пехота 8-й дивизии после героического сопротивления, отбивая яростные атаки противника, была задавлена конной массой противника и частью погибла».

В этот же день сильное поражение понесла и Марковская дивизия Добровольческого корпуса, защищавшая Ольгинское направление: в упорнейшем бою с конницей (16-й кон. дивизией большевиков) и пехотой 8-й сов. армии марковцы были окружены южнее станицы Ольгинской; много доблестных марковцев погибло в бою и только часть их пробилась с артиллерией на ст. Хомутовскую, а пехотой на хут. Злодейский.

«В виду сложившейся обстановки на левом фланге Донской армии в районе Воровско - Бальский и на правом фланге Добровольческого корпуса в районе Ольгинской, командующий — ген. Сидорин, не принимая окончательного решения, переговорил по аппарату с ко-

мандующим конной группой ген. Павловым и командиром Добровольческого корпуса ген. Кутеповым.

Ген. Кутепов доложил, что в виду очевидного отхода частей ген. Гусельщикова — командира 3-го Донского корпуса—сегодня же из района Хомутовской, положение его — Добровольческого — Корпуса становится тяжелым, так как противник безусловно поведет наступление по всему фронту и (Кутепов) просил окончательного решения и распоряжения сейчас же, дабы отдать заблаговременно все распоряжения.

Желание командующего было: 1) разбить конной группой ген. Павлова армию Буденного сейчас же, задержав и отбросив противника частями Доброрпуса, отведенными на р. Кагальник, с тем, чтобы, выиграв время, перебросить потом Барбовича (конная бригада) и Агоева (Кубано - Терский конный корпус) к ген. Кутепову и окончательно отбросить противника за Дон. В этом смысле командарм — ген. Сидорин — и ответил ген. Кутепову, но окончательного ответа не дал до переговоров с ген. Павловым» (журнал военных действий Донской армии, запись за 16-е февраля).

16-го февраля между ген. Сидориным и ген. Павловым произошел следующий разговор:

«**Ген. Сидорин:** — Я вызвал вас для того, чтобы переговорить о предстоящих действиях. Обстановка вам известна и требует даже рискованных решений. Необходимо разбить Буденного настолько, чтобы 2-3 недели считать свой правый фланг обеспеченным. **Сейчас положение на Кубани улучшается сильно. Мобилизация идет успешно и есть полная надежда на успех всей кампании, если только мы выдержим ближайшие 2-3 недели** (см. главу ХУ). Поэтому, вполне оценивая важность ваших соображений, я отдаю приказ о наступлении не частичном, а полном, полагая, что с помощью пехоты и, быть может, прибегая к ночным действиям, вам удастся выполнить эту трудную задачу. Если это не сделать, то придется оттягивать бригаду Барбовича и корпус Агоева для того, чтобы облегчить тяжелое положение 3-го и Добровольческого корпусов. Это было бы половинчатое решение.

Ген. Павлов: — войска приступили к исполнению отданного на завтра приказа **для действия против авангарда противника.** Не покончивши с авангардом, нельзя действовать против главных сил. В зависимости от исхода завтрашнего боя приступлю к исполнению всеми силами группы приказания вашего. О ходе боя буду своевременно доносить. **Распутица сильно увеличивается, балки и реки делаются непроходимыми,** все необходимые меры будут приняты.

Ген. Сидорин: — отлично, так и делайте! Завтра вылетят летчики, которые будут спускаться у вас. Пока всего хорошего, если у вас нет больше вопросов.

Ген. Павлов: — вопросов больше нет. Счастливо оставаться, ваше превосходительство!».

После этого разговора командующий Донской армией отдал следующую директиву:

«Комкорам Добровольческого, 3-го, 2-го, 4-го, 1-го Донских; копия Наштарм Глав, Наштарм Куб.

В результате упорных двухдневных боев с корпусом Думенко, усиленным свежей конницей с пехотой, 3-й Корпус и правый фланг Доброрпуса к вечеру 16-го февраля оттеснены на линию Камышеваха, Хомутовская, Злодейская. На остальном фронте после боев 13-го и 14 февраля противник большой активности не проявляет.

Приказываю (схема 7):

1) генералу Павлову 17-го февраля начать решительные действия с целью разбить группу Буденного с тем, чтобы в ближайшие дни выделить часть сил для действия на фронте 3-го и Добровольческого корпусов.

2) 1-му Корпусу оборонять прежний фронт, примкнув левым флангом к ст. Кагальницкой.

3) 3-му Корпусу оборонять фронт от Кагальницкой включительно до Ново - Батайска исключительно.

4) Доброрпусу отойти на р. Кагальник и оборонять фронт от Ново - Батайска включительно до устья.

5) 3-му и Добровольческому Корпусам образовать за своими правыми флангами возможно большие ударные группы и короткими ударами отбрасывать противника на север, не давая ему перебрасывать больших сил

на левый берег Дона, пока не подойдут резервы с правого фланга армии.

6) Комкорам озаботиться вывозом из боевой линии больных и раненых, огнеприпасов и всего ценного имущества.

7) О получении донести.

16 февраля 1920., 23 часа, Нр 0696/К.

Генерал-лейт. Сидорин».

Таким образом, группа войск ген. Павлова должна была разбить группу войск Буденного; 3-й Донской и Добровольческий корпуса отводились на линию р. Кагальник.

***

Посмотрим, что происходило в то время по ту сторону казачьего фронта.

16-го февраля командующий советским фронтом Тухачевский поставил конной армии Буденного и правофланговым частям 10-й сов. армии задачу **разбить группу войск ген. Павлова** в районе станиц Егорлыкской — Мечетинской и продолжать преследование к югу с целью овладеть Тихорецким железнодорожным узлом.

В этот день по прямому проводу произошел разговор между Главнокомандующим вооруженными силами советской России Каменевым и командующим Кавказским советским фронтом Тухачевским. Из этого разговора приведем следующее:

«Каменев: — как вы оцениваете обстановку? По моим расчетам сейчас должны быть решающие обстановку дни, а мне это абсолютно необходимо для принятия решения по усилению Западного фронта (против Польши).

Тухачевский: — решение еще не созрело в боях. 8-я армия на левом фланге группирует главную массу войск (против 3-го Донского корпуса. Ред.)... 9-я армия на правом фланге имела успех, заняла Подольнский. Конкорпус (Думенко) вел бои в районе Хомутовской, но отошел к Манычской. Противник же, что видно по приказу командарма 9-й, настолько деморализован, что конный корпус (Думенко) при отступлении захватил

тысячу пленных, орудия и проч. Сегодня 9-я армия при поддержке 8-й вновь наступает, имея целью достигнуть района Злодейский — Кагальницкая. **Противник здесь сдает, так как снял с этого района три конных дивизии.** 10-я армия и Конная армия вели наступление на Егорлыкская, но за прорывом связи еще результатов не знаю. Ставропольская группа удачно наступает. Вновь заняла Пелагиаду - Бешпагир. Эти дни должны быть решающими, как в силу завязавшихся сражений, так и в силу того, что скоро вскроются реки. **Я напрягаю все силы.** Приятно, что 9-я армия воодушевилась. Степин (командарм 9-й советской) умер, сейчас приехал Уборевич».

17-го февраля между войсками ген. Павлова и войсками Буденного произошел бой на фронте поселок Иловайский — станица Егорлыкская — зимовник Букреев. Со стороны большевиков в этом бою приняли участие 4-я, 6-я и 11-я конные дивизии армии Буденного, 20-я стр. дивизия, 1-я Кавказская конная дивизия Гая и 2-я Кавказская кон. дивизия Блинова.

Согласно данных штаба Донской армии, группа ген. Павлова тогда состояла из следующих частей: 1) 4-й Конный Корпус: 9 и 10 дивизии; 2) 2-й Конный Корпус: 4 дивизия и 15 кон. бригада; 3) Сводный Корпус ген. Агоева — Кубано - Терский конный; 4) Кавалерийская бригада ген. Барбовича и 5) Сводно - Партизанская бригада.

Об этом бое и его результатах официальное сообщение штаба Донской армии говорит следующее: «На рассвете 17 февраля части группы ген. Павлова атаковали противника и в районе хут. Войновского захватили 3 орудия с запряжками, 30 пулеметов и пленных. С 11 часов (дня) завязался бой на фронте х. Иловайский — зим. Букреев с конницей Буденного, усиленной пехотой. Бой отличался чисто кавалерийским характером. Атаки противника и наши сменялись в течение нескольких часов и отличались крайним ожесточением. К вечеру конница противника была сбита и стала отходить в Егорлыкскую. Конная группа (Павлова) сосредоточилась в районе: Меркуловский — Щербаков — Иловайский».

Большевики тоже признают, что одна из сильных их конных дивизий — 4-я, потерпев поражение в предпринятых ею двух ожесточенных атаках, к вечеру отходила уже со своей артиллерией на хутора Грязнухинские, что лежат между станицей Егорлыкской и селением Егорлыкским. К глубокому сожалению, командующий казачьей группой ген. Павлов не проявил необходимой настойчивости и не преследовал разбитую уже казаками конницу противника.

Со стороны красных в этом бою участвовала 20-я стр. дивизия в составе около 3 тысяч бойцов при 28 орудиях и 120 пулеметах. Эта пехотная дивизия осталась на своих позициях у самой станицы Егорлыкской в то время, когда 4-я Кон. сов. див. находилась уже в полном отступлении в направлении на вышеназванные Грязнухинские хутора, когда 6-я конная красная дивизия, потерпев полную неудачу в упорных атаках на казачью конницу, главной своей массой в нерешительности отошла на юго - запад от станицы Егорлыкской, когда действовавшие к юго - востоку и востоку от станицы Егорлыкской красные 1-я Кавказ. конная див. Гая и 2-я Кавказ. див. Блинова были разбиты казаками.

Нерешительность ген. Павлова дала возможность красным оправиться от нанесенного им поражения. По инициативе начальника 20-й стр. дивизии Майстраха в сумерках были собраны на совещание начальники 4-й и 6-й конных и 20-й стр. дивизий и на этом совещании начальник стрелковой дивизии настоял на том, чтобы красная конница вошла на ночлег в станицу Егорлыкскую. После этого, посланная на поддержку 20-й стр. дивизии, конница 6-й дивизии постепенно отеснила части казачьей кавалерии (кубанцев), зашедшие уже в тыл левому флангу советской пехоты.

Находившаяся в отступлении 4-я кон. див. красных была возвращена к станице, приведена в порядок и пущена вслед за 6-й дивизией. И вся эта масса красных уже в темноте вошла на ночлег в ст. Егорлыкскую, оставленную казаками по приказанию ген. Павлова.

«Часам к 3-м ночи», — рассказывает бывший начальник 20-й стр. красной дивизии Майстрах, — «командиры

бригад (20 дивизий) доносят о захвате в плен квартирьеров противника. То и дело вспыхивает на западной окраине станицы перестрелка. Оказывается, белое командование, выступившее уже в Мечетинскую станицу, введенное в заблуждение полученными данными об отходе 4-й кавалер. дивизии, решает, что наши (большевистские) силы отступают или же, что с темнотой отступят от Егорлыкской станицы, и отдает приказание о возвращении отходивших на Мечетинскую белых частей назад в станицу Атаман — Егорлыкскую (Атаман — название железнодорожной станции у станицы Егорлыкской) — «на старые квартиры». Квартирьеры, высланные от частей противника (казаков), и отдельные небольшие его части направляются обратно в станицу, уже занятую нами (красными)... Обнаружив, что станица занимается нашими войсками и занимается прочно, противник отступает снова в ст. Мечетинскую и посад Иловайский. К рассвету небольшие части противника, заночевавшие в занимаемой ими юго - западной окраине ст. Егорлыкской, выяснив, что вся станица занята большими силами красных, также поспешно отходят на посад Иловайский (Майстрах. Маныч — Егорлыкская — Новороссийск, стр. 142).

Ген. Павлов действовал как-то нерешительно и даже вяло. В вышеприведенном разговоре его 16 февраля с командующим Донской армией ген. Сидориным, последний особенно подчеркивал всю важность одержания немедленной победы над Буденным. Из ответа же Павлова Сидорину видно, что на 17-е февраля он, ген. Павлов, наметил только «действия против авангарда противника»; что «не покончив с авангардом, нельзя действовать против главных сил», и, что еще важнее, ген. Павлов в том же разговоре с командующим армией сообщил, что «в зависимости от исхода завтрашнего боя (с авангардом) приступлю к исполнению всеми силами группы приказания вашего».

Это было похоже уже на саботаж. Для усиления группы войск Павлова, как известно, со всего фронта были стянуты доблестные части; северный фронт был ослаблен, а ген. Павлов, собрав в своих руках совер-

шенно достаточные силы для полного разгрома группы Буденного (в январе того года казаки сравнительно меньшими силами не раз его громили), почему - то медлил с их применением.

С каким серьезным авангардом противника думал ген. Павлов вести как-бы пробный бой, когда главные силы Буденного находились всего в 20 - 25 верстах от главных сил ген. Павлова: Буденный занимал пехотой и конницей селение Средне - Егорлыкское; в Грязнухинских хуторах Буденный имел не раз битую казаками кавалерийскую дивизию Гая, а правее — дивизию Блинова.

Буденный воспользовался этой непонятной медлительностью и нерешительностью ген. Павлова, и 17 февраля красные перешли в энергичное наступление на ст. Егорлыкскую. Противник снова взял инициативу в свои руки.

Чрезвычайно важным было и то, что ген. Павлов, наметив на 17 февраля только разведочный и пробный бой с авангардом противника и добровольно уступив инициативу Буденному, естественно, не сосредоточил к месту генерального сражения, разыгравшегося 17-го февраля, нужных сил, бывших в его распоряжении, а, главное, не подтянул к месту боя достаточных пехотных сил для парирования ударов пехоты противника. Поэтому во время самого боя, например, за обладание районом станции Атаман пехота противника, понятно, сравнительно легко справилась с защищавшими станцию и станционные постройки казачьими конными частями. Когда же красная пехота засела за железнодорожными постройками и насыпями, казачья конница не могла выбить оттуда упорно державшегося противника... Точно также во время вечернего боя казачья кавалерия, обойдя левый фланг 20-й стр. дивизии около самой станицы. не могла в конном строю разбить хорошо державшиеся красные стрелковые части, к тому же обладавшие большим числом пулеметов и сильной артиллерией (как сказано выше, на одну пехотную дивизию — 120 пулеметов и 28 орудий).

Вообще же ген. Павлов 16 февраля обладала превос-

ходными силами в сравнении с силами Буденного, но эти казачьи силы не были использованы так, как того требовала боевая обстановка. К тому же вялость в руководстве боевыми операциями, бросание казаков пачками, удары растопыренными пальцами, отсутствие искусного маневра со стороны командующего казачьими силами, превратили бой в лобовые удары, продолжавшиеся несколько часов.

Много героизма и доблести было проявлено рядовыми казаками и офицерами в этом бою, многие жертвы были принесены, но, благодаря вышеуказанным причинам, все это оказалось напрасным...

Ради сосредоточения в руках ген. Павлова нужных сил для одержания верной победы над группой Буденного безжалостно оголили северный фронт по р. Дону и этот фронт, погнувшись под ударами превосходных сил красных, начал отодвигаться на юг. Генерал же Павлов, в силу ли потери веры в возможность общей и окончательной победы над большевистскими армиями, или в силу его переутомления за время руководства беспрерывными сложными боевыми операциями 4-го корпуса, тянувшимися уже второй месяц, или в силу иных каких - либо причин (17 февраля в тылу группы войск ген. Павлова большевики заняли ст. Хомутовскую), не сумел или не смог использовать победу, обозначившуюся к вечеру 17 февраля, и проявил ненужную и вредную поспешность в отведении казачьих частей из ст. Егорлыкской.

Не победили и большевики. Они только заняли на ночлег оставленную казаками станицу и почти всю ночь ожидали новой казачьей атаки. «Лишь под утро удается заснуть нездоровым чутким сном», говорит участник боя под Егорлыкской, бывший начальник 20-й стр. красной дивизии (Майстрах, цитированная выше его работа, стр. 142).

Очевидно, и казаки по справедливости не считали себя побежденными, почему среди темной ночи послали было своих квартирьеров в ст. Егорлыкскую.

***

Уместно будет привести здесь некоторые данные из

статьи В. Голубева — «Операции на охват и окружение в гражданской войне», напечатанной в журнале «Война и Революция» за январь - февраль 1933 г. Вот что пишет В. Голубев об этом бое. На 17 февраля была назначена совместная операция 1-й Конной и смежных флангов 9-й и 10-й красных армий по разгрому Егорлыкской группы белых. Обстановка в масштабе фронта вообще и на Егорлыкском направлении в частности складывалась к тому времени так: 8-я армия, растянувшая перед этим свой фронт на восток до Манычской, только что форсировала р. Дон и вышла на фронт Азов — Батайск — Хомутовская, имея перед собой весь Добровольческий и часть 3-го Донского корпусов белых (12.000 штыков и 5.300 сабель); 9-я армия форсировала р. Маныч и вышла правым флангом на ее левый берег, овладев районом ст. Хомутовской. Перед фронтом армии действовали части 1 и 3 конных Донских корпусов общей численностью до 4.000 штыков и 9.000 сабель.

1 Конная армия с приданными ей 1-й и 2-й кавалерийскими дивизиями и 20 дивизией 10 армии сосредоточилась в районе Средне - Егорлыкской, имея перед собой в районе ст. Егорлыкской и пос. Иловайского части... общей численностью до 1500 - 2000 штыков и 10 - 11 тысяч сабель.

10 армия вышла на фронт Ново - Корсунская — Дмитриевская. Перед армией действовали разрозненные части Кубанской армии общей численностью не свыше 5 - 6 тысяч штыков и сабель. 11 армия овладела Ставрополем, отбросив на юго - запад более других сохранившую боеспособность Кубанскую группу ген. Бабиева.

Считая Егорлыкско — Мечетинскую группу белых за главные силы ген. Деникина, командование фронта на 1-е марта (17 февраля по старому стилю) ставило задачей своим армиям **окружение и уничтожение этой группировки.** Для этого 8-я армия должна была «наступать стремительно главными силами в направлении Злодейская — Кущевская», сковывая Добровольческий корпус. 9-ая армия наступала на Кагальницкую, Мечетинскую, отрезая путь отхода белым на Гуляй Борисовку.

10 армия, поддерживая атаку главными силами на Егорлыкском направлении, обеспечивала операцию занятием Незамаевской и Тихорецкой. 1-я Конная (Буденного) должна была атаковать противника в Егорлыкском направлении, отрезая ему путь отступления на поселок Иловайский, 11-я армия продолжала действия в Ставропольском районе.

... В результате день напряженного боя, закончившийся к вечеру 1-го марта (17-го февраля) захватом ст. Егорлыкской, не дал крупных успехов. **Противник свободно отошел в ночь на 2 марта (18 февраля) в юго - западном направлении.** Остановка 1-й Конной армии для перегруппировки в последующие дни в районе ст. Егорлыкской вывела ее на эти дни совершенно из угрожающего для белых положения.

«Попытка окружения белой группировки оказалась неудачной; нам не удалось даже выйти на путь отхода белых», такими словами заканчивает В. Голубев свой обзор боевых операций под станицей Егорлыкской.

***

Бой 17 февраля закончился в ничью. Возможно, что ген. Павлов 18 февраля перешел бы всеми силами в наступление против группы Буденного, заночевавшей в Егорлыкской, и разбил бы ее. Но тяжелое положение на всем фронте помешало этому. Дело в том, что, не зная еще того, чем закончился бой 17 февраля в районе станицы Егорлыкской, командующий Донской армией ген. Сидорин, в дополнение к вышеприведенной директиве Нр 0696/К от 16 февраля, **приказал:**

1) генералу Павлову—выполнять прежнюю задачу,

2) 1-му Донскому корпусу — отойти на р. Куго - Ею от поселка Иловайского до хут. Желтоножкина,

3) 3-му Дон. корпусу отойти на р. Куго - Ея и р. Ею — от хут. Желтоноткина до станицы Шкуринской,

4) Доркорпусу — отойти на р. Ею — от ст. Шкуринской до устья и далее до г. Ейска,

5) отвести штабы: 1-го Донского корпуса в ст. Екатериновскую, 3-го Дон. корпуса — в ст. Кисляковскую. Добровольческого — в ст. Новоминскую.

И хотя в этой директиве указывалось на необходимость «пояснить солдатам и казакам, **что отход совершается, чтобы выиграть время, разбить группу Буденного и затем перейти в общее наступление с целью отбросить красных за р. Дон», но началось безостановочное, поспешное отступление Добровольческого и Казачьих корпусов в южном направлении** (схема 8).

Оперативная сводка Донской армии за 18-е февраля констатировала следующее: «Из донесений Корпусов (Добровольческого, 3-го и 1-го Донских) выяснилось, что с противником соприкосновение утеряно», т. е., что войска отступали так быстро, что красный противник не мог угнаться за ними.

Связь Штаба Донской армии с группой ген. Павлова тоже была утеряна... К тому же 18-го февраля пошел непрерывный дождь... Наступила оттепель, быстро превратившая дороги в непролазное болото... Всякое продвижение по тучному чернозему стало затруднительным...

В связи с переутомлением людей и лошадей и общим откатыванием фронта на юг, конница ген. Павлова по невылазной грязи тоже потянула к югу — сначала на Куго – Ею...

Штаб Донской армии из Кущовки переехал в ст. Тимошевскую... Медленно переворачивалась еще одна черная страница казачьей трагедии. Ободренные советские дивизии окровавленными сапогами топтали богатые степи Кубани... Казачий Дон остался в тылу красной армии...

Глава XV.

Совещание в Сосыке. — Как реагировала Кубань на вторжение советских войск в пределы Края. — Бой у Кавказской. — Приказы Кубанского Атамана ген. Букретова. — «Отряды порядка». — Поспешное отступление Донской армии и Добровольческого корпуса по территории Кубани. — Приказ об отходе на р. Челбасы. — Отход на р. Бейсуг. — Бои на Ставропольском, Кавказском и Тихорецком направлениях.

Февральский переход 10-й и Конной советских армий на левый берег р. Маныча уже непосредственно угрожал территории Кубани. После неудачного ночного боя конницы ген. Павлова у Торговой — Воронцовского в ночь под 6 февраля для руководителей антибольшевистского фронта стало очевидным, какое тяжелое положение создалось вновь на фронте.

7-го февраля на станции Сосыка в штабе Донской армии состоялось важное совещание, на котором присутствовали Донской Атаман ген. Богаевский, Кубанский Атаман ген. Букретов, командующий Донской армией ген. Сидорин, ген. Деникин и ген. Шкуро. На этом совещании обсуждался вопрос о создавшемся грозном положении на фронте и о положении на Кубани, от линии поведения которой в значительной мере зависел весь исход борьбы на реках Маныче и Доне. Последний, весьма сложный и больной, вопрос на этом совещании обсуждали именно те лица, которые, исключая ген. Букретова, весь предыдущий 1919 г. весьма настойчиво

старались вытянуть Кубань, против ее воли, на «Московскую дорогу», которые не останавливались ни перед какими мерами, лишь бы побороть самостийность Кубанскаго казачества и заставить его служить интересам русского белого движения...

Обманутая, и глубоко оскорбленная Кубань, естественно, не могла пойти за этими генералами на новые жертвы во славу неприемлемой для Казачества «единой и неделимой России». Население Кубани не желало умирать за чужие идеалы. Понимая это, на совещании в Сосыке генералы высказались за усиление репрессий против казаков, не желавших более идти под их знаменами...

Глубокую трагедию переживало Кубанское казачество... Перед его глазами было несколько политических направлений со своими центрами:

Первое: радикальная пилюковщина, все же не осмелившаяся открыто и решительно с оружием в руках броситься в Екатеринодар, чтобы захватить там власть; пилюковцы группировались в предгориях Кубани, временами выходя на железную дорогу Екатеринодар — Новороссийск.

Второе: Кубанская Рада, Атаман и правительство, которые проповедывали самостийность Кубани, но через Верховный Круг Дона, Кубани и Терека вступили в соглашение с ген. Деникиным. Эта официальная власть не была однородна по своим стремлениям: Атаман Букретов,большинство членов Кубанского правительства и меньшинство членов Рады сознательно шли на соглашение с ген. Деникиным, осуществленное Доно - Терским большинством Верховного Круга, состоявшего, как известно, из 50-ти Донцов, 50-ти Терцев и 50-ти Кубанцев; большинство членов Рады стояло за разрыв с Деникиным, но это большинство не смогло или не сумело найти для себя своих по духу Кубанского Атамана и правительства; не имея сил и фактической возможности через головы тогдашних официальных руководителей Донской и Терской политики, через головы деникински настроенного большинства Донских и Терских политических деятелей связаться непосредственно с Донскими и

Терскими казаками, это самостийное большинство Кубанской Рады не сумело стать руководящим и организующим Казачество центром.

Естественно, что ни ген. Букретов, ни Кубанское правительство, в среде коего на самых ответственных ролях сидели такие активные сторонники России, как ген. Болховитинов, как Д. А. Филимонов или некоторые более серые персонажи русского толка, фактически не являлись той исполнительной властью, которая могла бы об'единить и повести за собой мятущихся Кубанских казаков, души которых были переполнены разочарованиями и сомнениями.

Самостийническое большинство Рады оказалось между официальным Кубанским правительственным центром и неофициальной пилюковщиной. Не став на путь тесного и активного сотрудничества с пилюковщиной, это большинство Рады не дало необходимого руководства этому народному движению. С другой стороны, не возглавив пилюковщины и пойдя гибельной дорогой соглашений и компромиссов, самостийническое большинство Рады осталось без вооруженной силы, опираясь на которую, оно могло бы в то время явиться настоящим руководителем судеб Кубани, а может быть и всего Казачества.

Все высшие чины Кубанской армии были подобраны Деникиным и, понятно, были его верными сторонниками. Командующий Кубанской армией ген. Шкуро был известен Кубанским казакам, но именно это обстоятельство было причиною того, что этот генерал не мог быть вождем Кубанского казачества, так как перед тем полтора года ген. Шкуро лихо и без всякой нужды подчеркивал свою преданность ген. Деникину, подчеркивал любовь к матушке России, и даже носился с мыслью о необходимости переворота на Кубани, бряцая оружием против самостийников. Да и по своей предыдущей военной — партизанской — карьере, и по своему характеру ген. Шкуро совершенно не подходил к ответственной роли организатора и руководителя Кубанской армии. Все политическое существо ген. Шкуро отрицало то дело, которому он должен был служить — организации

Кубанской армии для защиты тех политических, хозяйственных и социальных идеалов, которые защищала Кубанская Рада, как выразительница воли Кубанского Казачества, Горцев и коренного иногороднего населения Кубани.

Кубанские казаки хорошо понимали, что ген. Шкуро являлся апостолом деникинско - русской «правды», которую отвергало Кубанское Казачество. Пребывание ген. Шкуро на посту командующего армией совершенно ясно указывало казакам на то, что их снова хотят повести все той же дорогой на Москву. Только упрямые противники организации настоящей Кубанской армии могли одобрять пребывание ген. Шкуро на посту командующего Кубанской армией.

Штаб этой армии, разместившийся в ст. Усть - Лабинской, в феврале 1920 г. не проявил почти никакого руководства боевыми операциями Кубанских корпусов; также не было достигнуто согласования в действиях Кубанской и Донской армий.

И только после того, как большевистские армии перевалили через рубеж р. Маныча; после того, как неумелые руководители казачьими вооруженными силами открыли тыл 1-го Кубанского корпуса ген. Крыжановского для нападения Буденовских дивизий и этим подготовили страшный разгром этого Корпуса; только после того, как оставшийся в одиночестве в северо - западном углу Ставропольской губ., охватываемый противником с обоих флангов, расстроенный 2-й Кубанский корпус ген. Науменко поспешно отскочил к станице Кавказской; после того, как 4-й Кубанский корпус был тесно прижат к самому гор. Ставрополю, а конная группа ген. Павлова 12 февраля понесла поражение под Средне-Егорлыкским; после того, как большевистские дивизии на широком фронте вошли в пределы Кубани, ген. Деникин отстранил ген. Шкуро от должности командующего Кубанской армией.

Вот этот «Приказ Главнокомандующего Вооруженными силами на юге России, от 14 февраля 1920 г.»:

«По казачьим Войскам: назначается состоящий в резерве при Штабе Главнокомандующего вооруженными

силами на Юге России генерал - лейтенант Улагай — командующим Кубанской армией. Командующий Кубанской армией генерал - лейтенант Шкуро — откомандировывается в мое распоряжение с сохранением содержания по последней должности.

Главнокомандующий ген. - лейт. Деникин».

Если бы русские генералы считались с волею Казачества, ген. Деникин не осмелился бы так наглядно игнорировать Конституцию Кубани, по которой право назначения командующего Кубанской армией принадлежало исключительно власти выборного Кубанского Атамана. Русские генералы ненавидели казачью самостийность и презирали казачьи Конституции. Все январьские (1920 г.) покаянные речи Деникина в содеянных им в 1919 г. преступлениях были простым лицемерием и тактическим ходом, об'яснявшимся горячим желанием и далее распоряжаться казачьими вооруженными силами.

Кубанский Атаман ген. Букретов и Кубанское правительство В. Иваниса согласились с этим грубым нарушением Конституции Кубани.

Какое наследие получил новый командующий Кубанской армией ген. Улагай? Что представлял из себя Штаб Кубанской армии в те тяжелые времена?

16-го февраля штаб Кубанской армии в ст. Усть - Лабинской посетил военный журналист Раковский и нашел там следующее: ...«В Усть - Лабе Улагая не было и в штабе Кубанской армии наблюдался полный развал. Из разговоров видно было, что чины штаба очень плохо представляют себе обстановку, не имеют связи с частями и вообще производят впечатление полной растерянности» (Раковский. В стане белых, стр. 109).

И этот штаб должен был вести Кубанскую армию к победам, руководить боевыми операциями Кубанских корпусов, группировавшихся в Ставропольском, Кавказском и Тихорецком районах! Штаб должен был наладить разведку в неприятельских войсках и в их тылу, своевременно ориентировать штабы Корпусов о боевой обстановке на всем фронте, давать директивы Корпусам и вести общее руководство боевыми операциями их, ор-

ганизовать подвоз огнеприпасов, вести эвакуацию раненых и т. д.!

***

Как сказано выше (глава VIII-я), Верховный Круг Дона, Кубани и Терека 30 января прервал свою сессию до 10-го февраля. К 10-му февраля в Екатеринодар с'ехались члены Кубанской фракции этого Круга. Там же находились и члены Донской фракции. В виду того, что Терская фракция Верховного Круга к назначенному времени не прибыла, вследствие больших осложнений на Тереке, а, главным образом, вследствии большевистского восстания на линии железной дороги к востоку от границ Кубани и перерыва железно - дорожного сообщения между Тереком и Кубанью, начало работ Верховного Круга было отложено.

К 11-му февраля, как уже было отмечено выше, большевистские дивизии с востока ворвались в пределы Кубани.

Как на это реагировали члены Кубанской фракции Верховного Круга? — Они постановили немедленно раз'ехаться по станицам с целью поднять **сполох,** призвав все население, способное носить оружие, в Кубанскую армию.

Когда Кубанцы увидели непосредственную угрозу большевистского завоевания Кубани, восстали станицы. Уже 13-го февраля в Штабе Донской армии официально был отмечен факт «оздоровления Кубани». 16-го февраля командующий Донской армией ген. Сидорин, как отмечено было выше, сообщил командующему Донской конной группой ген. Павлову следующее: ...«Сейчас положение на Кубани улучшается сильно, мобилизация идет успешно и есть полная надежда на успех всей кампании».

16-го февраля 2-й Кубанский корпус ген. Науменко разбил бригаду 39-й сов. див. в районе станицы Кавказской и хут. Романовского. Войсковой Атаман ген. Букретов в телеграмме на имя командира этого Корпуса следующими словами отметил эту победу:

«Лихие действия Лабинцев и Кавказцев, конных и

пластунов, 16 февраля при отбитии наступления красных на ст. Кавказскую и хут. Романовский, где доблестные Лабинцы и Кавказцы совершенно разгромили красных, взяли целиком в плен 443 и 444 советские полки в составе 600 человек и 8 пулеметов, заставили биться сердца всех Кубанцев, честно любящих свой Край. Об'явите мое атаманское спасибо славным сынам родной нашей Кубани — непобедимым Лабинцам и Кавказцам. перед доблестью которых будет преклоняться все население Кубанского Края».

А 20-го февраля был издан следующий

«П Р И К А З
Кубанскому Казачьему Войску
(по Войсковому Штабу).
Нр 170.

Гор. Екатеринодар. 20 февраля 1920 г.

«Враг вторгся в пределы Кубанского Края и уже заливает кровью наши родные станицы. Первый большевистский удар пришелся по станицам Кавказского отдела, где в первые же дни было расстреляно около **ста** казаков.

В управление Кавказского отдела стали стекаться казаки из занятых противником станиц и сообщать о творимых большевиками зверствах и насилиях.

Разсказы живых свидетелей большевистского террора освежили отуманенные головы казаков этого отдела и они, раскаявшись, взялись за оружие. Результат этого сказался немедленно. 16-го февраля Кавказцы и Лабинцы на-голову разбили под станицей Кавказской бригаду 39-й сов. дивизии, при чем 443 и 444 советские полки взяли целиком в плен, а 445 полк почти весь уничтожили. Захватили свыше 600 пленных, 5 орудий, 20 пулеметов, много винтовок и обозов.

Об'являю доблестным Кавказцам и лихим Лабинцам свое атаманское спасибо. Да послужат славные действия Кавказцев и Лабинцев примером для Вольной Кубани!

В свою очередь, казаки Лабинского отдела на станичных сборах постановили мобилизовать и вооружить всех способных носить оружие, а от нежелающих идти защищать свой очаг — отбирать оружие и землю.

Об'являю об этом постановлении всему Кубанскому Краю, приказываю прекратить в станицах политиканство и митингование и поспешить, подобно Лабинцам, с оружием в руках на фронт для защиты своих Краев.

Время не ждет! Но есть полная возможность одержать победу над врагом и не допустить его вырвать вольности из рук Казачества!

Всех, упорно уклоняющихся и нежелающих выступить на фронт, об'являю предателями и изменниками Кубанскому Краю и всему Казачеству, и приказываю «отрядам порядка» таких лиц арестовывать, предавать военно - полевому суду и приговоры приводить в исполнение, не обращаясь за помилованием.

Приказ этот прочесть на всех станичных, сельских и аульных сходах, во всех сотнях, ротах, эскадронах, батареях и командах.

Войсковой атаман, Ген. Штаба.
Ген.-Майор **Букретов».**

На основании документов можно привести целый ряд фактов, свидетельствующих о том, что Кубанское казачество действительно поднялось на защиту Родного Края, а вместе с тем, можно отметить и ряд других фактов, говорящих о разложении казаков, об упадке духа. Например:

За десять дней (с 14 по 25 февраля) в Полтавском полковом округе члены Рады и Верховного Круга **С. Крикун** и **И. Билый,** только из казаков, не подлежавших мобилизации, создали конный полк (гайдамацкий) в составе почти 3.000 человек, на хороших лошадях и прилично вооруженных (командир полка — полк. **Черный).** В конце февраля полк этот прибыл в Екатеринодар, но кубанская власть так и не сумела его использовать.

21 февраля Хоперцы в составе 200 шашек прибыли на фронт; тогда же казаки ст. Удобной, в числе 360 человек, самовольно ушли с фронта в свою станицу, а из 200 казаков Екатеринодарского отдела, прибывших в Тихорецкую, 60 ушло в тыл, а остальные отказались выступить из Тихорецкой на фронт; официальная сводка Донской армии за 22 февраля говорит следующее: «После вторжения противника в пределы Кубани, наблюда-

ется резкий перелом настроения среди Кубанцев; казаки моби изуются и выступают на фронт; за сегодняшний день в ст. Канеловской мобилизовалось 3 сотни; казаки станиц Старомининской и Старощербиновской, мобилизовшись, направились, повидимому, на Уманскую, туда же выступили из Новоминской 250 конных; в ст. Каневской к комкору Добровольческого явилось 300 конных, которые просили направить их на фронт. **У населения наблюдается огромный под'ем».**

В тот же день было отмечено, что в другом конце Кубани «отряд полковника Тулинцева разошелся по родным станицам».

В военном обзоре газеты «Вестник Верховного Круга». Нр 35, за 22 февраля, было напечатано: «Однако, центр внимания нашего и оценка событий разыгравшихся в эти дни принадлежит уже не этим событиям, а тому внутреннему **перелому,** который резко обозначился за последние дни среди Кубанских казаков. Дикие расправы красных с казачьим населением занятых ими станиц произвели, видимо, то действие на Кубанцев, которого не имели ни призывы Атамана, ни предупреждения офицеров. В течение двух - трех дней без всякого участия телеграфа и осведомительных отделов, тем слухом, которым земля полнится, стало известно по станицам, что не офицеры и генералы, а именно трудовому казачеству страшны красные. И, станица за станицей, стала подыматься Кубань. Конечно, только будущее покажет, на сколько серьезен этот под'ем Кубанцев»...

Масса казаков действительно поднялась моментально, вооружилась и села на собственных коней. Но и в этом случае вновь обнаружились трагические последствия того, что фактически кубанцы не имели своей армии. Поднялись казаки, но силы их были разрознены, распылены по всей Кубани...

А враг настойчиво лез в пределы Кубани с востока, с северо - востока и с севера, распространяя панику среди населения, подрывая веру в успех.

Одни станицы направляли казаков в управления отделов (округов) и оттуда на фронт. Другие — просили даже командира Добровольческого корпуса отправить

их на фронт... А третьи — сами выступали прямо на фронт. В одной станице имелись офицеры, бравшиеся за организацию восставших казаков, а в другой — таких офицеров не было...

А в это время явные большевики и их сторонники вели бешеную агитацию среди казаков с целью их разложения... Быстро нахлынувшая волна наступавших большевистских войск скоро захлестнула пограничные [illegible]нские станицы на севере и востоке области и расстроила мобилизацию.

В глубине же Кубани — в Таманском отделе произошло что-то невероятное, неожиданное, подорвавшее в корне начавшийся массовый под'ем казаков на борьбу с большевистским нашествием.

Как уже было сказано выше, по соглашению Кубанского Атамана ген. Букретова и Куб. Правительства Иваниса с ген. Деникиным и командующим Донской армией ген. Сидориным, по Кубани были посланы «отряды порядка» с данным им правом порки, расстрелов и иных жесточайших мер наказания. В Таманский отдел была послана 1-я Донская дивизия.

В отдельской (окружной) станице Славянской карательный отряд Донцов арестовал станичного атамана **Климченко** и члена Кубанской Рады **Щербака** и подверг их порке. Никакие просьбы случайно бывших в ст. Славянской членов Верховного Круга Панасенко и Иванченко не подействовали. Арестованных привязали к двуколке и увезли, а потом расстреляли. В самой станице произвели повальные обыски и отбирали все, что попадалось под руку. В Славянских лагерях, где находился безоружный Таманский полк, отряд Донцов потребовал выдачи зачинщиков отказа идти на фронт. Зачинщиков не оказалось. Тогда был отдан приказ: пороть десятого, расстреливать семидесятого. Приказ был в точности выполнен (Г. Покровский. Деникинщина, стр. 278).

После этого члена Кубанской Рады Щербака нашли убитым, а атамана Климченко «отправили» в Екатеринодар. Труп его нашли на берегу р. Кубани.

Порки и расстрелы казаков, естественно, вызвали всеобщее и крайнее возмущение среди Кубанцев, услы-

хавших об этих насилиях. На Кубани заговорили, что повторяются ноябрьские события (часть III-я «Трагед. Каз.»).

Вопрос об убийстве члена Рады Щербака и станичного атамана Климченко 22 февраля стал предметом горячего обсуждения в Екатеринодаре на частном совещании, на котором присутствовали члены Кубанской Краевой Рады, члены Кругов Донского и Терского, члены Правительств Кубани, Дона и Терека... На этом совещании говорилось не только о порке, расстрелах, но и о том, что «отряд порядка» занялся простым грабежом населения станиц Таманского отдела по обоим берегам Кубани.

Стало ясным, что «отряды порядка» фактически явились отрядами беспорядка и зверских насилий. Все это принесло большой вред делу организации защиты Кубани.

Вновь остро стал вопрос о доно - кубанских отношениях. Как будто чья-то сознательная злая воля устроила так, что на Кубань была послана Донская дивизия на усмирение для того, чтобы вбить клин недоверия и ненависти между двумя самыми большими казачьими Войсками...

Здесь уместно будет отметить и то, что 21-го февраля было распубликовано за подписью Кубанского Войскового Атамана ген. Букретова и министра внутренних дел Кубани Л. В. Белашова **обращение «К населению Кубанского края»** о всесторонней помощи Донским беженцам («Вестник Верховного Круга», Нр. 34).

***

Ген. Деникин, Донской Атаман Богаевский, командующий Донской армией ген. Сидорин и члены Донского Круга в течение января 1920 г. не один раз неофициально и официально упрекали Кубанцев в том, что они будто бы не хотят воевать против большевиков, что Кубанцы не дают должной поддержки Донской армии, занимавшей фронт по реках Дону и Манычу.

Надо признать, что боевое напряжение Войска Кубанского в описываемое время было далеко меньше бое-

вого напряжения войска Донского. Были основные причины, вызвавшие такое явление. Об этом была речь выше (между прочим, в главе X-й).

Надо признать и другое, не менее важное, обстоятельство, а именно то, что Донская армия и Добровольческий корпус выдержали известное напряжение в борьбе на р. Доне и р. Маныче только полтора месяца. После 17-го февраля началось, как мы знаем, почти безостановочное отступление Донцов и Добровольцев.

Уже 20 февраля, на основании воздушной разведки, от имени командующего Донской армией была послана командирам Донских корпусов телеграмма такого содержания: «Из штабов Корпусов поступают донесения о сильном нажиме на фронте со стороны противника. Между тем произведенной сегодня воздушной разведкой на участке от моря (Азовского) до Ильинки обнаружено лишь движение небольших конных групп и обозов и почти никакого оживления в населенных пунктах. Считаясь с изложенным Командарм оставляет в силе свою последнюю директиву от 17-го февраля **об упорной обороне на линии р. Кугоеи».**

Вследствие потери связи между штабом Донской армии и штабами ее Корпусов, обстановка на фронте с 20-го на 21-е февраля не была известна. Донские и Добровольческий корпуса отходили настолько поспешно, что уже 20-го февраля красные заняли узловую станцию Кущовку на стыке Владикавказской и Черноморско — Кубанской железных дорог. Штаб Донской армии из Кущовки переехал в Тимошовку.

В первые же дни отхода в Донской армии была обнаружена большая утечка людей из строевых частей в обозы, вследствие чего, боевой состав армии падал. Поэтому 20 февраля командующий Донской армией ген. Сидорин отдал следующий приказ командирам Донских корпусов: «Из последних донесений выясняется сильное поредение действующих частей утечкой боеспособного элемента в обозы. Приказываю немедленно произвести самую тщательную чистку обозов, как это было сделано по отходе частей за Дон, направляя все годное в

строй. Об исполнении донести. 20.11.20. Нр 0753. Тимошовка. Ген. Сидорин».

Окружному Атаману 2-го Донского округа был послан следующий приказ: «По имеющимся данным с вашим управлением с беженцами прибыло до **десяти тысяч боеспособных казаков.** Приказываю немедленно их призвать на службу и, сведя их в отдельные части, под командой офицеров и под общей командой одного назначенного старшим направить по маршруту Усть - Лабинская — Кореновская — Ирклиевская в ст. Павловскую, откуда конные будут направлены в 4-й корпус, а пешие — в 1-й корпус. Об исполнении сего донести, после чего оно будет проверено особо командированным лицом. 20-11-1920. 13 час. 10 мин. Нр 074/К. Тимошовская. Сидорин».

21 февраля командиры корпусов послали командующему армией следующее:

«Комкор Добровольческого донес, что корпус утомлен и просил сокращение фронта.

Одновременно с этим и командир 3-го жаловался на сильное утомлене частей, на их небоеспособность.

От командира Сводно - Конного поступила просьба об отводе Терской дивизии, вследствие ее малочисленности и упадка духа, в обоз 2-го разряда».

Несмотря на то, что противник в эти дни почти не оказывал никакого давления, Добровольческий и Донские корпуса продолжали отход на юг, **не задержавшись на р. Ее.** Поневоле санкционируя это всеобщее безудержное отступление, командующий Донской армией 21-го февраля приказал **в два перехода отойти с р. Еи на р. Челбассы «для занятия более сосредоточенного расположения и удобства маневрирования армиями»,** причем:

1) группе ген. Павлова занять район ст. Новолеушковской — ст. Павловской — ст. Старолеушковской;

2) 1-му Донскому корпусу — х. Белый — ст. Челбасская;

3) 3-му корпусу — ст. Челбасская — ст. Крыловская, а 24 - 25 февраля ст. Ирклиевская — х. Савицкого;

4) Добровольческому корпусу — ст. Крыловская — Бейсугский Лиман.

В том же приказе от 21 февраля говорилось о необходимости «мобилизовать все население, способное носить оружие, а также всех годных лошадей».

Таким образом, Донская армия и Добр. корпус «в два перехода» без боев отскакивали от северной границы Кубани верст на 50 к югу, а от Батайска, где Добр. корпус был еще 16-го февраля, — верст на 80 - 90. Согласно этой директиве, все Донские и Добровольческий корпуса занимали фронт всего около 100 верст — по линии ст. Брыньковская — ст. Новолеушковская.

Если принять во внимание то, что в те дни быстро наступила оттепель и все дороги и поля сделались почти непроезжими, можно ясно представить насколько быстро продвигались на юг Донские и Добровольческий корпуса. 24-го февраля красные уже заняли узловую станцию Сосыку — на стыке Владикавказской и Ейской железных дорог, в 40 верстах на северо - запад от станции Тихорецкой.

Донские и Добровольческий корпуса не остановились на р. Челбассах, представляющей большие удобства для обороны. Войска без боя отходили далее на юг, на р. Бейсуг...

Весьма показательным было то, что войска, находясь в беспрерывном движении, **целых четыре дня подряд не поддерживали связи — ни корпуса между собою, ни корпуса — со штабом Донской армии, находившимся тогда в близком тылу** — в ст. Тимошовской. Только этим отсутствием связи между корпусами Штаб Донской армии об'яснял **«паническое отступление с линии р. Челбасс на юг»**. Поэтому командующий армией командирам 1-го и 3-го Донских корпусов «поставил на вид отсутствие связи между ними и приказал держать постоянную связь между собою».

Именно в эти дни безостановочного и непонятного на первый взгляд отступления Донских и Добровольческого корпусов в Конной группе Донской армии произошло примечательное и много говорящее событие. Начальники частей и рядовая казачья масса конной группы

были чрезвычайно возмущены поведением ген. Павлова еще в то время, когда этот генерал (не казак) в страшную стужу при сильном северо - восточном ветре, по пустынной степи, 3 - 5 февраля вел конницу из района х. Веселого к станции Торговой (глава XII); возмущались они и нераспорядительностью ген. Павлова во время ночной атаки на Торговую в ночь с 5-го на 6-е февраля и последующей ночовкой конницы в открытой степи, и непонятным поведением этого генерала, как во время боя 12-го февраля у селения Средне - Егорлыкского, так и во время боев 13 - 17 февраля в районе станицы Егорлыкской — поселка Иловайского.

Теперь это возмущение вылилось в открытые действия — начальники частей конной группы, подчиненной ген. Павлову, собравшись на совещание и обсудив поведение ген. Павлова, постановили немедленно устранить его от командования этой группой и на его место поставить ген. **Секретева.** Возмущение против ген. Павлова было настолько сильным и всеобщим, что командующий Донской армией 25 февраля согласился с этой заменой (Раковский. В стане белых, стр. 135).

***

Из событий, происшедших за эти дни на фронте Кубанской армии, отметим, во-первых, бой 21 февраля на Ставропольском направлении (гор. Ставрополь оставлен казаками 18-го февраля). В этот день четыре полка красных наступали из Ставрополя по шоссе на станицу Невинномысскую. Группа доблестного ген. Бабиева разгромила эти полки, три из них отбросила в полном беспорядке на юг, а четвертый — на сел. Татарку, при этом казаками было захвачено знамя Таманского советского полка, пулеметы, пленные и лошади в седлах.

Во-вторых, 21-го февраля на р. Калалы у ст. Дмитриевской 2-й Кубанский корпус и Кубанские пластуны после тяжелого боя разгромили три полка пехоты и свыше полка конницы красных, захватив 380 пленных.

В-третьих, группа войск ген. Шифнер - Маркевича, получившая название 1-го Кубанского корпуса, имея

1,000 пластунов в районе Тихорецкой — Терновской и 600 пластунов в самой Тихорецкой, успешно защищала район станции Тихорецкой. 22-го февраля ген. Шифнер-Маркевич по прямому проводу в штаб Донской армии доложил, что на Тихорецкую наступают 32-я, 34-я и 20-я советские дивизии, и что Шифнер - Маркевич имеет только 1600 пластунов, что же касается Куб. пластунского батальона в районе ст. Н. - Рождественской, то этот батальон находится еще в периоде формирования. Вследствие этого генералу Шифнер - Маркевичу временно была подчинена 10-я Донская конная дивизия из состава 4-го Дон. корпуса.

На кубанском фронте в это время действовали XI-я сов. армия в районе гор. Ставрополя и X-я сов. армия в составе 39-й, 32-й, 34-й, 50-й и 20-й стрелковых дивизий А с севера надвигалась Конная армия Буденного...

Отмеченные выше бои Кубанцев на Ставропольском, Кавказском и Тихорецком направлениях, вне сомнения, говорили о том, что Кубанцы в то время еще сохраняли боеспособность.

Из событий в кубанском тылу, кроме уже выше отмеченных, укажем на то, что, как говорят официальные данные, одна станица Каневская 25 февраля мобилизовала 900 казаков (район действий Добровольч. корпуса). В то же время 17-й батальон, состоявший из 151 казаков, разошелся по станицам. Отряд ген. **Говорущенко,** прибывшего со своими частями из Ейского отдела в ст. Брыньковскую, приступил к формированию отряда казаков станиц Брыньковской, Ольгинской, Бородинской, Степной.... Ст. Ладожская дала отряд ген. Косилова в составе 140 шашек и 180 штыков...

Надо признать, что успешно начавшаяся около половины февраля мобилизация Кубанцев, по тем или иным причинам, фактически все же не дала такого общего прилива бойцов на фронт, чтобы это усиление могло изменить положение дел на фронте в казачью **пользу.**

Глава XVI.

Последствия казачье - русского соглашения. — «С'езд трудовых казаков в Москве». — Планы дальнейшей борьбы. — На фронте Кубанской армии в последних числах февраля. — Состояние Донской армии. — Белые и красные директивы. — Бои на путях к Екатеринодару. — Бегство Добровольческого корпуса.

Схема 8

Пойдя в январе 1920 г. на вынужденное обстановкой соглашение с ген. Деникиным, Верховный Круг Дона, Кубани и Терека не успел потом создать единой казачьей сильной власти, когда смелые и решительные действия именно казачьей власти были так необходимы и на фронте, и в тылу, и в сношениях с иностранцами.

В конце февраля — в самом начале марта — действовало пять более или менее самостоятельных штабов: на Тереке — главноначальствующего Терско - Дагестанского Края ген. Эрдели; там же — Терского Атамана, в станице Усть - Лабинской — штаб Кубанской армии; в Екатеринодаре — Новороссийске — штаб ген. Деникина, в Тимошовской — Екатеринодаре — штаб Донской армии.

Не было единого руководства боевыми операциями, не было так необходимой для успеха борьбы согласованности в действиях казачьих политических и вооруженных сил. На бумаге ген. Деникин еще продолжал отдавать директивы всем армиям, но в действительности, как признается и он сам, **«нарастало стихийно чувство отчужденности и розни между Добровольцами и Казачеством; бывая часто в эти дни в штабах генералов Сидо-**

рина и Кутепова, я чувствовал, как между ними с каждым днем вырастает все выше глухая стена недоверия и подозрительности» (Деникин, Очерки русской смуты, т. У-й, стр. 320). И это происходило, как видим, даже, между казачьими и русскими генералами, одинаково преданными России.

Вымученное соглашение Казачества с ген. Деникиным **не создало и не могло создать единой духом и целями армии,** как не привело и к организации единого руководства боевыми операциями. Механическое единение не могло перетвориться в органическое об'единение, ибо **у Казачества и у «белых» русских цели были различны.**

Созданное Деникиным Южно - Русское правительство Н. М. Мельникова, не имевшее корней в Казачестве, повисло в воздухе, как совершенно излишний, никому ненужный и никого не интересующий предмет

5-го февраля было создано это правительство; потом его члены отправились в Новороссийск «принимать дела» от «Особого Совещания». «22 февраля члены Южно - Русского правительства возвратились из Новороссийска в Екатеринодар. За эти дни о существовании этого правительства широкие общественные и политические круги уже забыли, тем более, что уже определенно выяснилась нежизнеспособность достигнутого соглашения Верховного Казачьего Круга и Главного командования в лице генерала Деникина. Кубанское правительство во главе с Иванисом игнорировало единую власть... Что касается Донского правительства, то оно находилось в состоянии полного упадка духа и, за отсутствием своей территории, лишено было влияния и возможности делать какую бы то ни было работу» (Раковский. В стане белых, стр. 110).

Как ненужное для казаков, появилось это Южно - Русское правительство на свет Божий и, как запоздавшее для русских, отошло оно тогда же незамеченным в историческое небытие. О последних днях его существования ген. Деникин говорит следующее:

... «Южно - русское правительство Мельникова, прибыв в Севастополь, попало сразу в атмосферу глубокой и органической враждебности, парализовавшей всякую

его деятельность; правительство — по своему генезису, как созданное в результате соглашения с Верховным Кругом, — уж по этой причине было одиозно и вызывало большое раздражение, готовое вылиться в дикие формы; поэтому, с целью предотвращения нежелательных эксцессов, я решил упразднить Южное правительство... 16 марта я отдал приказ об упразднении совета министров. В этот же день, 16-го, члены правительства на предоставленном им пароходе выехали из Севастополя и перед от'ездом в Константинополь заехали в Феодосию проститься со мной, после краткого слова Н. М. Мельникова, ко мне обратился (член правительства) Н. В. Чайковский:

— Позвольте вас, генерал, спросить: что вас побудило совершить государственный переворот?

— Какой там переворот! Я вас назначил и я вас освободил от обязанностей — вот и все! — ответил Деникин. (Очерки русской смуты, т. У-й, стр. 353 - 354).

***

На уже упомянутом выше (глава ХУ-я) частном совещании 22-го февраля, в присутствии членов Кубанской Рады, Атаманов и правительств Дона, Кубани и Терека и членов Донского и Терского Кругов, председатель Верховного Круга И. П. Тимошенко говорил, между прочим, следующее:

«Политическая и военная обстановка необычайно тяжелы; все, что было сделано Верховным Кругом для разряжения этой атмосферы, как будто повисло в воздухе и не видно просвета, по которому можно было бы судить, что мы на пути к выздоровлению, к строительству новой свободной жизни на новых началах. То обращение, которого ждало население с нетерпением по поводу соглашения нашего с Главным командованием, не увидело света, как официальное обращение Верховного Круга, так как оно было опротестовано главным командованием и повисло в воздухе».

На том же совещании товарищ председателя Верховного Круга полк. М. Н. Гнилорыбов в пространной речи глубоко и горячо возмущался тем, что постановления Круга не осуществляются и не проводятся в жизнь

ни дома, ни заграницей; что после соглашения казаков с русскими не наступило никаких изменений в составе заграничного представительства антибольшевистских сил, где продолжают выступать от имени казаков обломки отживших сословий царской России; что о постановлениях Верховного Круга население почти ничего не знает, и т. д.

«Верховный Круг должен требовать от всех Краевых правительств, от всех Атаманов», — восклицал Гнилорыбов. «**Мы целый месяц говорили, писали и печатали, но, к сожалению, о том, что мы говорили, писали и даже печатали, знают очень и очень немногие... Союзники о нас ничего не знают**»...

Эти заявления председателя и товарища председателя Верховного Круга достаточно ярко характеризуют то, к чему свелась трудная работа Всеказачьего Круга после того, как он формально уступил власть ген. Деникину. Так печальны были последствия казачье - русского соглашения. Казаки уступили власть русским, а последние, конечно, далеки были от мысли о необходимости проведения в жизнь постановлений Верховного Круга.

Больше того. «Ход событий», — говорит Деникин, — «**вызвал дифференциацию политических кругов и новое, отчетливое их расслоение... Екатеринодар вобрал в себя весь цвет южно - казачьего областничества. В Новороссийске сосредоточилась российская консервативная и либеральная общественность... Туда стеклись со всех сторон обломки правительственных учреждений, органов печати, политических партий и организаций... Катастрофа не примирила и не стерла противоречий, разделявших южную общественность, нашедшую приют в Новороссийске. Но она об'единила ее в двух направлениях: в горячем осуждении прошлого и во вражде к Екатеринодару. Новорссийск и Екатеринодар кипели страстями. Они не были просто антиподами, но двумя непримиримыми враждебными станами, готовыми, казалось, вот - вот пойти войною друг на друга**». (Очерки т. У-й, стр. 323).

И вот эти то непримиримые и враждебные станы

— русский и казачий — в 1918 – 1919 годах фактически об'единились было для совместных действий против красной Москвы, а в начале 1920 г. между этими станами состоялось как-бы и формальное соглашение, по-сути, не удовлетворившее ни ту, ни другую стороны и только запутавшее и осложнившее борьбу еще больше.

Кубано – пилюковцы и «зеленые» уже пошли было войною против обломков старых русских сословий, классов, бюрократии... Казачий Екатеринодар колебался. Знаменательным и показательным было то, что 25 февраля на совещании членов Верховного Круга президиум этого Круга формально поставил на порядок дня вопрос **о разрыве соглашения казаков с Деникиным.** Но это совещание, после речей председателя Донского Круга В. Харламова и др., сняло тогда этот вопрос с обсуждения. Однако, через несколько дней этот вопрос снова стал во весь рост перед членами Верховного Круга (глава XVII).

⁂

В те времена не только русские «белые» во главе с Деникиным, но и русские «красные» во главе с Лениным искали казачьей поддержки. К тому времени русские «красные» завоевали уже земли всех Казачьих Войск, кроме Войск Северного Кавказа и Восточной Сибири. Коммунисты решили собрать фикцию казачьего представительства в русской столице. Поэтому 17–20-го февраля 1920 г. в Москве состоялся «Первый Всероссийский С'езд трудовых каазков».

По поводу этого «с'езда» организатор вооруженных сил красной России Л. Троцкий писал тогда следующее:

«Казаки, в советскую колонну стройся! Настал час, когда казаки должны сами надолго определить свою судьбу. До сих пор они слишком долго позволяли другим думать и действовать за себя. Корнилов, Каледин, Краснов, Дутов, Колчак, Деникин решали за казаков и заставляли массы казачества эти решения выполнять. Ныне все эти контр – революционные воеводы, милостью помещиков и капиталистов, разбиты. Их попытки при помощи обманутого ими казачества закабалить Россию обращены в прах. От армии Колчака не осталось

ничего. От армии Деникина — жалкие остатки. Но Советская Россия существует, и существует многомиллионная масса трудового казачества. Теперь, после всего, что произошло, после всех обманов, учинявшихся контр - революционными царскими генералами, после всей пролитой по их вине крови, после разорения и опустошения казачьих станиц, округов и областей, настал для казачества последний, двенадцатый час: обдумать крепко и решить твердо, по какому итти пути. Силу свою рабоче - крестьянская власть доказала всему миру. Но, будучи сильна, советская власть чужда мысли злоупотреблять своей силой. Казачество в своей массе — труженики... На путях дальнейшей вооруженной борьбы против советской власти казачеству спасения нет. Советская власть слишком сильна силою вооруженных миллионов рабочих и крестьян. Спасение трудового казачества — в полном и честном примирении с советской властью«. (Как вооружалась революция, т. 2-й, кн. 2-я).

На самом «С'езде» с основными докладами выступили Калинин и Ленин. Они призывали казаков к об'единению с трудовым русским народом для борьбы с контр - революцией. «В секциях с'езда были тщательно обсуждены все вопросы советского строительства и аграрной политики, с'езд имел большое значение (влияние?) на об'единение трудового казачества со всеми революционными элементами нашей страны», утверждают большевики.

На самом же деле этот «с'езд» был очередным обманом Казачества все тою же Московю.

***

Жизнь поставила перед Казачеством вопрос о плане дальнейшей борьбы.

Кубанский Атаман и правительство решили заблаговременно перейти в район гор. Майкопа — станицы Белореченской, перенести туда необходимые краевые учреждения, стянуть в тот район мобилизованных казаков и оттуда, произведя нужную перегруппировку и подготовку казачьих вооруженных сил, повести даль-

нейшую борьбу. Ближайший выход к морю намечался по Армавир – Туапсинской дороге.

Чтобы осуществить такой план на глазах наступающего противника, необходимо было иметь самостоятельно действующее авторитетное, единодушное и решительное Кубанское правительство, беспрекословно подчиняющуюся ему Кубанскую армию и твердое желание казаков и горцев продолжать борьбу. Этих данных налицо не было. Поэтому хорошо задуманный план осуществить не удалось...

Как видно, Донское правительство в то время не имело своего, сколько – нибудь ясного плана на будущее. Председатель правительства Н. М. Мельников был в то же время и председателем Южно – Русского правительства, назначенного Деникиным. Донской Атаман ген. Богаевский делал то, что хотел Деникин. И Донской Атаман, и Донское правительство не собирались разрывать с Деникиным, план Деникина был и их планом.

Деникин направлялся в Крым. «Если не подымется дух казачий и не удержится армия — тогда дальнейший отход войск, не желающих драться, по мятущемуся Кубанскому Краю, имея впереди Кавказский хребет и враждебное Закавказье, вели к гибели. Необходимо было оторваться от врага, поставить между ним и собою непреодолимую преграду, и «отсидеться» в более или менее обеспеченном районе. Первое время, по крайней мере, пока не сойдут маразм и уныние с людей, потрясенных роковыми событиями. Таким пристанищем был последний клочек русской земли, остающийся в наших руках — Крым. О таком предположении на случай неудачи знали Добровольцы, и такая перспектива не только не пугала их, но, наоборот, казалась естественным и желательным выходом».

«Об этом знало и донское командование, но страшилось ставить определенно этот вопрос перед массой. Пойдут ли? И не вызовет ли отрыв от родной почвы и потеря надежды на скорое возвращение к своим пепелищам — полного упадка настроения и немедленного катастрофического падения фронта. И десятки тысяч во

оруженных людей шли вслепую, шли покорно, куда их вели... А вперемежку между войсками шел народ — бездольный, бесприютный, огромными толпами, пешком, верхом и на повозках, с детьми, худобой и сапсенным скарбом. Шел неведомо куда и зачем, обреченный на разор и тяжкие скитания». (Деникин. Очерки рус. смуты, т. У-й, стр. 319).

Между тем неизвестность плана дальнейшей борьбы убивала бодрость в казаках, подрывала их дух и вообще делала бесцельным дальнейшее пребывание их в армии, бессмысленным дальнейшее отступление.

Для документальной характеристики состояния Донской армии и обстановки, в которой проходила тогда борьба, приведем ниже разговор по прямому проводу командующего Донской армией ген. Сидорина с командиром 3-го Донского корпуса ген. Гусельщиковым, 26 февраля 1920 г.:

У аппарата Комкор ген. **Гусельщиков.**

У аппарата **Командарм:** Здравствуйте, Андриан Константинович! Мне страшно хотелось видеть вас... к сожалению, штаба не было там, где он должен был находиться по приказу, как, например, вчера напрасно я спускался в Ирклиевской. Из всего происходящего на фронте вашем, 1-го Корпуса и из того, что я сам наблюдал в Конной группе, **вижу, что старшие начальники неправильно оценивают общую обстановку и поддались некоторому колебанию духа, которое быстро распространяется и в войсках.** Донесение на мое имя ген. Коновалова и его деятельность на фронте еще более убеждает меня в этом. Видя вас всегда начальником с исключительно твердым и бодрым духом, я и хотел поделиться с вами **нашими будущими планами,** оценивая обстановку во всей ее совокупности, и выслушать по этому поводу ваше мнение. Сущность следующая:

Части армии с началом отхода с реки Дона по инерции продолжают отступать, не оказывая никакого сопротивления противнику, в лучшем случае расчитывая задержаться на (реке) Кубани, в большинстве предполагая совершить дальнейший отход, не представляя себе ни ясную картину его, ни ставя себе никаких других

целей, кроме самосохранения себя и тех воинских чи-
нов, которые ни при каких условиях не могли бы оста-
ваться в районах, занятых большевиками. Таким обра-
зом, как будто отпадает совершенно идея, во имя кото-
рой Казачество борется вот уже два года, как будто бы
утеряна всякая вера в возможность продолжать эту бор
бу, в результате — у большинства командного состава
опустились руки и, как обычное следствие, начинается
развал армии, который необходимо во что бы то ни ста
ло немедленно прекратить.

Обстановка же далеко не так печальна, — продол-
жал ген. Сидорин, — как она рисуется большинству
Большого превосходства сил красных перед фронтом
армии мы не имеем. Все попытки красного командова
ния сосредоточить с других фронтов армии против на
ни к чему не привели. Силы их против нас, по совер-
шенно точному подсчету, полученному документальнс
из штаба Кавказского фронта противника, не превыша
ют к 1-му марта нового стиля (к 16 февраля старог
стиля, т. е. за 10 дней до этого разговора) 50-ти тысяч
человек, т. е. сравнительно с теми же данными об ар
мии, действовавшей против нас в начале декабря, не-
смотря на несколько подвезенных дивизий, численный
состав не увеличился, а уменьшился на 30 - 35 тысяч
человек. В дальнейшем, я глубоко убежден, с началом
полевых работ эта численность будет падать еще болес
сильно. И если бы мы в состоянии были вернуть всех
наших дезертиров, которые во время отхода покинули
строй, могли бы довести свою армию до тех же цифр
Самое ужасное для нас несчастье я вижу в упадке ду-
ха командного состава, с которым нужно бороться са-
мым решительным образом.

Я глубоко убежден, — говорил далее ген. Сидорин,
— что сейчас и мы и советская власть переживаем тя
желый кризис и если мы не погубим воли к борьбе —
мы выйдем победителями.

Имейте в виду, что сейчас из всех радиограмм вид
на та напряженная борьба, которую приходится вести
советской власти с крестьянами. Весь район Екатерино-
славской, Херсонской губерний и часть Таганрогского

округа в руках Махно. Весной это движение охватит всю Украину, на это имеются совершенно определенные данные, которые больше всего сейчас тревожат народных комиссаров. ...

Таким образом, наши задачи борьбы во что бы то ни стало — прежние. Вопрос лишь в том, как ее вести ... и как поднять (Кубань).

Отход за Кубань с целью там организовать армию представляет серьезную опасность. Район на левом берегу ее от устья до Усть - Лабинской слабо заселен, до крайности беден хлебом и фуражем, большевистски настроен, местность низменная, болотистая, с трудно проходимыми дорогами, с полным отсутствием связи между отдельными пунктами. Район гор и путь к побережью Черного моря еще более беден. Таким образом при быстром отходе мы принуждены будем жить исключительно на скудные местные средства, так как подвозить будет неоткуда, и я опасаюсь, если мы не удержим тот богатейший кусочек Ейского и Таманского отделов, которыми сейчас владеем, армия будет поставлена в чрезвычайно тяжелые условия, начнет таять и окончательно рассеется.

Беспокоит меня и другой вопрос — это дальнейший отход от (реки) Кубани, если бы это было вызвано боевой обстановкой. Как я уже вам сказал, ни побережье Черного моря, ни путь через горы в направлении на Туапсе, Джубгу и Новороссийск не имеют абсолютно ни хлеба, ни фуража, ни мяса.

Если бы пришлось продолжить отход и даже в направлении на Грузию, то положение нисколько бы не улучшилось, так как последняя сама переживает голод.

Таким образом, без подготовки эта операция будет до крайности тяжела: ... отход назад лишает всякой возможности произвести эту подготовку, лишая нас последних остатков хлебного района. Начавшуюся подготовку приходится бросать, все соображения нарушаются. Между тем предположение было и работы в этом направлении велись — иметь транспорты со всеми видами довольствия, которые должны были бы сопровождать армию вдоль Черного моря, если бы ей пришлось

отходить, а также началось сосредоточение запасов и по дорогам к Черному морю на Туапсе, по которому имелось в виду направлять часть армии. Все эти соображения заставляют меня сдерживать отход, предпринять перегруппировку, устраивая части с целью в ближайшие же дни перейти в наступление.

Я вполне понимаю состояние частей, — говорил ген. Сидорин, — те затруднения, которые встречают на своем пути начальствующие лица, но их нужно во что бы то ни стало побороть, а, главное, перевернуть моральное состояние войск. С своей стороны, я принимаю все меры к задержанию всех дезертиров по линии реки Кубани, к чистке и упорядочению обозов. На это все необходимо обратить внимание и командиров корпусов. Также необходимо принять срочные меры к тому, чтобы прекратить бросание оружия казаками, оставление пулеметов и пушек без достаточных к тому оснований. С этим нужно бороться беспощадно, ибо всякий хлам вывозится, а необходимое для боя бросается.

Вот те главные вопросы, о которых я хочу слышать ваше мнение.

Ген. Гусельщиков: — Здравия желаю, ваше превосходительство! Буду говорить по порядку. Мы совершили отход при самых неблагоприятных условиях, и, если что побросали, то в силу необходимости, так как никаких ни сил, ни средств не представлялось вывезти. Вот, например, отход от Кисляковской до Ирклиевской в два перехода 70 верст, по пояс в грязи волокли все. думали, что идем в резерв. Это вышел не отдых, а мука.

Мой корпус (3-й Донской) всегда уходил последним с поля наступления, у всех моих подчиненных — начальников и нижних чинов — вера еще есть, что где-то остановим напор, найдем точку опоры и пойдем вперед.

Правда, многие начальники, как генералы Коновалов, Стариков, Безмолитвенов спрашивали меня об обстановке и точную нашу цель, те-есть план, в случае нажима противника: куда же дальше идти — к Новороссийску или прямо на юг? В Новороссийск идти — это значит, быть потопленным в море или, скорее всего,

если портивник возьмет в кольцо, то наши же войска нас перевешают и этим они откупятся у советской власти. Видел сегодня ген. Коновалова и слышал его требование: куда и как направляться? Я ему определенно сказал. Прежде чем идти куда - либо, мы должны считаться с политическим взглядом, у нас есть начальство, которое и должно нами руководить. Отвечать за последствия будет оно, а не мы. Мое личное мнение, что ген. Коновалов делал развал в группе ген. Павлова. Мне кажется, его бы следовало назначить вместо ген. Павлова, так как там масса разных толков идет, и этим все сгладить.

Теперь скажу еще: духа кое - как мы наберемся, дадим бой 1-2-3 раза и ряды наши еще более поредеют, пополнения нет систематического, но не нужно забывать, что у противника есть резервы и теперь, окрыленные победами, они будут биться, как звери, пока им не побьем морду.

Как Кубанские войска? Все зависит от Кубани. Если бы они пошли, все было бы хорошо. Сколько я ни прохожу по станицам — Кубанцы остаются дома, ничего не дают и говорят, что воевать не хотят.

Вот и все, что мог сказать. Какие силы Конной группы и почему она отступает, вся надежда на нее, а мы потом не отстанем... Люди, хотя отступают, но с песнями, а, если духу наберемся, то 1-2 боя и орудия будут. Со всеми взглядами вашими я согласен вполне. Только с одним не согласен — почему противник напрягает последние силы? Наоборот, мне кажется, он теперь отдыхает. Больше ничего.

Ген .Сидорин: — Спасибо, Андриан Константинович, за вашу поддержку! Спасибо вам за порядок! Вы совершенно верно заметили, что большой развал в Конной группе внес ген. Коновалов, который не раз уже мне предлагал проект использовать эту группу для самосохранения, бросивши всю остальную армию на произвол судьбы. Явившись туда, он всем внушил (мысль) о том, что их напрасно губят, что нужно быстрее отходить на Майкоп, а оттуда далее по обстановке. Вы понимаете, что с такими планами, я, как командарм, для

которого все корпуса одинаковы, конечно, согласиться не мог. Однако, зло, посеянное им, сделало свое дело, окончательно подорвав дух всех старших начальников Конной группы и посеяло в них раздор и разлад. Для прекращения этого развала на месте мною были приняты следующие меры: 1) ген. **Павлова** отозвал к себе, 2) временное командование Конной группой поручил **Секретеву**, 3) **Коновалова** и **Калинина** отозвал в Штарм, давая делу законный ход. Предполагаю через два – три дня самому прибыть в Конную группу и находиться там до тех пор, пока не приведу ее в порядок.

Вот главная причина, почему 10-12 тысяч шашек начали отходить под натиском одной бригады.

Кто касается Кубанцев, — могу сказать следующее. Лабинский и Баталпашинский отделы дружно поднялись, усилив группу ген. Бабиева, сегодня атакуют Ставрополь и, вероятно, его возьмут. Кавказский отдел начинает шевелиться. Екатеринодарский — очень слабо реагирует. Ейский отдел, в той части, в которой проходили вы и Конная группа — настроен скверно и не дает ничего. Та часть, по которой прошел Добровольческий корпус, дала им около 1-2 тысяч казаков. Вчера один из этих полков сделал лихой налет на Ново – Минскую, захватив 400 пленных и много пулеметов. Таманский отдел — хуже всех, наиболее большевистский, но и тот дал два полка, которые вчера прошли через Штарм (Тимошовку). **В общем можно сказать, что в течении последних дней в настроении Кубанцев перелом произошел и Кубанская армия увеличивается, но движение носит неорганизованный характер**, благодаря полной бездеятельности и инертности Кубанского правительства и вредной деятельности Рады (ген. Сидорин вообще ненавидел Раду. Ред.). Все же я думаю, что в течение марта Кубанцы поздоровеют окончательно.

Что касается моего заключения о том, что красная армия напрягает свои последние силы, я имею в виду не только ту армию, которая перед нами и которая, как вы верно заметили, упоенная победами, сейчас не напрягает сил, а общую совокупность всех усилий советской власти. И для меня ясно, что если бы ей удалось

даже справиться с нами и даже отбросить нас за Кавказский хребет, она не справится с массою внутренних затруднений, с полным нежеланием населения продолжать гражданскую войну, и с той яркой и сильной враждебностью, которую всюду проявляет крестьянское население к советской власти. Я даже думаю, что она и без наших усилий падет в текущем году. Вот и все. Есть ли еще вопросы?

Ген. Гусельщиков. — А где сейчас ген. Шкуро и что он делает? **Как наши союзники и что они думают, и как дела поляков, не лучше ли заключить с поляками какие либо условия, чтобы пойти на эту рвань?**

Ген. Сидорин. — Ген. Шкуро в Екатеринодаре, предполагает поднимать все население Баталпашинского, Кавказского отделов. В командование Кубанской армией вступил ген. Улагай. Союзники попрежнему продолжают оказывать материальную помощь и гарантируют ее при всяких условиях. Насчет живой силы попрежнему уклоняются, кроме двух батальонов и десанта для обеспечения Новороссийска и все свои военные суда, если бы нам пришлось отходить на Туапсе, то нам гарантирована поддержка английского флота. В настоящий момент они широко организуют вывоз больных и раненых, а также семей, при чем отношение их к этому вопросу очень честное и больных и раненых обеспечивают во всех отношениях хорошо. Пока семьи размещают: 1-й эшелон на Принцевы острова, а последующие — на Кипре и Мальте.

Главным командованием приняты меры к тому, чтобы до некоторой степени обеспечить семьи, помимо квартир и полного содержания, которое приняли на себя англичане, даже и деньгами.

Относительно Польши могу сказать, что с ней отношения вполне дружеские, и сейчас она ведет очень серьезное наступление против большевиков, тесня их по всему фронту. **Те силы, которые предназначены против нас, бросаются на Польшу.**

Ген. Гусельщиков. — Больше ничего. Благодарю!

Ген. Сидорин. — Пока желаю всего хорошего! После завтра будет исправлен аппарат, на котором летаю.

Хотелось взять Новочеркасск, но не дал Бог. Если помните наш разговор в вагоне. Бог даст, в этом отношении наступит перелом — все надежды начнут сбываться. После завтра исправят аппарат... и я буду у вас. Пока от всего сердца желаю вам успеха и здоровья!

Ген. Гусельщиков. — Счастливо оставаться, ваше превосходительство!

***

Военный корреспондент Раковский в конце февраля посетил Донскую армию, и вот что он там слышал от начальствующих лиц:

Начальник дивизии **полк. Демидов** на вопрос о настроении войсковых частей ответил: «Тяжело сейчас нам приходится. **Среди офицеров идет брожение. У большинства офицеров потеряна вера в победу, вера в себя, в командование. Рядовые казаки настроены лучше. Мы совершенно не знаем, что думают там, в Екатеринодаре, а это мы должны знать.**

Правда, казаки пойдут за нами, они говорят: **хоть в Персию, хоть в Турцию, хоть в Индию — куда угодно пойдем, но не останемся с большевиками.**

— Но, мы - же должны знать, — волновался Демидов, — до каких пор и куда мы будем отходить? Да. тяжелые настали дни. Особенно сильно подействовал на на нас отход по невылазной грязи. Ведь мы оставили в этой грязи всю нашу артиллерию, обозы, зарядные ящики, пулеметы. Очень много казаков — без винтовок».

Ген. Стариков заявил: ... «**Казаки не знают обстановки. Они не представляют себе, куда мы отходим, что будет дальше. Создается такое положение, что я боюсь бунта.** Что там думают в Екатеринодаре? Почему забыли о нас? **Какой план там выработан на случай отхода армии и ее дальнейшей судьбы? Все мы, а в особенности те, кому всегда верили казаки, находимся сейчас в трагическом положении.Каждый час, буквально, ждешь, что ребром тебе поставят вопрос: куда мы идем и что будет дальше? — Что я им отвечу?».**

На вопрос Раковского — что-же, по вашему, нужно делать? — ген. Стариков ответил: «Думаю, что сейчас лучше было бы отойти за Кубань и там отдохнуть, оп-

равиться. Нам нужно сохранить во что бы то ни стало армию. Сейчас это сделать можно. Масса казачья не желает оставаться с большевиками и идет за нами. Мы ведь драться сейчас не способны. Да и чем будем драться, когда в моей группе всего – навсего одна пушка и нет пулеметов»... (Раковский. В стане белых, стр. 136 – 138)...

Этот больной, волновавший всех казаков, вопрос о плане дальнейших действий, наконец, 26 февраля, был поставлен на обсуждение в штабе Донской армии в ст. Тимошовской. Генерал – квартирмейстер Донской армии полк. Кислов сделал обширный и продуманный доклад командарму ген. Сидорину. В этом докладе генкварм указал на ненормальность отношений в самом штабе Донармии, где генкварма не посвящают в планы дальнейших действий армии. Далее, говоря о настоящем положении, полк. Кислов отметил между прочим следующее:

1) Донцы и после отхода с родной территории готовы продолжать борьбу,

2) необходимо устранить шатания среди Кубанцев,

3) необходимо об'единение всего Казачества для борьбы с красными,

4) между Кубанцами и Добровольцами происходят нелады,

5) план Добровольцев состоит в отходе на Новороссийск,

6) этот добровольческий план неприемлем для казаков, так как уход в Крым, — во-первых, означал бы удаление от порта Родины, во-вторых, в виду недостаточности перевозочных средств, не удастся перевезти всю Донскую армию, возможна потеря лошадей и материальной части,

7) казаки говорят о возможности отступления в Грузию и даже в Персию, но не в Крым, «куда стремятся только офицеры»,

8) произошло ослабление сил Добровольцев и началось открытое брожение в Крыму на почве недовольства Главком (Деникиным) и благоденствием тыла.. вольства Главкомом (Деникиным) и благоденствием тыла...

Полк. Кислов пришел к следующим выводам: 1) необходимо ясно и определенно выяснить намерения Добровольцев и, **если планы их и казачества окажутся различными, то, не разрывая с ними связи, двигаться дальше разными путями, 2) путь казачества — об'единение с Кубанцами** (одно командованіе), **3) об'явление во всеуслышание, что хочет делать казачество — это успокоит массы,** 4) подготовка на всякий случай отхода через Грузию и посылка делегатов туда, 5) посылка офицера генерального штаба в Западную Европу для выяснения идеалов борьбы Казачества (издание популярной брошюры), 6) штабы — ближе к войскам, 7) район сосредоточения армии — Майкопский отдел...

Можно признать, что полк. Кислов, в общем, правильно оценил ситуацию и сделал правильные выводы, что касается вопроса о плане дальнейших действий Донцов, в частности, и Казачества вообще.

На том же совещании начальник штаба Донской армии ген. Кельчевский (не-казак) сообщил, что Донская армия будет отходить на юг с базированием **на Новороссийск,** откуда предположена и экспедиция по побережью Черного моря. Другая линия базирования — **Армавир** — Туапсе, куда организуется Кубанская экспедиция. Дальнейшие предположения главного командования — по выходе на побережье — перевозка транспортами в Крым.

Разумный казачий план отхода за Кубань в район Майкопа — отпал, Донское командование взялось проводить в жизнь план Деникина. Офицеры и казаки и далее пребывали в тяжелом неведении, убивавшем всякую веру в целесообразность дальнейших жертв...

***

В это время на фронте Кубанской армии происходили следующие события:

1) Ставропольское направление. 25 февраля части 4-го Кубанского корпуса ген. Писарева перешли в наступление с целью захватить гор. Ставрополь, части ген. Бабиева заняли ст. Темнолесскую, х. Пашкурин и станцию Недреманную, противник отошел к Татарке. Части ген. Султан - Келеч - Гирея заняли ст. Новомарьев-

скую, но затем под давлением противника отошли южнее линии Новомарьевской. Бой продолжался...

2) **В районе ст. Кавказской** действовал 2-й Кубанский корпус в составе 2-й и 4-й конных дивизий. С утра 25 февраля противник тремя полками конницы и шестью полками пехоты повел наступление со стороны ст. Дмитриевской на хут. Лосевский, выбил из этого хутора 2-ю Куб. дивизию и, переправившись через р. Челбасы, направился было на хут. Романовский (станция Кавказская). Контр - атакой Кубанцев красные были отброшены за р. Челбассы. В ночь под 26 февраля 2-й Куб. корпус оставил станицу Кавказскую и сосредоточился в район хутора Романовского — станция Кавказская, оставив сторожевые сотни на р. Челбассах. Все же 26-го февраля красные заняли станцию Кавказскую и станицу Архангельскую, что лежит между Тихорецкой и Кавказской (схема 8).

3) **Район Тихорецкой,** как мы знаем, защищал наново собранный 1-й Кубанский корпус ген. Шифнер - Маркевича. В распоряжении командира этого корпуса тогда находилось три Кубанских конных полка из Сводного корпуса ген. Топоркова и, сверх того, 10-я Донская конная дивизия. 25 февраля 50-я и 20-я сов. стрелковые дивизии заняли станицу Тихорецкую, выбив оттуда 10-ю Донскую дивизию. Юго - восточнее станции Тихорецкой действовали 34, 32 и 39 советские дивизии (схема 8).

Об обстоятельствах, при которых 1-й Куб. корпус принужден был 26 февраля оставить Тихорецкую, оперативная сводка говорит следующее: «В виду невыгоды боя в станице Тихорецкой (лежит в 7-ми верстах на северо - восток от станции Тихорецкой) 10 Донская дивизия была выведена (из станицы) в сторону станции с целью разбить красных по выходе из станицы. Станица Тихорецкая занята дивизией пехоты и бригадой конницы (сначала там были части только 50-й стр. сов. див., но в тот же день из Незамаевской туда прибыла походным порядком и 20-я стр. сов. дивизия, примеч. Ред.). В 9 часов красные пытались наступать на станцию из района Николаевской, но были отброшены при содей-

ствии бронепоездов. К вечеру обнаружился обход станицы Новорождественской конницей красных силою до 11-ти полков. Кроме того станция Малороссийская (около станицы Архангельской) в это время уже была занята противником. В виду создавшейся обстановки, части 1-го Кубанского корпуса отводятся на линию станиц Новомалороссийская — Новодонецкая» (схема 8).

***

Обратимся теперь снова к действиям Донской армии. 26-го февраля ее командующий отдал следующую директиву:

«Красные, пользуясь нашей пассивностью, стремятся обойти наш правый фланг и сосредоточивают против Кубанской армии значительные силы. Сегодня, 26 февраля, красные заняли Кавказскую и ст. Архангельскую и вели наступление на Тихорецкую пехотой со стороны Порошинская и 3-мя конными дивизиями со стороны Старолеушковской на Ирклиевскую и из Новолеушковской на Новорождественскую. На остальном фронте нашей армии красные ведут наступление небольшими силами, стремясь произвести прорыв между Донцами и Добровольцами, при чем 25 февраля им удалось занять Челбасскую.

Приказываю:

1) Ген. Секретеву, сосредоточив в кулак всю Конную группу, включая и 10-ю дивизию, с рассветом 28 февраля перейти в наступление, разбить конницу и отбросить ее на восток.

2) Ген. Шифнер – Маркевичу, передав 10 Конную дивизию в распоряжение ген. Секретева и согласуя свои действия с Конной группой, перейти с рассветом 28 февраля в наступление и овладеть Тихорецким узлом.

3) 3-му Корпусу, подчинив себе все части 1-го корпуса, активно оборонять фронт от ст. Березанской до ст. Батуринской исключительно.

4) Доброрпусу — активно оборонять фронт от ст. Батуринской до Бейсугского лимана.

5) Штарму — перейти в Екатеринодар, о времени перехода будет указано дополнительно.

6) О получении донести.

26 февраля 1920 г. Нр. —

Ген. Сидорин».

Однако, положение на фронте менялось быстро и не в пользу казаков. Поэтому 27 февраля ген. Сидорин приказал готовить для армии переправы через р. Кубань: у ст. Старо - Корсунской — не менее двух мостов, на Екатеринодарском направлении — не менее трех мостов и на Марьевском — один. «Существующие мосты привести в полную исправность, а предназначенные к постройке закончить — на первых двух участках к 3 марта, а на третьем — к 5 марта, говорилось в приказе.

С своей сторны, ген. Деникин 26 февраля приказал при отступлении на Новороссийск гнать скот и забирать хлеб, а 27 февраля он же отдал краткую директиву об удержании рубежа р. Бейсуг.

Большевистское командование, очевидно, знало о намерении Кубанского Атамана и правительства отойти с Кубанскими частями в район гор. Майкопа — станица Белореченская. (Ведь куб. военный министр ген. Болховитинов был агентом большевиков!). Советское командование также знало и о том, что Деникин с Добровольческим корпусом спешат через Новороссийск в Крым. Поэтому советские армии были направлены таким образом, чтобы:

1) отрезать Добровольческий корпус от Донской армии по линии ст. Марьянская — ст. Афипская, перерезав у Афипской и Крымской пути отступления на Новороссийск,

2) поскорее захватить богатый хлебом район станиц Гиагинской и Белореченской за р. Кубанью и этим самым, во-первых, отрезать 2-й и 4-й Кубанские корпуса от остальных сил Кубанской армии и, во-вторых, не допустить сосредоточения Кубанцев в районе гор. Майкопа,

3) в кратчайший срок захватить Владикавказскую

железную дорогу, чтобы окончательно перерезать пути сообщения между Кубанью и Тереком.

27-го февраля командующий советским фронтом Тухачевский отдал следующую директиву ном. 692:

Противник отступает по всему фронту, проявляя активность в районе Кавказская — Ставрополь (район действий 2-го и 4-го Кубанских корпусов. Примеч. Ред.). Армиям фронта приказываю продолжать решительное наступление, заняв на левом фланге исходное положение для Грозненской операции, для чего:

1) 8-й армии, нанося главный удар в Новороссийском направлении, 6-го марта снять ст. Славянскую — ст. Троицкую, передовыми частями захватить ст. Крымская;

2) 9-й армии 6 марта овладеть районом ст. Марьянская — ст. Афипская;

3) 10-й армии, заняв правофланговыми частями 5 марта район Екатеринодара, левофланговой группой, силой не менее четырех дивизий, к тому же сроку овладеть районом ст. Петропавловская — ст. Курганная;

4) Конной армии, достигнув рубежа Батуринская — Березанская и оказав содействие 10-й армии, двинуться в район Усть - Лабинская — Ладожская, форсировав Кубань, и 6-го марта овладеть районом ст. Белореченская — ст. Гиагинская;

5) 11-й армии в ближайшие дни овладеть Владикавказской железной дорогой в районе Армавир — Незлобная».

1 марта командующий большевистским фронтом, прибыв на ст. Тихорецкую, отдал новую директиву красным армиям: «В виду быстрого просыхания грунтовых дорог, сроки, назначенные для достижения указанных в директиве Нр 692 (от 27 февраля), сократить на два дня».

Ободренные легкими успехами, советские армии охотно выполняли приказания своих начальников.

28-го февраля Донцы проиграли бой за переправу через р. Бейсуг у станицы Березанской и отступали далее на юг. «Огибая станицу и из станицы, огромными сплошными массами проходили какие - то части... Всад-

ники были в большинстве случаев без винтовок, на неоседланных лошадях и ехали, не соблюдая никакого строя», — рассказывает один из очевидцев этого отступления. «Эти тысячные массы состояли из обозных, бросивших застрявшие в грязи телеги. Это были казаки, отбившиеся от частей и бросившие винтовки. Это были больные и раненные, не желавшие эвакуироваться и лечиться в обозах. Теперь, когда обозы были оставлены, они отступали с частями верхом на лошадях. Их было много тысяч. Эта лавина беспорядочно рысивших всадников направлялась на юг, к станице Кореновской. Сухая, убитая дорога позволяла ехать широким фронтом, захватывая поле. Точно море заливало Кубанскую степь: то все еще огромные остатки обозов, опасаясь обхода, десятками телег в ряд, рипулись на юг. И, куда не посмотришь, всюду лошади, лошади, лошади... То конный Дон хлынул на Кубань. Не видно было ни одного пешего человека»...

«Стоя на бугре, за станицей, в ожидании распоряжений, мы наблюдали за вечерним боем. На возвышенной северной окраине станицы видны были казачьи лавы. Они маневрировали и быстро перемещались с места на место. Загорелась огромная скирда соломы и огненные искры широким веером рассыпались во все стороны. От времени до времени возле станицы раздавались пушечные выстрелы.

«Темнело. Уже смолкла ружейная перестрелка... Грандиозная картина великого отступления армии с каждой минутой принимала все более и более трагический характер. Там, верстах в двух впереди, арьергадные цепи сдерживали наседавшего врага. Здесь, позади, беспорядочной ордой, торопливо отходили многотысячные конные массы... Тарахтели телеги, ожесточенно ругались обозные; где - то отчаянно пиликала гармоника; быстро с грохотом промчалась какая-то батарея. Широким неудержимым потоком лилась конная масса на юг.

«Теперь уже в сравнительном порядке ехали строевые части: корпуса, дивизии, бригады и полки. Темная конная лавина катилась к югу. Куда идут — точно ни-

кто не знает. Но каждый из этих десятков тысяч людей уходил на юг, не желая, не допуская мысли о сдаче большевикам. Каждый, казалось чувствовал, что это — конец, что этим отходом заканчивается целый исторический этап. Дальше должно начаться что то новое, а что именно, — об этом в головах наиболее интеллигентных бойцов носились лишь смутные, неопределенные и, в сущности, бессодержательные представления. Все эти тысячные массы, бросавшие винтовки, оставлявшие врагу орудия и пулеметы, — не хотели сдаваться на милость победителей и приобрести тем самым право обратного возвращения на родину. Они отходили, сами не зная куда. Они на что то надеялись, во что то верили...

«Позади пылает зарево. Темно. Снова подул холодный, пронизывающий ветер. Тесно придерживаясь друг друга, мы старались пробиться поскорее через это конное море. Не одни мы — все торопились на ночлег. Каждый день теперь приходилось отступать с быстротой двадцати - тридцати верст в сутки и все мечтали об отдыхе, как о чем то несбыточном.

«Поздно вечером войска стали стягиваться в станицу Кореновскую, где расположились на ночевку почти три Конных корпуса. Здесь, в Кореновской, была сосредоточена главная отборная масса Донской конницы, — то, что сохранило свою беспособнсть в течение всего отступления» (Раковский. В стане белых, стр. 140 — 143).

Командующий Донской армией 29 февраля вылетел на аэроплане из Екатеринодара в станицу Кореновскую, в районе которой собиралась Донская конница и Кубанский корпус ген. Топоркова. 1-го марта в этой станице ген. Сидорин устроил смотр войскам, стараясь их всячески ободрить. К собранным отдельно офицерам и урядникам командующий Донской армией говорил:

... «Сил у нас сейчас много, даже больше, чем следует. В прошлом году, например, в Донской армии на всем фронте (в феврале 1919 г.) было двадцать тысяч штыков и шашек. Против нас стояла армия большевиков общей численностью в сто пятнадцать тысяч. Весною прошлого года мы этих большевиков разбили. Сей-

час в Донской армии вместе с входящим в ее состав Добровольческим корпусом — сорок семь тысяч штыков и шашек. У противника тысяч шестьдесят с небольшим.

В чем же дело? — задает вопрос Сидорин и отвечает на него:

«Потеряли дух! Сами вы видели, что масса конницы в десять - двенадцать тысяч отходила в последнее время перед одной - двумя бригадами большевиков. Только этим об'ясняется наше отступление. Я убежден, что мы, несомненно, разобьем большевиков. Почему? Потому, что, нет сомнений, что мы, — казаки, выше их, лучше их, храбрее их. Так в чем же дело? Духа нет! Нужно его набраться! Почему нам нужно во что бы то ни стало разбить большевиков? Вы видели отдельные обозы беженцев. Я видел их всех в совокупности. Буквально **весь Дон ушел с нами.** Что творится в этих обозах, вы, находящиеся здесь на фронте, не знаете. **Все наши дети, наши семьи, наши отцы — за нашими плечами! Если мы их предадим — это будет страшное предательство!** Мы не можем этого допустить! Не можем дать в обиду тех, которые ушли вместе с нами, не можем дать погибнуть Войску Донскому, ибо пощады нам большевики не дадут! Что же делать? Не нужно отступать без боя и давать большевикам возможность гнать нас меньшими силами! Драться нужно, драться будем, драться решительно!..

Мы — не одни. Вспомните, что в прошлом году мы переживали ту же болезнь, которую теперь переживают Кубанцы. В начале, после тяжелых боев на фронте, они разошлись по домам на основании официального разрешения идти в станицы и пополниться, переформироваться... Но, вы сами знаете, что когда Кубанцы пришли в станицы, то ослабели духом. А в результате в Кубанских станицах, занятых красными, начинаются восстания, жестоко подавляемые. **Казачья душа не может примириться с большевистскими порядками и казаки путем кровавых жертв будут искупать свою вину!».**

Указывая, что, в случае отхода за Кубань, потребуется много жертв для обратного форсирования реки,

командующий армией снова и снова убеждал казаков дать отпор врагу перед р. Кубанью, убеждал офицеров и урядников перелить веру в себя, в свои силы, веру в победу в сердца рядовых казаков (там же, 147-148)

Несмотря на все эти раз'яснения и призывы, на следующий день (2 марта) казаки проиграли бой под ст. Кореновской и у станицы Пластуновской. Едва сам ген. Сидорин не попал в плен...

Упадок духа был полный. Дорога на Екатеринодар была открыта...

Быстрое продвижение большевистских войск вперед по линии Тихорецкая — Екатеринодар поставило в тяжелое положение Кубанцев, занимавших правый берег р. Кубани в районе станиц Тифлисской — Ладожской — Усть - Лабинской.

После боя 3 марта у ст. Раздольной и хуторов Кирпильского и Ладожского части ген. Гулыги и ген. Шифнер - Маркевича перешли у Усть - Лабинской на левый берег р. Кубани.

Штаб Кубанской армии, спеша выйти на деникинско - новороссийское направление, 3-го марта из Усть-Лабинской перебросился поскорее через Екатеринодар в станицу Георгие - Афипскую (первая станция на линии железной дороги Екатеринодар — Новороссийск).

⁂

Добровольческий корпус через ст. Старонижестебливскую спешил к переправам на р. Кубани. 1-го марта «от имени Командарма — ген. Сидорина — было послано приказание, которым требовалось от Добровольческого корпуса перехода в контр - атаку для восстановления положения» на Тимошовском направлении.

Однако, Добр. корпус не исполнил этого приказа. В то же время «Корниловский запасный полк, стоявший в Екатеринодаре, проявил особую поспешность выступить в Новороссийск; то же сделал и командир артиллерийского дивизиона, стоявшего в ст. Георгие - Афипской», констатировали 1-го марта в штабе Донской армии, находившемся в г. Екатеринодаре.

Для всех стало ясным, что Добровольцы спешат в Новороссийск, исполняя какой-то план, неизвестный ка-

зачьему командованию. Как видно из опубликованных уже за границей материалов, командир Добровольческого корпуса, ген. Кутепов, еще 28 февраля прислал Деникину телеграмму, в которой между прочим **требовал:**

...«3. Сейчас же и, во всяком случае, не позже того времени, когда Добровольческий корпус отойдет в район станции Крымской. подготовить три или четыре транспорта, сосредоточенных в Новороссийске, конвоируемых наличными четырьмя миноносцами и подводными лодками, которые должны прикрыть посадку всего Добровольческого корпуса и офицеров других армий, пожелавших присоединиться к нему. Вместимость транспортов не менее десяти тысяч человек с возможно большим запасом продовольствия и огне - припасов.

5. Все учреждения Ставки и правительственные учреждения должны быть посажены на транспорты одновременно с послдней грузящейся на транспорт частью Добровольческого корпуса и отнюдь не ранее.

6. Теперь же должна быть передана в исключительное ведение Добровольческого корпуса железн. дорога Тимошвская — Новороссийск с узловой станцией Крымская включительно. Никто другой на этой линии распоряжаться не должен.

7. С приходом корпуса в район ст. Крымская вся власть в тылу и на фронте, порядок посадки, все плавучие средства и весь флот должны быть об'единены в руках командира корпуса, от которого исключительно должен зависеть порядок посадки на транспорты и которому должны быть предоставлены диктаторские полномочия в отношении всех лиц и всякого рода военного, казенного и частного имущества и всех средств, находящихся в районе Крымская — Новороссийск.

8. Дальнейшее направление посаженного на транспорты Добровольческого корпуса должно будет определяться политической обстановкой, создавшейся к тому времени и, в случае падения Крыма или отказа от борьбы на его территории, Добровольческий корпус в том или ином виде высаживается в одном из портов или мест, предоставленных союзниками, о чем теперь

же необходимо войти с ними в соглашение, выработав соответствующие и наивыгоднейшие условия интернирования или же поступления корпуса на службу целою частью... (Деникин. Очерк рус. смуты, т. 5-й, стр. 341).

Добровольцы, как видим, спешили захватить исключительно в свои руки распоряжение железной дорогой на Новороссийск, портом этого города, транспортными средствами с исключительной целью спасти себя и своих близких. Добровольцы теперь думали только о том, как бы поскорее добраться до Новороссийска, потому и не исполняли приказов Командующего Донской армией. ген. Сидорина...

***

А на другом конце разорвавшегося на отдельные куски Кубанского фронта происходило следующее: наступление на гор. Ставрополь не увенчалось успехом, поэтому у ст. Барсуковской, лежащей на шоссе Ставрополь — Невинномысская, отряд ген. Бабиева 29-го февраля перешел на левый берег Кубани; Черкесская дивизия ген. Келеч - Гирея, оставив ст. Сенгилеевскую, тоже направилась к переправе через р. Кубань...

В тот же день было получено сообщение от Атамана Баталпашинского отдела о том, что из ст. Баталпашинской в ст. Невинномысскую выступило пополнение в составе 700 казаков.

На одном конце фронта Добровольцы спешили к кораблям, а на другом конце фронта — казаки направлялись на фронтъ.

Глава XVII.

Состояние фронта перед оставлением Екатеринодара. — Хаос гражданских и военных властей в столице Кубани. — Попытка казаков организовать свое государство с единой властью и единой армией. — Постановление Верховного Круга о разрыве с ген. Деникиным. — Что было сделано для проведения в жизнь постановления Верховного Круга с дня 3 марта? — Оставление Екатеринодара.

На северном фронте советские войска вошли в пределы Кубани 20 февраля 1920 г., а 3 марта они приблизились уже к Екатеринодару, всего за 11-12 дней продвинувшись на 180 верст, т. е. в среднем казачий фронт за один день, сначала по невылазной грязи и только к концу февраля по сравнительно просохшим дорогам, отступал верст на 15 - 16. Уже один этот факт очень выразительно говорит о печальном состоянии казачьих сил. Эта, быстро катящаяся на юг, двойная волна казачье - советского фронта захлестнула и затопила начавшую было подниматься противобольшевистскую волну Кубанского казачества.

В конце февраля, как и перед тем, Кубанцы были разбросаны на длинном фронте: 4-й корпус ген. Писарева, в котором особенно выделялся правофланговый отряд ген. Бабиева и Горская дивизия ген. Султан - Келеч - Гирея, группировался в общем на фронте станиц Невиномысская — гор. Армавир; 2-й Куб. корпус ген. Науменко и группа генералов Гулыги и Шифнер - Мар-

кевича занимала участок ст. Ладожская — ст. Усть - Лабинская. При чем между 4-м и 2-м корпусами был прорыв фронта шириною более 60-ти верст. 3-й Куб. корпус ген. Топоркова вместе с Донской конницей отступал вдоль железной дороги Тихорецкая — Екатеринодар.

В самом Екатеринодаре Кубанский Атаман ген. Букретов составил «правительственный отряд», в который входили Кубанское военное училище имени ген. Алексеева, учебный батальон, учебный конный дивизион, учебная батарея, Атаманский конный полк *).

Обстоятельства сложились так, что эти Кубанские вооруженные силы, разбросанные на фронте свыше 250 верст, фактически никто не об'единял и, по существу, ими никто не руководил — ни Кубанский Атаман, ни штаб Кубанской армии... Слишком поздно, неохотно и неумело взялись за организацию Кубанской армии. (Не надо забывать, что один из галвных «винтиков» по организации кубанских вооруженных сил — военный министр, ген. Болховитинов, служил большевикам).

Была еще одна, весьма сильная численно, группа Кубанских казаков — это Пилюковцы, «зеленые», заполнявшие все Закубанье от станицы Ново - Дмитриевской до станицы Крымской и далее на запад. Сколько их там было, никто не знает. Нет сомнения, конечно, что из этих «зеленых» можно было бы составить сильный казачий корпус... Еще недавно — это были блестящие бойцы, под ударами которых дрожали и падали неприступные Турецкие крепости... Еще недавно, во время войны 1914 - 1917 г. г. огромная Россия, собираясь послать под Константинополь самые лучшие войска в качестве дессанта, выбрала для этой цели именно кубанских пластунов (Галицийский прорыв германской ударной группы Макензена, как известно, помешал осуществлению этого плана).

Сбилось Казачество со своей дороги, не сумело сра-

---

*) В правительственный отряд входило и Кубанско-Софийское пехотное училище. **Ред.**

зу поставить правильную конечную цель борьбы и теперь переживало глубокую трагедию...

А сколько казаков было в советских войсках? Сводка Донской армии за 26-е февраля говорит следующее: «Вчера при отходе от станицы Крыловской 1-й Уманский полк (?) в полном составе со знаменем перешел на сторону красных». Отличный, геройский полк перед тем... А сводка Кубанской армии за 28 февраля говорит: «Наступление на Ставрополь окончилось неудачей, в виду измены Хоперцев». В 1919 г. славные, доблестные Хоперцы с боями победно прошли всю южную Украину от Донской земли до р. Днепра, прошли Поднепровье до гор. Черкассы; потом успешно били части ударной советской группы войск ген. Селивачева к северо - востоку от гор. Харькова; потом брали гор. Воронеж (часть III-я «Трагедия Казачества»)... А теперь по их адресу зафиксировано такое страшное слово, как измена.

Нет! Не трусость или предательство были причиною таких печальных явлений, имевших место во всех Казачьих Войсках, а трагические для Казачества **последствия гибельного сотрудничества с «белыми»**. Эти «союзники» так запутали казаков, так их морально вымотали, что некоторые казаки, не найдя казачьей дороги, ради мести «белым» переходили к «зеленым», а иногда, даже и к «красным».

Какая это была бы огромная, страшная для всех недругов Казачества сила, если бы казаки «белые», «зеленые», и «красные» шли вместе, выступали дружно, били крепко сжатым кулаком!

Между тем Кубанская и Донская армии отступали. 2-го марта командующий Донской армией ген. Сидорин отдал приказ:

1) 3-му Донскому корпусу «удерживать во что бы то ни стало фронт ст. Дядьковская — ст. Медведовская.

2) Добровольческому корпусу — ст. Медведовская — ст. Поповичевская»...

Но, не задержались войска на указанном им фронте: Донцы безостановочно откатывались к р. Кубани, а Добровольцы спешили в Новороссийск.

В самом г. Екатеринодаре в то время царил полный хаос от множества и разнообразия гражданских и военных властей: здесь были главы государств — ген. Деникин, Кубанский Атаман ген. Букретов и Донской Атаман ген. Богаевский; тут же находились правительства: Южно - Русское, Донское и Кубанское; там собрались: а) главнокомандующий, который, по существу, уже никем не командовал, б) командующий Донской армией, в подчинении коего формально еще пребывал и Добровольческий корпус, в) вблизи Екатеринодара находился командующий Кубанской армией ген. Улагай...

Абсурдность такого множества властей на малой территории была очевидной. В те трагические дни всем стало ясно, что **нет налицо настоящей казачьей сильной власти, которая** руководила бы борьбой против советских армий, захватывавших остатки Казачьих Земель.

Непроходимая пропасть между Казачеством и русским «белым» движением, которую так долго и так настойчиво засыпали некоторые казачьи руссофильские политики, в минуту надвинувшейся грозной опасности, как-бы вдруг раскрылась перед глазами всех.

Верховный Круг попробовал еще раз найти выход. Искали казака, которому можно было бы поручить верховное руководство всей борьбой за освобождение Казачьих Земель. «Уже и раньше, под влиянием постоянных конфликтов с Деникиным», — рассказывает Раковский, — «политические деятели Кубани зондировали почву в штабе Донской армии: не согласится - ли ген. Сидорин взять на себя тяжелое бремя верховной власти. Но каждый раз Сидорин давал отрицательный ответ. Теперь этот вопрос перед Кубанцами стал во всей своей остроте. **Нужно было действовать быстро, смело и решительно.** А между тем, **среди казаков по прежнему не было лица, которое могло - бы занять пост главнокомандующего»...**

И вот Кубанцы пытаются найти единственный, как казалось им, возможный выход из создавшегося поло-

жения. Когда главнокомандующий (Деникин) неожиданно уехал в Новороссийск, во дворце Кубанского Атамана произошло весьма характерное совещание. На этом совещании указывалось, что обстановка с каждым днем становится все сложнее и сложнее, что в эти критические дни никаких руководящих указаний от главнокомандующего не получается, что, поэтому... **обстановка требует об'единения Донской и Кубанской армий»** (Раковский. В стане белых, стр. 170).

Главным образом, Кубанцы настояли на Верховном Кругу **на полном разрыве с ген. Деникиным.** 3-го марта Верховный Круг принял следующее **постановление:**

«Верховный Круг Дона, Кубани и Терека, обсудив текущий политический момент в связи с событиями на фронте и, принимая во внимание, что борьба с большевизмом велась силами в социально - политическом отношении слишком разнообразными и об'единение их носило вынужденный характер, что последняя попытка высшего представительного органа краев: Дона, Кубани и Терека — Верховного Круга, сгладить обнаруженные дефекты об'единения не дала желательных результатов, а также констатируя тяжелую военную обстановку, сложившуюся на фронте, постановил:

1) считать соглашение с ген. Деникиным в деле организации южно - русской власти не состоявшимся;

2) освободить атаманов и правительства от всех обязательств, связанных с указанным соглашением;

3) из'ять немедленно войска Дона, Кубани и Терека из подчинения ген. Деникину в оперативном отношении;

4) немедленно приступить совместно с атаманами и правительствами к организации обороны наших краев — Дона, Кубани и Терека и прилегающих к ним областей;

5) немедленно приступить к организации союзной власти на основах постановления Верховного Круга от 11-го января»...

Таким образом, после трех бесконечно долгих и невыносимо тяжелых лет упорной и кровавой борьбы перед казачьими политиками открылась, наконец, реальная действительность: **ни с белой, ни с красной Россией Ка-**

зачеству не по пути. Казачество должно было самостоятельно, должно своими головами и руками строить свою собственную государственную жизнь, самостоятельно должно было организовать оборону Казачьих Земель от нападения войск красной России.

Трагедия Казачества заключалась в том, что **Казаки так поздно пришли к этому выводу,** когда уже не только со всех сторон, но и в середине пылал Казачий Дом, когда красные, захватив всю территорию Дона и половину территории Кубани и Терека, стучались уже в двери Екатеринодара и Владикавказа; когда казачий фронт, растянувшись с перерывами от Таманского полуострова до Каспийского моря, был прижат красными войсками к горам Кавказа; когда казачья масса до крайности была измучена физически и духовно...

Если бы в тот момент, когда 1-3 марта 1917 года в России пала монархия, а вместе с нею, и старый, душивший все народы бывшей России, государственный строй, Казачество было приняло для себя ту программу государственного строительства, которая начертана в вышеприведенном постановлении Верховного Круга 3 марта, если бы Казачество со всею серьезностью и энергией взялось за ее осуществление, — не пришлося бы казакам жить потом в большевистской русской неволе, не пришлось бы скитаться по чужим странам...

Ровно три года блуждала и заблуждалась казачья политика. И нужно было понести столько кровавых жертв, нужно было дождаться страшного разорения Казачьих Земель, чтобы, наконец, подойти к тому решению казачьего вопроса, с которого надо было начинать еще в 1917 году.

Что было фактически сделано для проведения в жизнь последнего постановления Верховного Круга?

В тот день, 3 марта, когда Верховный Круг принял это историческое постановление, члены его принуждены были уже выезжать из Екатеринодара, из которого спешно эвакуировались за Кубань правительственные учреждения и войска, в виду приближения советских войск к Екатеринодару вследствие того, что казачьи корпуса не пожелали сражаться на подступах к столице

Кубани. Быстрая эвакуация Екатеринодара, естественно, помешала проведению в жизнь решения Верховного Круга.

Кроме того, члены Верховного Круга направились из Екатеринодара в разных направлениях: подавляющее большинство членов Донской фракции выехало в ст. Георгие - Афипскую, куда выехал штаб Донской армии; остатки Терской фракции выехали туда же. Надо сказать, что значительная часть членов Терской фракции Верховного Круга в то время находилась на Тереке и потому не могла принять участия в заседаниях Круга, происходивших в Екатеринодаре накануне эвакуации. Кубанская фракция, вместе с остальными членами Кубанской Краевой Рады, находившимися тогда в Екатеринодаре, вместе с Кубанским Войсковым Атаманом, Кубанским правительством и частью членов Донской фракции Верховного Круга, выехала в аул Тохтамукай.

Этот раз'езд членов Верховного Круга в разных направлениях навсегда прервал работу этого первого всеказачьего представительного учреждения.

Терский Атаман ген. Вдовенко в это время находился на Тереке, где лично руководил антибольшевистской борьбой Терского казачества.

Донской Атаман ген. Богаевский поспешил издать следующий

«ПРИКАЗ
Всевеликому Войску Донскому.
Нр 79, 3 марта 1920 г.
г. Екатеринодар.

Под давлением превосходных сил противника, давая ему жестокий отпор на каждом шагу, мужественно и в порядке подвигается Донская армия к следующему естественному рубежу — Кубани.

Наступил момент, когда все мы должны до глубины души проникнуться сознанием, что только твердость духа и решимость до конца и во что бы то ни стало отстаивать свою независимость могут сохранить нам право на дальнейшее существования — **спасти Дон.**

Всех призываю к спокойствию и исполнению своего долга не за страх, а за совесть.

Я остаюсь с Донской армией.

Предлагаю правительству Всевеликого Войска Донского, за период моего временного пребывания в армии, приложить все старания и энергию к соблюдению и защите интересов Донских граждан во всех отношениях и, главным образом, в эвакуационном.

Президиум и членов Донского Войскового Круга, эвакуированных в гор. Новороссийск, прошу помочь нашей армии, входя в общение с ее отходящими частями и влияя на них своим разумным и патриотическим словом.

Я твердо верю, что Господь поможет нашей армии и всем нам в дружном и об'единенном стремлении спасти нашу Родину, ее честь и тем обеспечить светлое будущее нашему потомству.

Донской Атаман ген. - лейт. Богаевский».

После этого Донской Атаман выехал в Новороссийск.

Таким образом, обстоятельства сложились так, что фактически некому было осуществлять п. 4 вышеприведенного постановления Верховного Круга с дня 3 марта, как некому было проводить в жизнь и п. 5 этого постановления, говорящий о немедленной организации Союзной Доно - Кубано - Терской власти.

Поэтому это постановление Верховного Круга имело только моральное значение, как показатель того, к каким выводам, в конце концов, пришли казачьи политики после стольких лет тяжелой борьбы.

Скрывшись в Новороссийске, ген. Деникин протелеграфировал оттуда следующую общую директиву войскам, фактически не подчинявшимся уже ему:

«Командармам Кубанской, Донской, Комкор Добровольческого.

Политическая и стратегическая обстановка требует выигрыша времени и отстаивания поэтому всех занимаемых рубежей. В случае вынужденного отхода за Кубань, линия рек Кубань — Лаба и, в крайности, Белая

являются последним оплотом, за которым легко, возможно и совершенно необходимо оказать упорнейшее сопротивление, могущее совершенно изменить в нашу пользу ход операции. Новороссийск. 3 марта 1920 года. Деникин».

Очевидно, эта директива отдавалась не для того, чтобы ее проводить в жизнь, так как сам Деникин и его окружение готовились оставить Новороссийск. Для облегчения скорейшего от'езда Добровольцев с территории Казаков ген. Деникин приказал Добровольческий корпус вывести из подчинения командующего Донской армией ген. Сидорина. В известной мере этот последний приказ ген. Деникина был ответом на последнее постановление Верховного Круга.

⁂

События на фронте и в тылу не подчинялись ничьим директивам и шли своим чередом далее, как логическое продолжение перед тем сложившейся исторической борьбы сил на Казачьих Землях. Казачьи корпуса безостановочно двигались к переправам через р. Кубань, по пятам преследуемые советскими войсками.

1-го марта командующий красным фронтом Тухачевский вместе с членом революционного военного совета фронта Орджоникидзе и командованием X-й сов. армии посетил 1-ю конную сов. армию, находившуюся на путях к Екатеринодару. «После осмотра частей армии и ознакомления с обстановкой на фронте, Тухачевский предложил командарму X-й Павлову занятие Екатеринодара поручить 20-й дивизии, каковую после этого оставить там в качестве гарнизона; 20-я же дивизия», — рассказывает ее начальник Майстрах, — «отбросив после короткого боя за р. Кубань 2-й Кубанский кавалерийский корпус ген. Науменко, понесшего значительные потери при переправе, занял к исходу 2-го марта ст. Ладожскую и ст. Тифлисскую. Противника перед фронтом 20-й дивизии в сторону Екатеринодара по направлению Ладожская — Васюринская и сколько - нибудь значительных сил не было. Это обстоятельство при крайней

дезорганизации белых, а также расстояние, отделявшее дивизию от Екатеринодара, позволяло ей одной взять Екатеринодар» (Майстрах. Маныч — Егорлыкская — Новороссийск, стр. 153).

«События развивались с необычайной быстротой. Екатеринодар переходил уже в руки военных властей. Город панически эвакуировался, что, как и в других оставляемых вооруженными силами юга России городах, происходило в хаотической обстановке саморазгрома и сопровождалось грандиозным расхищением миллиардных ценностей. Гражданская власть в городе была передана городской думой самочинно возникшему Временному Комитету» (Раковский. В стане белых, 173).

По соглашению между Кубанским и Донским командованием эвакуацию Екатеринодара должны были прикрывать Донские части, приближавшиеся с севера к столице Кубани и проходившие через Екатеринодар к переправам через р. Кубань. Поэтому военная власть в городе перешла в руки командующего Донской армией, приказом которого город был об'явлен на осадном положении и начальником гарнизона был назначен ген. Гандурин.

«Уже несколько дней узкие улицы Екатеринодара были забиты бесконечными, на десятки верст растянувшимися беженскими и военными обозами, одиночными всадниками и частями. Задача командования сводилась к тому, чтобы дать возможность армии и беженцам перебраться по единственному мосту за Кубань. Правда, были сделаны попытки построить деревянный мост, но он был закончен лишь в день сдачи Екатеринодара... Положение Екатеринодара осложнялось еще и тем, что через город и мост должны были переправиться не только Донская армия и части Кубанской армии, но и десятки тысяч беженских обозов, учреждения и лица, эвакуировавшиеся из города. В довершение всего в городе с часу на час ожидали восстания местных большевиков...

«Всю ночь с третьего на четвертое марта по улицам города к мосту катилась непрерывная лавина людей, лошадей и телег. Все в массе и каждый в отдельности

стремились, как можно скорее, перебраться за Кубань, уйти от непосредственного соприкосновения с противником и там передохнуть. Об этом давно уже мечтали, этим жили последние полтора месяца. Лавина отступавших переполнила до крайних пределов все улицы города. То и дело возникали пробки, которые рассасывались с большим трудом. В городе происходило что-то потрясающее, так как из каждой улицы выливался свой собственный поток телег, людей и лошадей. Все это орало, кричало, ругалось, ломалось... приходилось ограничиться регулированием движения по самому мосту. В последнюю ночь и день через мост проходили, главным образом, войсковые обозы, в значительной мере разбавляемые беженцами - калмыками, ехавшими на своих конных и верблюжьих запряжках. Вместе с ними проходили и войсковые части, вырвавшиеся из рук своих начальников.

«Утром, 4-го марта в город стали поступать сведения, что большевики находятся верстах в пятнадцати от Екатеринодара, что они идут без всякого отпора. Между тем утром новый деревянный мост еще не был готов и мог через себя пропускать отступавших часов с двенадцати дня. Настроение у всех было крайне нервное, приподнятое.

«В городе, где сбились тысячи всадников и колоссальные обозы, начиналась уже страшная паника. Все чаще и чаще раздавались выстрелы, скоро перешедшие в ожесточенную ружейную трескотню. Стреляли немногочисленные местные большевики, стреляли, сами не зная куда, отступавшие.

«В довершение всего... винные склады были разграблены некоторыми из наиболее дезорганизованных частей. Не было никаких сил, чтобы предохранить спирт от расхищения, чтобы уничтожить эти грандиозные запасы алкоголя. Быстро расхищались бутылки со спиртом. На улицах и у моста появились пьяные, которые своим диким видом, криками, беспорядочной стрельбой увеличивали общую панику. Уже начинался разгром магазинов, битье стекол, улицы покрывались разграбленными товарами.

«На мосту до двенадцати часов дня царил сравнительный порядок. Шли обозы, воинские части, прошел со своим штабом Кубанский Атаман Букретов, Кубанское правительство, многие из членов Рады, проезжали чины различных штабов и учреждений.

«Настроение у всех было подавленное, апатичное. Лица проходивших через мост носили отпечаток поразительного безразличия ко всему происходившему на их глазах...

«Последовал через мост и начальник Донской конной группы ген. Секретев... К городу быстро приближались большевики. К полудню обстановка начала сгущаться. По всем дорогам катилась сплошная лавина...

«Одновременно с лентами людей, лошадей и обозов, стекавшихся к мосту, от станции через тот же мост двинулась сплошная лента — поездов: по три, по четыре поезда. Появление поездов на мосту встречалось проклятиями и озлобленной руганью... Все казалось, что красные уже ворвались в Екатеринодар, хотя в действительности, они лишь приближались к городу. Ожидавшим переправы казалось, что их отрежут. Обозные и беженцы резали постромки, бросали телеги и мчались к мосту — этому последнему якорю спасения.

«Промежутки между лентами поездов были забиты сплошным живым потоком. Внизу тихо плескалась разлившаяся, выходившая из своих берегов многоводная Кубань. Смерть грозила каждому, оборвавшемуся с моста. А таких было не мало. Иногда поезд, подталкиваемый сзади шедшими поездами, начинал судорожными толчками продвигаться вперед, несмотря на крики, озлобленную ругань людей, на ржание лошадей. Не только лошади, но и люди попадали под колеса паровозов. Кровь капала с моста в мутные воды Кубани...

«Паника между тем доходила до своего кульминационного пункта. **Воинские части, которые должны были прикрывать отход, никакого сопротивления не оказывали и, пробиваясь через обозы, шли напролом через мост.** Здесь уже действовал только один инстинкт самосохранения и были случаи, когда на мосту раздава-

лась, правда, не приведенная в исполнение команда: «Шашки вон, за мной, руби эту сволочь»...

«В городе осталось огромное количество брошенных хозяевами обозов, гуртов скота, лошадей. Уже выполз из своих нор всякий городской сброд и ринулся грабить обозы. А между тем, в городе находились лишь раз'езды большевиков. Было время, когда мост оставался свободным и многие из перебравшихся после того, как улеглась паника, переходили обратно через мост и возвращались оттуда со всяким награбленным добром» (Раковский. В стане белых, стр. 173 - 182).

К вечеру 4-го марта в гор. Екатеринодар входили части конного сов. корпуса Жлобы и 22-й стр. красной дивизии... Так бесславно в большевистские руки перешла казачья столица.

Следует отметить, что за несколько дней до оставления Екатеринодара казаками, распоряжением Южно - Русского правительства были освобождены из Екатеринодарской тюрьмы политические заключенные, среди них коммунисты: Лиманский, Цейтлин, Евменьев и Копчинский (журнал «Путь Коммунизма», книга 3-я 1922 г., статья Вл. Черного: «В подполье», стр. 142).

Глава XVIII.

Природные условия нового театра боевых действий. — Население Закубанья. — «Зеленые». — Крестьянское ополчение. — «Черноморская советская армия». — Распределение казачьих сил на фронте. — Решение Верховного Круга о разрыве с Деникиным и деникинская политика казачьих генералов.

Оставив гор. Екатеринодар и отступив на левый берег р. Кубани, казачьи вооруженные силы и беженцы попали в тяжелое положение: высокий правый берег р. Кубани, занятый теперь советскими войсками, представлял большие преимущества для большевиков в сравнении с низким берегом этой реки, усеянным плавнями, лиманами и болотами; на правом, высоком и сухом берегу р. Кубани легко можно было производить перегруппировки войск; большевистские наблюдатели с правого берега р. Кубани невооруженным глазом могли следить за передвижениями войск противника на противоположном, низком берегу; большевистские батареи без затруднений держали под обстрелом широкую полосу земли на левом берегу этой реки; в то же время, полоса плавень, лиманов и болот, в общем, шириною до десяти и более верст, растянувшаяся по левому берегу р. Кубани, начиная от устья р. Белой до Приазовских плавень, не являлась районом, удобным для обороны...

Кавказские горы начинаются на Таманском полуострове и тянутся в юго-восточном направлении до самого Каспийского моря — по прямой линии около

1100 верст. Уже около гор. Новороссийска главный хребет поднимается более чем на 2000 футов над уровнем моря. Далее горы постепенно повышаются и у Гойтского перевала доходят до 3200 футов, а к югу от Майкопа достигают высоты около 9300 футов, поднимаясь выше линии вечного снега, и потом постепенно понижаются сравнительно недалеко от берегов Каспийского моря.

Из Кубанской области в Черноморскую губ. можно пробраться по следующим перевалам:

1) из долины р. Кубани в долину р. Кодора по двум перевалам — Махарскому и Клухорскому, в юго-восточной части Кубани, лежащим на высоте 9.600 футов над уровнем моря,
2) из долины р. Маруха в долину той же р. Кодора через Марухский перевал, на высоте 8.000 футов над морем,
3) из системы р. Лабы к р. Мзымте — по перевалу Псеашхо, лежащему на высоте 6.870 футов,
4) Белореченский перевал на высоте 6.300 футов,
5) наиболее удобным перевалом является Гойтский, расположенный на высоте всего 1.630 футов над морем. Этот перевал соединяет долину р. Пшиш с долиной р. Туапсе. Через него проходит шоссейная дорога из Майкопа на Туапсе, а также Армавир-Туапсинская железная дорога,
6) еще далее на северо-запад лежит перевал Шабановский, ведущий к Джубге,
7) против Геленджика лежит самый низкий перевал генерала Бабича.

Первые четыре перевала и иные перевалы, не названные нами, лежащие между этими четырьмя, мало доступны и чрезвычайно трудно проходимы, а остальные перевалы к началу марта 1920 г. были заняты большевиками.

Район, ограниченный р. Кубанью, с севера, Черным морем — с юга, р. Белою — с востока и Таманским полуостровом с запада, отличается довольно пестрым составом населения.

По левому берегу р. Кубани, между р. Пшиш и

р. Афипс, сидят черкесские аулы, жители которых крепко держались своих старых национальных обычаев и магометанской религии, и настроены были резко антибольшевистски.

На юго-восток, на юг и на запад от этого Черкесского района, по долинам многочисленных рек и речек, разбросаны казачьи станицы, в составе населения которых весьма значительный процент составляет неказачье население — украинцы, русские, греки и т. п.

В Кавказских горах Майкопского, Екатеринодарского и Таманского отделов и между нижним течением р. Кубани и Черным морем раскиданы многие села, поселки и хутора с самым разнообразным неказачьим населением.

Национальная пестрота населения Закубанья и южной части Таманского отдела с 1917 г. являлась большим препятствием в деле консолидации сил, боровшихся за освобождение Кубани от большевистского владычества.

Неказачье население этого края, при поддержке некоторых казаков, зимою и весною 1918 г. создало целый ряд большевистских вооруженных отрядов, к осени того же года об'единившихся в Таманскую армию, совершившую свой знаменитый поход с Таманского отдела на побережье Черного моря и оттуда через Туапсе-Белореченскую в район гор. Армавира — станицы Невиномысской — гор. Ставрополя и оказавшей такие огромные услуги красной Москве (часть II-я «Трагед. Каз.»).

Остатки этой армии в виде 50-й стрелковой дивизии в 1920 г. помогли большевикам в завоевании Кубани...

Не удивительно, что значительная часть неказачьего населения Закубанья и Таманского полкового округа с нетерпением ожидала теперь прихода большевистской власти на Кубань.

Для борьбы с большевизмом казачье население этого края дало прекрасные Екатеринодарские и Таманские полки всех трех очередей и доблестных пластунов.

О причинах возникновения «зеленого» движения уже говорилось выше (главы IX-X). К марту 1920 г. «зеленые» занимали весь раион станиц на юго-восток, на юг и на запад от гор. Екатеринодара. Почти все казачье население и часть иногородних примкнули тогда к «зеленым».

В виду того, что, как говорилось уже раньше, Донская армия во второй половине февраля 1920 г. почти безостановочно отходила все ближе к р. Кубани и с каждым днем приближался момент ее вынужденного отступления за эту реку, а значит, отхода в тот район, который был занят «зелеными», перед Донским командованием стал вопрос о необходимости выяснения возможных отношений между Донской армией и «зелеными». Поэтому командующий Донской армией, по соглашению с Кубанским Войсковым Атаманом, решил применить два способа: 1) путем выпуска особого официального обращения к «зеленым» от имени Донской армии об'яснить им причины и цели появления за р. Кубанью Донской армии и донских беженцев и призвать их к установлению мирных отношений; 2) посылкой за р. Кубань авангардной Донской воинской части, чтобы, в случае необходимости, решать вопрос силою оружия, т. е. очищать от «зеленых» тот раион, куда продвиглаась Донская армия.

В силу этого решения за Кубань была послана Донская Сводно-Партизанская дивизия под командой полк. **Ясевича.** 2 марта 1920 г. было напечатано в типографии Кубанского Краевого Правительства в большом числе экземпляров и широко распространено среди «зеленых» нижеследуюее обращение:

«ОТ ДОНСКОЙ АРМИИ
«ЗЕЛЕНЫМ», КАЗАКАМ, ГОРЦАМ, КРЕСТЬЯНАМ И РАБОЧИМ КУБАНИ И ЧЕРНОМОРЬЯ.

Через горные ущелья, куда пошли вы, братья, искать свободу, стекаются с севера несметные толпы беженцев, трудовых казаков, крестьян и калмыков; от-

ходит Донская казачья армия, восставшая за мир, свободу и землю, против самовластия коммунистов.

Вы сами видите: уходят в горы не богатые, не помещики и купцы, нажившие миллионы во дни народных бедствий, не гордые губернаторы, **а простонародье, трудовые казаки и крестьяне с служилым, вышедшим из народа, офицерством.**

Как и вы, мы ищем в горах последнее убежище, где спасти нашу свободу, ибо над нами, как и над вами, не может быть иной власти, кроме власти народа.

Почему же ваши вольные отряды нападают на нас? Почему вы встречаете нас, как врагов, а не как родных братьев — сынов той же несчастной Матери-Родины? Между тем, ничто не должно разделять нас, ибо у нас всех одне цели: мир, земля и воля, народная власть в лице Всероссийского Учредительного Собрания.

Мы зовем вас на примирение, на братский боевой союз против самодержавия всех захватчиков народной власти, будь они цари со своими в золотых мундирах холопами, помещиками и капиталистами, или комиссарами с коммуной, чрезвычайками и наемными убийцами.

Мы верим, что с нами будет и та крестьянская Русь, которая в рядах красной армии была вовлечена в борьбу против нас.

В братстве нашего оружия — залог народной победы в борьбе за хлеб, мир, землю и свободу!

Да не будет больше среди нас ни «красных», ни «белых», ни «зеленых»! Вспомним, что мы только братья, дети несчастной, разоренной гражданской войной Матери России.

Начальник авангарда Донской армии
генерального штаб полковник **Ясевич.**

Хотя составители этого обращения, как видно, и старались говорить наиболее понятным для «зеленых» языком, однако, это обращение не имело успеха среди тех, кому оно было адресовано.

5 марта, т. е. на другой день после оставления гор. Екатеринодара казаками, к начальнику Сводно-Парти-

занской дивизии полк. Ясевичу в качестве делегата от «зеленых» прибыл **Савицкий** — бывший товарищ председателя Кубанской Краевой Рады и член Верховного Круга Дона, Кубани и Терека — и заявил ему, что он, Савицкий, принадлежит к группе руководителя «зеленых» — бывш. члена Кубанской Рады сотника **Пилюка,** что «зеленые» имеют связь с Советской Россией, с зеленоармейцами, находящимися в горах, и с повстанцами Черноморской губ., и что «зеленые» не пустят Донцов в слободу Григорьевскую (эта слобода находится всего в 25 верстах от Екатеринодара и в 12 верстах от ст. Георгие-Афипской, где находился тогда штаб Донской армии).

Донцы силою заняли слободу Григорьевскую, но к руководителям «зеленых» был послан начальник политической части штаба Донской армии сотник граф Дю-Шайла с целью выяснения возможности установления мирных отношений между «зелеными» и Донцами.

Об этой «дипломатической» поездке представителя штаба армии в журнале воен. действий Дон. армии находим следующую беглую запись: «К «зеленым» был командирован сотник Дю-Шайла. Выяснилось, что во главе группы, оперирующей в районе (станицы) Ставропольской, стоят **Пилюк** и **Савицкий** — члены Рады. По внешнему впечатлению, отряд хорошо вооружен и пользуется симпатиями жителей. **Озлобление на Деникина, а также и Донцов, связавших свою судьбу с ним.** Цели («зеленых») — **заключение мира с большевиками, признающими независимость Дона, Кубани и Терека.** Был представлен зеленоармеец, испытавший шомпола добровольцев. Представителю Донцов было заявлено, что у этой группы имеется связь с зелеными черноморскими и Советской Россией, что Болховитинов и Букретов(?) состоят в партии коммунистов и что приглашение на Кубань Донских карательных отрядов является средством расчленения Казачества: пленных Донцов Пилюковцы не держат у себя и предлагают, если они пожелают, возвратиться обратно по своим частям»...

В этом документе обращает на себя внимание сле-

дующее: 1) «зеленые» были хорошо вооружены, 2) были озлоблены против Деникина и даже против Донцов, «связавших свою судьбу» с Деникиным, 3) «зеленые» стремились к миру с большевиками при условии, что последние ПРИЗНАЮТ НЕЗАВИСИМОСТЬ ДОНА, ТЕРЕКА И КУБАНИ, и 4) «зеленые» не считают себя состоящими в войне с Донцами, почему предоставляют возможность пленным возвратиться в свои части.

Для более всестороннего освещения «зеленого» движения, его планов и конечных целей приведем ниже более подробное описание того, что видел и слышал у «зеленых» вышеупомянутый официальный представитель штаба Донской армии сотник Дю-Шайла. Это описание сделал военный корреспондент Раковский, имевший возможность тогда непосредственно наблюдать все, что происходило в Донской армии:

«В сопровождении двух офицеров, двух пленных зеленоармейцев-проводников и четырех казаков выехал парламентер к зеленым. На окраине станицы Дмитриевской парламентера задержали часовые-зеленоармейцы, которые, выяснив в чем дело, привели его к Пилюку. Вместе с Пилюком находился и бывший судебный следователь Савицкий, член Верховного Круга, товарищ председателя Кубанской Краевой Рады. Савицкий исполнял функции помощника Пилюка по политическим и гражданским делам. Представители зеленоармейского командования очень любезно приняли делегата, накормили и напоили его. Завязалась оживленная беседа, во время которой присутствовали и представители других, оперировавших в горах, зеленоармейских групп...

«По словам Пилюка и Савицкого, политическая платформа зеленоармейцев сводится к следующим положениям:

«Гражданская война закончилась и не в нашу пользу. Она проиграна. С другой стороны, казаки не могут примириться с коммунизмом. Еще во время своего пребывания в Екатеринодаре, как рассказывали Пилюк и Савицкий, они через посредство членов нелегальной северо-кавказской организации коммунистов

шли в связь с большевиками и выяснили путем переговоров с политическими советскими кругами, что за последнее время большевики правеют с каждым днем и, будто-бы, совершенно не желают вводить коммунизма в Казачьих областях, которые нужны только для вывоза из них сырья в центральную Россию.

— «Мы, — говорили зеленоармейцы, — такие же враги коммунистов, как и «деникинцев». Мы не можем примириться ни с теми, ни с другими. Мы предполагали, что, пользуясь задержкой большевиков возле Екатеринодара, сможем войти с ними в переговоры и добиться от них признания принципа полной автономности Казачьих областей. Но наши расчеты на стойкость воинских частей не оправдались и сейчас гораздо труднее вести переговоры с большевиками.

«Когда разговор перешел к вопросу о цели поездки делегации, Пилюк, Савицкий и другие представители зеленых оказались великолепно осведомленными о состоянии Донской армии.

— «Сил у вас несколько десятков тысяч человек, — говорили они, — но, ведь силы эти дезорганизованы. Иметь вооруженные столкновения с нами вам будет весьма не выгодно. И не так легко вам пройти через горы. Там придется вести борьбу с тремя врагами: во-первых, с горами, которых вы совершенно не знаете; во-вторых, с населением, которое будет относиться к вам скорее враждебно, чем нейтрально, и, в-третьих, с голодом.

— «Поход ваш в горы, — заметил Пилюк, — будет подобен походу Наполеона в Испанию.

— «Мы знаем, как велика у вас разруха, — добавил Савицкий. При оставлении Екатеринодара в городе осталась даже прислуга из поезда командующего армией...

«О штабе Донской армии зеленоармейцы отозвались, как о наиболее демократическом. О Деникине зеленоармейцы отозвались с необычайным озлоблением за то, что **он, по их мнению, для достижения своих личных целей погубил казаков, бывших для него пушечным мясом.**

«Что касается грабежей, производимых зеленоармейцами, то Савицкий по этому поводу заявил:

— «У вас есть печатный станок, а у нас его нет. Деньги-же и вам, и нам нужны. Необходимо нам и военное снаряжение. Мы забираем только казенную собственность, народное достояние. Вот и сейчас у нас есть пленные офицеры, у которых все их личное имущество осталось в неприкосновенности.

— «Кстати, — ядовито добавил Савицкий, — можете переговорить, если хотите, со всеми пленными. Если пожелают они, то могут ехать вместе с вами обратно. Но, — усмехнулся он, — смею вас уверить: они не захотят...

«В общем, из переговоров выяснилось, что зеленые не хотят насиловать волю казаков, считая, что наличие боеспособной, хотя и враждебной им армии, облегчит зеленоармейцам ведение переговоров с большевиками...

— ...«Наша задача, — заявил на прощанье Пилюк, — заключается в том, чтобы об'единить все зеленоармейские организации вокруг одного военного и политического центра. Мы много уже в этом направлении сделали. И сейчас, кроме других, нас очень интересует вопрос об организации своего печатного органа — зеленоармейской газеты, чему мы придаем большое значение». (Раковский. В стане белых, стр. 250-208).

В результате этих переговоров «было заключено перемирие с нашим авангардом — Сводно-Партизанской дивизией», говорит запись в журнале военных действий Донской армии. И далее, в том же журнале 6 марта записано: «После доклада Командарму (ген. Сидорину), последний приказал послать телеграмму, чтобы зеленые на деле показали свое миролюбие, отпустив всех пленных. Что же касается Донцов, то последние не питают никаких агрессивных намерений по отношению зеленых».

И далее та же запись говорит: «после отхода за Кубань дух армии значительно пал. Увеличилось число дезертиров к зеленым. Сводно-Партизанская дивизия, благодаря мирным переговорам, стала разлагаться»...

* * *

В Черноморской губ. события шли своим чередом. Комитет Освобождения (см. гл IX-ю), еще при подготовке восстания против деникинских властей, в свои вооруженные отряды, кроме жителей Черноморской губ., принимал и бывших красноармейцев, которые после поражения большевистских войск на Северном Кавказе в начале 1919 г. отступили из района гор. Владикавказа по Военно-Грузинской дороге и, постепенно просачиваясь через территорию Грузии, накоплялись в Черноморской губернии. В те же отряды Комитета Освобождения поступали и большевики из среды черноморских жителей.

При взятии г. Туапсе 11 февраля войсками Комитета Освобождения на сторону восставших целиком перешел «Черноморский полк местного формирования» (Деникин. Очерки рус. смуты, т. У-й, стр. 252. Воронович. Зеленая книга, стр. 123).

Крестьяне Черноморской губ., «освободив свои родные уголки от ненавистных им врагов (деникинцев) спокойно стали расходиться по домам. Перед Комитетом стал вопрос о пополнении армии рабочими. На втором собрании Союза рабочих гор. Сочи под руководством большевиков Москвичева, Чолекаева, Цхамария и др. был добавлен второй батальон, командиром которого был избран тов. Богатов, а по воле рабочих 1-й батальон, под командой тов. Кашкина, был назван именем тов. Ленина. Вошедшие в штаб на командные должности члены Российской коммунитсической партии сразу повернули руль и сейчас же после взятия Туапсе об'явили советскую власть вместо Комитета Освобождения. Комитет Освобождения имел только право распоряжаться от Пиленково (12 верст на юго-запад от Гагр) до Лазаревки (30 верст на юго-восток от Туапсе), а от Лазаревки до Туапсе — новая советская власть» (Е. Богатов. Красно-зеленые в Сочинском округе. Журнал «Путь коммунизма» за 1922 год, кн. 3, стр. 149).

Бывший член Комитета Освобождения **Н. Воронович** тоже подтверждает, что после взятия гор. Туапсе

«Главный штаб согласился на просьбу крестьян и распустил их на полевые работы; на фронте остались одни лишь бывшие Добровольцы; эти пленные солдаты Добровольческой армии оказались в большинстве красноармейцами, взятыми в плен Деникиным еще в 1918 г. при разгроме Северо-Кавказской красной армии» (Воронович. Зеленая книга, стр. 123).

Далее тот же Н. Воронович повествует: «Приехавшие с севера большевистские агенты воспользовались этим обстоятельством, распропагандировали бывших красноармейцев и создали тайный «фронтовый с'езд». Фронтовый с'езд избрал «ревоенсовет» и об'явил, что отныне фронт не подчиняется больше Главному штабу крестьянского ополчения и переименовывается в «Черноморскую красную советскую армию». Большевики хотели было, опираясь на фронт, произвести политический переворот, но, узнав, что Главный штаб стягивает к Сочи крестьянские роты, отказались от этого намерения и предложили Комитету Освобождения компромиссное соглашение по которому Реввоенсовет принимал командование над фронтом и власть в прифронтовой полосе. Вся остальная территория Черноморья и Крестьянское ополчение оставались по-прежнему в руках Комитета Освобождения.

«Кроме того, Реввоенсовет заявил о своем намерении, вопреки решению крестьянского с'езда, перейти границы Кубани и идти на соединение с наступающей на Екатеринодар Советской армией. Хотя Главный штаб и предсказывал неопытным в военном деле членам Реввоенсовета, что наступление постигнет неудача, большевики не послушались и Реввоенсовет от имени «Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» отдал приказ Черноморской красной армии перейти границы Кубани.

«Так как прежние лозунги Крестьянского Ополчения были заменены новыми большевистскими, то отношение Кубанских казаков к армии сразу резко изменилось: с крестьянами казаки не дрались, с новой же красной армией они тотчас вступили в ожесточенные бои» (Там-же).

К началу марта части этой красной армии, продвигаясь со стороны г. Туапсе на север вдоль Армавир-Туапсинской железной дороги и по Майкопскому шоссе через Гойтский перевал, продвинулись в район ст. Хадыженской.

Так, ко времени оставления казаками гор. Екатеринодара в тылу казачьих армий, на Черноморском побережьи, от района гор. Туапсе до района Геленджика, появилась, хотя и плохо организованная и не проявлявшая значительной активности, но насчитывавшая 3-4 тысячи человек и имевшая «много пушек, оружия и боевых припасов», большевистская армия, занявшая все перевалы через Кавказские горы в указанном выше районе и преграждавшая казакам выходы к Туапсе, Джубге и Геленджику.

❦

Обратимся теперь к рассмотрению вопроса о казачьих силах, отошедших на левый берег р. Кубани.

Как было отмечено выше, Ставропольское направление защищал 4-й Кубанский конный корпус, находившийся под командой донского генерала **Писарева,** всей душей преданного ген. Деникину. Главную массу бойцов этого Корпуса составляла правофланговая группа ген. **Бабиева** и черкесская дивизия ген. **Келеч-Гирея.**

Во второй половине февраля этот Корпус принужден был вести борьбу с наседавшими с востока частями XI-й сов. армии и с частями X-й сов. армии, наступавшими с севера, со стороны Кубанских станиц, расположенных по линии железной дороги Кавказская-Ставрополь. Особенно тяжелым стало положение 4-го Куб. корпуса после того, как 25-26 февраля части X-й сов. армии заняли узловую станцию Кавказскую, хут. Романовский и станицу Казанскую, вытеснив из этих пунктов 2-й Кубанский корпус ген. **Науменко.** Отсюда дивизии X-й красной армии ринулись на левый берег р. Кубани, стремясь быстрым выходом на фронт станиц Петропавловской-Курганной обойти 4-й Куб. корпус с тыла.

Одновременно с этим маршем частей X-й сов. армии в Закубаньи, части XI-й сов. армии вышли на ли-

нию железной дороги, соединяющей Кубань с Тереком.

Так как в конце февраля 4-й Куб. корпус находился еще на правом, восточном берегу р. Кубани, ведя бои на фронте станиц Сенгилеевская - Темнолесская, создалась реальная угроза охвата красными частей этого Корпуса с обоих флангов и, в лучшем случае, отрыв 4-го Корпуса от остальных частей Кубанской армии и последующий вынужденный отход в горную часть Баталпашинского и Лабинского отделов Кубани. А в случае дальнейших неудач, 4-й Корпус ген. Писарева принужден бы был отступить на берег Черного моря по чрезвычайно трудно переходимым перевалам...

Общая чрезвычайно неблагоприятная боевая обстановка на всем антибольшевистском фронте принудила и этот Корпус к переходу на левый берег р. Кубани юго-восточнее гор. Армавира и к сравнительно поспешному дальнейшему отходу на линию р. Лабы.

Не менее тяжелым было положение и на фронте левее действовавшего 2-го Куб. конного корпуса ген. Науменко. О последних днях пребывания этого Корпуса на правом, высоком берегу р. Кубани бывший начальник 2-й дивизии этого Корпуса полк. Елисеев рассказывает следующее:

... «Красные вновь назойливо насели и Корпус по тревоге вытянулся уже к станице Тифлисской... Прощай родные степи и все-все... милые места... На пол-пути между Казанской и Тифлисской — корпус остановился, свернут был в резервную колону, все строевые начальники были вызваны к штабу Корпуса, на высокий курган, коих так много по этому, столь знакомому и родному высокому правому берегу Кубани. ЗДЕСЬ ГЕНЕРАЛ НАУМЕНКО ДОЛОЖИЛ ВСЕМ, ЧТО **«МЫ ИДЕМ В ГРУЗИЮ, ГДЕ КУБАНСКАЯ АРМИЯ БУДЕТ РЕОРГАНИЗОВАНА: КАЗАКИ ВОЛЬНЫ ИЛТИ ТУДА С КОМАНДНЫМ СОСТАВОМ ИЛИ ОСТАВАТЬСЯ В СТАНИЦАХ; притеснений им ни в чем не чинить».**

«При затаенном молчании полки выслушали эти

слова от своих командиров и... также молчаливо последовали... в неведомую даль.

«Заночевали и продневали уже в станице Тифлисской и 2-го марта Корпус вошел в станицу Ладожскую, на которую красные наседали с севера. Ладожская оказалась последнею станицею для Корпуса правобережной Кубани - матери. Под давлением красных — Корпус, по захудалому бревенчатому и танцующему своим легким досчатым настилом станичному мосту, в колонне по три, спешно переходил за Кубань. 1-й Лабинский полк вновь отходил последним, задерживая красных, экономя время для переправы Корпусу, а затем, снявшись с позиций, на рысях прошел станицу и спустился под гору. Красные махнули вслед. Но мост еще не был свободен. Из станицы донесся плач женщин. Бурливо залаяли собаки по дворам, почуяв, видимо, непрошенных гостей.... С высокой кручи красные жарнули из ружей по нашим хвостам. Науменко, бывший со своим штабом у моста еще на правом берегу, спешно указал Лабинцам брод. Полк вошел кучно в воду и, вместо броду, поплыл... В последний раз Кубань... буквально обняла в свои пышные многоводные и раздольные воды — своих родных сынов — удалой Лабинский полк — в последний раз»... (журн. «Кубанское Казачество», за 1931 г. № 2, Париж).

Как уже было отмечено выше, после боя 13 марта части ген. **Гулыги** и ген. **Шифнер-Маркевича** — пластуны и конница — переправились на левый берег р. Кубани у ст. Усть-Лабинской, что лежит в 20 верстах ниже станицы Ладожской. Еще ниже на левый берег Кубани перешли части 4-го Донского корпуса.

Вслед за отступившими за реку Кубань казачьими Корпусами, большевистское командование бросило 1-ую Конную армию Буденного, подавляющее большинство бойцов которой, как мы знаем, состояло из казаков и иногородних Дона, Кубани, Терека и Ставропольской губ.... Части этой красной армии, выполняя основную директиву, данную командующим Кавказским советским фронтом Тухачевским еще 27 февраля (глава XVI), 4 марта форсировали р. Кубань у ст

Усть-Лабинской и настойчиво преследовали отступающие казачьи Корпуса с целью «6 марта» овладеть районом станиц Гиагинской-Белореченской» и тем самым, во-первых, отрезать 2-й и 4-й Кубанские корпуса от остальных сил Кубанской армии и, во-вторых, не допустить сосредоточения Кубанцев в районе гор. Майкопа» (см. гл. XVI).

Как видим, красное командование поставило для своих войск задачу — поскорее захватить хлебный район за р. Кубанью и этим поставить в безвыходное положение многочисленные казачьи войска и беженцев, отступивших за р. Кубань и скопившихся в первый момент там в очень бедном хлебом районе.

Жизненные же интересы Казачества вообще и отступивших за Кубань казаков, в частности, интересы всей дальнейшей борьбы диктовали крайнюю необходимость, требовали приложения всех усилий и использования всех средств для того, чтобы во что бы то ни стало удержать в своих руках хлебный район между реками Белой и Лабой, так необходимый для питания казачьих Корпусов, оказавшихся на левом берегу р. Кубани.

Отдача этого — богатого хлебом и фуражем района в руки большевиков, могла означать сознательную подготовку гибели казачьих Корпусов и беженцев от голода или же необходимость дальнейшего отступления казаков на голодное Черноморское побережье, мытарства в Закавказьи, или же... капитуляцию перед красными армиями.

Что же было сделано для удержания продовольствия и фуража в руках казачьих Корпусов? Что было предпринято для обеспечения возможности продолжения дальнейшей борьбы с надеждою на успех?

Во-первых, отступившие за Кубань войска позволили большевикам без особых затруднений переправиться у ст. Усть-Лабинской, Ладожской и выше на левый берег этой реки; во-вторых, без особого сопротивления было отдано красным все течение р. Лабы, и казаки отступили к р. Белой, хотя в этом районе Кубани действовало тогда целых три Кубанских корпуса —

1-й ген. **Шифнер-Маркевича**, 2-й ген. **Науменко** и 4-й ген. **Писарева.**

Почему это произошло?

Официальная сводка Кубанской армии к 10-ти часам 6 марта 1920 г. говорит следующее:

«Части Науменко (2-я и 4-я дивизии) в ночь с 4 на 5 (марта), под давлением значительных сил противника, отошли от Лабы, имея передовые части на линии х. Чернышев—Ульское, а главные силы в восьми верстах южнее — на р. Гиаге.

Группы Бабиева и Султан Гирея (4-й Корпус ген. Писарева) 5 марта отведены с р. Лабы на линию станицы Кужорская—Хаджимуков—Хачимзин—Грязнухинская (в 25—10—30 верстах западнее р. Лабы).

5 марта зеленые с Туапсе заняли раз'езд Николенко. Ген. Гулыга назначен начальником тыла Майкопскаго района.

Ген. Писарев, вступивший в командование группой войск в составе 1-го, 2-го и 4-го Кубанских корпусов, «предполагает, в случае дальнейшего нажима красных, занять последний рубеж — р. Белой **и стараться пробиться на Туапсе всеми имеющимися силами.** Казаки расходятся по домам, не оказывая никакого сопротивления; части не способны к активным действиям. Черкесы в районе аулов также деморализуются, избегая боевых действий.

Положение войск ген. Писарева тяжелое».

Из этой сводки не видно, чтобы Корпуса оставили линию р. Лабы, вследствие проигранных казаками сражений: 2-й Корпус ген. Науменко просто «отошел от Лабы», а 4-й Корпус ген. Писарева был «отведен с р. Лабы», при чем в последнем случае сводка не говорит ни о боях, ни даже о давлении со стороны противника. Согласно вышеприведенной сводки, причина отхода заключалась как-бы в том, что «части неспоосбны к активным действиям», т. е. ответственность за отступление сводка переносит всецело на рядовое казачество.

Соответствовало ли действительности это утверждение, кстати сказать, построенное на донесении штаба ген. Писарева?

Выше было уже отмечено свидетельство бывшего начальника 2-й Куб. дивизии из 2-го Корпуса о том, что **еще на правом берегу р. Кубани** командир 2-го Корпуса ген. Науменко заявил всем строевым начальникам, что «мы идем в Грузию», что «казаки вольны идти туда с командным составом или оставаться в станицах». Значит, сам командир Корпуса об'явил казакам свое или чье-то решение о задачах дальнейше борьбы, сводившейся просто к **отходу** в Грузию, т. е. фактически — к отказу от борьбы. Из этого можно сделать вывод, что ген. Науменко занялся намеренным разложением вверенного ему Корпуса, распылением его физических и духовных сил....

Это решение прекратить борьбу на Кубани и отводить войска «в Грузию» не могло, конечно, касаться только этого одного Корпуса.

Сохраняли ли Кубанские корпуса восточного фронта свою боеспособность после отхода за р. Кубань?

Тот же полк. Елисеев о периоде отхода 2-го Куб. корпуса с линии р. Лабы за линию р. Белой повествует следующее: «В станице Ново-Лабинской вновь Лабинцы держали фронт на левом низком берегу своей Лабы и расстреливаемые шрапнелью красных с их высокого берега — вновь жестоко лили кровь. И на главном своем участке, у взорванного моста, один из взводов даже не мог подобрать тело убитого своего же брата-казака и сметаемые огнем красных — разрозненным строем отошли из смертной зоны....

«Вот прошли и аул черкесов, крестьянское селение Царский Дар, Филипповы хутора.... Прошли по мосту и бурную холодную реку Белую... Прощай и Закубанская равнина... К ночи Корпус вошел в лесистое предгорье и на ночь расположился в первой горной Кубанской станице — Бжедуховской.

«А на утро, громоздкий 2-й Кубанский конный корпус, Донские части, Кубанские пластуны с ген. Залесским, выстроившись у восточной околицы станицы, с повышенного плато, — еще раз, и в последний раз, взглянули в синеву родных полей Кубанских и... дви-

нулись дальше в горы... Прощай, Кубань... Прощай»... (выше цитированная статья полк. Елисеева).

Здесь нет ни одного слова о том, чтобы казаки не хотели драться с большевиками или что казаки расходились по станицам. Напротив, казаки и офицеры дрались, но распоряжением свыше Корпуса уводились из богатого хлебом района и оттягивались все далее и глубже в горы, в район голодный...

Почему?

Ясный ответ на этот вопрос дает сам бывший командир 2-го Кубанского корпуса ген. **В. Науменко.** Он говорит: «По директиве Главнокомандующего, на Туапсе должны были отходить: 4-й Конный корпус (ген.-лейт. Писарева), дравшийся в районе Ставрополя, и 2-й Кубанский корпус (ген.-майора Науменко), прикрывавший Кавказский железнодорожный узел» (журнал «Казачьи Думы», Нр 19 (3), 15 янв. 1924 г. София, статья В. Мельниковского (В. Науменко): «Черноморская трагедия», стр. 3).

Очевидно, о намеченном ген. Деникиным отходе на Туапсе командир 2-го Куб. корпуса ген. Науменко и командир 4-го Корпуса ген. Писарев знали еще тогда, когда 2-й Корпус защищал Кавказскую, а 4-й Корпус дрался у гор. Ставрополя, т. е. в феврале 1920 г.

Выше (глава XVI) было отмечено, что ген. Деникин заблаговременно решил отвести войска в Крым, что об этом решении «главнокомандующего» знало Донское командование, но последнее боялось об этом решении сообщить войскам. Знал об этом решении и штаб Кубанской армии, знали и командиры корпусов.

Согласившись с этим решением и, скрывая от офицеров и казаков свои намерения, командиры Кубанских корпусов упорно проводили этот пораженческий план в жизнь. Этим об'ясняется и тот факт, что командующий Кубанской армией ген. Улагай и его штаб из Станицы Усть-Лабинской не направились в Лабинский или Майкопский отдел, куда отходило целых три Кубанских корпуса — 4-й из-под Ставрополя, 2-й из-под Кавказской и 1-й из-под Тихорецкой, а, оторвавшись от своей армии, боевыми операциями которой

должен был бы руководить, командующий Кубанской армией направился в Новороссийском направлении (глава XVII-я). Так поступал командующий армией ген. Улагай, хотя он был хорошо осведомлен о намерении Кубанской Рады, Атамана и Правительства сосредоточить силы Кубанской армии именно в Майкопском отделе, реорганизовать ее там и оттуда начать новую акцию борьбы за освобождение.

Генеральским решением отходить в Крым об'ясняется и то, что командир 2-го Корпуса ген. Науменко об'явил казакам о несуществовавшем в действительности намерении отходить в Грузию, так как о намерении тянуть казаков в Крым тогда боялись открыто сказать казакам.

Этим же об'ясняется и быстрое оставление 2-м и 4-м Корпусами рек Лабы и Белой и вся тактика комкоров, принесшая столько зла Казачеству.

Казачья боевая масса и рядовое офицерство тогда еще ничего не знали о настоящих намерениях генералов и исполняли идущие свыше приказы.

***

Русские и казачьи генералы хорошо были осведомлены о действительных желаниях и стремлениях казачьей массы; генералы и русские единонеделимцы вообще хорошо понимали, что Казачество борется только за освобождение своих Краев, что за идею «спасения матушки России» повести его уже нельзя; что в феврале среди членов Верховного Круга с каждым днем все более и более крепло сознание необходимости скорейшего и окончательного разрыва с русскими «белыми»; что значительно усилившееся и принявшее более ясные организационные формы «зеленое» движение уже открыто вступило в борьбу, как с политикой втягивания казаков в русские дела, так и с живыми носителями этой идеи — деникинцами всех цветов и мастей; что в Таманском отделе из казаков, не подлежавших мобилизации, вырос целый казачий «Гайдамацкий» полк, организованный для того, чтобы вооруженной рукой в столице Кубани поддержать самостийническую идею, — и что этот

полк в количестве почти трех тысяч шашек в самом конце февраля прибыл в Екатеринодар....

Все эти и им подобные факты, весь тяжелый и кровавый опыт больше чем двухлетнего сотрудничества с казаками убедительно говорили русским единонеделимцам, что для них нет больше места на Казачьей Земле, что для осуществления своих планов они должны найти другое место...

И вот вся масса больших и малых русских деятелей, потерпев на Казачьих Землях полное крушение в своих начинаниях, в 1920 г., более или менее ясно разделились на две группы: одни, отчаявшись в успехе, и, захватывая с собою все, что только можно было еще взять, через Новороссийск и через другие порты убегали за границу, а другие, кто ближе был связан с добровольческим командованием или кто так или иначе был связан с казачьими вооруженными силами, еще пробовали задержаться в Крыму, подтягивая туда с Казачьих Земель все необходимое — продовольствие и бойцов.

«В Новороссийске тем временем шла лихорадочная эвакуация. С'ехавшиеся со всего юга России беженцы садились на пароходы, уезжая в Константинополь и далее. Эвакуировались англичанами на Принцевы острова, в Сербию, Болгарию семьи военнослужащих, раненые, больные. Удирали в чужие страны спекулянты, мародеры тыла, всевозможные «осважники», тысячи лиц, облепивших Добровольческую армию, присосавшиеся к идейной по первоначальному характеру борьбе, наживших миллионы и теперь стремившихся поскорее очутиться в безопасных местах.

«Гнусное зрелище представлял в это время из себя панический Новороссийск, где за спиной агонизировавшего фронта скопились десятки тысяч людей, из которых большая часть были вполне здоровы и способны с оружием в руках отстаивать право на свое существование. Тяжело было наблюдать этих безвольных, дряблых представителей нашей либеральной и консервативной совершенно обанкротившейся интеллигенции. Неприятный осадок на душе оставляли все эти растерявшиеся перед крушением их чаяний и надежд, по-

мещики, представители потерпевшей полное поражение не жизнеспособной буржуазии, десятки и сотни генералов, тысячи стремившихся поскорее уехать здоровых офицеров, озлобленных, разочарованных, проклинавших всех и вся» (Раковский. В стане белых, стр. 184).

«Новороссийск тех дней, в значительно мере уже разгруженный от беженского элемента, представлял из себя военный лагерь и тыловой вертеп. Улицы его буквально запружены были молодыми и здоровыми воинами — **дезертирами.** Они бесчинствовали, устраивали митинги, напоминавшие первые месяцы революции — с таким же элементарным пониманием событий, с такой же демагогией и истерией. Только состав митингующих был иной: вместо товарищей солдат были офицеры. Прикрываясь высокими побуждениями, они приступили к организации «военных обществ», скрытой целью которых был захват, в случае надобности, судов... И в то же время официальный «эвакуационный бюллетень» с удовлетворением констатировал: «привлеченные к погрузке артиллерийских грузов офицеры, с правом потом по погрузке самим ехать на пароходах проявляют полное напряжение и, вместо установленной погрузочной нормы 100 пудов, грузят в двойном и более размерах, сознавая важность своей работы»... (Деникин. Очерки, т. 5, 345).

Приведенные выдержки из трудов двух русских патриотов — главнокомандующего и военного корреспондента — достаточно ярко и правдиво характеризуют состояние русской интеллигенции, русских политиков, бюрократов, купцов, офицеров и т. д., спасавшихся из Новороссийска и через Новороссийск.

***

В нормально существующем государстве постановление парламента является обязательным, как для населения, так и для всех гражданских и военных властей. За неисполнение или за саботаж решения высшего представительного органа в правовом государстве полагается соответствующее наказание.

На Казачьих Землях боролось два начала — рус-

ское и казачье, единонеделимческое и самостийническое. Верховный Круг, после двухмесячной сложной и даже тяжелой эволюции, казалось, ясно стал на путь самостийности, постановив разорвать с Деникиным....

Естественно, что носители русского, единонеделимческого начала немедленно вступили в борьбу против того,недвусмысленно выдвинувшегося вперед, самостийнического, казачьего начала Проявления и формы этой борьбы были различны, но все усилия русских политиков в казачьей среде свелись к достижению одной цели — к удержанию, во что бы то ни стало, связи Казачества с русскими, к сохранению подчиненного положения казачьих вооруженных сил ген. Деникину.

Выше (гл. XVII) было отмечено, что после принятия Верховным Кругом постановления о разрыве с Деникиным, Донской Атаман ген. Богаевский издал приказ о том, что он будто бы удаляется в армию. В действительности **Богаевский немедленно уехал в Новороссийск.** В этом приказе ни слова не сказано о том, что Донской Атаман не хочет подчиниться решению верховной власти на Казачьих Землях — Верховного Круга. Только через пять месяцев, уже в Крыму, в Севастополе, ген. Богаевский 1 (14) августа 1920 г. издал обширный приказ, Нр 362, возвещавший Казачеству причины и цели заключения договора Атаманов Дона, Кубани и Терека с ген. Врангелем, и в этом приказе по поводу решения Верховного Круга о разрыве с ген. Деникиным сказано следующее:

...«Почти пять месяцев тому назад, после двухмесячных переговоров с ген. Деникиным о взаимных отношениях и сформировании нового общего Правительства с участием Казачества, когда соглашение уже было достигнуто и Южно-Русское правительство сформировано, Верховный Круг, своим постановлением от 3 марта неожиданно об'явил о полном разрыве с ген. Деникиным и об из'ятии Казачьих войск из его подчинения, как Главнокомандующего. Это постановление, подсказанное ярым самостийничеством нескольких депутатов Круга,

явилось в значительной мере причиной Новороссийской катастрофы, так как, узнав о нем, ген. Деникин немедленно приказал Добровольческому корпусу, доблестно сражавшемуся рядом с Донцами, отходить прямо на Новороссийск и грузиться на все бывшие там корабли для переправы в Крым: распоряжение вполне естественное, раз Казачество, в лице своего общего Верховного Круга, об'явившего себя высшей властью, отказывалось от совместных действий с Главнокомандующим, а, следовательно, и с добровольцами.

Члены Верховного Круга, подписавшие это мудрое постановление, на другой же день вынуждены были спасаться бегством из Екатеринодара вместе с Атаманом Букретовым, бросив весь свой обоз в добычу красных.

Значительная часть их, сознавая всю гибельность своего постановления, отказалась от него и присоединилась к Донармии.

Я не подчинился ему: оно губило Донскую армию, лишая ее, в самую критическую минуту борьбы, общего до тех пор единого руководства Главнокомандующего, в распоряжении которого находились все боевые и морские перевозочные средства, содействия Добровольческого корпуса, **и приказал донцам попрежнему исполнять приказы генерала Деникина.**

Командарм ген. Сидорин был со мной согласен...»

(Газета «Великая Россия», за 28 августа 1920 г. № 98 (510).

Этот приказ Донского Атамана приоткрывает завесу над той сложной закулисной работой, которую вели некоторые представители высшей военной и гражданской казачьей власти с целью опутывания Казачества русскими сетями. Верховный Круг говорил одно, а казачья исполнительная власть делала совсем другое.

Одна из главных причин страшной трагеди Казачества в том и заключалась, что **выборная исполнитель-**

ная власть весьма часто преступно саботировала проведение в жизнь законных решений Казачьих Парламентов: так было с Казачьими Конституциями, с Законом о Кубанской армии и т. д.

«Законы святы — да исполнители лихие супостаты» — красной нитью проходит через всю борьбу Казачества в 1917—1920 г.г.

* * *

Что сделал командующий Донской армией для проведения в жизнь постановления Верховного Круга о разрыве с ген. Деникиным и об организации борьбы за самостоятельное казачье государство?

3 марта Верховный Круг принял это постановление, 4 марта казаки оставили Екатеринодар и штаб Донской армии остановился на станции Г.-Афипской, а 5-го марта командующий Донской армией ген. Сидорин «из Г.-Афипской на аэроплане летал в Новороссийск к ген. Деникину», как к Главнокомандующему, за указаниями относительно плана дальнейших действий Донской армии.

«Ко времени отхода фронта за Кубань, говорит Деникин, вопрос о дальнейших перспективах армии приобретал чрезвычайно серьезное значение. В соответствии с решением моим — в случае неудачи на линии р. Кубани отводить войска в Крым, принят был ряд мер: усиленно снабжалась новая база в Феодосии; спешно заканчивалась разгрузка Новороссийска от беженского элемента, больных и раненых, путем эвакуации их за границу.

«По условиям тоннажа и морального состояния войск, одновременная, **планомерная эвакуация их при посредстве Новороссийского порта была немыслима:** не было надежд на возможность погрузки всех людей, не говоря уже об артиллерии, обозе, лошадях и запасах, которые предстояло бросить. Поэтому, для сохранения боеспособности войск, их организации и материальной части, **я наметил и другой путь — через Тамань....** 5 марта я посвятил в свои предположения прибывшего в Ставку ген. Сидорина, который отнесся к ним с сомнением. По его докладу Донские части

утратили боеспособность и послушание и вряд ли согласятся идти в Крым» (Деникин. Очерки русской смуты, т. У-й, стр. 343).

Об этой же встрече командующего Донской армией ген. Сидорина с ген. Деникиным находим следующие данные у Раковскаго: ...«Сидорин настаивал на том, чтобы, в первую очередь, немедленно наладить подвоз продовольствия к горным проходам вдоль побережья к Геленджику, дабы облегчить Донской армии отход устройством на путях баз для питания, как продовольствием, так и снарядами. Ген. Деникин убеждал Сидорина, что лучше отойти на Таманский полуостров, что им сделано распоряжение о сосредоточении в Тамани громадного числа судов, которые, в случае надобности, перевезут в Крым не только пеших, но и лошадей. Ссылаясь на последние рекогносцировки, Деникин указал, что несколькими заслонами можно держаться на Тамани столько, сколько потребуется, что Тамань чрезвычайно богата продовольствием, что там никакой опасности не предвидится, так как полуостров будет прочно держаться добровольцами.

— «С армией можно идти на Тамань, — возражал ему Сидорин, — но нужно опасаться, что вместе с войсками хлынут и беженцы. На Тамани, на этом маленьком клочке, соберется такая масса людей, что нужно опасаться весьма серьезных осложнений.

— «В виду этого, — говорил Сидорин, — по моему мнению, более правильно было-бы всем отходить вдоль Черноморского побережья: Добровольческий корпус будет отходить на Новороссийск, Донцы на Геленджик, Джубгу и Туапсе. Необходимо, поэтому, срочно сделать распоряжение о пловучих базах для питания продовольствием и снарядами армии, когда она будет идти по Черноморскому побережью.

— «Боевых припасов и продовольствия для людей будет достаточно, — заявил Деникин. — Будет достаточно и зернового фуража. Сено-же для лошадей подвезти невозможно»... (Раковский. В стане белых, стр. 190—191).

В тот-же день, 5 марта, ген. Сидорин из Новорос-

сийска возвратился в Г.-Афипскую и отдал следующую директиву:

«Вне очереди, секретно, оперативная.

«Директивой Главкома от 4 марта Нр 001544 Добркорпус выделен из состава Донской армии, которой по отходе за Кубань директивой того же числа Нр 001606 приказано упорно оборонять линию р. Кубани от устья р. Лабы до Федоровки включительно, во исполнение чего приказываю:

1) Группе ген. Секретева занять и упорно оборонять участок от устья р. Лабы до Екатеринодарского железно-дорожного моста исключительно, производя перегруппировку (далее названы аулы, которые должен был занять Конный 4-й Донской корпус, далее аулы, где должен расположиться 2-й Дон. корпус, но непривычные для Донского штаба эти названия так искажены, что невозможно установить настоящие названия аулов)... 3-й Кубанский корпус Тохтамукай—Новодмитриевская.... Кроме того, установить прочную связь с Кубанскими частями, которым приказано прикрыть Лабинский и Майкопский отделы, особенно Туапсинское направление.

2) Третьему (Донскому) корпусу занять и упорно оборонять участок далее на запад до Федоровки включительно, освещая беспрерывной разведкой полосу к югу от железно-дорожной линии Григорьевская—Холмская—Шапсугская в пределах полосы корпусов.

3) Полковнику Ясевичу продолжать операцию очищения от зеленых дороги Новодмитриевская—Ставропольская—Джубгская. Заняв Ставропольское, дальше не двигаться, выслать разведку на юг в сторону перевала и на юго-восток — на Ключевую»...

Таким образом, 5 марта войскам ставились задачи: оборонять линию рек Лабы и Кубани, вести наблюдение за «зелеными», очищать дорогу через горы на Джубгу и прикрывать Туапсинское направление. Относительно направления дальнейшего движения армии директива ничего не говорила. Между тем этот последний вопрос, естественно, больше всего волновал, как командный состав, так и рядовых бойцов.

«Начальствующие лица стали в тупик. Стал на очередь вопрос: куда же базироваться и направлять свои тылы? Вследствие того, что у добровольцев выразилось тяготение к Новороссийску, Донская армия, чтобы сохранить единство фронта, оттянулась в район голодный, трудно проходимый, в тылу с массой зеленоармейцев», — 6 марта 1920 г. записано в журнале военных действий Донской армии.

Союз с «белыми» действительно завел Казачество в страшный тупик....

«Раздавались голоса сдвига на восток для базирования на Майкопский—Баталпашинский отделы, предоставив добровольцев самим себе. Цель — продержаться в указанном районе до восстания на Кубани и Дону» (журнал воен. дейс. Дон. армии).

Эта запись показывает, что и в Донской армии были сторонники отхода армии в том направлении, которое избрали для себя Рада, Атаман и Правительство Кубани.

Возможно ли было временно удержаться за Кубанью, реорганизовать казачьи силы, чтобы потом двинуться на север с целью изгнания красных войск с Казачьих территорий?

Если казаки в течение полутора месяца могли активно защищать нижнее течение р. Дона и р. Маныча, то, очевидно, значительно усилившиеся теперь за счет Кубанцев, они могли бы при разумном и энергичном казачьем руководстве защитить и Закубанье, базируясь по железным дорогам на Новороссийск и Туапсе. Удержание богатых хлебом и скотом Майкопского и Лабинского отделов в руках казаков в полной мере обеспечивало бы питание армии. За Кубань отошло полных четыре Кубанских и четыре Донских корпусов, в которых было, в общем, не менее 70—80 тысяч боевого элемента.

Но, к сожалению, некому было организовать и воодушевить эту массу бойцов, некому было повести ее к новым победам.

* * *

По возвращении командующего Донской армией из

Новороссийска, 6 марта в Г.-Афипской было собрано совещание командиров Донских корпусов и на этом совещании было решено принять план дальнейших действий, предложенный ген. Деникиным.

Одновременно с этим сторонниками Деникина была проведена энергичная работа в том направлении, чтобы заставить членов Верховного Круга изменить решение о разрыве с Деникиным, принятое 3 марта в Екатеринодаре. Командующий армией ген. Сидорин и начальник штаба ген. Кельчевский сами вели переговоры с членами Донского Круга, указывая последним на необходимость отмены решения Верховного Круга.

В то время большевики сумели уже перейти р. Кубань около Екатеринодара. Создалось весьма тяжелое положение. Терская фракция Верховного Круга вынесла нижеследующее постановление:

«Выписка из протокола заседания Терской фракции Верховного Круга Дона, Кубани и Терека, от 7 марта 1920 г., станица Георгие-Афипская.

Учитывая, 1) что в основу решения Верховного Круга 3 марта с. г. о пересмотре соглашения с ген. Деникиным были положены, как официальные, так и частные сообщения, которые ныне командованием решительно опровергаются, и 2) что Терская фракция не была представлена, в виду экстренности заседания, в полном своем составе, **Терская фракция Верховного Круга считает постановление 3 марта для себя и для Терского Войска необязательным.**

В виду же получения тревожных сведений о положении дел в Терском Войске, Терская фракция находит необходимым незамедлительно выехать в полном составе в Войско, считая от'езд свой временным, о чем постановляет довести до сведения Верховного Круга».

Русское направление снова побеждало...

Еще более тяжелым было положение у Кубанцев. В день оставления казаками гор. Екатеринодара три Кубанских корпуса — генералов **Шифнер-Маркевича, Науменко и Писарева** — находились на р. Лабе. Рада, Ата-

ман и Правительство не имели связи с этими Корпусами, а **командиры Корпусов**, как сказано выше, **подчинялись только указаниям ген. Деникина.**

Если принять во внимание, во-первых, то, что, главным образом, члены Кубанской Краевой Рады настояли на постановлении Верховного Круга о разрыве с Деникиным, и, с другой стороны, то, что командующий Кубанской армией ген. Улагай, его штаб и командиры всех четырех Кубанских корпусов решительно стояли за сохранение связи казаков с Деникиным и за подчинение ему казачьих армий, можно ясно представить, какая недопустимая путаница и неразбериха, какой **политический хаос царил среди кубанских правящих верхов.**

С Радой, Атаманом и Правительством выступил в поход прекрасно дисциплинированный особый отряд под командой ген. Морозова, силою в 3—4 тысячи штыков и шашек. Через Екатеринодар в том же направлении прошел и 3-ий Кубанский корпус ген. Топоркова. Остановились сначала в ауле Тохтамукай.

«За Кубанью сосредоточились значительные вооруженные силы», рассказывает быв. член Куб. Правительства Сулятицкий, «но привести их в порядок некому было. Командующий Кубанской армией ген. Улагай, возможно, еще не чувствовал себя физически здоровым (после тифа) и, остановившись на некоторое время на станции Афипской перед тем, как двинуться на Новороссийскъ, не имел связи с армией. Начальник штаба (Кубанской) армии ген. Стогов тоже покинул армию, его внимание было приковано к Новороссийску, где находились ген. Деникин, все генералы Добрармии и Донской Атаман ген. Богаевский. Старейший среди Кубанского командного состава командир Корпуса ген. Топорков никак не годился для организационной работы. Военный министръ ген. Болховитинов не проявлял интереса в вопросе о состоянии армии. А Кубанский Атаман не нашел в себе решимости, чтобы держаться раз намеченной политической линии и чтобы ликвидировать кубанскую «атаманию» (самоуправство) и взять в руки кубанских генералов. Он относился к событиям как-то пассивно, проявляя кое-какую

активность только в мелочах» (журн. «Кубанський Край», Нр. 9 за 1931 г. Прага, статья П. Сулятицького: Від разгрому Ради до капітуляції. Куб. армії, стр. 8).

Вот краткая характеристика печального состояния кубанских верхов в то время, когда так необходимо было проявить **творчество, энергию, бодрость духа, веру в конечную победу...** Так печально выглядел тот руководящий правительственный центр Кубани, который в страшные для нее часы должен был взять в энергичные и разумные руки все руководство военной и гражданской жизнью Кубани.

Кубанское казачество снова поднялось и наполнило Кубанские Корпуса, казаки снова шли на кровавые жертвы. И что же они увидели на том месте, откуда должен был раздаться повелительный и ободряющий голос, указывающий выход из тяжелого положения?

Ген. **Улагай** — лично храбрый человек, но безоговорочный сторонник Деникина. Ген. **Стогов** — чужой для Кубани человек, слепой последователь Деникина. Ген. **Топорков** — иприсной Кубанский казак, лично храбрый, но не разбиравшийся в происходивших событиях, — сторонник Деникина. Ген. **Болховитинов** — умный и подготовленный генерал, по всей душой преданный России, к тому же не казак, перед выходом в поход поддерживал связь с подпольной большевистской организацией в Екатеринодаре. **Букретов** — не казак, лично храбрый, любящий великую Россию генерал...

Командир 3-го Куб. корпуса ген. Топорков, его начальник штаба и большинство старших офицеров этого Корпуса были против разрыва с ген. Деникиным.

При таких условиях Рада, Атаман и Правительство Кубани решили отправиться с Кубанским правительственным отрядом на восток — в район гор. Майкопа.

Командующий Кубанской армией ген. Улагай 4-5 марта находился в поезде на станции Афипской, поддерживая тесную связь с находившимся рядом с ним штабом Донской армии. Ген. Улагай внимательно следил за действиями ген. Сидорина, всецело разделяя

взгляды последнего на необходимость теснейшего сотрудничества с ген. Деникиным. Решение командующего Донской армией отводит Донцов в Крым вполне соответствовало и намерениям командующего Кубанской армией.

Так как командующий восточной группой Кубанских Корпусов ген. Писарев и командиры тех Корпусов горячо поддерживали планы ген. Деникина, осуществлявшиеся командующими Кубанской и Донской армиями, ген. Улагай мог надеяться на то, что его приказ об отводе и Кубанских Корпусов на Новороссийск-Тамань будет выполнен в точности. Поэтому немедленно после принятия командующим Донской армией решения об отходе на Новороссийск, ген. Улагай 6 марта отдал Кубанской армии следующую директиву:

«Ген. Писареву, ген. Шкуро, Наштарм Дон., Наштаглаву. 0972. В виду создавшегося тяжелого положения на фронте Вашей группы, полного развала Терского фронта, нежелания Кубанцев защищать даже свои станицы и — решения Донского командования отводить свою армию на Тамань, я, **после совместного с командармом Дон обсуждения общей обстановки, решил оставить Туапсинское направление и отводить на Новороссийск.** В дальнейшем **решена переброска в Крым,** где успехи наших войск в связи с положением Советской России дают полное основание развить успех с надеждой на окончательную победу.

«В виду изложенного, приказываю вверенной Вам группе, не теряя тесной связи с Донармией, **теперь же отойти на Пшиш и Кургу,** дабы выйти из-под ударов Булённого, так и зеленых со стороны Туапсе. В дальнейшем Ваши действия сообразовать с правофланговым Донским корпусом, не допуская обойти его противнику и имея в виду отходить в общем направлении на (станицы) Саратовскую — Пензенскую — Калужскую — Северскую — Холмскую — Крымскую. Имейте в виду необходимость обеспечения при отходе своего левого фланга и тыла со стороны зеленых.

«По оставлении железной дороги уничтожить все армейские склады, оставляемые там, взорвите мосты и бронепоезда и при возможности разрушите полотно. При отходе по грунтовым путям взрывайте и жгите мосты.

«Возьмите с собой по сколько возможно запасы продовольствия, не расчитывая в этом на местные средства, а также артсклады и деньги из местных казначейств и банков.

Связь держите по радио, летчиками и через Донцов.

Штаб остается пока на ст. Георгиеафипской.

Ст. Георгиеафипская. 6 марта 1920 г., 23 ч. 55 м.

Нр 01016. Генерал-Лейтенант **Улагай».**

Эта директива совершенно отчетливо говорит о том, что 1) решение об отводе Кубанской армии на запад было принято ген. Улагаем «после совместного с Командармом Дон обсуждения». 2) что, ВОПРЕКИ РЕШЕНИЮ КУБАНСКОЙ РАДЫ, АТАМАНА И ПРАВИТЕЛЬСТВА, решено было оставить богатый хлебом и фуражем район Кубанского Края и целых две Казачьих армии стянуть в район сравнительно бедный хлебом и фуражем. 3) что решено было оставить Казачью Землю и перейти в Крым, тоже бедный хлебом и фуражем...

И все это решено было осуществить при условии, что **в то время казаки о Крыме и слышать не хотели.** О том, что в Новороссийске могло не хватить пароходов для всех, ген. Улагай, вероятно, даже не подумал.

Если командующие Кубанской и Донской армиями действительно верили в то, что в Крыму «успехи наших войск в связи с положением Советской России дают полное основание развить успех с надеждой на окончательную победу», — почему генералы считали изолированный Крым более подходящим для развития этого успеха, нежели богатую Кубань?

Тем более непонятным становится отдание этой директивы при условии, что еще перед ее составлением советские войска буквально по колосом двух командующих казачьими армиями — Донской и Кубанской,

сумели уже перейти реку Кубань у Екатеринодара и развивали наступление в сторону аула Тохтамукая, угрожая разрезать казачий фронт на две части, и что первые попытки Донского командования, сделанные днем 6 марта, с целью ликвидировать этот прорыв, не имели успеха. Между тем группа Кубанских Корпусов под общим командованием ген.-лейт. Писарева в то время находилась еще верст на 70-80 восточнее гор. Екатеринодара.

Не менее симптоматичным является и то обстоятельство, что командующий Кубанской армией ген. Улагай спешил оттянуть Кубанские Корпуса именно из того Майкопского района, который Кубанская Рада, Атаман и Правительство считали наиболее подходящим для реорганизации казачьих сил и для начала нового казачьего похода против русского большевизма, стремившегося укрепиться на Казачьей Земле.

Глава XIX.

Хаос на казачьих верхах. — Большевики охватили казачьи силы с флангов и прорвали их в центре. — Разрыв казачьего фронта. — Провал плана похода донцов на Тихорецкую — Дон. Меры Донского командования для обеспечения эвакуации Донской армии через Новороссийск. — Командиры Кубанских корпусов не признали Кубанской власти и постепенно уводят Кубанскую армию на Туапсе.

Верховный Круг разорвал с Деникиным, но, как отмечено выше, Донской Атаман и командующий Донской армией не подчинились решению Верховного Круга и по-прежнему подчинялись Деникину

Кубанская Рада, Атаман и Правительство не признавали власти Деникина, однако, командующий Кубанской армией ген. Улагай и командиры Кубанских Корпусов тоже не подчинились постановлению Верховного Круга и продолжали считать Деникина Главнокомандующим. А так как в силу Куб. Конституции только Кубанскому Атаману принадлежало верховное руководство всеми вооруженными силами Кубани, между поставленной Радой властью и высшими руководителями Кубанских вооруженных сил началась борьба. При чем, ни Кубанский Атаман, ни командующий Кубанской армией не пошли на открытый разрыв: Атаман не отрешил от должности непокорного командующего Кубанской армией, а ген. Улагай не об'явил войскам о том, что он не признает власти Кубанского Атамана...

Ген. Улагай не пожелал присоединиться к Кубан-

ской Раде, Атаману и Правительству, а продолжал упорно держаться линии железной дороги на Новороссийск, где находился Деникин, и туда же тянул Кубанские Корпуса с восточного фронта (директива от 6 марта). В то же время командир 3-го Кубанского корпуса, находившегося вблизи штаба Улагая, ген. Топорков открыто продемонстрировал свое нежелание подчиниться решению Верховного Круга о разрыве с Деникиным и не подчинился Кубанскому Атаману. Тот же ген. Топорков очень охотно признавал ген. Деникина главнокомандующим казачьими вооруженными силами.

Нежелание Донского Атамана и командующих Донской и Кубанской армиями и командиров Кубанских Корпусов подчиниться решению Верховного Круга Дона, Кубани и Терека о разрыве с ген. Деникиным; отречение Терской фракции от того же постановления Верховного Круга; фактическое прекращение работ Верховного Круга; полное бездействие Кубанского Атамана и Кубанского Правительства, терпевших недопустимое и чрезвычайно вредное для успеха борьбы самоуправство кубанских генералов, — указывали на то, какая ужасная анархия царила на казачьих правительственных верхах в то время, когда **больше всего необходимо было проявление самых энергичных и решительных действий единой казачьей власти...**

Хаос, царивший на верхах казачьей власти, вне сомнения, крайне разлагающе действовал на офицерство и казачью массу, убивая в них всякую веру в успех дальнейшей борьбы. И было естественно, что масса, в период неудач особенно чуткая к тому, что делается на верхах, колебалась, моральная устойчивость ее и готовность идти на новые жертвы ослабевала...

Вновь обострившаяся борьба русского и казачьего течений весьма пагубно отразилась на всем ходе дальнейших событий, предопределяя их трагический конец.

Это обстоятельство в значительной степени облегчило работу большевистской власти и большевистского командования. Советские войска сравнительно легко перешли р. Кубань у устьев р. Лабы и нажимали на

правый фланг казачьего расположения за р. Кубанью...

7 марта 1920 г. ген. Деникин приказал «Донской армии и Добровольческому корпусу оборонять линию р. Кубани от устья Курги до Ахтанизовского лимана», т. е. до Азовского моря. Кроме того, «Добровольческому корпусу теперь же частью сил, обойдя кружным путем, занять Таманский полуостров и прикрыть от красных северную дорогу от Темрюка» (Деникин. Очерки русской смуты, т. У-й, стр. 343). Однако, Добровольческий корпус оставил р. Кубань и поспешил к станице Крымской, а оттуда на Новороссийск.

Большевистские войска вслед за Добровольцами перешли р. Кубань у станицы Варениковской — верстах в 27 на юго-восток от гор. Темрюка, заняли станицу Гостагаевскую, а 10 марта красные были уже в Анапе, что лежит на берегу Черного моря, верстах в 45 на северо-запад от Новороссийска. Вследствие этого большевики отрезали казакам путь на Таманский полуостров... Из станицы Гостагаевской и из Анапы красные начали осторожно продвигаться на Новороссийск.

Так, вследствие бегства Добровольческого корпуса к Новороссийску советские войска охватили и левый казачий фланг на левом берегу р. Кубани.

Одновременно с охватом флангов казачьего фронта за Кубанью большевисткое командование весьма энергично действовало и в центре — в районе Екатеринодара.

«Большое смятение (в штабе Донской армии) вызвал тот факт, что железнодожный мост (у Екатеринодара) через р. Кубань был разрушен недостаточно; виною всего этого является Начинженер, который, не желая подвергать себя опасности, отнесся к поставленной ему задаче с чисто формальной стороны; приняты были чрезвычайные меры, чтобы не допустить перехода большевиков по железно-дорожному мосту» (запись в журнале воен. действ. Дон. армии за 6 марта).

На рассвете 6 марта началась уже переправа красных из гор. Екатеринодара на южный берег р. Кубани. Переправа эта через многоводную реку удалась только благодаря тому, что Донское командование и Донские

части очень и очень небрежно отнеслись к делу организации охраны течения быстроводной и глубокой Кубани.

Первые попытки Донского командования, сделанные 6 марта, при помощи бронепоезда ликвидировать группу советских бойцов, переправившихся около Екатеринодарского железно-дорожного моста на левый берег р. Кубани, не увенчались успехом.

Этим дело не ограничилось: 6 марта «красные, сбив огнем наше (Донское) сторожевое охранение на левом берегу (р. Кубани) у ст. Пашковской — верстах в десяти восточнее вышеупомянутого железно-дорожного моста, переправились на лодках на южный берег» (оперативная сводка к 8 часам утра 7 марта). Обстоятельства, при которых произошла эта переправа большевиков через Кубань, красноречиво говорят о том, как плохо охраняли казаки эту реку.

Отметим здесь еще и то, что переправа красных у железно-дорожного моста через Кубань у Екатеринодара произошла на стыке флангов 2-го и 3-го Донских корпусов, при чем верстах в 7-ми от места переправы большевиков через Кубань — в ауле Тохтамукае — находился 3-ий Кубанский корпус ген. Топоркова... Так что командование казачьими войсками могло бы быстро сосредоточить к месту переправы большие силы для ликвидации красных...

Сравнительно недалеко от того же железно-дорожного моста — в ауле Шенджий — находился и Кубанский Атаман ген. Букретов с правительственным отрядом, а в станице Георгие-Афипской пребывали два командующих армиями ген. Сидорин и ген. Улагай.

Чем же были заняты казачьи власти, что дали возможность красным постепенно переправиться через Кубань и накопиться на ее левом берегу?

Командующий Донской армией с командирами Донских корпусов и с командующим Кубанской армией 6 марта в Георгие-Афипской обсуждали план дальнейшего отступления армий. Ген. Улагай, кроме того, был занят составлением директивы, согласно которой целых три Кубанских Корпуса должны были оставить

богатый хлебом район Белореченской-Майкопа и отходить поперек множества рек и речек, по перелескам голодного района к Новороссийску мимо Екатеринодара, возле которого большевистские войска уже накоплялись на левом берегу р. Кубани.

Сверх того, генералы были заняты спешной «работой» по ликвидации постановления Верховного Круга Дона, Кубани и Терека от 3 марта о разрыве Казачества с ген. Деникиным. К сожалению, все свое внимание казачьи генералы сосредоточили на борьбе с казачьей самостийностью и не смогли исполнить прямой обязанности — не допустить прорыва казачьего фронта на линии р. Кубани; не допустить захвата красными войсками богатого района между реками Белой и Лабой; не допустить перехода советских войск через р. Кубань в ее нижнем течении.

Что получилось? В то время, когда большевитское командование все свое внимание сосредоточило на том, чтобы поскорее нанести казакам смертельные удары, чтобы раздробить казачьи силы, чтобы загнать их в район голодный, командование казачьими силами как-бы шло навстречу этим стремлениям красного противника: казачьи генералы, противясно выраженной воли Казачества, тянули восемь казачьих корпусов под власть Деникина, а настоящие деникинцы — Добровольческий корпус, бросив охрану нижнего течения р. Кубани, пустили большевиков за эту реку к гор Анапе и в район Новороссийска: на другом конце фронта группа генералов во главе с Писаревым поспешно отводила Кубанские Корпуса с р. Лабы на р. Белую и дажее в горы; а командующие армиями генералы Сидорин и Улагай тянули эти армии в Крым; командир 3-го Кубанского корпуса ген. Топорков, вместо защиты переправ у Екатеринодара, вел словесные сражения с Кубанским Атаманом ген. Букретовым и с президиумом Верховного Круга на тему о том, что лучше для казаков, исполнять ли постановления Верховного Круга или же слушаться повелений ген. Деникина, сидевшего в Новороссийске.

Десятки тысяч казаков оставили родные станицы;

оставили близких людей, свои семьи и ушли в армию с оружием в руках не для того, конечно, чтобы быть игрушкой в руках военных и гражданских русских политиков, не для того, чтобы уходить с Деникиным в Крым, а для борьбы за освобождение Родной Казачьей Земли... Верховный Казачий Круг рвал с Деникиным, а казачьи генералы упорно тянули Казачество под власть этого генерала.

При этих условиях роль русского «красного» командования свелась, в конце концов, только к тому, чтобы помочь русскому «белому» командованию поскорее ликвидировать ненавистный для тех и для других Казачий самостийный фронт, чтобы десятки тысяч вооруженных казаков, после двухлетней упорной и кровавой русско-казачьей борьбы, поскорее принудить к капитуляции...

Проигравшиеся «белые» разлагали **казачьи силы**, а «красные» дезорганизованную «белыми» казачью массу подталкивали к новороссийской пробке и загоняли в туапсинско-сочинский мешок.

Если внимательно присмотреться к тому, что делалось в марте 1920 г. за спинами казаков на всем фронте от Таманского полуострова до р. Белой, пристальным глазам может открыться ужасная картина **предательства, измены и обмана** со стороны одних, и глубокого страдания других вследствие своей доверчивости, незнания политической грамоты, неуменья вести борьбу и против тех, кто нападал с фронта, и против тех, кто вредил в тылу.

* * *

Обратимся теперь снова к событиям, разыгравшимся у екатеринодарского железно-дорожного моста. «С 5 часов 30 минут утра (7-го марта) началась операция по очищению левого берега р. Кубани от красных», говорит оперативная сводка, «но вследствие отсутствия согласованности в действиях 6 дивизии и 2 Корпуса, а также отсутствия связи (между Донскими частями), наступление желательных результатов не дало; переправились на левый берег у желез.-дор. моста 181, 182 и 183 совет. полки. Приказано вновь во что бы то ни

стало выбить красных рано утром 8 марта с левого берега Кубани» (операт. сводка).

«В течение последнего месяца все планы и расчеты, как высших, так и низших чинов армии, а также и беженцев строились, главным образом, на отходе за Кубань. Такая неутомимость, энергия и высокая активность большевиков были для всех совершенно неожиданными. Строя и обсуждая планы дальнейшего отхода, никто не предполагал, однако, что противник переправится через Кубань чуть-ли не на следующий день после взятия Екатеринодара.

На командный состав все это произвело потрясающее впечатление, говорит непосредственный наблюдатель жизни штаба Донской армии Г. Раковский (В стане белых, стр. 192).

7-го марта бои шли уже у аула Тохтамукай, что лежит верстах в семи от гор. Екатеринодара. 8-го марта красные ворвались в самый Тохтамукай.

После этого 2-му и 3-му Корпусам было «приказано отбросить противника за реку» (сводка Д. Ар.).

В виду занятия красными Тохтамукая, штаб Донской армии перешел в станицу Ильскую — в 25 верстах западнее ст. Г.-Афипской, а штаб Кубанской армии переехал в станицу Крымскую – верстах в 40 западнее Г.-Афипской.

Снова было приказано командиру 3-го Донского корпуса (раньше приказывалось командиру 2 Донского Корпуса) выбить красных с левого берега Кубани. 8 марта «21-я, 23-я и 33-я советские дивизии, заняв Тохтамукай, продолжали наступление в южном направлении. Контр-атака 3 Корпуса в 11 часов успеха не имела вследствие сильного артиллерийского и пулеметного огня» красных (сводка дон. арм.).

8 марта уже и станица Ново-Дмитриевская — в 25 верстах юго-западнее Екатеринодара — была занята красными.

В течение боев 6—8 марта большевитский клин врезался в тело Донской армии на 30 верст в глубину и разделил казачьи силы на две части — западную, куда отошли 3-й, 2-й и 1-й Донские и 3-й Кубанский

корпуса, и восточную, где остался 4-й Донской и 1-й, 2-й и 4-й Кубанские корпуса.

9 марта командующий Донской армии сделал еще одну попытку выбить большевитский клин, а потому отдал Донской армии следующую директиву:

«Приказываю:

1) ген. Гусельщикову — 3-й Донской корпус упорно оборонять фронт по р. Убин от железной дороги включительно и далее по р. Афипс.
2) ген. Коновалову — 2-м Донским и 3-м Кубанским корпусами **овладеть** районом станицы Ново-Дмитриевской — свободы Григорьевской и **удерживать его впредь до подхода 4-го корпуса.**

Имейте в виду, что невыполнение этих задач поставит армию и, главное, 4-й корпус в тяжелое положение.

Утром 10-го марта Штарм Дон перейдет в Крымскую.

9 марта, 18 часов, Нр 0993/К».

Однако, и эта попытка не увенчалась успехом.

После этого большевитсткое командование поспешило бросить советские войска далее на юг — через горные перевалы в Черноморскую губ., чтобы перерезать дорогу между Новороссийском и Туапсе. 50-я Таманская красная дивизия — остатки бывшей Таманской красной армии, погибшей в боях с казаками в 1918—1919 г.г., была направлена на Джубгу. Бросив в трудно проходимых горах свой обоз и большую часть артиллерии, дивизия вышла в район Джубги, где соединилась с «Черноморской» советской красной армией (Е. Ковтюх. От Кубани до Волги и обратно, стр. 91).

Можно не сомневаться в том, что этот разрыв казачьего фронта за р. Кубанью на две части в значительной мере поясняется настойчивостью красного командования и упорством советских войск в достижении намеченной командованием цели. Но это обстоятельство все же не было главной причиной большевистских успехов.

Было уже подчеркнуто (гл. ХУШ), что командующий Донской армией ген. Сидорин на совещании с ген.

Деникиным 5 марта в Новороссийске обсуждал вопрос **об отводе всей Донской армии на Новороссийск и на Таманский полуостров;** было также отмечено, что 6 марта на совещании в штабе Донской армии в станице Г.-Афипской ген. Сидорин настоял на том, чтобы Донская армия отступала именно в западном направлении, намеченном ген. Деникиным. Это решение было настолько категорическим и бесповоротным, что и командующий Кубанской армией 6-го же марта отдал директиву своей армии тоже о немедленном отходе на Новороссийск.

Командир 4-го Донского корпуса, вследствие большевитского прорыва казачьего фронта оторвавшийся от остальных Донских корпусов и отступивший потом в Туапсинском направлении, ген. Стариков говорит следующее по поводу проведения в жизнь решения вышеупомянутого совещания, состоявшегося в штабе Донской армии 6 марта:

...«После совещания, происходившего 6 марта в Афипской, мы, для выполнения таманской операции, расчитывали отводить Корпуса, в том числе и 4-й, на линию железной дороги Екатеринодар-Афипская-Новороссийск. Мой 4-й Корпус был у Усть-Лабы. В два дня я привел его в район (станиц) Ново-Дмитриевской, Калужской и Саратовской. Но здесь выяснилось, что **Донской штаб со всеми войсками ушел и Г.-Афипская уже занята большевиками.** В виду этого, мне ничего другого не оставалось, как отходить горными проходами прямо на Туапсе вместе с Кубанской армией» (Раковский. В стане белых, стр. 196).

Из этих слов ген. Старикова видно, что 4-й Донской корпус немедленно после совещания 6 марта в Г.-Афипской приступил к проведению в жизнь поставленной всей Донской армии задачи — отхода на запад.

Точно также и бывший начальник оперативного отделения Донской армии полк. Добрынин говорит: «армия 8 (21) марта двинулась дальше на Новороссийск» (Борьба с большевизмом на Юге России. Участие в борьбе Дон. казачества. Прага. 1921, стр. 106).

Бывший командир Донской Сводно-Партизанской

дивизии полк. Ясевич в своем рапорте на имя ген. Деникина 24 марта 1920 г. сообщал: ...«8 марта в станице Григорьевской (не станица, а село) была получена новая директива, коей упразднилось назначение (Сводно-Партизанской) дивизии, как авангарда Донской армии при движении на Джубгу и указывалось общее направление отхода (армии) на Северскую-Новороссийск».

Вышеприведенные данные ясно говорят о том, что вся Донская армия отводилась в Новороссийский район с целью перевозки ее морем в Крым. Если командиры всех Корпусов хорошо знали о решении Деникина-Сидорина отводить войска именно на запад, если об этом знали вообще в Донской армии, естественно, особенно после всего пережитого, трудно было ожидать от частей армии упорства в боях у Екатеринодарского железно-дорожного моста. Каждый казак хорошо понимал, что все равно, не сегодня так завтра, придется оставить те места, на которых приказывалось проливать кровь.

В корне ошибочным было основное решение генералов — отступать на Новороссийск-Тамань. Это решение, как известно, исходило из другого неправильного решения, а именно, что борьба на Казачьей территории прекращается и переносится в Крым. Это было не казачье, а русское решение вопроса.

Активность большевиков и пассивность казаков только ускорили осуществление этого, в корне неправильного, решения.

Генералы сами прекрасно понимали, что через Новороссийск невозможно было перевезти в Крым целых две казачьих армии и десятки тысяч беженцев. И все же эти армии направляли к Новороссийску, собираясь там пересеять казаков на густое русское сито.

Казаки приносились в жертву «белой» русской идее.

Не раз уже выше было отмечено то, что рядовая казачья масса бойцов и не думала о переезде в Крым. Не мало было и казачьих офицеров, которые тоже не

принимали и не одобряли решение об эвакуации казаков в Крым. Это нежелание казаков прекратить вооруженную борьбу на Родной Земле не раз находило своих выразителей и защитников и среди высших чинов Донской армии, близко стоявших к ген. Сидорину.

Даже и после навязанного Казачеству «решения», принятого на совещании 6 марта в ст. Г.-Афипской, деникинское решение об отходе казаков на Новороссийск-Тамань встретило довольно сильную оппозицию на верхах Донской армии. По этому поводу в журнале военных действий Донской армии находим следующую запись за 8 марта 1920 г.:

«Вечером у командарма было совещание в составе командарма ген. Сидорина, начальника штаба ген. Кельчевского, наштакора 4-го (Корпуса) ген. Коновалова (?) и начальника оперативного отделения полк. Добрынина. Цель совещания — командарм пожелал выслушать доклады упомянутых лиц, предлагавших, **вместо принятого верховным командованием решения отходить в Крым, перейти к активным действиям. План последней операции — прорыв фронта красных и рейд конной группы на Дон; этим рейдом может быть поднято упавшее настроение войск... Направление намечалось на Тихорецкую и далее по обстановке»...**

Командующий армией ген. Сидорин высказался решительно против этого плана. **Вместо этого он предложил отступать на Крым, откуда возможно движение на Дон северным берегом Азовского моря.**

Этот документ ясно говорит о том, что некоторые высшие чины Донской армии отвергали решение Деникина-Сидорина об «отходе в Крым». Очевидно, авторы отважного казачьего рейда с Закубанья на Дон находили достаточно оснований для обеспечения его успеха.

Ген. Сидорин отверг этот проэкт. В то же время он принял меры к тому, чтобы успокоить казаков, не принимавших плана «отхода в Крым», и чтобы обеспечить эвакуацию казаков через Новороссийск.

Вместе с тем, было решено усилить политическую работу в целях полного примирения ген. Деникина с

Донским казачеством. Ген. Сидорин сделал большой нажим на членов Донского Круга.

8 марта «с этим решением — отступление на Новороссийск, а также с целью разъяснить «инцидент» с Верховным Кругом и сообщить о том, что Донская фракция в Г.-Афипской категорически высказалась против разрыва, начальник штаба Донской армии ген. Кельчевский... полетел в Новороссийск (поезда в то время почти не ходили) с докладом Главнокомандующему; условия производства операции, о которых Кельчевский должен был сообщить Деникину, заключались в следующем: первой воинской частью, которая будет переброшена в Крым, должна была быть непременно Донская дивизия, дабы казаки знали, что их не бросят на побережьи» (Раковский... В стане белых, стр. 194).

Кроме того, так как казаки с большими опасениями и недоверием поглядывали в сторону Новороссийска, решено было послать из штаба Донской армии к ген. Деникину в Новороссийск особую Комиссию в следующем составе: инспектора артиллерии Донской армии, ген. барона Майдель, начальника снабжений ген. Калиновского, начальника штаба 4 Донского корпуса ген. Калиновского и начальника оперативного отделения штаба Донской армии полк. Добрынина.

Как говорит журнал военных действий Дон. армии, этой Комиссии было поручено «дело выяснения точных условий подготовки эвакуации». Эта Комиссия должна была «следить за всеми мероприятиями в отношении эвакуации и блюсти интересы Донской армии, принимая участие во всех перевозках». Об этих перевозках Комиссия должна была немедленно сообщать в штаб, попутно освещая все, что происходило в Новороссийске (выше цитированная книга Раковскаго, стр. 194).

***

Отход войск на Новороссийск только усилил процесс падения настроения войсковых частей. Среди казаков пошли разговоры об уходе к «зеленым» в горы и даже о возможности переговоров с большевиками... К «зеленым» переходили не только отдельные казаки,

но и целые войсковые части. 9 марта официальное сообщение в штаб Донской армии говорило о том, что «в районе ст. Смоленской «зеленые» разоружили 4-ю и 5-ю Донские бригады»...

Все сказанное выше о жизни Донской армии за период времени с 5 по 10 марта, о деятельности ген. Сидорина и иных высших чинов этой армии свидетельствует о том, что среди Донцов снова возобладало стремление не только не рвать с ген. Деникиным, но теснейшим образом сотрудничать с ним, оставляя Донскую армию в его подчинении. Донское командование отказалось от самостоятельного ведения борьбы на Казачьей территории.

Отход армии за р. Кубань, таким образом, не был использован в том отношении, чтобы за этой весьма значительной водной преградой реорганизовать и сплотить казачьи силы и бросить их на новую борьбу с противником, заливавшим кровью захваченные им казачьи станицы... Отход за р. Кубань не явился даже небольшой передышкой для казачьих войск, а только очередной кратковременной остановкой на заранее намеченном пути — в Крым...

Донской Атаман, хотя и отдал 3 марта приказ, возвестивший армии его решение быть неразлучно со своими войсками, в действительности весьма поспешно уехал в Новороссийск, где совершенно притих... Донская армия и массы Донских беженцев в минуту крайней и смертельной опасности напрасно утомленными и измученными взорами искали своего Атамана, напрасно ожидали его твердых и ясных решений и распоряжений...

В то грозное для Дона время Донской Атаман как бы совершенно не существовал.

Кипучая деятельность командующего Донской армией свелась к тому, чтобы продвинуть армию далее на запад... Напрасно некоторые высшие чины Донармии предлагали перейти к активным действиям, напрасно они пытались убедить командующего двинуть Донскую конницу на Дон вместо того, чтобы погибать на путях в Крым...

Повторилась история с совещанием в штабе Донской армией, бывшим в ст. Тимошовской 26 февраля 1920 г., когда начальник штаба Донской армии ген. Кельчевский, выслушав весьма веские возражения против перевозки Донцов в Крым, просто об'явил решение Деникина, как уже готовый приказ армии, подлежащий беспрекословному исполнению.

***

В значительной степени иную картину можно было наблюдать в правительственном центре Кубани. Кубанская Рада и не собиралась перерешать вопрос о разрыве с Деникиным.

Когда Кубанская Рада, Атаман и Правительство 7 марта находились в ст. Пензенской — верстах в 35 к югу от Екатеринодара, туда на аэроплане прилетел ген. Шкуро, направлявшийся к командирам трех Кубанских корпусов группы ген. Писарева с директивой ген. Улагая об отводе этих Корпусов в Новороссийском направлении (глава ХУШ).

Несуразность этого распоряжения была настолько очевидной для Кубанцев, что в тот же день, в ст. Пензенской, Атаман Букретов отдал командирам Кубанских корпусов восточного фронта приказ о том, чтобы они сосредоточили Корпуса в районе станице Белореченской и прикрыли город Майкоп с севера.

В этот же день, 7 марта вечером, ген. Писарев получил и директиву ген. Улагая об отходе на Новороссийск и ануллирующий эту директиву приказ Кубанского Войскового Атамана.

Кубанские генералы отказались подчиниться Кубанскому Атаману, но т. к. движение на Новороссийск было уже невозможно, они бросились к Туапсе...

***

Посмотрим, какое положение было тогда на фронте восточных казачьих Корпусов.

Бывший командир 2-го Кубанского конного корпуса ген. Науменко об этом говорит следующее: ...«7 марта, во время боя 2-го Куб. корпуса на р. Белой у селения Филипповского, туда неожиданно подошла го-

лова 4-го Донского корпуса, который 8-го марта занял район ст. Бжедуховской и ниже по р. Белой.

8 марта вечером в районе ст. Черниговской соединились 2-й Кубанский и 4-й Конный корпус... Положение на фронте Туапсинской группы к этому времени было следующее:

1) Части 4-го конного (Кубанского) корпуса только сегодня (8 марта) оставили Белореченскую и отошли на левый берег р. Белой. Правый фланг его (ген.-лейт. Бабиев) оставался в районе Майкопа.

2) Ген. Шифнер-Маркевич — командир 1-го Куб. корпуса, выполняя задачу расчистить путь на Туапсе, подходил вдоль железной дороги к станице Хадыжинской.

3) 2-й Куб. корпус занимал 2-й дивизией станицу Пшехскую, имея 4-ю дивизию в резерве в станице Черниговской.

4) Левее, как указано выше, были части 4-го Донского корпуса.

Противник наступал, главным образом, вдоль Армавир-Туапсинской железной дороги, имея здесь бронепоезда и пехоту, и со стороны Усть-Лабинской, откуда шли две кавалерийские дивизии, усиленные пехотой.

(Журнал «Казачьи Думы», Нр 19(3), 15 февраля 1924 г. София. Статья В. Мельниковского: Черноморская трагедия, стр. 4).

Соотношение советских и казачьих сил тогда было таково, что Казачьи Корпуса без особых усилий могли бы, хотя временно, удержать фронт по линии р. Белой. При такой общей обстановке командующий группой этих казачьих Корпусов ген. Писарев получил вышеназванные, уничтожающее одно другое, распоряжения Кубанского Атамана Букретова и командующего Кубанской армией Улагая.

Вечером 8-го марта ген. Писарев собрал совещание в составе командиров Корпусов для обсуждения вопроса о дальнейших действиях этой группы войск. Было установлено, что при создавшихся условиях не-

возможно отводить Кубанские корпуса, согласно директивы ген. Улагая, на Новороссийск.

В то же время эти генералы стремились во что бы то ни стало выполнить основную директиву ген. Деникина — эвакуацию в Крым. Естественно, что генералы, перед этим всю свою жизнь служившие только России, в 1918—1920 годах делавшие все, чтобы подчинить казачество Деникину, чтобы помешать осуществлению самостийнических стремлений Казачества, — не признали постановления Верховного Круга о разрыве с ген. Деникиным и не захотели подчиниться Кубанскому Атаману.

Не об удержании Белореченской и Майкопа, не о продолжении борьбы в пределах Кубани думали эти генералы, а о том, как поскорее уйти с Казачьей Земли в Крым, где собирались русские генералы, куда стекались иные руководители русского «белого» движения.

Писарев и Науменко хорошо знали, что Кубанская Рада, Правительство и Атаман спешат к своим Корпусам; что 8 марта «в районе Саратовской станицы находился Кубанский отряд, направлявшийся с Войсковым Атаманом на Белореченскую», т. е. Кубанский Атаман находился всего в 35—40 верстах от Армавир-Туапсинской жел. дороги, на которой тогда находились три Кубанских корпуса — 2-й ген. Науменко, 4-й ген. Писарева и 1-й ген. Шифнер-Маркевича.

Что же сделали генералы?

7-го марта командующий группой ген. Писарев получил приказ Кубанского Атамана об удержании района Белореченской-Майкопа, а 8-го марта **он спешно уводил корпуса с линии р. Белой, оставив в руках большевиков в вагонах на станции Белореченской большие запасы так необходимого для армии продовольствия.**

Этим дело не ограничилось: 8 марта, после упомянутого выше совещания, ген. Писарев, по соглашению с ген. Науменко, приказал войскам немедленно отойти на линию станиц Линейная-Апшеронская, т. е. от линии р. Белой отскочить верст на 35—40. Несмотря на то,

что гористая местность представляла весьма большие удобства, по крайней мере, для обороны, уже 9 марта Корпуса выполнили эту генеральскую директиву, оставив в руках большевиков богатые станицы и углубившись в бесхлебный район на Туапсинском направлении.

Таким образом, в течение всего двух дней, 7-9 марта, генералы сумели поставить Кубанскую власть перед глубоко печальным, трагическим по своим последствиям, фактом — отхода Кубанских корпусов в район гористый и очень бедный.

Кубанский Атаман, узнав об отводе Корпусов с линии р. Белой, был глубоко возмущен таким поведением генералов. Правительственный отряд с Радой из станицы Саратовской был направлен на станицу Кутаисскую, т. е. восточное направление движения переменил на юго-восточное.

Стремясь во что бы то ни стало задержать войска от дальнейшего углубления в горы, Кубанский Атаман послал соответствующий новый приказ командирам Корпусов.

«В ночь на 10-е марта командир 2-го корпуса», сам о себе повествует ген. В. Науменко, «получил записку от начальника авангарда Кубанского отряда ген.-м. Ходкевича из станицы Абхазской. Ходкевич сообщал, что Войсковой Атаман, продвигаясь от станицы Саратовской к Кабардинской, приказывает всем частям, находящимся в районе Кабардинской, оставаться там впредь до его прибытия туда с Кубанским отрядом, после чего на совещании командиров Корпусов, начальников дивизий, командиров бригад и командиров частей будет решено, что делать дальше» (там же, стр. 5).

Чтобы побороть самоуправство генералов Писарева и Науменко, Кубанский Атаман решил подчинить Кубанскую конницу ген. Шкуро, а — пехоту ген. Морозову. Данный Кубанским Атаманом приказ об этом был вручен Писареву и Науменко 10 марта. Несмотря на этот категорический приказ Войскового Атамана, названные генералы продолжали делать свое дело: Писарев и Науменко порешили на том, что они и 2-й Куб.

корпус поскорее передвинут далее в горы — в направлении на Туапсе, чтобы не дать возможности Кубанскому Атаману использовать этот Корпус для удержания в руках казаков района Белореченской-Майкопа Этот уход 2-го Корпуса в тыл генералы пробовали об'яснить будто бы необходимостью оказания помощи Корпусу ген. Шифнер-Маркевича, продвигавшегося к Туапсе вдоль железной дороги, хотя в действительности Шифнер-Маркевич и без помощи ген. Науменко успешно выполнял возложенное на него задание. Само собою разумеется, что продвижение через Кавказский хребет не могло быть особенно быстрым, особенно если принять во внимание то, что ген. Шифнер-Маркевич вообще тогда действовал осторожно, не желая понапрасну проливать кровь вверенных ему войск.

12 марта 2-й Кубанский корпус ген. Науменко оставил фронт, где его заменили части, пришедшие из Екатеринодара с Атаманом, Правительством и Радой, и направился на Туапсе, к которому уже подходили части Шифнер-Маркевича.

Приняв на себя, по приказу Кубанского Атамана, командование Кубанской конницей, ген. Шкуро поспешил вслед за уходящими к Туапсе генералами, чтобы при свидании с ними, использовав и свое личное влияние еще недавнего командующего Кубанской армией, приостановить их, разрушающую фронт, работу. 12-го января на станции Хадыженской состоялась встреча генералов. Шкуро пробовал было убеждать Писарева и Науменко в необходимости подчинения войск единому командованию.

Необходимо подчеркнуть, что в январе и первой половине февраля 1920 Писарев и Науменко подчинялись Шкуро, ибо последний распоряжением Деникина был тогда поставлен командующим Кубанской армией. Теперь тот же ген. Шкуро получил назначение из рук Кубанского Атамана. Но, ген. Писарев, как командующий группой, по предварительному соглашению с ген. Науменко, **«категорически и открыто заявил ген. Шкуро, что он, Писарев, и далее будет выполнять только приказания Деникина, что никакой иной власти над со-**

бою не признает, что он подчиненными ему войсками займет г. Туапсе, установит связь с Деникиным и в дальнейшем будет действовать согласно распоряжений последнего» (там же, стр. 6).

В этот день Кубанская Рада, Атаман и Правительство по невылазной грязи продвигались из ст. Линейной в станицу Кабардинскую. Вечером они, по засасывающей грязи, вышли из ст. Кабардинской в станицу Хадыженскую, к которой с востока подходит шоссе из гор. Майкопа и далее вьется к югу — к гор. Туапсе.

Ген. Науменко целую ночь пировал в станице Хадыженской: гремела музыка, ручьем лились напитки...

Пир во время чумы...

Утром 13 марта ген. Науменко, очевидно, не желая встречаться с Кубанской Радой, со своим штабом двинулся далее в сторону Туапсе.

На фронте остались Кубанские части, прибывшие из Екатеринодара с Атаманом под командой ген. Морозова, и части ген. Бабиева, решившего подчиниться распоряжению Кубанского Атамана.

13 марта ген. Букретов сделал еще одну попытку остановить движение Корпусов на Туапсе: в этот день он, вместе с председателем Правительства В. Иванисом, отправился на станцию Гойты, что находится вблизи одноименного перевала, и там имел разговор с Писаревым и Науменко.

Как повествует один из участников этого совещания — ген. В. Науменко, **«ген. Букретов начал совещание в повышенном тоне, заявив, что в то время, когда он со своими войсками имеет в виду начать наступление для занятия ближайшего района Кубани и дальнейшего продвижения вглубь ее, командный состав Туапсинской группы выкидывает «штуки»...**

...Ген. Писарев, взволнованный обвинением ген. Букретова, протестовал против безосновательного обвинения, напомнил, что **у него есть главнокомандующий, приказания коего он и исполняет...**

...Вопрос об об'единении командования остался открытым впредь до занятия Туапсе и установления связи с ген. Деникиным» (там же, стр. 6-7).

Бывший член Кубанского Правительства того времени П. Сулятицкий об этом же совещании говорит следующее: ...«Атаман предложил ген. Писареву, как старшему среди кубанского командного состава, взять в свои руки руководство военными операциями. Ген. Писарев заявил, что он «картузник» (кубанские казаки называли русских «картузниками») и имеет единую задачу дойти до Туапсе, где его ожидают пароходы. Генералу Науменко Атаман приказал немедленно двинуться со своим Корпусом назад для поддержки ген. Бабиева и ген. Морозова, но ген. Науменко отказался исполнить приказ, заявив, что его казаки «потеряли сердце и драться не в состоянии. Генералы Бабиев и Морозов, отбиваясь от большевиков собственными силами, начали постепенно отходить к Туапсе» (журнал «Кубанський Край», Нр 9, 1931 р. Прага, стр. 13).

Так, многократные попытки Кубанского Атамана заставить генералов Писарева и Науменко исполнять свои приказы, не увенчались успехом.

Вместе с войсками отступали многочисленные беженцы. «По невылазной грязи раскисшей дороги мимо станицы Кабардинской шли повозки, наполненные всяким хламом, начиная от корзин и чемоданов и кончая кроватями, пружинными матрасами, мебелью, швейными машинами и пр. Вперемежку с войсковыми обозами, везшими фураж и огнестрельные припасы, двигались экипажи с дамами в изящных костюмах, с собачками и кошками... Наряду с казаками ехали верхом на лошадях сестры милосердия и просто дамы в мужских и женских костюмах. Здесь же плелись табуны донских лошадей, едва передвигавших ноги, и стада калмыцкого скота; тянулись целые обозы калмыков с женщинами, детьми и их убогим скарбом. И все это шло вперемешку с войсковыми обозами и орудиями» (выше цитированная статья Мельниковского, стр. 5).

В то же время в тяжелое положение попал 4-й Донской, бывший ген. Мамонтова, Корпус, в 1920 г. особенно отличавшийся в январских боях на р. Доне и р. Маныче. Как было отмечено выше, и этот Корпус,

согласно директивы ген. Сидорина, должен был отступать на Новороссийск. Когда же 6—8 марта советские войска южнее гор. Екатеринодара перерезали казачий фронт на две части, этот корпус повернул сначала на восток, потом на юго-восток, стремясь соединиться с Кубанскими корпусами, чего он и достиг в районе Армавир-Туапсинской желез. дор.

Этот Корпус, насчитывавший около 17 тыс. казаков, тоже направился на Туапсе... «Весь день, буквально весь день, через (Гойтский) перевал шел 4-й Донской (Мамонтовский) конный корпус. Это были настоящие степные рыцари. На рослых, еще не изъезженых конях, все в серых однообразных шинелях, рослые, чубатые, бородатые Донцы шли и шли... И сколько их тут было... Это была масса, сила, но сила уже подорванная». (Полк. Елисеев. Лабинцы и последние дни Кубани. Журнал «Кубанское Казачество», Нр. 2, декабрь 1931. Париж).

Когда-то страшный для большевиков Корпус... Командир его — ген. Мамонтов скоропостижно умер в Екатеринодаре 1 февраля 1920 г. Ходили упорные слухи, что его отравили... Сначала этот могучий Корпус 3—6 февраля обморозили на путях к Торговой. Теперь иные Донские Корпуса русские генералы увели на Новороссийск. 4-й же корпус пометался в изрезанном множеством рек, покрытом перелесками, бедном хлебом Закубаньи... Насупив брови, стиснув зубы, молча пошел обманутый Казачий Богатырь к глубоким водам Черного моря.

...«Не осилили тебя сильные, так дорезала осень черная»....

Глава XX.

На путях к Крымской. — Страдания казачьей массы. — Муки командного состава. — Новороссийское предательство.

В чрезвычайно тяжелом положении оказалась Донская армия после того, как 6—9 марта 1920 г. красным удалось разрезать на две части казачьи силы за р. Кубанью: 4-й Донской корпус, как отмечено выше, оторвался от своей армии и отступал вместе с Кубанцами в общем направлении на Туапсе; остальные силы Донармии и десятки тысяч беженцев были втиснуты в сравнительно узкий проход, ограниченный с юга Кавказскими горами, а с севера прикубанской низменностью, покрытой плавнями и лиманами.

В районе расположения Донармии, с востока на запад, как тонкие нити, тянулись две дороги — железная и грунтовая, связывающие станицы Афипскую, Северскую, Ильскую, Холмскую, Ахтырскую, Абинскую и Крымскую. Так как командование армией, по тем или иным причинам, отказалось от возможности отвода хотя части войск и беженцев через перевалы на Джубгу и Геленджик, Донская армия и многотысячные вереницы Донских беженцев, под незначительным давлением большевиков с востока, могли продвигаться только на запад по этим двум дорогам, пересекавшим многочисленные речки, текущие с юга на север, с гор в долину р. Кубани.

Уже одни эти неблагоприятные природные условия значительно усилили бедствия и без того измученной массы людей, оставивших Родной Кров, чтобы не попасть под власть большевиков.

Физические и моральные страдания отступавших увеличивались еще и тем, что почти стотысячная масса их не могла найти для себя в вышеназванных станицах достаточного количества продовольствия, а также фуража для лошадей и скота....

«Помню первый переход от станции Афипской до станции Ильской, помню этот серый, пасмурный день», рассказывает один из очевидцев этого отступления. «Иногда начинался дождь. Поезд (командующего Донской армией, прим. Ред.) шел черепашьим шагом; нельзя было продвигаться быстрее, потому что линия железной дороги была запружена сплошной массой телег, пешими и конными людьми. Ехать по грунтовой дороге возле железнодорожной линии было почти невозможно, так как липкая, засасывающая грязь быстро обессиливала лошадей. Паровоз то и дело издавал предупредительные свистки. С крутой насыпи телеги сворачивали направо и налево... То и дело раздавался сухой треск: это вагоны цеплялись ступеньками за телеги, которые ломались, крошились, переворачивались...

«Из окон поезда можно было наблюдать потрясающую картину. Вот растянувшийся на несколько верст калмыцкий беженский табор. Не мало калмыков перемерло по дороге. Много обозов их было захвачено большевиками. Но уцелевшие шли и шли на юг... Истощенные, заморенные безкормицей лошади, между ними огромные, забрызганные грязью, исхудалые верблюды тяжело шагают по дороге...

...«В перемежку с калмыцкими шли обозы донских беженцев, войсковые части. Лошади, пришедшие с Дона, уже окончательно были истощены непосильной борьбой с грязью.

...«Куда они идут, что с ними будет?!!

«Поезд продвигается вперед. На большой телеге, в которую запряжено четыре лошади, лежат несколько больных, очевидно, тифозных. Несмотря на долгие, неоднократные свистки паровоза, телега идет вплотную с рельсами, потому что свернуть с насыпи в грязь не решается; нельзя об'ехать и шедшие впереди запряжки. Лошади начинают биться, телега опрокидывается,

больные раскатываются с высокой насыпи в разные стороны...

«Кто может передать, какие страдания переживают эти несчастные беженцы! Что думает эта женщина с детьми, возле которой на телеге лежит труп мужчины, очевидно, мужа. Телега опрокидывается. Женщина и детишки беспомощно стоят возле нее...

«Куда ни посмотришь — беженцы и беженцы.... Они растянулись на много десятков верст... И ведь все это голодные люди, так как хлеба достать вот уже в течение недели нельзя. В поезда на стоянках то и дело являются голодные и умоляют дать им хоть кусок хлеба....

«На дороге постоянно попадались брошенные, поломанные телеги, кибитки. Их хозяева, не исключая женщин и детей, ехали на неоседланных лошадях. Валяются полузасосанные грязью лошади, верблюды»... (Раковский. В стане белых, стр. 208—211)

* * *

Глубоки и сложны были причины, вследствие которых Донская казачья армия, перед тем в 1918 и 1919 годах освобождавшая от красных обширную Донскую территорию, наводившая страх на новых московских самодержцев, теперь попала в невыносимо-кошмарные условия безостановочного, унылого, тяжелого, бесцельного, а потому и бессмысленного отступления по голодному Закубанью.

В кровавых лапах ненасытной советской Москвы вновь мучились вольнолюбивые Донские станицы с двухмиллионным казачьим населением, а за Кубанью стотысячная масса вооруженных и невооруженных Донцов тоже переживала тяжелую драму.

Как рядовая казачья масса, так и казачьи офицеры до крайних пределов, физически и духовно, были измучены за время Мировой войны и особенно в течение последних 2 1/2 лет войны с большевиками. В течение этих шести лет Казачество не оставалось в роли простого наблюдателя великих событий. Оно само, всей своей казачьей массой, явилось активнейшим участником и смелым бойцом в величайшей в истории борь-

бе народов и общественных классов, когда оружием и кровью разрешались сложнейшие социальные и национальные вопросы на обширной территории Европы и Азии, когда само Казачество в чрезвычайно сложной обстановке внутренней и внешней стихийной борьбы искало самого себя, искало свое, казачье место среди народов, как бы вдруг пробудившихся к самостоятельной государственной жизни после вековой русской неволи.

За свою неподготовленность к историческому экзамену, за свои ошибки Казачество платило дорогою ценою крови, хозяйственного разорения и тягчайших духовных и физических мук....

В течение двухсот лет используемое для государственных целей России, усыпленное русскими светскими и церковными «просветителями», Казачество в 191.. г. стало поспешно раскапывать свое историческое прошлое, чтобы с ним связать свое настоящее, чтобы на твердом фундаменте исторической традиции построить свое будущее.

Тысячи различных вопросов вдруг стали перед казаками на фронте и в тылу. Усиленно работали казачьи головы, часто бились казачьи сердца.... Сложнейшее сплетение различных вопросов в 1917 г. казаки разрешали на фронте, на станичных собраниях, на областных, фронтовых и общеказачьих с'ездах.

Зарытых в свое время от полицейского русского ока казачьих книгах, в пыльных архивах и в Войсковых музеях казачьи патриоты торопливо искали казачье прошлое. Как-бы совсем забытое, совсем, казалось, похороненное и невозвратное, это казачье прошлое вдруг снова возродилось. Появились выборные казачьи Круги и Рада, появились Войсковые Атаманы, в руки коих Казачество вручило войсковые булавы, как символ независимой казачьей государственности, старой казачьей силы и славы. Над атаманскими дворцами вновь затрепетали государственные войсковые флаги. Государственный казачий ум подсказал и необходимость общеказачьего государственного об'единения и

установления добрососедских отношений с иными народами.

Но, не выдержало Казачество духовного боя... Казаки пошли за различными русскими партиями и группами. Сами выборные казачьи Атаманы не устояли на высоких казачьих постах и склонили свои головы перед русскими генералами. Казачья булава зашаталась в слабых атаманских руках, привыкших вытягиваться «по швам» перед русскими властями.

Затуманились головы казачьи, неровно и нервно бились казачьи сердца. **Разбрелось Казачество по чужим лагерям.** В это упадочное время зимы 1917—1918 г. много упорства, героизма и доблести было проявлено отдельными бойцами, как на фронте политической, так и вооруженной борьбы. Но эти герои, защитив казачью честь и старую славу, естественно, не смогли защитить Казачьи Края от нашествия превосходных сил красных завоевателей.

Таким образом, сначала только духовная русская победа над казаками, в конце концов, привела и к физическому порабощению Казачества Но большевистские расстрелы, грабежи и насилия скоро пробудили казачью массу, и она поднялась против насильников и, организованная казачьей военной и гражданской интеллигенцией, выгнала большевистские войска за пределы Казачьих Земель.

Однако, скоро политическая неподготовленность казачьих верхов и низов наложила свою черную печать на казачье освободительное движение. В течение 1918 г. Казачество не сумело поставить перед собою единую казачью цель борьбы, не сумело об'единить свои силы для достижения той цели, не создало об'единенной казачьей власти для планомерного и целесообразного использования военных сил и экономических рессурсов Казачьих Земель и установления таких отношений с соседними народами, которые бы облегчили ведение успешной борьбы с северным соседом.

На переломе 1918—1919 г. Казачество снова как-бы склонило свою голову перед Россией: на Дону, на Кубани и на Тереке в Войсковые Атаманы были избраны

русские генералы казачьего происхождения: Богаевский, Филимонов и Вдовенко, а казачьи вооруженные силы попали в руки ген. Деникина.

Казачья война за освобождение Казачьих Земель от русского красного владычества была подменена русскими белыми и их неразумными союзниками из казаков войною Казачества за установление деникинских порядков на огромной территории, населенной русским народом. Война четырехмиллионного, хотя чрезвычайно храброго и доблестного, Казачества против 70—80 миллионной массы русского народа на русской территории была просто непосильной для Казачества. К тому же, и само Казачество, в своей массе, как известно, и не собиралось воевать за идеалы «белого» движения.

Все это привело к моральному разложению Казачества, к основательному и чрезвычайно пагубному подрыву его сил, ибо в ряды казаков проникло сознание, что их обманывают, что казаков, против их воли, стараются вывести на «московскую дорогу».

И рядовые казаки, и близкие к ним офицеры чувствовали, что делается что-то неладное, что на казачьих правящих верхах не все в порядке. Но, почти беспрерывные бои, связанные с сложными маневрированиями полков, дивизий и корпусов, нужды и перипетии повседневной боевой жизни просто не давали казакам и офицерам физической возможности для всестороннего обдумывания происходящих политических и военных событий. К тому же, на фронте недоставало информаций о том, что в действительности происходило на казачьих верхах.

***

Казачество имело своих выборных руководителей государственной жизни, внутренней и внешней политики — Войсковых Атаманов, Войсковые Круги и Краевую Раду. Эти выборные казачьи власти своей недальновидной политикой, часто вследствие непонимания происходящих событий, совершили целый ряд непоправимых ошибок: это они, волей или неволей, в 1918—1919 годах избирали в Войсковые Атаманы сторонни-

ков России и русского «белого» движения; это они одобрили соглашение с «белыми» и подчинение Деникину казачьих вооруженных сил; это они допустили, что сношения с иностранными государствами попали исключительно в руки пришлых русских; это они своим авторитетом выборности и многоголовой непогрешимости заглушали в 1919 г. оформление открытого самостийнического движения среди казаков....

Даже июньское 1919 г. убийство председателя Кубанской Краевой Рады Н. С. Рябовола, даже ноябрьский переворот на Кубани и повешение А. И. Кулабухова не всколыхнули решительно казачьи парламенты и не всех сдвинули с ранее занятой позиции соглашательской политики с Деникиным.

Казачья масса глухо волновалась.. Недовольство пробегало в рядах офицерства. Среди Кубанцев создалось «зеленое» движение, как проявление, хотя и пассивного, но все же вооруженного протеста против той официальной политики, которую вели выборные казачьи власти. Это массовое недовольство официальной казачьей политикой на Кубани вылилось в бурных заседаниях Кубанской Краевой Рады, а общеказачье недовольство вырвалось наружу на первых заседаниях Верховного Круга Дона, Кубани и Терека 5—12 января.

Но, скоро казачьи громы снова утихли. Казачество, как заколдованное, снова пошло с Деникиным.

Обанкротившийся русский вождь тянул казаков... в Крым.

Как свидетельствуют об'ективные данные, Донская армия даже в то время, когда она безостановочно отходила все далее на юг по территории Кубани, не думала о возможности перехода в Крым, а значит, ненужным был и ее отход к Новороссийску.

Выше было отмечено ясное мнение командира 3-го Донского корпуса ген. Гусельщикова, говорившего, что «в Новороссийск идти — это значит быть потопленным в море»... Было отмечено мнение генерал-квартирмейстера Донской армии полк. Кислова, высказывавшего ся против ухода в Крым и отмечавшего, что казаки «го-

ворят о возможности отступления в Грузию и даже в Персию, но не в Крым, куда стремятся только офицеры» (глава XVI). Начальник оперативного отделения Донской армии полк. Добрынин подчеркивает ту же мысль: «Необходимо указать, что рядовое казачество, решив идти куда угодно, часто говорило о Грузии, Армении, Персии и Турции, но почти никогда не слышно было среди казаков разговоров о Крыме». (Добрынин. Борьба с большевизмом, 1921. Прага, стр. 108).

Несмотря на все это, Донскую армию вытянули на неприемлемое для казаков «Крымское» направление.

Естественно, все те причины, благодаря которым Донская армия после двухлетней упорнейшей и кровавой борьбы, принуждена была оставить Родную территорию; все страшное и кошмарное, что претерпела эта армия во время тяжелого отступления с Дона на Кубань; те невыносимо тяжелые условия, в которых оказалась она за р. Кубанью на «крымском» направлении, — все это было причиною глубоких страданий казаков.

Невольно перед каждым казаком поднимались вопросы: что делать дальше? Как помочь Родной Земле освободиться от «красных»? Как развязаться с «белыми»? Где выход?

Позади были два страшных года ужасной борьбы, годы под'ема и упадка духа. Позади остались родные станицы, семьи, ковыльные степи, широкие поля...

Впереди — горы, добровольческий Новороссийск, море и опасный Крымский мешок... Позади — красные, оголтелые победители... Впереди — неизвестное будущее, в лучшем случае — новая игра в «союз» с опостылевшими «белыми»...

Кругом — Кубанские станицы и хутора, переполненные «зелеными» Кубанскими казаками с их неясной и неопределенной программой дальнейшей борьбы....

Невольно опускались сильные казачьи руки, полная кошмарных мыслей и неразрешимых вопросов склонялась голова, болело сердце, тускнели смелые степные очи...

И неудивительно, что «то и дело поступали (в штаб Донской армии) сведения о том, что отдельные люди,

а иногда и (Донские) части переходили к «зеленым», возвращались от них, захватывались в плен, уходили из плена. Смелость и предприимчивость «зеленых» доходили до того, что, например, в двух верстах от штаба армии семь зеленоармейцев стали на дороге, где проезжали обозы и даже части, и начали разоружать проезжавших, отправляя их к себе в горы... Многие беспрекословно подчинялись этому требованию и покорно уходили в горы по указанию зеленоармейцев... Положение осложнялось еще сознанием его безвыходности, полным отсутствием планов и перспектив»...

...«Обстановка девятого и десятого марта носила чисто «майнридовский» характер. Кругом происходила страшная путаница, виновниками которой были зеленые... Помню — девятого марта возле штаба я встретил офицеров и казаков, которые явились сообщить о том, что их Черкасский полк, расположенный в Холмской, недалеко от штаба (армии), стоявшего в Линейной, перешел на сторону зеленых...

...«Штаб Донской армии так же, как и каждая воинская часть, был со всех сторон окружен зелеными... В Крымской выяснилось, что пребывание в горах самым тяжелым образом отразилось на Донской армии. Проходя через зону зеленых, армия оказалась окруженной со всех сторон... Зеленые расслоили Донскую армию, окончательно дезорганизовали ее тыл. Воинские части, потерявшие надежду уйти от большевиков, то переходили к зеленым, то оказывали им пассивное сопротивление, то снова уходили и двигались на Новороссийск. Одно время казалось, что главная масса Донской армии превращается в зеленых. В Крымской, например, командир 2-го корпуса, ген. Сутулов, официально доложил, что две бригады его Корпуса перешли к зеленым. Потом выяснилось, что так оно и было, но, побывав у зеленых, переговорив с ними, ознакомившись с обстановкой, бригады снова ушли вслед за войсками» (Раковский. В стане белых, стр. 212—219).

Не меньшие муки переживал и командный состав. Как это было и в других Войсках, в мирное время казачьи офицеры своими заботами и трудами воспиты-

вали казачью боевую массу; они, вместе с рядовыми казаками, перенесли все тяжести Мировой войны и наступившей потом еще более тяжелой войны против большевиков; казачьи офицеры разделили с армией все муки отхода с Родной Земли.

***

Казачий командный состав, за редкими исключениями, добровольно пошел за Деникиным. Когда в 1918—1919 годах кубанские самостийники добивались установления прямых сношений между Казачеством и иностранными государствами, права распоряжения новороссийским портом, Донской Атаман и донское командование не только не поддержали Кубанцев, но оказались всецело на стороне Деникина. Отбитый Кубанскими казаками у большевиков Новороссийск остался в руках добровольцев.

Теперь Донские генералы сами оказались в положении простых и бессильных просителей перед Деникиным и его генералами, бесконтрольно распоряжавшимися новороссийским портом и всеми транспортными средствами.

После отступления Донской армии за р. Кубань Донское командование добровольно отказалось от ведения самостоятельной акции: был отброшен план похода на Дон, в то же время донское командование не организовало отвода войск и беженцев через перевалы Шабановский и Бабича на Джубгу и Геленджик на Черноморском побережьи, как не было сделано попытки самостоятельного отхода Донской армии на Таманский полуостров.

Положившись всецело на Деникина, командующий Донской армией, надо полагать, надеялся, что признанный им главнокомандующий сделает все, как для спасения Донской армии, так и для обеспечения возможности дальнейшей борьбы. Однако, донское командование вскоре разочаровалось в своих надеждах на Деникина и его помощников.

Сначала командующий армией не понимал, почему из штаба главнокомандующего не поступает никаких сведений в то время, когда Донармия совершала свой

крестный путь, направляясь в район станицы Крымской. Только по прибытии 11 марта в эту станицу ген. Сидорин, к своему ужасу, узнал, что Добровольческий корпус, которому общей директивой была поручена охрана нижнего течения р. Кубани и путей на Таманский полуостров, оставив позиции, отошел к Новороссийску, и что большевистские войска уже заняли не только нижнее течение Кубани, но вошли и в гор. Анапу.

11 марта в штабе Донской армии, в ст. Крымской, была получена из штаба Деникина телеграмма, говорившая о том, что «в виду изменившейся обстановки на фронте — отход на Тамань невозможен».

К этому времени Донармия и массы беженцев подошли уже в район станицы Крымской. Если в то время невозможно было перейти в общее наступление против большевиков, то все же Донская армия, при некотором усилии, еще могла обеспечить для себя и для беженцев пути отступления: а) на юг по шоссе через перевал Бабича на Геленджик, б) на Таманский полуостров, для чего требовалось предварительно отбросить на правый берег р. Кубани те большевистские части, которые у станиц Варениковской и Троицкой успели переправиться на южный берег этой реки; в) был открыт путь на Новороссийск.

Однако, в то время все внимание донского командования было направлено только к Новороссийску, куда еще 8 марта, как сказано выше, из штаба Донской армии была послана особая Комиссия (глава XVIII).

Какое отношение со стороны Деникина и его приближенных встретила эта Комиссия в Новороссийске? Перед тем, как перейти к рассмотрению документального ответа на этот вопрос, припомним некоторые факты из недавнего прошлого.

При рассмотрении событий казачьей истории 1917—1920 годов и вопроса о взаимоотношениях Казачества и русского «белого» движения, в соответствующих местах было отмечено: а) что Деникин, которому в оперативном отношении были подчинены и казачьи вооруженные силы, именно казачьим Корпусам, обыкновенно, давал самые трудные и наболее ответственные

задачи на фронте; б) что и дома, и за границей русские имели обыкновением приписывать русскому оружию казачьи победы над большевистскими войсками; в) что в действительности вожди «белого» движения и их казачьи приспешники обманывали казаков, стараясь их славные полки использовать для достижения своих контр-революционных и единонеделимческих целей; г) что даже в январе 1920 г. сам ген. Деникин, Донской Атаман А. Богаевский и командующий армией ген. Сидорин, стремясь сломить волю Верховного Круга, всячески уверяли казаков в чистоте и высоте патриотических стремлений Деникина и его добровольцев; уверяли в их неизменно добром, сердечном и, даже, любовном отношении к Казачеству, что вообще русские будто бы по братски делили с казаками и радость и горе...

Теперь казачья армия и десятки тысяч Донских беженцев, благодаря ошибкам одних и предательству других, попали в самые трагические условия. Донское командование, так много и упорно поработавшее над тем, чтобы казачьи вооруженные силы удержать под властью Деникина, очевидно, верило, что этот последний честно и добросовестно выполнит взятые им на себя обязательства.

Председатель вышеназванной Донской Комиссии, ген.-лейт. барон Майдель, через два дня после перехода Новороссийска в руки большевиков, 16 марта 1920 г., за Нр. 83, уже в г. Феодосии, подал ген. Сидорину рапорт «о новороссийских событиях». В этом рапорте, между прочим, говорится следующее:

«Согласно Вашего приказания, 8-го марта Комиссия под моим председательством, в составе членов: генералов Ивана и Константина Калиновских и полк. Добрынина, отбыла вечером из Афипской в Новороссийск для организации и поверки подготовительных работ по эвакуации Донской армии с Таманского на Керченский полуостров (задания этой Комиссии, определяемые здесь ген. Майделем, расходятся с определением заданий этой же Комиссии, зафиксированных в журнале военных действий Донской армии, цитированном выше, примечание Ред.). К утру 9-го марта мы продвинулись

только на один перегон. Вечером 9-го были в Крымской, где встретили ген. Кельчевского (начальник штаба Донармии), возвращавшегося из Новороссийска.

«Ген. Кельчевский подтвердил решение отхода Донской армии на Гамань, но уже тогда говорили, что **все решения запаздывают и что это решение тоже принято поздно.** Мнение это подтвердили слухи, ходившие по станции, что Варениковская переправа сдана, что конница Барбовича (генерал из Добровольческого корпуса ген. Кутепова)... отходит.

«Всемерно проталкивая поезд, мне удалось дойти до Новороссийска утром 11 марта. Немедленно мы представились Атаману... Атаман сообщил: 1) движение на Тамань отменено, так как красные уже в Анапе, 2) полк. Апостолов до сего времени являлся представителем Дона в Эвакуационной комиссии и он осведомлен о состоянии плавучих средств, 3) средства эти малы, но ожидают прихода.

«Совместно с Атаманом Комиссия направилась к ген. Деникину... В вагон главнокомандующего вошел **сначала Атаман, потом пригласили нас. Первоначально ген. Деникин принимать нас не хотел.**

«**Прием был крайне сухой. Разговор имел расплывчатый характер** и сводился, примерно, к следующему: 1) движение на Тамань невозможно, так как красные в Анапе и двигаются на Абрау-Дюрсо... С отменой таманской операции, Комиссии, по прямому назначению, делать нечего. 2) Донцы, большинство, а Кубанцы в особенности (утверждал Деникин) не желают драться, а при таких условиях невозможно управление и выполнение директив. Единственно сохранили боеспособность части корпуса ген. Кутепова и было бы несправедливым, если плавучие средства были отняты у тех, кто дерется, в пользу тех, кто драться не желает. Общее число людей у ген. Кутепова ген. Деникин исчислял в 17.000 человек (на фронте числилось около 9-ти тысяч, прим. Ред.). Во всяком случае, тех, кто будет драться, вывезут (утверждал Деникин). 3) Вечером вопрос (об эвакуации) будет обсуждаться.

«**На эти намерения главнокомандующему было до-**

ложено, что охрана левого фланга и путей на Тамань не лежала на Донской армии, и потому ее нельзя винить в том, что противник в Варениковской и в Анапе. Поэтому ответственность за неисполнение директив не лежит на Донской армии.»

«Ген. Иван Калиновский доложил: 1) Лавина обозов и беженцев, масса конных и пеших людей, которых мы видели из окон вагона, подходит к Новороссийску и зальет город. Необходимо их остановить во что бы то ни стало, иначе наступит анархия. Ген. Деникин сказал, что будут приняты меры по силе наличных средств. 2) Как начальник снабжений Донской армии, он (ген. Калиновский) докладывает необходимость теперь же принять меры обеспечения фуражем и довольствием тех, кто пойдет вдоль берегов на юг. На Новороссийск пойдет около 50.000 людей, относящихся так или иначе к Донской армии, и около 50.000 беженцев.

«По окончании разговора, около 14 часов, я и генерал Иван Калиновский пришли в вагон связи главнокомандующего, прося вызвать штаб Донской армии на провод. Связи не было. Мы проехали в город, чтобы видеть ген. Вязьмитинова (председателя Эвакуационной комиссии при Деникине, прим. Ред.), но его не застали. Вернувшись в вагон связи, все таки провода не получили — не отвечал вокзал.

«Тогда я отправился на вокзал, чтобы переговорить с Вами (с командующим Донской армией, прим. Ред.) оттуда... Двигаясь на вокзал, я увидель, что голова лавины уже вкатывается в город...

«Телеграф был страшно загружен и около двух часов я добивался Крымской. Мне сказали, что Ваш поезд на первом раз'езде от Крымской к Новороссийску. Туда прямого провода не было; попытка переговорить через Крымскую не удалась, почему пришлось ограничиться посылкой Вам телеграммы, где кратко освещалась обстановка и я просил Вас немедленно прибыть в Новороссийск.

«С вокзала я направился в вагон главнокомандующего на заседание. От прочих членов комиссии в это время поступили сведения, что наличный тоннаж отдан

корпусу Кутепова, что идет погрузка имущества (добровольческих) частей, включая параллельные брусья и ломанные столы, что у судов стоят караулы.

«Эти сведения были доложены Атаману, причем решено было настаивать немедленно распределить справедливо и поименно суда.

«Совещание было бесцветное. Выяснилось, что **от Анапы — Абрау угроза преувеличена. На запрос Атамана о распределении судов и необходимости точно указать, кому какие суда (драться спокойно смогут только тогда, когда будут знать, что суда есть и посадка обеспечена) — определенного ответа не было дано и указано, что это дело Эвакуационной комиссии** (председатель ген. Вязьмитинов). Заседание этой комиссии назначено на 8 часов вечера следующего дня».

О чем говорит вышеприведенная часть рапорта ген. Майделя?

Во-первых, целых два дня потребовалось на то, чтобы Донская комиссия из ст. Крымской могла добраться до Новороссийска. В эти же дни начальник штаба Донской армии ген. Кельчевский, формально считавшийся и военным министром Южно-Русского правительства при ген. Деникине, передвигался из Новороссийска в Крымскую. «Около станции Тонельной броневая площадка, на которой я ехал», рассказывает Кельчевский, «сошла с рельс благодаря тому, что навстречу шел огромнейший обоз бригады Барбовича, входившей в состав Добровольческого корпуса. По нашим рассчетам, эта бригада должна была находиться у переправы через Кубань, расположенной возле станицы Варениковской, а между тем, она двигалась уже через Тонельную. Это означало, что переправа никем не защищалась, что фактически **добровольцы не защищали участка, который им был дан, и находились далеко в тылу,** двигаясь вместе с громаднейшими обозами беженцев. Я ехал девятого и десятого марта, причем **мимо меня на Новороссийск промчался грандиозный поезд командира Добровольческого корпуса ген. Кутепова, который везли четыре паровоза»** (Раковский. В стане белых, стр. 199).

Железно-дорожным движением распоряжались русские, потому представителя казачьей армии просто сбросили с дороги в сторону, чтобы очистить путь для огромнейшего обоза конной бригады Добровольческого корпуса, спешившего в Новороссийск.

Председатель Донской комиссии и начальник артиллерии Донской армии ген. Майдель тоже принужден был «всемерно подталкивать поезд», чтобы с трудом в течение двух дней пробираться в Новороссийск. Однако, по той же дороге на Новороссийск просто «промчался грандиозный поезд» Кутепова.

❄ ❄ ❄

Как видно из рапорта ген. Майделя, ген. Деникин сначала просто не хотел говорить с Донской комиссией, состоявшей не из ненавистных для него казачьих самостийников, а из старших и заслуженных офицеров Донской армии, так же, как и Деникин, любящих Россию, всемерно поддерживавших «белое» движение и, в меру своих сил, боровшихся против казачьих самостийников.

Когда же Деникин и принял эту казачью Комиссию, то этот «прием был крайне сухой» и «разговор имел расплывчатый характер»...

Так русский главнокомандующий встретил представителей Донской армии в то время, когда эта армия и все Донское Казачество переживали тягчайшие дни невыносимых моральных и физических мук, когда преданное Войско Донское мучилось под красной русской властью, а его армия и беженцы терзались на тернистом пути на Новороссийскую Голгофу.

Даже разумные победители в войне враждующих государств не относятся к побежденным и попавшим в плен так надменно и высокомерно, как отнесся Деникин к этой Комиссии, имевшей задачей облегчение положения Донцов, перед тем в течение двух лет сражавшихся против большевиков, а еще раньше неоднократно стяжавших славу во внешних войнах России, которую теперь хотел репрезентовать новый неудачный Иван Калита — Деникин.

Во время этого же разговора с Комиссией Деникин

оскорблял Донскую и Кубанскую армии, приписывая им нежелание сражаться против большевиков, хотя сам он знал и прекрасно понимал, что именно он и его слепые казачьи сторонники своей неразумной политикой погубили казачье освободительное движение, вымотали казачьи души, подточили казачьи силы...

Хорошо знал Деникин и то, что именно он сам заблаговременно приказал своим генералам-казакам поскорее отводить казачьи армии к берегам Черного моря с целью перевозки в Крым и что эти генералы старательно выполняли эту его директиву: одни гнали Кубанскую армию и 4-й Донкорпус на Туапсе, а другие — тянули Донскую армию на Новороссийск.

К глубокому сожалению, ни рядовое казачье офицерство, ни тем более казачья масса тогда ничего не знали о том, какое черное, неслыханное предательство совершалось за их спинами.

Во время разговора с членами Донской комиссии Деникин прекрасно знал, что именно его Добровольческий корпус, за несколько дней перед тем, бросил нижнее течение р. Кубани, без боя пустил большевиков на Таманский полуостров и в район гор. Анапы — в тыл Донской армии; что в момент встречи Деникина с Донской комиссией Добровольческий корпус был занят исключительно вопросом погрузки на пароходы и мерами, обезпечивающими его эвакуацию.

И при этих условиях Деникин, дабы хотя как-нибудь оправдать бегство «добровольцев», осмелился утверждать, что будто бы «единственно сохранили боеспособность части корпуса ген. Кутепова и было-бы несправедливым, если бы пловучие средства были отняты у тех, кто дерется, в пользу тех, кто драться не желает»...

❦

Уже заграницей ген. Деникин, во многих случаях перекручивая историю, замалчивая многие, неприятные для себя, факты и выдавая за правду то, чего в действительности не было, написал «Очерки русской смуты», изданные в пяти томах. О факте действительно постыдного, в первой своей стадии скрытого от

донского командования, поспешного ухода Добровольческого корпуса с линии р. Кубани к Новороссийску, ген. Деникин распубликовал в этих «Очерках» следующее:

«Движение на Тамань с перспективой новых боев на тесном пространстве полуострова, совместно с колеблющейся казачьей массой смущало Добровольцев. Новороссийский порт влек к себе неудержимо и побороть это стремление оказалось невозможным. Корпус ослабил сильно свой левый фланг, обратив главное внимание на Крымскую-Тонельную, в направлении жел.-дор. линии на Новороссийск» (т. У-й, стр. 334).

Даже большевики смеются над такими писаниями Деникина. Один из большевистских исследователей прошлых событий по поводу этих утверждений Деникина написал следующее: «Ослабление это выразилось, проще говоря, в обнажении участка под Варениковской с отходом снявшихся частей в район Крымской — путь к Раевской — Новороссийску» (Б. Майстрах. Маныч-Егорлыкская-Новороссийск. 1929. стр. 156).

В то время, когда Деникин восхвалял боеспособность Добровольческого корпуса, Донская комиссия, в полном согласии с правдой, констатировала, что в действительности «наличный тоннаж отдан корпусу Кутепова, что идет погрузка имущества (добровольческих) частей, включая параллельные брусья и поломанные столы, что у судов стоят (добровольческие) караулы».

Когда на пароходах находилось место даже для добровольческого барахла — параллельных брусьев и поломанных столов — добровольческие генералы просто игнорировали насущнейшие нужды верной еще ему Донской казачьей армии, высшие представители которой — Аатаман Богаевский и командующий Сидорин так неизменно, деятельно и долго поддерживали политику ген. Деникина.

Насколько только было возможно, в 1918-1920 г.г. «белые» русские использовали казачью армию. Теперь русские убегали за границу и в Крым, казачья армия им не была нужна...

Донскую армию подорвали морально, затянули ее

к Новороссийску в голодный район, отдали большевикам путь отступления на Тамань, поспешно захватили в свои руки транспортные средства и быстро грузили на пароходы Добровольческий корпус, а казачью армию просто бросили.

❦

Когда начальник штаба Донской армии ген. Кельчевский, прилетев из штаба Донской армии на аэроплане в Новороссийск, 8-го марта впервые сообщил Деникину о посылке Донской комиссии в Новороссийск, то **«главнокомандующий был этим страшно возмущен».**

«Это что-же, контроль?» — спросил он.

Выслушав пояснение ген. Кельчевского — **«мы просим, чтобы наши представители были здесь и следили за всеми эвакуационными мероприятиями, дабы мы находились в курсе всего того, что здесь происходит»,** генерал Деникин **возмущенно заявил: «это чистейшая самостийность».**

Почему так возмущался Деникин самым фактом посылки в Новороссийск Донской комиссии в составе хорошо подготовленных военных специалистов, известных всему Войску Донскому? Если бы Деникин действительно честно и благородно думал поступить в деле эвакуации Донской армии, он должен бы был только приветствовать присылку казачьей Комиссии, которая не только могла фактически оказать помощь в трудном и сложном деле эвакуации армии, но могла перенять на себя и моральную ответственность за успех или неуспех такого ответственного дела.

❦

12 марта утром в Новороссийск прибыл командующий Донской армией ген. Сидорин и немедленно направился на совещание с Деникиным. Последний подчеркнул, что части отходят без боя, что приходится ждать катастрофы, что «необходимо сейчас заботиться только о том, чтобы вывезти командный состав, офицеров и тех, кому угрожает наибольшая опасность; раненых и больных придется оставить».

На замечание ген. Сидорина о том, что пароходы

захватываются одними добровольцами, ген. Деникин категорически заверил командующего Донармией, что это неправда и что «все пароходы будут распределены равномерно» между добровольческими и казачьими частями.

После этого ген. Сидорин заслушал доклад председателя Комисси ген. Майделя, сообщившего, что все суда поступают в распоряжение командира Добровольческого корпуса и что Донской армии не предоставлено пока ни одного парохода.

Получив эти сведения, Сидорин приказ Майделю немедленно выяснить точное распределение судов; при этом начальник штаба Донармии ген. Кельчевский уполномочил ген. Майделя действовать именем его, как военного министра Южно-Русского Правительства при Деникине (рапорт ген. Майделя).

Ген. Майдель направился к ведавшему этим делом добровольческому ген. Ермакову. На требование Майделя «дать подробную справку о распределении пловучих средств» ген. Ермаков ответил, что он не имеет времени для дачи такой справки для Донской армии. «Мои настояния не помогли», писал ген. Майдель в рапорте на имя командующего армией; «но когда я хотел уходить», продолжает Майдель, «один из ад'ютантов вызвался дать просимую справку. Оказалось, что слухи о передаче всех пловучих средств корпусу Кутепова были справедливы».

«Сидорин и Кельчевский, сильно обеспокоенные и возмущенные всем происходящим, пошли к главнокомандующему. **Оба они считали, что все происходящее является форменным предательством в отношении Донской армии.** К ним вышел ген. Романовский (нач штаба Деникина), на которого оба представителя Донской армии и обрушились с упреками, обвиняя ставку в предательстве...

...«В таком же резком тоне говорил Сидорин и с Деникиным. Особенно резкий разговор вышел за обедом, в поезде Донского Атамана, где Сидорин прямо назвал предательством поведение главного командова-

ния в отношении Донской армии» (Раковский. В стане белых, стр. 228).

В 6 часов вечера 12 марта состоялось заседание по распределению пловучих средств. На этом заседании присутствовали: ген. Улагай, ген. Майдель и другие. Выяснилось, что для Кубанцев дается небольшой пароход «Дооб» всего на 500 мест, а для Донской — пароход «Россия», погрузивший около четырех тысяч. Все остальные пароходы занял Добровольческий. корпус. Ожидалось прибытие новых пароходов.

Уже к вечеру 12-го марта массы людей, лошадей и повозок заполнили пристани Новороссийска. Утром 13 марта все дороги к пристаням были покрыты сплошными массами людей и лошадей. Все были охвачены неописуемым страхом... В городе уже шел погром магазинов, складов обмундирования и продовольствия. Работала местная беднота и всякий людской сброд...

Части Добровольческого корпуса в своей массе уже были погружены. Положение казаков и беженцев было просто ужасно. В этот день командующий Донармией и начальник ее штаба много раз говорили с Деникиным по вопросам эвакуации Донцов. Иногда эти разговоры принимали крайне резкие формы. Как утверждает ген. Сидорин, был момент, что он мало-мало не застрелил Деникина, предавшего казаков. В дело вмешался представитель Англии ген. Хольман... «Возмущенный до глубины души всем происходящим», рассказывал потом ген. Сидорин, «я отправился на пристань к ген. Деникину и решил про себя, что, если не добьюсь правды, не добьюсь определенного решения относительно перевозки Донцов, не добьюсь, чтобы их посадили, в крайнем случае, на военные суда, английские и русские, то для меня другого выхода не оставалось, как **застрелить Деникина,** о чем я и заявил по дороге сопровождавшему меня ген. Карпову» (там-же, 245).

Нет нужды подробно описывать бесконечные мытарства в Новороссийске ген. Сидорина, председателя Комиссии ген. Майделя, начальников Донских корпусов, дивизий, бригад и полков, теперь только кажет-

ся, увидевших подлинную душу руководителей «белого» движения, в действительности смотревших на всех казаков только как на материал, которым они умащивали свою московскую дорогу... Донской командный состав чувствовал себя глубоко оскорбленным поведением Деникина и его генералов, предавших Донскую армию и донских беженцев... Острота этого чувства особенно усиливалась тем, что донской командный состав, в общем, не только все время был лоялен в отношении руководителей «белого» движения, но по совести поддерживал ген. Деникина...

***

Выше было отмечено, что еще 28 февраля 1920 г. командир Добровольческого корпуса ген. Кутепов пред'явил ген. Деникину ряд категорических требований, среди которых видное место занимало домогательство, чтобы «с подходом корпуса в район ст. Крымской вся власть в тылу и на фронте, порядок посадки, все пловучие средства и весь флот» были об'единены в руках командира этого корпуса.

Необходимо отметить, что рядом с этими официальными требованиями добровольцев последние применили и другие способы воздействия на ген. Деникина и его начальника штаба ген. Романовского. Среди этих способов необходимо подчеркнуть, в особенности, открытые заявления некоторых добровольцев о том, что они решили просто убить ген. Романовского и что они непременно осуществят эти свои намерения. Сам Деникин уделяет достаточно места описанию этого крайне острого конфликта между рядовым добровольческим офицерством и высшими руководителями «белого» движения (т. У-й, стр. 345-346)...

Если к этому добавить указание на весьма острый конфликт между Деникиным и Врангелем, на восстание в Крыму Орлова, на бесконечную борьбу между иными представителями «белого» движения, картина внутреннего разложения этого движения станет ясной...

Руководствуясь теми или иными мотивами, ген. Деникин принужден был пойти навстречу требованию своих добровольцев, выраженному ими через коман-

дира корпуса, и назначил ген. Кутепова начальником обороны Новороссийска. Действительно, Кутепов был настоящим диктатором в этом городе и в его районе.

Так как части корпуса Кутепова фактически были заняты погрузкою на суда и не хотели уделить должное внимание на организацию обороны г. Новороссийска, ген. Деникин приказал подчинить Кутепову Донскую Сводно-Партизанскую дивизию полк. Ясевича, шедшую в ариергарде Донской армии.

Как писал в рапорте на имя главнокомандующего 24 марта 1920 г. начальник этой дивизии полк. Ясевич, Сводно-Партизанская дивизия «до последнего дня сохранила вид прекрасной воинской части, ряды которой лишь слегка поредели от единичных утечек к зеленым». Таким образом, эта дивизия в полной мере удовлетворяла тем требованиям, которые ген. Деникин в разговоре с Донской комиссией ставил для частей, расчитывавших получить место на транспортах при эвакуации Новороссийска.

Посмотрим, какую роль играла эта дивизия в день эвакуации Новороссийска, какое отношение она встретила со стороны добровольцев, как в действительности вели себя они и какая судьба постигла Сводно-Партизанскую дивизию.

«На станции Тонельной, вечером 12 марта, я получил директиву ген. Кельчевского за НР 126/К», пишет в вышеупомянутом рапорте полк. Ясевич, «коей предписывалось совершить ночной переход через перевал и занять раз'езд Гайдук. Одновременно начальник Корниловской дивизии требовал остаться в Тонельной (полк. Ясевич тогда еще не знал, что его дивизия подчинена Кутепову). Не имея приказа о подчинении ген. Кутепову, я принужден был выполнить директиву ген. Кельчевского, совершил с необычайной трудностью переход через перевал и к часу 13 марта занял раз'езд Гайдук, где в деревне Владимировке вошел в связь с Начдивом 1-й Донской гвардейской (ген. Дьяковым, прим. Ред.), от которого впервые узнал обстановку: наступление красных от Раевской и занятие ими Абрау-Дюрсо и дер. Борисов-

ки в тылу у нас. Тогда же я узнал о подчинении моем ген. Кутепову.

«На рассвете 13 марта 1-я Донская Гвардейская дивизия ушла в Новороссийск.

«Для прикрытия своей артиллерии, шедший еще через перевал, а равно и многочисленных обозов, я занял д. Кирилловку и выдвинул разведку на Владимировку и Борисовку. Около 8 часов утра подошла артиллерия дивизии, с невероятной трудностью перевалившая через хребет, и начала занимать позицию.

«Я предполагал атаковать и занять д. Борисовку, предварительно дав своим людям отдых до 11 часов... Во время приготовления к этой операции, по железной дороге подошли незначительные части Корниловской дивизии, наштадив коей прибыл в д. Корниловку.

«Обеспокоенный неясной обстановкой, я послал ген. Кутепову донесение и просил точно указать мне задачу, соседей справа и слева, а, равным образом, ориентировать в вопросе эвакуации Новороссийска. Никакого ответа от ген. Кутепова я не получил, несмотря на факт получения им моего донесения, подтвержденный им мне лично при свидании позже.

«Неоднократные попытки узнать о предстоящих действиях Корниловской дивизии не привели ни к чему: я получил лишь бессмысленные напоминания о том, что «все части, которые примут участие в бою, будут погружены на суда», что усугубляло общую неразбериху.

«Наштадив Корниловской, бывший в Владимировке в одно со мной время и приглашенный мною для разработки общего плана действия, ответил, что ему некогда.

«Тогда я послал к нему вр. исп. должность начальника штаба Карева. Последний вернулся крайне смущенным и потом сделал доклад конфиденциально. Он доложил мне, что начдив Корниловской, лично ему хорошо знакомый, «по товарищески» сообщил, что почти вся их дивизия (Корниловская) уже ушла грузиться, а сейчас снимаются последние заставы, что погрузка всех частей назначена на сегодня, т. е. 13 марта,

когда и состоится выход судов в Крым; так же «по-товарищески» он советовал моей дивизии немедленно идти за Корниловской и грузиться, где останется место.

«Таким образом картина обмана и предательства стала ясной.

«Я собрал командиров полков, ознакомил их с положением. После короткого обмена мнений, было решено вести полки и грузить их, где будет возможно.

«Я сам поехал в Мефодиевку, где стоял мой штаб, отдал распоряжение о движении в голове дивизии на эстокадную пристань во главе с полк. Абрамовым, после чего взял с собой начальника штаба... Смирнова и несколько офицеров и казаков от штаба и полков и отправился к ген. Кутепову. Ген. Кутепов сообщил мне лично, что получил мое донесение, знает о действиях дивизии, но что **никаких транспортных средств для дивизии** не имеется, ибо даже коренные части Доброкорпуса не могут быть погружены полностью.

«Почти одновременно посланному в штаб Донской армии моему начальнику штаба штабс-капитану Смирнову ген. Кислов заявил, что никаких распоряжений о погрузке Сводно-Партизанская дивизия от штаба Донской армии не получит, ибо (эта дивизия) передана в Доброкорпус, от коего и надлежит получать все указания.

«Я обратился по телефону к ген. Махрову (генерал-квартирмейстер штаба Деникина), просил помощи и напомнил, что дивизия является прекрасной твердой частью, отошедшей въ порядке последней. Ген. Махров дрожащим голосом об'явил, что ничего сделать не может, так как судов нет, ибо погрузка произошла гораздо раньше, чем было предположено планом эвакуации.

«Я возвратился снова к ген. Кутепову, который посоветовал мне обратиться к начдиву Корниловской, у которого быть может окажется место и что быть может ночью подойдет транспорт и возьмет дивизию...

«На пароход впустили лишь меня с начальником штаба и ординарцем. Начдив Корниловской заявил, что

может быть после погрузки 2-го полка останется место и просил подождать выяснения этого вопроса.

«Это было около 18 часов. К ночи выяснилось, что за корниловцами стали еще пластуны и вообще толпа перед пароходом до того уплотнилась, что пробиться к нему не было никакой возможности. Еще меньше возможности было пробиться назад, в виду чего мне пришлось остаться на пароходе, и, к довершению всех испытаний, оказаться фактически бросившим свою дивизию начдивом, хотя меня все еще не покидала надежда, что дивизия где-нибудь на 5-й пристани нашла себе место, тем более, что ночью подошел какой-то большой транспорт.

«Моих офицеров, ожидавших погрузки, взяли на борт под град оскорблений и то не всех. **Потоки площадной брани, битье физиономий даже офицерских, расправы плетью и прикладами и выбрасывание за борт «всех, кто не корниловцы», — вот атмосфера, которую я видел на погрузке Корниловской дивизии...**

«Вот в какой обстановке **погибла одна из лучших и едва ли не самая лучшая дивизия Донской армии...**

«**По дошедшим слухам и сведениям, после бесплодной попытки пробиться к Кабардинке, дивизия или распылилась или попала в плен.**

«Донося все вышеизложенное, во имя долга перед павшими и преданными офицерами и казаками и для удовлетворения возмущенных предательством случайно спасшихся чинов моей дивизии, считаю долгом в заключение отметить:

«**1. Поспешная, постыдная погрузка 13 марта не вызывалась** реальной обстановкой на фронте, которая мне, как отходившему последним, была очевидна. Никаких значительных сил от Раевки не наступало, ибо еще в 14 часовъ 13 марта ничего, кроме раз'ездов, во Владимировке не было. Что касается д. Борисовки, то она была весьма слабо занята 2-3 эскадронами с 4-мя орудиями, и образ действий противника в этом районе давал основание предполагать, что там были всего лишь зеленые. Раз'езд мой, ходивший туда, так даже и донес. Артиллерия из Борисовки стреляла из рук вон

плохо и не могла даже пристреляться по полотну железной дороги.

«Таким образом, при наличности хотя бы слабой попытки управления со стороны ген. Кутепова или ген. Барбовича, ничего не стоило удержать Новороссийск еще два-три дня, указав только линию ариергардных боев и участки для тех частей, которые все равно не имели транспортных средств. К сожалению, ни ген. Кутепов, ни ген. Барбович не только не искали связи с дивизиями, но даже уклонялись от нее, так как ни тот, ни другой не ответили мне, кто у меня справа и слева и какой план действий ими намечен.

«В результате, управление из рук ген. Кутепова было передано ген. Барбовичу, который, в свою очередь, передал его начальнику Корниловской дивизии, а последний — своему командиру полка, который не мог да и не желал ни с кем иметь связи, и избрал себе благую часть — движение по полотну железной дороги с бронепоездами и менее всего был «занят» прикрытием Новороссийска с севера и с запада, как значилось в директиве.

«Я не представляю для себя возможным попасть вторично под управление указанных лиц.

2. Если по условиям обстановки являлось необходимым пожертвовать сводно-партизанской дивизией, как ариергардом, выиграть время и погрузить прочие части армии, то неужели допустимо не поставить об этом в известность начальника этого ариергарда?! И неужели допустимо не дать ему ясной определенной задачи! Насколько мне известно, ни военная история, ни тактика не рекомендуют в этом случае применять обман начальника ариергарда. А между тем, не будь этого обмана, то-есть знай, что судов для дивизии нет, я остался бы с дивизией в Корниловке и безусловно продержался бы еще весь день 14 марта, если бы, конечно, при мне остались и бронепоезда.

Наконец, самый факт обмана в бою, т. е. заведомое скрытие данных обстановки со стороны старшего начальства, действует на обманутые части настолько

разлагающе, что повести их еще раз в бой и ожидать успеха едва ли будет разумно»...

***

В таком же положении оказались и некоторые другие части Донской армии. Часть Донцов погрузилась на зафрахтованный итальянский пароход «Барон Бек», часть на транспорт «Николай»... На пароход «Цесаревич Георгий» погрузились: штаб Деникина, штаб Донской армии и Донского Атамана. Донцы принуждены были бросить на берегу лошадей, пулеметы, орудия...

13 марта уже в темноте часть Донцов была принята на английские военные корабли. Перед этой погрузкой казаки принуждены были оставить не только лошадей и седла, но даже собственное оружие.

Все остальные Донцы были брошены в Новороссийске. Никто не считал ни тех, которые погрузились и уехали, как и тех, которые были брошены на берегу.

1-го февраля, когда Донская армия еще держалась на р. Маныче и нижнем течении р. Дона, в Донской армии было **38.524** бойца, **158** орудий и **687** пулеметов, а уже в Крыму, на 15 апреля 1920 г., числилось только **9.932** казака, **0** орудий и **37** пулеметов. Таким образом, за время отступления в Крым только боевой состав армии уменьшился на 28 тысяч бойцов, 158 орудий, и 650 пулеметов.

Большевики утверждают, что в районе Новороссийска в их руки попало около 22 тысяч пленных (Гражданская война 1918-1921, т. III, стр. 303).

Ни Донское командование, ни ген. Деникин, видя невозможность погрузки в Новороссийске всех казачьих частей, не организовали отход остальных частей по берегу Черного моря. Между тем интересы Дона, интересы дальнейшей борьбы против большевиков и элементарный долг донского командования перед бросаемыми бойцами требовал именно такой организации отступающих от Новороссийска к Геленджику.

Эту задачу легко можно было осуществить, так

как Донские части и при виде страшной новороссийской катастрофы, при виде ужасной картины предательства, продолжали подчиняться своим командирам; в самом Новороссийске были огромные запасы продовольствия, обмундирования, вооружения, вплоть до танков... Кроме того, отступающие по прибрежной шоссейной дороге казачьи части могли бы иметь весьма активную поддержку со стороны морских орудий военных кораблей. Успех операции был вполне обеспечен. Но, ничего не было сделано.

Почему?

Если Донское командование по каким-либо причинам и соображениям не хотело или же не могло организовать отход Донцов от Новороссийска на Геленджик, то, вне сомнения, оно могло организовать дальнейшую защиту самого Новороссийска. Имея огромные запасы вооруженя, огнестрельных припасов и продовольствия в самом городе, войска легко могли продержаться еще несколько дней в Новороссийске. Остающимся защитникам города весьма существенную поддержку могла оказать судовая артиллерия.

Тем временем пароходы могли бы возвратиться из Крыма в Новороссийск и погрузить оставшихся.

Все эти широкие возможности не были использованы. Оставшиеся на берегу части были просто предоставлены своей судьбе, были брошены...

Не имея общего единого командования, разрозненные и дезорганизованные Донские части 14 марта проиграли бой у Кабардинки.

«Тысячи офицеров и казаков, брошенных на берегу, попали в руки красной армии», говорит один из офицеров, лично переживших эту ужасную трагедию. «Много пережли они», продолжает он. «У большинства отняли все наиболее ценные вещи, взяли вещи, взяли седла, оружие, лошадей, заменили рванью хорошее обмундирование и обувь.

«Некоторых расстреливали, некоторых топили в море, одних били, другим плевали в лицо...

«Но не жалко утраченного — много потеряно было за время войны; не страшны физические страдания

— они быстро проходят и забываются; страшнее душевные раны — оне мучительны и трудно исцелимы...

«Невозможно передать того, что испытывал человек, два с лишним года не выпускавший из рук оружия, видевший красных только в бою, отдавший столько сил на борьбу с ними и, в награду за это, оставленный им же на расправу. Он оскорблен был в лучших чувствах и неудивительно, что когда отходил последний пароход, с окрестных гор уже трещали ружейные выстрелы, на пристани разыгрывались душу раздирающие сцены. Некоторые истерически рыдали, рвали на себе волосы, слали проклятия уехавшим вождям судорожно хватались за винтовки, разбросанные на берегу, пытались стрелять по убежавшим...

«Особенно тяжелым было положение офицеров. Их тоже обманули! А они ведь были начальниками и за ними стояли люди. Те ждали ответа от них, обманутых. Что было делать?! Вести их в горы? Но это граничило с безумством, это значило погубить их там. Идти одним, значит бросить тех, с кем много месяцев делили радость победы и горечь поражений, значит — проделать то же, что проделали друге. Этого не позволяла совесть... Терзалась душа, обливалось кровью сердце, и все же большинство предпочло разделить общую участь.

«Тяжела их доля! Не многим улыбнулась судьба, большинство попало в лапы чрезвычайки и тот, кто не кончил жизнь в ее подвале у стенки, гниет и медленно умирает в тюрьмах, концентрационных лагерях и на принудительных работах.

«Финал новороссийской трагедии еще не закончен вполне... Пройдут года. Беспристрастные историки найдут причины и последствия новороссийской катастрофы. Художники пера опишут красочно ее для будущих поколений. Талантливые живописцы воспроизведут наиболее яркие моменты на холсте. **И всюду вождям армии будет отведена некрасивая роль».**

(«Голос Казачества». Нр. 23, 26 марта 1922. Варшава).

Глава XXI.

Грозные события и Кубанская Краевая Рада. — Положение Кубанской армии после выхода ее к Черному морю. — На генеральских верхах. — Казаки искали помощи со стороны Грузии. — От'езд Кубанского Атамана и председателя Кубанского правительства в Крым.

Давлением «красных» с фронта и преступной, пре-первой половине марта 1920 г. была прикончена Донская армия в районе гор. Новороссийска. После этого облегченно вздохнули враги Казачества и все свое внимание сосредоточили на ликвидации армии Кубанской.

Давлением «красных» с фронта и преступной, предательской работой сторонников Деникина (из казаков же) в тылу к половине марта Кубанская армия была втянута в горный голодный район на Туапсинском направлении. Вместе с армией отходила и Кубанская Краевая Рада. Члены этой Рады, избранные еще осенью 1918 г., за время своего пребывания в составе Рады, видели обман со стороны «белых» союзников, измену и предательство со стороны некоторых Кубанцев, постыдное бегство трусов за границу в минуту надвинувшейся на Кубань грозной опасности; члены Рады переживали муки оставления родных станиц и тяжелого отхода армии и беженцев по Закубанью в горы.

Грозные события, разыгрывавшиеся на Казачьей Земле, каждый час, каждую минуту требовали от членов Рады ясного ответа на тяжелый вопрос: а что же делать дальше?!. Искать ли мира с большевиками, или, покорно склонив головы, направляться вслед за Деникиным в Крым? Или пробиваться через Грузию далее

на юг? Или же распылиться в горах и лесах? Или продолжать борьбу далее?..

Понятно, что эти вопросы не давали покоя всем Кубанцам. Тем более от этих вопросов не могли отмахнуться члены Рады, принявшие, через народное избрание в станицах и торжественное обещание в Раде, на себя тяжелую обязанность служения родному народу. И чем ближе к южной границе Кубани продвигалась Рада с войсками и беженцами, тем рельефнее и острее поднимались эти вопросы и требовали **ответа.**

Всесторонне обсудив внутреннее и внешнее положение Кубани и Кубанской армии, Кубанская Краевая Рада оформила свое отошение к происходившим тогда событиям в нижеследующем **обращении** к Кубанской армии, принятом Радой в селении Елизаветпольском 15 марта:

КУБАНСКАЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ КРАЕВАЯ РАДА КУБАНСКОЙ АРМИИ.

«Кубанская Чрезвычайная Краевая Рада, временно прерывая свои занятия, передав часть своих полномочий Законодательной Раде, приказывает Кубанской Армии:

При невероятно трудных условиях, как и два года тому назад, Кубанская Краевая и Законодательная Рады, Войсковой Атаман и Краевое Правительство с Кубанской Армией снова ушли за Кубань, потому что не могли и не хотели, как и тогда, подчиниться насилию. Ушли затем, чтобы продолжать борьбу до тех пор, пока Кубанский край не будет освобожден от большевиков и огражден в будущем от всяких насильственных посягательств, откуда бы они не исходили...

Благословляя Кубанскую Армию на ее трудный подвиг, Краевая Рада об'являет всем, что между нею, Законодательной Радой, Войсковым Атаманом и Краевым Правительством существует полное согласие, и работа их — это об'единенная работа, направленная к одной цели: скорейшему освобождению Кубани и созданию условий для мирной трудовой жизни.

Краевая Рада напоминает, что, согласно конституции Кубанского края, Войсковой Атаман является гла-

вой вооруженных сил края, и приказывает всем чинам Кубанской армии, от казака до генерала, исполнять все приказы Войскового Атамана.

Мы никого не собираемся завоевывать, но пусть и нам никто не мешает устроить жизнь так, как хотим мы. Мы ведем войну не ради войны, а ради мира, но пока не будет освобождена Кубань, ни о какой мирной жизни не может быть и речи.

Не путем оружия и насилия мы войдем в состав будущей России, а путем сговора и соглашения*).

Пусть никто не слушает то, что Рада, Атаман и Правительство ушли в Туапсе. Краевая Рада заявляет, что каков бы ни был наш путь, цель у нас одна — освобождение Кубани. Помните, что во время первого похода Рада, Атаман и Правительство, уйдя из Екатеринодара за Кубань, пришли в Екатеринодар через Мечетинскую.

Пусть не смущают вас и те, кто сейчас уезжает, а может быть, и еще уедет от нас. Будем знать, что те, кто останутся, те — настоящие наши друзья.

Мы же будем расчитывать больше на свои силы и на об'единенную работу Законодательной Рады, Войскового Атамана, Правительства и Армии.

Краевая Рада приказывает каждому из них исполнить свой долг, а тогда впереди мы скоро увидим и освобожденную Кубань, и мирную жизнь».

Из этого обращения Рады к Кубанской армии видно, что Краевая Рада вновь подтверждала крайнюю необходимость и неизбежность борьбы за полное освобождение Кубани от оккупационной большевистской власти...

Краевая Рада знала о том, что некоторые старшие чины из командного состава Кубанской армии вели не казачью, а деникинско-русскую политику, не признавая власти Кубанского Атамана, всячески саботируя его распоряжения об удержании в руках казаков бога-

---

*) Этот абзац введен был по настоянию В. Атамана ген. Букретова, настаивавшего перед Радой, сделать уступку генералам... Уступка эта все равно ни к чему не привела и генералы попрежнему делали, что хотели.

того хлебом района Белореченской-Майкопа и спешно продвигая Кубанские Корпуса к голодному морскому берегу. Поэтому Рада приказывала генералам исполнять приказания Войскового Атамана.

Спокойный тон этого обращения Рады к армии, простая и совершенно ясная формулировка ответов на сложные и тревожные вопросы момента достаточно ярко характеризуют глубокую, непоколебимую веру Кубанских казаков в правоту того дела, ради служения которому Краевая Рада приказала Законодательной Раде, Войсковому Атаману, Правительству и Армии исполнить свой долг. Величие казачьего духа, особенно станет ясным, если поведение Рады сравнить с поведением руководителей «белого» движения, свои настоящие качества выявивших в бегстве на Новороссийск и в захвате там всех пароходов исключительно для погрузки «Добровольцев»...

***

12 марта 1920 г., 1-й Кубанский корпус ген. Шифнер-Маркевича, сравнительно легко отбросив с своего пути большевистские части «Черноморской советской армии» (см. гл. XУШ), занял портовый гор. Туапсе и его район. Дезорганизованные большевистские отряды отступили от Туапсе в сторону гор. Новороссийска, т. е. на северо-запад, а незначительные силы Крестьянского ополчения Черноморской губ. отходили на юго-восток.

После занятия Туапсе 1-й Куб. корпус продвигался по бережью к гор. Сочи. 2-му Куб. корпусу ген. Науменко, шедшему к морю вслед за 1-м корпусом, было приказано прикрыть гор. Туапсе со стороны Новорссийска и ст. Ключевой, выдвинувшись в общем на линию Садовое-устье р. Псебе. Кубанский отряд ген. Морозова, Гайдамцкий полк и части ген. Бабиева (из состава 4-го корпуса ген. Писарева) прикрывали гор. Туапсе с севера и с северо-востока, занимая район станиц Хадыженской и Нефтяной. Черкесская дивизия ген. Келеч Гирея (тоже из состава 4-го Куб. корпуса ген. Писарева) и 4-й Донской корпус ген. Старикова и другие части располагались в общем в районе железной дороги, идущей из г. Туапсе на север.

Что представляли из себя эти силы?

Сколько-нибудь точных данных о численном составе этих сил не имеется. Бывший командир 2-го Куб. корпуса ген. В. Науменко определяет состав частей Кубанской армии, вышедшей на берег Черного моря, в 57 тысяч человек («Казачьи Думы» Нр 20 (4), за 29 февраля 1924, София). Большевистские источники отмечают, что при сдаче Кубанской армии и остатков 4-го Донского корпуса в апреле 1920 г. через большевистскую регистрацию прошло 40 тысяч человек, очевидно, с беженцами вместе, и до 10 тысяч лошадей («Путь Коммунизма» Нр 3, 1922, Екатеринодар-Краснодар, статья комиссара И. Рабиновича: «Сдача Кубанской армии»). Кроме того, несколько тысяч казаков переехало в Крым, расплылись в горах и т. д. Военный корреспондент Раковский число переехавших с Черноморского побережья в Крым определяет в полторы-две тысячи Кубанцев и около 5 тысяч Донцов («В стане белых», стр. 322 и 324). Согласно данным Кубанского Правительства, сообщенным членом этого Правительства П. Сулятицким на Кубанской конференции в декабре 1920 г. в г. Праге, на Черноморском побережьи слалось большевикам около 20 тысяч Кубанцев, около 15 тысяч Донцов, распылилось в горах 3-4 тысячи человек, интернировано в Грузии около тысячи душ; в общем, кроме перевезенных в Крым, около 40 тысяч человек. Как утверждает ген. Врангель на основании слов быв. командующего Кубанской армии ген. Улагая, на Черноморское побережье отступило, считая вместе с беженцами, до 40 тысяч Кубанцев и до 20 тысяч Донцов (ген. П. Врангель. Записки, ч. 2-я, «Белое Дело», т. VI, стр. 6).

Очевидно, не будет преувеличением, если на основании вышеприведенных данных **боевой состав** казачьих Корпусов, отходивших на Туапсинском направлении, определить в 30—35 тысяч человек.

В общем, Корпуса эти были боеспособны.

Члены Кубанской Краевой Рады, среди которых было значительное число офицеров, прошедших боевую школу мировой войны и борьбы против большевист-

ского нашествия, когда принимали вышеприведенное **обращение** Рады к Кубанской армии, учитывали численное и моральное состояние войск, на плечи коих возлагалась задача изгнания большевиков с Казачьей территорий.

Что в то время представляли из себя военные силы Советской России?

Хотя к тому времени большевики и справились с контр-революционными армиями Колчака, Миллера, Юденича и Деникина, но Советская Россия переживала весьма тяжелое время всеобщей хозяйственной разрухи.

Россия была настолько ослаблена неудачной внешней войной 1914—1917 годов и так обессилена войной 1918—1920 г.г., что принуждена была сама искать мира с теми из ранее подвластных России народов, которые открыто и ясно вступили на путь борьбы за свою национальную независимость и успели создать свои, хотя численно и небольшие, но сильные духом армии.

Как признают сами большевики, русская советская власть еще 8 июля и 18 августа 1919 г. предложила малому Эстонскому народу (меньше одного Донского или Кубанского Войска) заключить мирный договор «на базе признания независимости Эстонии» («Вестник народного комиссариата иностранных дел» 27 февраля 1920 г.). И, как пишут большевики, «2 февраля (по нов. ст.) 1920 г. Советской России удалось подписать мирный договор с Эстонией, договор, который устанавливал систему междугосударственных политических и экономических отношений, давал взаимное признание «де-юре»...

Те же большевики признают, что еще «11 сентября (нов. ст.) 1919 г. советское правительство обратилось с мирным предложением к Финляндии, Латвии и Литве», что «в сентябре и октябре 1919 г. имели место попытки (со стороны сов. правительства) договориться с тремя Прибалтийскими государствами», что «вслед за Эстонией... вступили в переговоры с Советской Россией Латвия, Литва и, наконец, Финляндия», и что «договоры с ними были подписаны в течение лета 1920 г.».

Факт признания Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы со стороны Советской России в 1920 г. свидетельствует не только о стойкости сих малых Прибалтийских народов в деле защиты своих национальных территорий от захватнических стремлений многомиллионной России, но и о военной слабости в то время этой последней.

***

Выше, при последовательном рассмотрении наиболее важных событий из истории русско-казачьей войны 1918—1920 годов, много раз было подчеркнуто то, что одной из важнейших причин неуспеха казачьей борьбы была неподготовленность самого Казачества к этой исторической схватке: разброд среди казаков, их неорганизованность, стремление большей части военной и гражданской казачьей интеллигенции к служению русским, а не казачьим интересам, следствием чего был гибельный для Казачества его союз с русским «белым» движением, втянувшим казаков в водоворот русской классовой и партийной борьбы...

Но особенно гибельным для Казачества оказалось отсутствие достаточных, хорошо подготовленных кадров военных специалистов самостийнического направления, способных организовать казачьи вооруженные силы. Казачьи парламенты и правительства, с большим трудом преодолевая общую политическую и техническую неподготовленность казачьих представителей к государственному строительству, все же сумели в некоторых отношениях с честью выйти из нелегкого положения: они создали довольно хорошие конституции, земельные и иные важные закны; заключили договоры с Украиной, посылали делегации за границу и подавали грамотные меморандумы; организовывали удовлетворительно действовавшую администрацию...

Вообще говоря, в отношении законодательства и администрации молодые казачьи государства в короткое время сделали заметные успехи при довольно неблагоприятных общих условиях тогдашней обстановки. Со временем эти стороны государственной жизни могли бы еще улучшиться.

Однако, **Казачество не сумело** (или же не имело об'ективной к тому возможности?) **подобрать соответствующий личный состав как верховных руководителей вооруженными казачьими силами в каждом Войске — Войсковых Атаманов, так командующих армиями, так и лиц высшего командного состава своих вооруженных сил. Ни один Войсковой Атаман, ни один командующий** армией, ни один командир корпуса... не был казачьим самостийником в полном смысле этого слова.

Даже тогда, когда неумолимые об'ективные обстоятельства борьбы сложились **в конце концов так,** что политический кумир казачьих генералов — Деникин — окончательно провалился когда ему не верили и за ним не шли русские люди; когда Верховный Круг постановил разорвать с Деникиным; когда Кубанская армия и 4-й Донской корпус и территориально уже были отрезаны от ген. Деникина, а этот последний просто убегал через Новороссийск с Казачьей территории, высший командный состав Кубанской армии, как бы усыпленный чародеями, **упорно и слепо тянул к Деникину,** всячески отмахиваясь от требований Кубанской власти о задержании Кубанских корпусов на Кубани.

Как сказано выше, в распоряжении генералов в районе Туапсе-Майкопа находились очень значительные вооруженные казачьи силы, способные вести боевые операции; с фронта наступали сравнительно незначительные большевистские силы; Кубанские казаки через Кубанскую Раду требовали продолжения борьбы против большевиков... Несмотря на все это, Кубанская армия не перешла в наступление и не выполнила приказа Кубанской Краевой Рады.

Почему все это так случилось?

Как свидетельствует бывший командующий Кубанской армией ген. Улагай, ген. Деникин, еще находясь в Новороссийске, полагал, что после того, как большевистские войска к югу от гор. Екатеринодара разрезали казачьи силы на две части (гл. ХУШ), «Туапсинской группы войск уже нет, она ликвидирована» большевиками. Из этого видно, что бывший главнокомандующий и его штаб так низко расценивали ка-

зачьи боевые силы, что допускали фактическую возможность такой быстрой ликвидации большевиками 1-го, 2-го и 4-го Кубанских и 4-го Донского Корпусов.

Получив сведения о том, что Кубанская армия заняла гор. Туапсе, ген. Деникин оставляя Новороссийск и бросая там значительную часть Донской армии, послал в Туапсе ген. Улагая, дав ему определенные задания.

Прибыв в Туапсе 14 марта, ген. Улагай собрал здесь командный состав армии на совещание, которое состоялось 15 марта в следующем составе:

1) Кубанский Войсковой Атаман ген. Букретов, 2) начальник Кубанского Войскового Штаба ген. Лещенко, 3) Командующий Кубанской армией ген. Улагай, 4) начальник штаба Кубанской армии ген. Стогов, 5) член Кубанского Правительства по военным делам ген. Болховитинов, 6) командир 4-го Кубанского корпуса ген. Писарев, 7) начальник штаба этого Корпуса полк. Караваев, 8) командир 1-го Куб. корпуса ген. Шифнер-Маркевич, 9) командир 2-го Куб. корпуса ген. Науменко, 10) начальник штаба этого Корпуса полк. Егоров, 11) начальник тыла группы ген. Гулыга, 12) ген. Шкуро, 13) начальник Черкесской дивизии ген. Султан Келеч Гирей, 14) начальник снабжения ген. Замбржицкий В., 15) начальник военных сообщений полк. К. Замбржицкий, 16) инспектор артиллерии Куб. армии ген. Чумаченко, 17) инспектор артиллерии 4-го Куб. корпуса ген. Мальцев, 18) председатель Кубанского Правительства В. Н. Иванис (вышецитированная работа ген. В. Науменко: «Черноморская трагедия», «Казачьи Думы», 15 февр. 1924 г. София).

Кубанский Атаман следующим образом определил задачи этого совещания: «В виду сложившейся обстановки необходимо выяснить взаимоотношения и обсудить дальнейший образ действий. Прежде всего желательно выслушать ген. Улагая, прибывшего из Новороссийска».

Ген. **Улагай:** «Надо разрешить вопрос, удерживать ли занимаемый плацдарм или отходить в Грузию. В первом случае надо подготовить плацдарм и обеспе-

чить жизнь. Сюда вмешивается вопрос о Донцах, который надо разрешить отдельно... Я обещал Главнокомандующему дать правдивую картину того, что делается здесь и быть на совещании в Феодосии, имеющем огромное значение. Я хочу выяснить, остаемся ли мы здесь, занимая Туапсе и Сочи, или эвакуируемся? Как это мы сделаем и какая помощь нужна нам со стороны Главнокомандующего, который сделает все, что можно» (там-же).

Уже из этих заявлений видно, что Кубанский Атаман, ставя вопрос о необходимости «выяснить взаимоотношения», сам не считал себя главою вооруженных сил Кубани, приказы коего должны были беспрекословно исполнять все чины Кубанской армии, от казака до генерала. Зато на этом совещании ген. Улагай совершенно ясно говорил о том, что он безговорочно признает над собою власть «главнокомандующего» ген. Деникина. Кубанский Атаман не протестовал против таких заявлений ген. Улагая.

А в это самое время в селении Елизаветпольском, севернее Туапсе, Кубанская Рада выносила постановление о том, что главою Кубанских вооруженных сил является только Кубанский Атаман и никто другой, и что Атаману должны беспрекословно подчиняться все чины Кубанской армии. Насущнейшие интересы борьбы требовали того, чтобы именно Кубанский Атаман не только юридически, но и фактически стал в то время во главе вооруженных сил Кубани.

Потом (на том же совещании) начальник штаба 4-го корпуса полк. **Караваев** говорил о боевой обстановке следующее:

«Войска группы сейчас действуют в районе Туапсе и по ту сторону хребта»...

1) «Корпус ген. Шифнер-Маркевича продолжает развивать наступление на Сочи и, надо полагать, что **его части могут пройти до какого угодно предела».**

2) «Более серьезный противник с севера. По сведениям, здесь 8-9 баталионов. Вчера противник отброшен к Ольгинской (верстах в 20 от Туапсе в сторону Новороссийска). Надо ждать прибытия к нему под-

креплений из Геленджика, но, примерно, дней через 10».

3) «Самое угрожаемое направление — от Белореченской и Майкопа, где сосредоточены главные силы противника... **Развивавшиеся здесь бои пока неудачны для красных».**

Вот более важные места из доклада полк. Караваева. Суть доклада сводилась к следующему: на Сочинском направлении сколько-нибудь серьезного противника не было; на Новороссийском направлении казаки без особого труда отбросили красных от Туапсе, а на направлении Армавир-Туапсинской железной дороги красные терпели поражения.

Относительно морального состояния войск полк. Караваев, ген. Султан Келеч Гирей и ген. Шкуро сказали следующее:

а) 2-й Корпус ген. Науменко «крепнет и усиливается»,

б) части ген. Бабиева — крепкие (4-й Куб. корпус),

в) Кубанский отряд — крепкий,

г) 1-й Корпус ген. Шифнер-Маркевича — боеспособен,

д) у ген. Муравьева — дивизия отличная,

е) Черкесская дивизия — небоеспособна,

ж) 4-й Донской корпус ген. Старикова, согласно заявлению полк. Караваева, — небоеспособен, а согласно заявлению ген. Шкуро, «настроение 13-й бригады — отличное, в Апшеронской орудия и пулеметы взяли Донцы».

Таким образом, после долгого отступления в тяжелых условиях, после перенесеных моральных и физических мук, даже согласно свидетельству тех самых начальствующих лиц, которые поспешный отход Кубанской армии в горы официально старались об'яснить небоеспособностью частей, ВСЕ КУБАНСКИЕ КАЗАЧЬИ ДИВИЗИИ БЫЛИ КРЕПКИ, БОЕСПОСОБНЫ ИЛИ ДАЖЕ ОТЛИЧНЫ.

Учтя и эти данные, становится более понятным, почему Кубанская Краевая Рада, принимая свое вышеприведенное **обращение** к Кубанской армии, так уверенно говорила о возможности победы при условии, что

«каждый из них (Законодательная Рада, Атаман, Правительство и Армия) исполнят свой долг».

Когда на совещании генералов перешли к обсуждению вопроса о дальнейших действиях Армии, Кубанский Атаман **Букретов** заявил:

«Наступление необходимо для хлеба, иначе мы идем на голодные бунты. Теперь ген. Шифнер-Маркевич идет на Сочи, Науменко в районе Туапсе, идет Стариков (Корпус ген. Старикова насчитывал около 17 тысяч). Саранча все с'ест, а что же будут делать 12 тысяч, прикрывающие со стороны Майкопа?».

После Атамана говорил ген. **Шкуро**, заявивший в общем следующее: **«Я всегда говорил о наступлении. Надо Бабиева усилить частями 2-го Корпуса** (ген. Науменко)».

Ген. **Бабиева** не было на этом совещании, так как он командовал частями, расположенными на Белореченско-Майкопском направлении. В виду важности мнения ген. Бабиева по вопросу о возможности перехода Кубанской армии в наступление на Кубань, ген. Шкуро, на основании слов самого Бабиева, заявил следующее: **«Ген. Бабиев говорил раньше об отходе, а теперь говорит о возможности наступления. Я всегда стоял на этом».**

Следовательно, **за наступление высказались: а) Кубанский Атаман, б) ген. Шкуро и в) Командующий тогда теми казачьими частями, которые имели перед собою наиболее сильные части красных.** Ген. Бабиеву лучше всех были известны настроения казачьих частей, как настроения и силы частей противника. Мнение ген. Бабиева было важно еще и потому, что его части, при переходе в наступление, явились бы передовой ударной группой армии.

Непосредственно после этих ясных заявлений Кубанского Атамана и ген. Шкуро о необходимости перехода в наступление, ген. **Улагай**, как бы не обращая внимания на те заявления, спросил совещавшихся генералов: «Теперь как же мы решим вопрос: будем продвигаться или эвакуироваться?».

После на этом совещании произошло что-то невероятное, что-то совершенно непонятное для лица, не по-

священного в ту страшную закулисную игру казачьими головами и долею Казачьих Земель, которую вели там некоторые лица командного состава.

Согласно опубликованной короткой записи о ходе этого совещания, дело было так:

Ген. **Букретов:** «До тех пор, пока я не знал о Новороссийской катастрофе, я определенно говорил об удержании. Сейчас же, когда ген. Шифнер-Маркевич продвигается на юг, а здесь оставляют одного ген. Науменко, конечно, его надо усилить, что-то дать сюда. Сейчас противник перебросит все по железной дороге и, не наступая, будет морить голодом. Я боюсь, что все пойдет на Сочи. Нам надо подвезти, что можно, и идти на Грузию (только что сам Атаман говорил о необходимости перехода в наступление в пределы Кубани, прим. Ред.). Я хотел ехать с председателем Правительства в Грузию».

Ген. **Шкуро** вновь категорически настаивал на необходимости перехода в наступление против большевиков и в коротких чертах говорил о перегруппировке войск, могущей обеспечить успех этой операции: «Надо нанести короткие удары для овладения Белореченской и Майкопом для хлеба. **Надо короткие удары, но всеми частями. Лучше сюда дать для прикрытия Туапсе учебные (Кубанские) части, а остальных на восток. Запасы в Белореченской есть. Мы получим хлеба на 2-3 недели, а тем временем переговорим с Грузией».**

Непосредственно после этих заявлений ген. Шкуро о наступлении, ген. **Улагай,** как бы резюмируя сказанное, заявил: «Значит, подготовлять отход?».

Командующий Туапсинской группой ген. **Писарев:** «Согласен, но удивляюсь отношению к Донцам. Их тоже надо использовать... Надо перебросить и Донцов».

Ген. **Улагай:** «Ген. Науменко, Ваше мнение?».

Ген. **Науменко:** «Согласен с короткими ударами, если части на это способны, но плацдарм готовить до Сочи включительно».

Ген. Шифнер-Маркевич: «Короткие удары не дадут толку, хлеба не вывезем потому, что Буденный всех пугает. Вывоз крайне трудный. Дороги забиты. Я мало верю во все это».

К чему сводилось заявление трех командиров Кубанских Корпусов — генералов Писарева, Науменко и Шифнер-Маркевича? — На самом совещании было установлено, что Кубанская армия боеспособна, что противник на всех трех направлениях (четвертое — Черное море) действовал слабо, что хлеб для армии крайне необходим, иначе ее ждет катастрофа.

После этого на совещании выступил старый кубанский ген. **Гулыга,** в общем заявивший: **«Хлеб нужен и взять его можно только сзади** (т. е. на Кубани). **Представитель Грузии говорит, что, «если вы придете в таком виде, то все мы погибнем. Добудьте хлеба и мы будем друзьями».**

Иначе говоря, ген. Гулыга тоже высказался за переход армии в наступление на Кубань.

Какое положение создалось на совещании после речи ген. Гулыги?

Природные кубанские казаки — Гулыга, Шкуро и Бабиев — стояли за переход Кубанской армии в наступление на Кубань. Кубанский Атаман Букретов (приписной казак) в начале тоже было высказался за наступление.

Что должен был сделать Атаман, имея в виду интересы армии, интересы борьбы? Что должен был сделать верховный вождь Кубанских вооруженных сил, если бы временно ставил даже ограниченную и элементарную задачу для армии — добыть пропитание для нее? Естественно, он должен был бы об'явить на генеральском совещании свой **приказ о переходе Кубанской армии в наступление в пределы Кубани.** Мог бы при этом уволить из состава Армии тех генералов, которые по тем или иным причинам не захотели бы честно и добросовестно выполнить такой его приказ.

Очевидная для всех нужда в хлебе для многотысячной армии и выяснившиеся об'ективные возможности, обеспечивающие успех операции, должны были склонить генералов к операциям, хотя бы ради спасения от надвигавшегося голода, тем более, что прибывший от ген. Деникина ген. Улагай на том же совещании заявил, что «вопрос о прибытии продовольствия (из Крыма) еще не разрешен окончательно».

После выступления ген. Гулыги заговорил Кубанский военный министр, старый генерал — не казак **Болховитинов:**

«Идя за Кубань, мы думали, что там будет лучше, думали пройти в Лабинский отдел, но за Кубанью встретили враждебное к себе отношение, малые части встречались огнем; настроения, которого надо было ожидать, нет. Дает ли выгоду пребывание в районе Туапсе при условии добычи продовольствия? Нет! **Необходимо идти в Грузию,** но надо знать, что хочет делать Грузинское Правительство. Если нас будут интернировать, то идти туда не согласен. Если дадут сносные условия, то вопрос один, а если мы будем обращены в белых арапов, тогда **надо просить транспорты и в Крым».**

Очевидно, Кубанский военный министр, добросовестно служивший в то время большевикам, не хотел допустить, чтобы совещание высказалось за переход в наступление, потому и высказался за отход в Грузию или за эвакуацию в Крым.

Выступление Болховитинова водушевило ген. **Улагая** и он сделал более ясное заявление: «Значит, надо удерживаться постолько, посколько нужен хлеб. Теперь, если в Грузию то с оружием или без него? Безусловно придется разоружиться! Перевозка из Грузии возможна и удобна, и на это Грузия согласится. В грузинском вопросе осложнение с Главным командованием, а разрыва с ним допустить нельзя: мы все получаем от Главного командования. Если мы получим хлеб, транспорт и эскадру, то это 2/3 дела. О политическом вопросе я бы хотел услышать от Вас (к председателю Кубанского правительства)».

Замечательно то, что ген. Улагай нашел возможным говорить о том, что кубанцы все получают от главнокомандующего после того, как сам он был свидетелем того, как ген. Деникин поступил с Донской армией в Новороссийске.

Далее произошел следующий разговор:

Председатель Куб. Правительства **В. Иванис:** «С Грузией выяснилось, что **пустят только казаков, переговоры только с казаками.** О разоружении они не ду-

мают, но в то же время **подчеркивают вопрос о продовольствии».**

Ген. **Улагай:** «Значит, ответа не дали! Военных припасов, хлеба, флота, транспорта не дадут, — у них нет! Они лишь откроют двери».

Иванис: «Здешние люди случайные, а ответ могут дать только в Тифлисе».

Ген. **Улагай:** «Что значит в переговорах с Грузией выражение: главное командование и казаки?».

В. Иванис: «Здесь подразумевается организация добровольческая и казачья».

Ген. **Болховитинов:** «Говоря про Крым, я говорю не о тяготении к известным лицам, а исключительно с военной точки зрения».

В. Иванис: «Казаки на пароходах не поедут, а пойдут куда угодно по Кубани сухопутьем».

Ген. **Улагай:** «Если бы Вы видели картину погрузки в Новороссийске, то так бы не сказали».

В. Иванис: «Если столкуемся с Грузией, то надо идти туда».

Этот диалог между ген. Улагаем и председателем Правительства Иванисом ясно говорит о желании ген. Улагая а) не допустить разрыва между Кубанью и Деникиным, б) оставить Кубанскую армию в подчинении Деникину и в) в случае возможности, использовать Грузию, как путь к Деникину в Крым.

После этого ген. **Букретов** авторитетно раз'яснил, как он сам понимал, пути кубанской внешней политики: «Я склоняюсь к Грузии, но хлебный вопрос серьезный: там его нам не дадут! Там нет ни хлеба, ни кукурузы! Переговоры надо вести и с Грузией, и с Главным Командованием, не считаясь с личностями, а только с общим положением. Мы должны заявить, что ведем борьбу с большевиками. Разрыва с Главным Командованием быть не должно».

При этих словах Букретов огласил на совещании телеграмму, подписанную **председателем Законодательной Рады полк. К. Гончаровым и старшим секретарем Краевой Рады И. Билым,** в которой сообщалось решение Рады о необходимости перехода Кубанской армии в наступление на Кубань.

По оглашении этой телеграммы Атаман заявил совещавшимся, что нельзя вести Кубанскую армию на голодное Черноморское побережье. «Если я сюда поведу, на голод не пойдут! Я вернее отдам приказ, что я освобождаю их от присяги», заявил совершенно запутавшийся в событиях Букретов.

Телеграмма Рады как бы пробудила Войскового Атамана от кошмарного сна и он начал говорить о том, что **«многие генералы, вместо того, чтобы налаживать дело здесь, с первым поездом уезжают».** И далее поставил в упор вопрос о поведении генералов и полковников: **«Вопрос — желаем ли мы вести борьбу с большевиками или нет? Я определенно заявляю, пусть все генералы и полковники скажут: они погибнут с казаками или нет?»,** т. е., желают ли генералы и полковники вести борьбу до конца?

Ген. **Улагай:** «Вы сказали, что делаете распоряжения?».

Ген. **Букретов:** «Я отказываюсь! Я бы только посоветовал так сделать».

Ген. Улагай: «Своим вопросом к генералам и полковникам Вы спутали все карты! С этого надо было начинать!».

Ген. **Шифнер-Маркевич:** «Если Вы скажете, что освобождаете казаков от присяги, то это не выход».

Букретов: «Это не выход, но не выход и плацдарм!»

Ген. **Болховитинов:** «В Грузии, если нет хлеба, есть кукуруза, а сила им нужна для борьбы с большевиками».

Букретов: «Им нужна сила, а не толпы народа!».

Ген. **Улагай:** «Как Вы резюмируете?».

Букретов: «Не имея ответа от Грузии и от Главного Командования, я отсюда не уйду».

Ген. **Шкуро:** «Вы бросили обвинение высшему командному составу в том, что он желает уехать!».

Букретов: «О присутствующих не говорю, особенно о ген. Шкуро, который один говорит о наступлении».

Ген. **Улагай:** «Надо делать перегруппировку, заняв пехотой опорные пункты»...

Ген. **Шкуро:** «Мне кажется, что здесь все спуталось! Решение Рады и решение наше сегодняшнее все путают! Чем же мы будем руководствоваться?».

Ген. **Букретов: «Боев нет. Единственный серьезный бой был у Гойтх»....**

Ген. **Улагай:** «Мы должны спасти тех, кто идет с нами!»

Букретов: «Генералы Науменко и Писарев говорят, что надо отсидеться, но это неправильно: мы не отсидимся ни здесь, ни в Грузии, ни в Крыму. Большевики принимают все меры к прекращению борьбы и не обижают казаков».

В. Иванис: «Этого не будет! На пятый день начнется месть. Через месяц казаки восстанут».

Ген. **Гулыга:** «Мне Незамаевский станичный атаман говорил, что в Незамаевской, Калниболотской, Кисляковской вспыхнули восстания, жестоко подавленные. 200 казаков повешено».

Ген. **Улагай:** «Значит, мы решили, что надо двигаться на Грузию, значит надо снабжение, значит, надо занять Сочи!».

В. Иванис: «Представители Грузии решают: прибыв в Гагры, вызвать председателя Комитета освобождения Черноморья Филиппповского и переговорить с ним.

Ген. **Букретов:** «Давайте, Сергей Григорьевич (к Улагаю) ставить вопросы: **1) Куда отходить?** Плацдарм, естественно. Куда отводить части, на Грузию или в Крым? (при голосовании решено 11-ю голосами из 19-ти отходить в Грузию).

2) **Если Краевая Рада постановит мириться, что делать?** Я считаю, заявил ген. Букретов, что надо вывести тех, кто этого захочет».

Ген. **Шкуро:** «Кто с нами, тех вывести!».

Ген. **Букретов: 3) Продолжать ли удерживать район и наносить накоротке удары?** — Этот вопрос решит командующий Армией. (Обращаясь к ген. Улагаю). Желание наше, чтобы Вы попросили Главнокомандующего подбросить нам муки, огнестрельные припасы и транспорты для переброски беженцев и Донцов в Крым».

Улагай: «Это вопрос очень сложный! Нет нефти! Надо наметить пункт, где начать эвакуацию».

Букретов: «Назначьте инженера Шейховского начальником дороги. Он все сделает!».

Улагай: «Теперь вопрос с Грузией. Как будем? Желательно, чтобы ехали Вы (к Атаману)».

Букретов: «На чем же я поеду!?».

Улагай: «Найдется, но надо снестись с Главнокомандующим!».

Букретов: «Надо просить эвакуации в Крым».

Улагай: «С Донцами вопрос так: я послал просьбу Главнокомандующему о приезде сюда Командования Донской Армией».

Ген. **Писарев:** «Донской корпус ныне соредотачивается в Карповке».

Букретов: «А Черкесы пойдут на Грузию?».

Ген. **Султан Келеч Гирей:** «Несомненно! Куда пойду я, туда пойдут и они».

В. Иванис: «Вопрос с беженцами. Их надо теперь же вывозить».

Улагай: «Сначала надо вывезти служилых, больных, раненых, администрацию и пр.

Букретов: «Как Вы думаете решить боевую задачу?».

Улагай: «Я направлю ген. Шкуро с ген. Шифнер-Маркевичем вперед. Здесь всю группу об'единит ген. Писарев, на перевале группа Бабиева. Теперь крайний случай. Если создастся обстановка, как в Новороссийске, я постараюсь достать транспорты, а тем, которым у большевиков остаться нельзя, надо группироваться».

**
*

Если сравнить вышеприведенное постановление Кубанской Краевой Рады 15 марта с только что описанным совещанием генералов, станет ясным, что Кубанская Рада и командный состав Кубанской армии, вместе с Атаманом и военным министром Кубани, представляли два различных и непримиримых политических мира:

Рада — выразительница казачьих самостийниче-

ских стремлений; генералы — это хаотическое, невыкристаллизовавшееся проявление русского единонеделимческого духа;

Рада — создавала новую политическую программу борьбы Казачества на основе вековых вольно-казачьих традиций; генералы — верные стражи омертвевших форм единой и неделимой России...

Генералы отказались идти на Кубань, хотя бы ради хлеба, и многотысячная казачья армия топталась на берегу Черного моря, страдая от голода и болезней, постепенно теряя свои физические и духовные силы...

В каком положении оказалась Кубанская Рада, приказавшая «всем чинам Кубанской армии, от казака до генерала, исполнять все приказы Войскового Атамана», когда живой носитель атаманской власти вновь подчинился Деникину, «не считаясь с личностями». Краевая Рада, доверяя Атаману и Правительству, в приказе Армии об'явила, «что между нею, Законодательной Радой, Войсковым Атаманом и Краевым Правительством существует полное согласие»...

Если бы Казачество тогда знало все то, что делается на казачьих генеральских верхах, быть может, судьба его не была бы так печальной.

Почему Кубанская армия и 4-й Донской корпус оказались в таком ужасном положении на Черноморском побережьи? Кто несет ответственность за невыносимые страдания десятков тысяч казаков, отдавших все на борьбу с большевизмом и потом поставленных в условия безвыходного положения на берегу моря?

Если Деникин при помощи своих генералов, против воли Кубанской Рады, по заранее принятому им плану, оттягивал Кубанскую армию на голодное побережье, почему же этот «главнокомандующий» не позаботился об обеспечении этой армии всем необходимым — продовольствием, санитарным имуществом, медикаментами, огнестрельными припасами и т. п.?

Если командный состав Кубанской армии так слепо, беспрекословно, упорно исполнял волю своего вождя и главнокомандующего, если генералы поспешили бросить хлебный район Кубани и отвели армию в голодный район, какие реальные шаги были предприня-

ты этими казачьими генералами, распоряжавшимися жизнями десятков тысяч бойцов, для обеспечения их продовольствием?

Когда русские политики, погубив казачье освободительное движение, погубив целых две казачьих армии, в конце концов, оказались потом заграницей, где стали лицом к лицу с десятками тысяч казаков, тоже попавших в эмиграцию, главные виновники мучений Казачества старались и здесь всячески скрывать свою подлинную роль, старались свою вину взвались на чужие головы. Больше того, главные виновники разорения Казачьих Земель, гибели и искалечения сотен тысяч казаков, старались выставить себя в роли благодетелей Казачества, попечителей о его благополучии. При чем «красные» вожди России стремятся всю вину взвались на контр-революционных генералов, помещиков и капиталистов, а «белые» вожди взваливают вину на большевиков, на казачьи парламенты и, главным образом, на головы казачьих самостийников.

Казаки не были посвящены в закулисную работу русских в тылу казачьих армий. Русская печатная и устная пропаганда, соответствующая работа Войсковых Атаманов и многих лиц из высшего командного состава, подобранного исключительно из сторонников России и Деникина, много и, надо признать, успешно поработали над затемнением истиного смысла событий. Заграничная русская печать и устная пропаганда продолжают и здесь свою работу по искажению и затемнению событий недавнего прошлого. В частности, всю страшную ответственность за гибель Донской и Кубанской армий русские стараются взвались на рядовую казачью массу, которая будто бы не хотела сражаться, стараются вину взвались на Верховный Круг и на Кубанскую Раду.

Уместно будет отметить то, что ген. Деникин в своих «Очерках русской смуты» изображает все так, что будто бы он, как главнокомандующий, своевременно принимал необходимые меры для обеспечения продовольствием казачьих частей, имевших отойти на берег Черного моря. Деникин пишет: «С января было приступлено к организации продовольственых баз на

Черноморском побережьи, в том числе пловучих — для портов, к которым могли отходить войска» (Очерки, т. У-й, стр. 343).

В действительнсти никаких продовольственных баз не было организовано и вообще никакого продовольствия для Кубанской армии заготовлено не было, что и подтвердил ген. Улагай на вышеуказанном совещании генералов, бывшим 15 марта в г. Туапсе. Даже на прямую просьбу Кубанского Атамана о «подброске муки» ген. Улагай на том же совещании ответил, что это «вопрос очень сложный»...

***

Уже на берегу Черного моря Кубанское Правительство и члены Верховного Круга и Рады, с своей стороны, принимали меры, чтобы вывести казачьи корпуса и беженцев из тяжелого положения. В начале большие надежды казаки возлагали на Грузию. 16 марта из г. Туапсе выехали в Гагры председатель Кубанского Правительства В. Иванис и товарищ председателя Верховного Круга и член Донского Круга Мамонов с целью переговоров с Грузинским правительством. Они вызвали на прямой провод бывших в Тифлисе членов делегации Верховного Круга **П. И. Ковалева** и **М. А. Зозулю** (см. гл. УШ) и представителя Кубанского Правительства при Правительстве Грузии **Дробышева** и в присутствии грузинского ген. **Артмелидзе** и г. **Чинижишвили** рассказали казачьим представителям в Грузии о нуждах Кубанцев и Донцов, попавших на Черноморское побережье, и просили их срочно выяснить у Грузинского Правительства возможность и условия оказания помощи казакам.

Так как эти разговоры подают ценный исторический материал, освещающий некоторые важные вопросы, приведем здесь хотя то, что говорили по прямому проводу представитель Донской фракции Верховного Круга **Мамонов** и председатель Кубанского Правительства **В. Иванис.**

У аппарата **Мамонов** (в Гаграх) и **Ковалев** (в Тифлисе). Говорит **Мамонов:** «Здравствуй! Донская фракция поручила мне сообщить следующее:

Первое. Верховный Круг постановлением своим от

3-го марта аннулировал все соглашения с Деникиным. Войска в оперативном отношении в силу этого же постановления вышли из командования ген. Деникина. Дон и Донская армия в данный момент ичего общего с политикой ген. Деникина не имеют. На основании этого официального сообщения доведите до сведения Грузинского Правительства дальнейшие задачи Дона и методы борьбы.

Второе. В данное время Донские беженцы в числе до 15 тысяч человек с домашним инвентарем при весьма трудных условиях прибыли в район Туапсе. Если большевики предпримут дальнейшее удачное наступление, то наши беженцы ни при каких обстоятельствах не останутся и будут уходить дальше. Остается один путь — побережье Черноморья. Только одна страна может защитить их от насилия большевиков — это Грузия. Нужна защита. Помощь будет обеспечена от нас. Эта схема даст тебе возможность детализировать все необходимые данные при личных переговорах с Грузинским правительством. Решение этого вопроса сообщи мне, если возможно, сегодня для доклада фракции.

Третье. Армия наша при отступлении от берегов Кубани раскололась. Одна часть пошла на Новороссийск и далее на Крым, а другая — в полном контакте с Кубанской армией отступила на Туапсе. **Боевой дух не утрачен.** Ряды пополнены беженцами, способными носить оружие. Необходим отдых и боевые припасы. Последние составляют предмет особых переговоров с Грузинским правительством и представителем Кубани. Атаман, Правительство и часть Круга ушли, в силу необходимости, в Крым. Донская фракция в составе Верховного Круга делила трудность отступления со своими беженцами и армией и теперь находится в Туапсе. **Деникинство в командном составе, вероятно, попытается создать препоны работам народных представителей. Члены фракции никогда ни при каких обстоятельствах не пойдут в Крым, в среду влияния диктатуры Деникина,** и при необходимости решили отходить в Грузию и то последнее будет, вероятно, решением всего Верховного Круга. Члены Круга при от-

ступлении шли по горам пешком и, следовательно, дальнейший уход на Грузию, если возможно будет обеспечить перевозочными средствами Грузии... Доведи это до сведения Грузинского правительства и сообщи по всем вопросам положительное решение последнего, ибо, во имя общих интересов демократии, идея Верховного Круга не должна попасть в об'ятия Деникина. Кончил».

Председатель Кубанского Правительства **В. Иванис** в разговоре с представителем этого Правительства в Грузии **Дробышевым** и с делегатом Верховного Круга **Зозулей** сообщил следующее:

«Прошу весь разговор записать и все вопросы, насколько возможно, выяснить до 8 часов вечера и доложить мне вместе с Мачабели, когда он будет с нами говорить.

«Вечером 4 марта Атаман, Правительство и Краевая Рада, а также Верховный Круг вышли из Екатеринодара... Вышли мы за Кубань, куда к нам стала присоединяться масса казаков Гаманского отдела. Предполагалось держаться на рубеже Кубани, **но разрыв с Деникиным, который был произведен 3 марта ст. ст. Верховным Кругом, не был признан командным составом, благодаря чему в командовании произошли трения.**

«Часть армии, кроме Добровольцев, главным образом Донской, ушли на Новороссийск, не оказывая никакого сопротивления, а другая часть, в которую вошли почти все Кубанцы, ушла с Атаманом в горы на соединение с 1-м и 2-м корпусами. Организация обороны р. Кубани не удалась, а потому большевики быстро перешли на левый берег Кубани и в незначительном количестве двинулись на Новороссийск и оттуда за нами.

«Другая часть большевиков с конницей Буденного — за Корпусами, к которым мы шли (из Екатеринодара) на присоединение. Поход совершался по чрезвычайно трудным дорогам, и соединились у ст. Хадыженской. Отсюда часть была отправлена обратно в район Майкопа и Белореченской (это не верно, прим. Ред.), а другая — на создание базы на море и пути на случай отхода.

«В настоящий момент, продолжал председатель Правительства, **имеется полная возможность перехода в наступление, но так как подорван дух командного состава, приходится с болью в душе готовиться к худшему.**

«Необходимо для армии военное снаряжение, ибо огромные запасы Екатеринодара и Новороссийска достались красным. Все санитарное имущество, благодаря непролазной грязи, вывезено не было и потому армия осталась без медицинской помощи. Необходимы медикаменты и перевязочные средства. В последний момент ген. Деникин отказал нам в денежных знаках (Кубань не печатала собственных денег, прим. Ред.), почему армия осталась почти без средств. Необходим заем в Грузии хотя бы миллионов 150 грузинской валютой. Больных и раненых необходимо вывозить. Нужно договориться с Грузинским правительством о разрешении этой эвакуации в Грузию. Также необходимо просить помощи пловучими средствами.

«Перехожу к самому сложному и тяжелому вопросу. В случае неудачи, на каких условиях Грузинское правительство примет Кубанскую армию? К этому должен прибавить, что имеется предложение Деникина о вызове армии в Крым с предоставлением пловучих средств. Если будет поставлено Грузией условие об обезоружении нашей армии, то я опасаюсь, что большая часть нашей армии, наиболее крепкая, воспользуется предложением Деникина или же разойдется по горам, и союз (к которому мы столько стремились) с Грузией не будет осуществлен...

«Все эти вопросы прошу срочно вырешить (и решение сообщить) мне, чтобы я мог возвратиться в Туапсе с окончательным ответом. Помощь нужна скорая. Вопрос с продовольствием для нас также остр...

«Имеете ли вопросы?

«С Комитетом Освобождения Черноморской губернии я веду переговоры в Гаграх. Части 1-го (Кубанского) корпуса двигаются к Сочи».

В этом документе, кроме конкретной обрисовки весьма тяжелого положения армии, особенное внимание обращает на себя то место, где говорится о пол-

ной возможности перехода Кубанской армии в наступление и что препятствием для осуществления этого единственно правильного решения было не что иное, как подорванный дух командного состава.

Почему же этот комадный состав не захотел повести корпуса в наступление тогда, когда казаки еще занимали хоть часть Кубани? И почему тот же командный состав тремя месяцами позже, с малыми силами, организовал весьма рискованный десант на Кубань из Крыма через море?

При создавшихся весною 1920 г. условиях успех борьбы Казачества против красных усилил бы и укрепил казачью самостийность, а именно этого боялись генералы.

⁂

Грузинское правительство отказало казакам в займе и не соглашалось впустить Кубанскую армию на свою территорию. Переговоры по другим вопросам затягивались. Грузинское правительство вело в это время мирные переговоры с Москвой и не хотело сердить Кремль какими либо своими соглашениями с казаками.

Кубанцы этого тогда не знали и потому для ускорения переговоров с Грузией послали с Черноморского побережья в Тифлис специальную делегацию в составе представителей Рады и Правительства. В состав этой делегации вошли: председатель Краевой Рады **И. Тимошенко,** старший секретарь ее **И. Билый,** член Рады **Гордиенко** и члены Правительства **Голуб, Ледомский** и **Ивасюк.** Но и эта делегация никакого успеха не имела — все по той же причине (Грузия подписала «мир» с Москвой 7 мая).

⁂

Казачьи части без особого труда дошли до самой Грузинской границы и поднялись в горы к Романовску. Этим были закончены операции 1-го Куб. корпуса, после чего он бездействовал, заполняя свободное время военными занятиями.

К тому времени на Черноморском побережьи создалось следующее положение: ген. Шкуро командовал казачьими частями, занявшими район Сочи, Адлера и Романовска; ген. Шкуро, не признавая над собой

власти Кубанского Атамана, подчинялся командующему Кубанской армией ген. Улагаю, немедленно после совещания генералов в Туапсе 15 марта уехавшему в Крым к Деникину, потерявшему связь со своей армией; в расположение 1-го Куб. корпуса постепенно втягивался 4-й Донской корпус ген. Старикова, подчинявшийся командующему Донской армией ген. Сидорину, тоже находившемуся в Крыму; 2-й Куб. корпус ген. Науменко и 4-й Корпус ген. Писарева занимали район гор. Туапсе и перевалы на север от этого города; на перевалах также находился Кубанский отряд ген. Морозова; ген. Писарев не только командовал туапсинской группой войск, но и осуществлял гражданскую власть в этом районе; этот генерал, как известно, тоже не признавал власти Кубанского Атамана. Кубанская Рада, Правительство и Аатаман перехли в г. Сочи, на время ставший центром казачьей работы...

Противник производил некоторый нажим только на группу войск ген. Писарева.

«Положение на фронте Туапсинской группы не было серьезным», повествует бывший командир 2-го Куб. корпуса ген. Науменко, **«но продовольственный вопрос был в катастрофическом состоянии»** («Казачьи Думы» Нр 20). «18 марта на туапсинский рейд пришел из Крыма первый транспорт «Хоракс» с продовольствием и огнестрельными припасами. Он привез 30 тысяч пудов ячменя, пшеницу, рожь и муку. Прибытие этого продовольствия лишь частично удовлетворило нужды войск. Особенно остро обстоял вопрос с фуражем. Новая трава только начала пробиваться из земли. Запаса фуража в Туапсе совершено не было, а в окрестных селах его скудные запасы забирались буквально с боя. Солома, кукурузные стебли, соломенные крыши, сухие листья, молодые побеги деревьев, лоза, кора с деревьев — все было с'едено. Казаки обшаривали все укромные уголки, извлекая оттуда зерно, семечки, пшеницу, сухие груши, и все это поедалось лошадьми. Лошади, выпущенные на свободу, уныло бродили по улицам города и окрестным горам; отыскивая себе пищу, оне от голода падали десятками. Туапсе, дороги от него на Хадыженскую, Небугскую и Сочи представ-

ляли собой лошадиное кладбище. Лошадиные трупы валялись тысячами» (там же).

Недалеко, за горами была богатая Кубань, где все было в изобилии. А 2-й, 4-й и 1-й Кубанские, 4-й Донской Корпуса и группа ген. Морозова топтались на побережьи в кошмарной обстановке голода и усиливших-ся заболеваний.

Бессмысленное с казачьей точки зрения оставление войск на одном месте, все усиливавшееся сознание безвыходности искусственно созданного положения, ослабление воинской дисциплины были причиною бесшабашного разгула, которому временами предавались некоторые лица командного состава. Пьянство иногда сопровождалось безобразными публичными выступлениями. Был, например, случай, что после обильного веселого ужина пьяные офицеры с револьверами в руках искали по гор. Туапсе членов Кубанского Правительства и Рады с целью расправиться с ненавистными самостийниками... В другом случае, пьяная компания шашками зарубила офицера, не пожелавшего вместе с нею предаться пьянству...

Все эти обстоятельства не могли, конечно, содействовать усилению боевого настроения в войсках.

Бездействие казачьих Корпусов, естественно, было на руку большевикам. Красное командование, перебросив через перевал на Джубгском направлении 50-ю стрелковую дивизию и усилив ею разрозненные большевистские части «Черноморской советской армии», начало вдоль побережья осторожно нажимать на Туапсинском направлении. После того, как 14 марта красные заняли гор. Новороссийск и 15-16 марта ликвидировали Донские дивизии в районе Кабардинской-Геленджика, советские войска еще более усилили нажим на Туапсинскую казачью группу войск...

Генералы, не признав власти Кубанского Атамана, прислушивались к тому, что происходило тогда в Крыму... Доходившие из Крыма на Черноморское побережье сведения о распре между Деникиным и командованием Донской армией (см. гл. XXII), слухи о намерении «главнокомандующего» оставить свой пост, отсутствие каких-бы то ни было указаний со стороны за-

севшего в Крыму командующего Кубанской армией ген. Улагая относительно дальнейших активных действий этой армии, отсутствие благоприятных сведений о результатах переговоров с Грузией, слухи о том, что Англия будто бы предложила Деникину помириться с большевиками и что Англия будто бы отказывает в своей помощи антибольшевистским силам — все это значительно усиливало и без того упадочное состояние духа командного состава Кубанской армии..

Кубанский Атаман, не найдя в себе сил для того, чтобы взять в свои руки верховное руководство боевыми операциями Кубанской армии, не признанный командирами Корпусов, бездействовал в гор. Сочи.

Приказ Кубанской Краевой Рады о переходе в наступление повис в воздухе. На верхах царила полная анархия и безвластие, крайне разлагающе действуя на армию. Страдало Казачество под большевистской властью, мучились и те десятки тысяч казаков, которых русская политика казачьих верхов затянула к берегам Черного моря.

Красные в это время действовали. «Обстановка на фронте начала осложняться», рассказывает ген. Науменко. «Сосредоточившийся в районе Небугской противник перешел к решительным действиям в ночь на 21-е марта и потеснил части 2-го Кубанского корпуса за р. Небуг. 22 марта ген. Писарев собрал совещание, на котором присутствовали командиры 4-го Конного (ген. Писарев) и 2-го Кубанского (ген. Науменко) корпусов с их начальниками штабов, генералы Бабиев, Морозов, Фок и др. Ген. Писарев обрисовал обстановку и поставил вопрос, как быть дальше. Выслушав мнение присутствующих, он решил: выполняя план, намеченный на совещании 15-го марта, удерживать, сколько можно, Туапсе и просить Ставку Главнокомандующего о скорейшей помощи продовольствием и фуражем» (там же).

Как утверждает ген. Науменко, только 25 марта были получены в Туапсе сведения «от англичан о том, что ген. Деникин сдал командование барону Врангелю и сам выехал в Константинополь». В этот день — 25 марта — большевики орудийным огнем обстреливали

гор. Туапсе. В ночь под 26-е марта 1920 г. «с наступлением темноты город (Туапсе) был оставлен, и прикрывавшие его части отошли на высоты южнее его» (там же).

Оставление г. Туапсе и Гойтского перевала нанесло огромный моральный удар по казачьим полкам. Кроме того, **отсутствие единой сильной казачьей власти, голод, падение лошадей и скота от бескормицы, трения с населением и общее бездействие армии добивали ее морально и физически.**

После долгого раздумья и колебаний Атаман Букрéтов решил проявить активность и инициативу. Уход Деникина и приход на его место ген. Врангеля (гл. XXII) подсказал ему мысль самому поехать в Крым и выяснить там взаимоотношения с новым главнокомандующим; при помощи Врангеля разрешить спор об отношениях между Кубанским Войсковым Атаманом и не подчиняющимися ему командирами Кубанских Корпусов и дивизий, а также выяснить действительное отношение Англии к антибольшевистской борьбе вообще... Словом, Атаман Букретов сам решил ехать на поклон к Врангелю.

В то время, когда ген. Букретов решал вопрос о времени своего от'езда в Крым, 27-го марта из Крыма в г. Сочи прибыл командующий Кубанской армией ген. Улагай и передал Кубанскому Атаману приглашение от Врангеля прибыть в Крым на совещание по поводу официального предложения Англии о мире с большевиками.

Атаман Букретов и председатель Кубанского Правительства В. Ивáнис немедленно выехали в Севастополь, в то же время стараясь этот свой неожиданный от'езд в Крым скрыть от Кубанской армии и беженцев. Кубанская политика делала новый зигзаг.

Глава XXII.

Первые дни пребывания донцов в Крыму. — Положение 4-го Донского корпуса на Кавказском берегу Черного моря. — Политика Англии. — Уход Деникина с поста главнокомандующего.

Как выяснилось на военном совещании, созванном ген. Деникиным 15-го марта 1920 г. в гор. Феодосии, из Новороссийска было перевезено в Крым до 35-ти тысяч «Добровольцев» (на фронте на Кубани их было менее 10-ти тысяч) и около 10-ти тысяч Донцов, т. е. приблизительно четвертая часть Донской армии. Донцы высадились в районе г. Феодосии, а «Добровольцы» были размещены в районе гор. Симферополя.

«Добровольцы» пришли поголовно вооруженными, привезли с собой все пулеметы и даже несколько орудий», свидетельствует ген. Деникин («Очерки русской смуты», т. У-й, стр. 252).

Условия, при которых Донцы принуждены были захватывать себе места на пароходах и английских военных судах, были причиною того, что все они прибыли в Крым без лошадей, даже большая часть винтовок была брошена в Новороссийске, не говоря уже о пулеметах, орудиях и обозах. Потрясенные новороссийским предательством, попавшие в Крым Донцы, естественно, возмущались поведением своего командования, с ненавистью относились к ген. Деникину и его штабу и враждебно были настроены в отношении «Добровольцев» вообще.

С другой стороны, и русские люди, вырвавшись, в конце концов, с Казачьих Земель в Крым, освобо-

дившись от стеснявшей их чувства и поступки зависимости от казаков, могли теперь уже более открыто выявлять свое действительное отношение к Казачеству.

«Русская армия чувствовала себя в Крыму более дома, чем на Дону и на Кубани», говорит один из видных добровольцев, работавших в штабе Врангеля. «Не было всевозможных «Кругов» и «Рад» — наследия Керенщины, где заворачивали авантюристы медвежьих углов, тянувшиеся к портфелям губернских министров» (Г. В. Немирович-Данченко: В Крыму при Врангеле. Факты и итоги. Берлин. 1922, стр. 8).

Не удивительно, что в Крыму русские старались вредить казакам, где и как могли. «Все (Донцы) жили здесь (в Феодосии) кошмарами и отголосками Новороссийска. Уже при выгрузке казаков, находившихся под свежим впечатлением пережитого, истерзанных качкой, теснотой, отсутствием воды, — стало известно, что живущие в Феодосии представители Добровольческой армии, офицеры гвардейских добровольческих частей, весьма враждебно относятся к Донцам, считая их чуть-ли не виновниками новороссийской трагедии. Глубокое чувство возмущения, в свою очередь, охватывало Донцов... На улицах Феодосии происходили столкновения между донскими и добровольческими офицерами. Донским частям отказывали в квартирах, даже для представителей высшего командования» (Г. Раковский. «В стане белых», стр. 265).

Этим не ограничивались моральные и физические муки Донцов, попавших в Крым.

«В непрывычном пешем строю, с громоздкими седлами за плечами и на плечах, только теперь приходя в нормальное состояние, проходили по улицам Феодосии голодные Донские части... В городе был продовольственный кризис и изголодавшиеся казаки и солдаты не могли нигде достать еще не подвезенного хлеба. Но, глубоко потрясенные пережитым, терпеливо и безропотно переносили казаки все невзгоды»...

«В то же время в Феодосии, возле гостиницы

«Астория», где размещались штабные учреждения, митинговали десятки генералов, резко критиковали командование, предсказывали неизбежную, скорую агонию Крыма, говорили, что нужно немедленно уезжать заграницу, что казаки разложились окончательно, что быстрому процессу разложения подвергаются добровольческие части и т. д.» (Там-же).

Эта тяжелая картина остро враждебных взаимоотношений между русскими и казаками в Феодосии в достаточной мере выяснилась на вышеупомянутом военном совещании лиц командного состава. Отсюда становится понятным возглас ген. Деникина, вырвавшийся из его уст на том совещании: «В таком случае, они (Донцы) являются опасными для моей базы в Феодосии!».

Поэтому «главнокомандующий» спешил избавиться от «братьев-казаков» и поскорее вывести их из Феодосии, где он расположился со своим штабом. Сначала Деникин хотел отправить Донцов в район г. Керчи, дав им активную задачу обороны побережья Азовского моря и Керченского пролива. Но командующий Донской армией высказался против этого плана, указав на то, что «безоружным нельзя давать такой серьезной операции, так как в этом районе можно ожидать высадки большевиков». При этом ген. Сидорин обратил внимание ген. Деникина на более серьезную вещь, подчеркнув, что **«теперь чрезвычайно трудно будет заставить казаков идти вместе с добровольцами».**

Новороссийское предательство и то, какое отношение встретили казаки в Феодосии со стороны добровольцев, многим открыло глаза на то, как русские в действительности относились к казакам.

По приказанию ген. Деникина остатки Донской армии были перевезены из г. Феодосии в район г. Евпатории и размещены вдали от частей добровольческих, сосредоточившихся, как сказано выше, в районе гор. Симферополя.

«В Евпаторию они пришли в ужасном настроении. Они оставили позади свои семьи, свои станицы. Они потеряли своих лошадей и оружие. Они пришли по-

чти в одном том, в чем их застал печальный день двенадцатого-тринадцатого марта 1920 г.» в Новороссийске. «Армия Донская», по словам ген. Сидорина, «находилась в ужаснейшем моральном состоянии, состоянии страшной физической усталости, в полной необеспеченности ни оружием, ни лошадьми, ни вообще всем необходимым. В противоположность собравшимся со всей России добровольцам, казаки были органически связаны со своей территорией — Доном и потому перед ними особенно остро стоял вопрос: что же будет дальше? Придется ли возвращаться на Дон с оружием в руках. Придется ли сдаваться на милость победителей — большевиков, или же, быть может, Крым будет эвакуирован, и придется уходить в иноземные страны?..

***

В еще более тяжелом положении оказался 4-й Донской корпус ген. Старикова, вместе с Кубанской армией втянутый на голодное Кавказское побережье Черного моря. Командир Корпуса стремился перевезти его в Крым к остальным частям Донской армии.

На первый транспорт, прибывший из Крыма в Туапсе 19 марта, вместе с ранеными и больными, удалось погрузить часть 4-го Донкорпуса.

«Ставка указывала перевозить только вооруженных и желающих драться», говорит Деникин. «Донские правители смотрели более пессимистично: на бурном заседании их в Феодосии решено было воздержаться пока вовсе от перевозки Донцов в Крым. Мотивами этого решения были — с одной стороны развал частей, с другой — опасение за прочность Крыма («ловушка»)» (Очерки, т. У-й, стр. 351).

Известно, что в январе 1920 г. командующий Донской армией ген. Сидорин сделал большие усилия, чтобы добиться того, что Верховный Круг Дона, Кубани и Терека вступил в соглашение с ген. Деникиным, в результате коего появилось Южно-Русское Правительство Н. М. Мельникова (часть IУ-я «Траг. Каз-ва», главы УI и УШ). 16 марта ген. Деникин приказал упразднить это Правительство.

Это решение ген. Деникина вызвало возмущение не только среди бывших членов этого Правительства, но, в известной степени, было бесцеремонным ударом и по всей соглашательской политике ген. Сидорина и вообще казачьих верхов русской ориентации. Командующий Донской армией, казалось, теперь только понял, к каким ужасным, глубоко трагическим для Казачества последствиям привела его политика, направленная к тому, чтобы сломить волю Верховного Круга, стремившегося в начале января 1920 г. к разрыву с русскими «белыми» силами, возглавляемыми Деникиным.

Вместо того, чтобы всем своим авторитетом командующего Донской армией поддержать Верховный Круг в его стремлении взять в казачьи руки дальнейшее продолжение борьбы, ген. Сидорин, опираясь на русское настроение высшего командного состава казачьих вооруженных сил, решительно стал поперек дороги Верховного Круга («Я дал слово ген. Деникину и ему не изменю» — подлинные слова ген. Сидорина в ответ членам Круга, предлагавшим ему командование всеми казачьими армиями).

Что получилось в результате такой политики казачьих руссофильских верхов? — Казачьи Земли были заняты красными, Донская армия была предана у Новороссийска белыми, ее измученные остатки, попав в неказачий Крым, встретили там открыто враждебное к себе отношение...

Другая часть Казачьих сил — Кубанская армия была изолирована на Кавказском Черноморском побережьи, а силы Терских казаков были разбиты красными и незначительные остатки их отступали с Терека в Закавказье.

Большевики на Казачьих Землях спешно пополняли свои боевые силы, собираясь бросить их против Польши.

Если эту печальную общую картину положения казачьих сил сравнить с тем положением, какое было в половине января 1920 г., когда казаки 5-8 января разгромили красных у Батайска-Ольгинской, а

15-19 января основательно разбили их на Маныче, станет ясным, какие широкие возможности открывались перед Казачеством в январе того года, если бы оно, порвав с Деникиным, под руководством своего командующего, под казачьими знаменами, дружно ринулось тогда на красных.

В половине марта положение Казачества было чрезвычайно тяжелым, однако, еще не безнадежным.

Только теперь, как повествует ген. Деникин, «ген. Сидорин усиленно проводил взгляд «о предательстве Дона» (Деникин берет эти слова в кавычки, чтобы показать, что эти слова будто бы не соответствуют действительности. Ред.) и телеграфировал Донскому Атаману, что этот его взгляд разделяют «все старшие начальники и все казаки». Он решил «вывести Донскую армию из пределов Крыма и того подчинения, в котором она сейчас находится» и требовал немедленного прибытия Атамана и Правительства в Евпаторию «для принятия окончательного решения» («телеграмма 18 марта от Сидорина ген. Богаевскому», поясняет ген. Деникин: Очерки, т. У-й, стр. 355).

Поздно ген. Сидорин сознал, насколько ошибочной была его политика поддержки Деникина и борьбы с организацией Казачьего государства.

Естественно, что при антиденикинском настроении Донцов, попавших в Крым, Деникин и Богаевский, как верный его соратник, боялись усиления Донцов путем перевозки из Сочинского района в Крым многочисленного 4-го Донского корпуса, насчитывавшего на путях к Туапсе около 17-ти тысяч (ч. IУ-я, глава XIX-я «Траг. Каз.»),

Деникин приказал воспретить погрузку на Черноморском побережьи Донцов 4-го Корпуса для перевозки в Крым.

Получив об этом телеграмму, командир 4-го Донкорпуса ген. Стариков «собрал командиров полков, которым и сообщил об этой телеграмме. Негодованию не было пределов... После совещания, Стариков посылает Донскому Атаману донесение, в котором говорит, что телеграммой Деникина Корпусу от-

резан путь в Крым... «Мы брошены, мы голодаем, у нас нет денег, мы не знаем, где штаб (Донской армии), где Донское Правительство... Что делать нам — не известно»...

От Атамана Богаевского ген. Стариков получил письмо, «в котором было указано, что телеграмма Деникина о прекращении погрузки была дана с ведома его, Донского Атамана. «Не знаю, что лучше», писал генерал Богаевский, «перевозить-ли ваш корпус в Крым, или с остатками Донской армии переезжать к вам на побережье»...

Возможно, что Богаевский действительно не знал, что ему делать. В течение двух лет он упорно и неизменно проводил в среде казаков политику группы русских генералов. Больше года уже занимая высокий, почетный и весьма ответственный пост Донского Атамана, ген. А. П. Богаевский был верным и преданным сотрудником ген. Деникина.

Не добившись удовлетворительного ответа от Донского Атамана, ген. Стариков поехал из гор. Сочи в г. Севастополь к ген. Врангелю, чтобы выяснить, почему 4-й Корпус не желают перевезти в Крым, когда катастрофа приближается с каждым днем? Почему Корпусу не дают денег, продовльствия и снарядов?

***

Бездарная политика ген. Деникина принесла чрезвычайно много зла не только Казачеству. Деникина ненавидела Украина и народы Кавказа. В 1920 году от Деникина отвернулись и те русские политические и общественные круги, которые в 1919 г. служили опорой для его власти.

Антиденикинское движение в среде русских военных и гражданских кругов особенно широко и ярко вылилось наружу в конце января и в первой половине февраля 1920 г. в Крыму после того, как 25-26 января Одесса была сдана большевикам и в руках Деникина оставался только Крымский полуостров и Новороссийск.

Только благодаря поддержке со стороны началь-

ника военной Миссии Великобритании ген. Хольмана, ген. Деникин мог тогда — в феврале — справиться с поднявшимся против него движением в Крыму, прибегнув к отстранению от должностей целого ряда высших чинов армии и флота и путем высылки заграницу (в Константинополь) ген. Врангеля, собиравшегося сесть на его место. (Деникин. Очерки рус. смуты, т. У-й, стр. 330-343. Врангель. Записки. «Белое Дело», т. У-й, стр. 287-301).

Когда же командир Добровольческого корпуса ген. Кутепов, 28 февраля 1920 г., в самой резкой форме проявил недоверие Деникину, последний «решил бесповоротно оставить свой пост» (Очерки, т.У-й, стр. 342).

***

Для большей полноты рисуемой здесь картины необходимо остановиться несколько и на роли Англии в судьбе ген. Деникина.

Нет сомнения в том, что решающее влияние на поведение Деникина имело изменившееся к нему и к антибольшевитскому «белому» движению вообще, отношение Правительства Англии. На открытую вооруженную интервенцию в пределах бывшей императорской России, с конца 1918 г. и в течение всего 1919 г., пошла вся коалиция держав-победительниц в Мировой войне — Англия, Франция, Италия и Япония, но фактически обстоятельства сложились так, что Англия имела решающее, если не исключительное, влияние на ход дела интервенции на Юге, в районе Балтийского моря и на Севере быв. России.

Веками установившаяся — примерно со времени Ивана Грозного — общая линия отношения Великобритании к России и в годы 1918-1919, в своей основе, оставалась неизменной, хотя часто менялась в деталях. Не в интересах Англии было восстановление сильной России в границах, бывших до Мировой войны, будь-то России Колчака, Деникина, или, тем более, России Ленина.

Хотя Англия и договорилась было в декабре 1918 г. с Францией относительно разделения «сфер влияния» на «Юге быв. России» на том, что границей

между этими «сферами» должна быть линия Босфор-Керченский пролив — р. Дон — до р. Волги и далее по этой реке на север, но благодаря тому, что в 1919 г. Франция была весьма занята своими внутренними делами, а также разрешением сложных вопросов в области р. Дуная, Карпат и Вислы, благодаря тому, что Франция не обратила должного внимания на события, происходившие между р. Днестром и р. Доном; благодаря тому, что Италия тоже не проявила тогда большого интереса к событиям на Кавказе и на Казачьих Землях, Англия сама оказалась в роли полновластного хозяина на том фронте, где «главнокомандующим» был ген. Деникин.

Уже было отмечено, что Англия через своего представителя ген. Пуля, в конце 1918 г., весьма активно помогла Деникину в деле укрепления его влияния на Казачьих Землях, сломив разрозненные и не согласованные самостийнические стремления казаков на Дону и на Кубани («Траг. Каз-ва», ч. П-я, стр. 86-88).

Ген. Пуль, укрепив положение Деникина, в феврале 1919 г. ушел с своего поста, а на его место прибыл ген. Бригс, пробывший возле Деникина до момента подчинения последнего адм. Колчаку. В июне 1919 г. ген. Бригса заменил английский ген. Хольман, при котором Деникин поднялся было к г. Орлу и при нем же откатился к Крыму и Новороссийску.

Было также подчеркнуто, что не только силы «красной» и силы «белой» России, но и решающее влияние Англии, отказавшей казакам в оружии и дававшей свою помощь только Деникину, обессилили и побороли силы казаков («Траг. Каз-ва», ч. П-я, стр. 87 и ч. IУ, главы III и IУ).

Однако, русская красная армия сумела разгромить силы Колчака — на востоке, Юденича — у Петрограда, Миллера — на севере и Деникина — на юге. По мере усиления этого процесса ликвидации «белых» фронтов, все яснее эволюционирует и политика Англии. Уже в ноябре 1919 г. председатель Английского Правительства Ллойд-Джордж в своей речи пу-

блично коснулся вопроса о возможности соглашения Англии с Советской Россией.

3 января 1920 г., Англия, совместно с Францией, Италией и Японией, через Верховный Союзный Совет провозгласила снятие экономической блокады Советской России. В то самое время дипломатический представитель Англии «на Юге России» — ген. Киз хотел осуществить проэкт реорганизации Южно-Русской власти в том смысле, что гражданская власть должна быть взята из рук главнокомандующего.

11-го февраля 1920 г. Верховный Совет принял нижеследующее постановление: «Верховный Совет не рекомендует окраинным государствам вести войну против Советской России, но Антанта защитит их, если Советская Россия на них нападет; дипломатические сношения с Россией не возобновляются».

Очевидно, что такое постановление держав Антанты, морально закрепляя существование окраинных государств — Финляндии, Эстонии, Грузии и т. д., наносило удар Деникину. В то время Аанглия и Франция уже вели переговоры с большевиками в Копенгагене.

Перед самой эвакуацией Новороссийска дипломатический представитель Англии — ген. Бридж обратился к ген. Деникину со следующим предложением Английского Правительства: «так как по мнению последнего положение катастрофично и эвакуация в Крым неосуществима, то англичане предлагают мне свое посредничество для заключения **перемирия с большевиками»** (Деникин. Очерки, т. У-й, стр. 347).

Деникин отверг это предложение. Но Новороссийская катастрофа и переезд в Крым свидетельствовали о провале «белого» движения. Естественным следствием этого было распоряжение Английского Правительства об отозвании своего военного представителя при Деникине ген. Хольмана.

Английская поддержка оставила Деникина. Больше того: бывший председатель деникинского «Особого Совещания» ген. **А. Лукомский,** очень осведом-

ленный в вопросах взаимоотношений «белого» движения с Антантой, говорит: ...«После эвакуации Новороссийска и перевозки на судах вооруженных сил юга России в Крым — сразу определилось изменение отношений к последним со стороны Великобританского Правительства. Прежде всего, русскому командованию было предъявлено ультимативное требование не переходить к северу от Перекопского перешейка, т. е. прекратить борьбу с большевиками, сохранив за собою Крым» (Ген. А. С. Лукомский. Воспоминания. Том II-й, стр. 330).

***

Против Деникина теперь восстали даже когда-то близкие к нему генералы. 16 марта в Феодосии, на квартире бывшего командующего Кавказской армией ген. Покровского состоялось тайное совещание, на котором присутствовали — сам ген. Покровский, командующий Донской армией ген. Сидорин, быв. командующий Крымским Отдельным корпусом ген. Боровский и командующий в 1919 г. добровольческой конницей ген. Юзефович. На этом совещании было заслушано, переданное через ген. Боровского, мнение командира корпуса, защищавшего тогда Крым, ген. Слащева о необходимости **удалить ген. Деникина и на его место поставить новое лицо.** Все генералы согласились с этим.

19 марта от командира Добровольческого корпуса ген. **Кутепова** Деникину стало известно, что об'единившие свои действия активные противники его решили удалить его с поста главнокомандующего и на 23 марта «предположено собрать совещание из представителей духовенства, армии, флота и населения для обсуждения создавшегося положения и что, вероятно, это совещание решит обратиться к Деникину с просьбой о сдаче командования. Затем он прибавил, что, в виду моего (Деникина) прибытия на территорию Крыма, он (ген. Слащев) полагает необходимым и мое участие в этом совещании» (Деникин. Очерки, т. V-й, стр. 335).

Деникин решил предупредить события и в ночь

под 20 марта разослал нижеследующую телеграмму:

«Предлагаю прибыть к вечеру 21-го марта в Севастополь на заседание военного совета, под председательством генерал-от-кавалерии **Драгомирова,** для избрания преемника Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России. Состав совета: командиры Добровольческого и Крымского корпусов, их начальники дивизий, из числа командиров бригад и полков — половина (от Крымского корпуса по боевой обстановке норма может быть меньше), комендант крепостей, командующий флотом, его начальник штаба, начальники морских управлений, четыре старших строевых начальника флота. От Донского корпуса генералы: **Сидорин, Кельчевский** и шесть лиц из состава генералов и командиров полков. От штаба Главнокомандующего: начальник штаба, дежурный генерал, начальник военного управления, а также генералы: **Врангель, Богаевский, Улагай, Шиллинг, Покровский, Боровский, Ефимов, Юзефович и Топорков».**

Нам неизвестно, какие переговоры вел ген. Деникин с представителем Великобритании перед отданием этого распоряжения. Но известно, что 20 марта в г. Константинополе Верховный Комиссар Великобритании адмирал де - Робек передал находившемуся в Константинополе ген. **Врангелю** следующую ноту, адресованную Деникину:

«Секретно. Верховный Комиссар Великобритании в Константинополе получил от своего Правительства распоряжение сделать следующее заявление генералу Деникину.

Правительство Его Величества желает указать ген. Деникину на ту пользу, которую представляло бы собой, в настоящем положении, обращение к Советскому Правительству, имея в виду добиться амнистии как для населения Крыма вообще, так и для личного состава Добровольческой армии в частности. Проникнутое убеждением, что прекращение неравной борьбы было бы наиболее благоприятно для России, Британское Правительство взяло бы на себя инициативу означенного обращения, по получении согла-

сия на это ген. Деникина и предоставило бы в его распоряжение и в распоряжение его ближайших сотрудников, гостеприимное убежище в Великобритании.

Британское Правительство, оказавшее ген. Деникину в прошлом **значительную поддержку, которая только и позволила продолжать борьбу до настоящего времени,** полагает, что оно имеет право надеяться на то, что означенное предложение будет принято. Однако, если бы ген. Деникин почел бы себя обязанным его отклонить, дабы продолжать явно безнадежную борьбу, то в этом случае Британское Правительство сочло бы себя обязанным отказаться от какой бы то на было ответственности за этот шаг и прекратить в будущем всякую поддержку или помощь, какого бы то ни было характера, Ген. Деникину.

Британский Верховный Комиссариат.

20 марта (2-го апреля) 1920. Константинополь».

21 марта ген. **Врангель, осуществляя достигнутое им с представителями Великобритании в Константинополе соглашение,** выехал из Константинополя в Крым на английском броненосце «Император Индии».

Такие факты, как получение Врангелем (горячим противником Деникина) ноты Правительства Великобритании на имя ген. Деникина, как предоставление ему быстроходного броненосца для переезда в Севастополь именно в тот день, когда в Севастополе ВРЕМЕНЕМ должен был состояться, созванный Деникиным, военный совет «для избрания преемника главнокомандующему», совершенно ясно говорят о том, что Врангель спешил тогда в Крым для осуществления определенных заданий политики Великобритании (в приказе Деникина о созыве военного совета говорится о том, чтобы участники этого совета прибыли бы «к вечеру 21 марта»; нужно полагать, что этот совет созывался по соглашению с военным представителем Англии в Крыму с таким расчетом, чтобы дать возможность Врангелю из Константинополя поспеть прибыть на этот совет). Да и поведение самого Врангеля на самом совете — требование круговой под-

писки о том, что ему поручается закончить борьбу, — красноречиво говорит о том, какое именно поручение получил Врангель перед своим от'ездом в Крым.

Военный совет заседал два дня в г. Севастополе. Донской Атаман **Богаевский,** командующий Донской армией **Сидорин,** начальник штаба этой армии **Кельчевский** и командующий Кубанской армией ген. **Улагай** приняли участие в этом Совете, как рядовые члены.

Для всех участников Совета, знавших, при каких обстоятельствах ген. Врангель прибыл из Константинополя на английском броненосце, не составляло секрета, что именно Врангель является приемлемым для Великобритании кандидатом в заместители Деникина. Естественно, поэтому, что военный совет остановился на Врангеле.

При этом ген. Врангель **категорически настоял на том, чтобы старшие члены военного совета подписали особый, составленный самим Врангелем, акт.** В конце концов, все поняли, что они должны подписать то, что, не по своей только воле, предложил Врангель.

Вот этот многоговорящий документ:

«На заседании старших начальников, выделенных из состава военного совета, собранного по приказанию Главнокомандующего в Севастополе, 22 марта 1920 года, для избрания заместителя ген. Деникину, председателем совета генералом от кавалерии **Драгомировым** (из большого совета, созванного Деникиным, по настоянию Врангеля, ген. Драгомиров 22 марта выделил «малый» совет в составе только старших начальников. Ред.) **было оглашено ультимативное сообщение Британского Правительства ген. Деникину с указанием о необходимости прекращения неравной и безнадежной борьбы** с тем, чтобы Правительство Короля Великобритании обратилось бы с предложением к Советскому Правительству **об амнистии населению Крыма и, в частности,** войскам Юга России, при чем, в случае отказа ген. Деникина на это предложение, Британское Правительство категорически от-

казывается оказывать ему впредь всякую свою поддержку и какую бы то ни было помощь.

При этих условиях совещание выразило желание просить главнокомандующего о назначении его заместителем ген. Врангеля с тем, чтобы он, приняв на себя главное командование, путем сношения с союзниками добился бы неприкосновенности всем лицам, боровшимся против большевиков и создал бы наиболее благоприятные условия для личного состава вооруженных сил Юга России, который не найдет для себя возможным принять обеспечение от Советского Правительства».

ПОДПИСАЛИ: генерал от кавалерии Драгомиров, вице-адмирал Герасимов, генерал-лейтенанты: Богаевский, Сидорин, Кельчевский, Вязьмитинов, Шатилов, Турбин, Боровский, Покровский, Топорков, Юзефович, Шиллинг, Кутепов, Ефимов, Улагай, контр-адмирал Евдокимов, ген.-лейт. Стогов и ген.-майор Махров».

Под этим актом Врангель написал следующее: «Я делил с армией славу побед и не могу отказаться испить с нею чашу унижения. Черпая силы в поддержке моих старых соратников, я соглашаюсь принять должность главнокомандующего. Генерал-лейтенант барон П. Врангель. 22 марта 1920 г.».

Вышеприведенный акт совершенно ясно говорит о том, что все генералы, представлявшие собою сердце и мозг русского «белого» движения, уже 22 марта усвоили мысль о прекращении борьбы против советской власти и заботились лишь о том, чтобы добиться «неприкосновенности всем лицам, боровшимся против большевизма».

Этот акт объясняет и освещает многие из дальнейших событий. В частности, поясняет отношение добровольческого командования к судьбе Кубанской армии и 4-го Донского корпуса, занимавших тогда еще район гор. Туапсе, перевалы через Кавказские горы в направлении Армавир-Туапсинской жел. дор. и побережье Черного моря до района г. Сочи (генералы уступили большевикам Туапсе в ночь с 25-го на 26-е марта, т.е. через три дня после принятия в Севасто-

поле вышеприведенного решения; («Траг. Каз-ва», ч. IУ-я, гл. XX-я).

Когда этот военный совет происходил в Севастополе, ген. Деникин находился в г. Феодосии. Получив сообщение о решении совета, ген. Деникин 22 марта отдал нижеследующий приказ:

§ I.

«Генерал-лейтенант барон **Врангель** назначается Главнокомандующим Вооруженными силами на Юге России.

§ 2.

Всем, честно шедшим со мной в тяжелой борьбе, низкий поклон.

Господи, дай победу армии, и спаси Россию!

Генерал-лейтенант **Деникин».**

В тот же день ген. Деникин на английском миноносце выехал в Константинополь. А генерал Врангель туда же послал Верховному Комиссару Англии адмиралу де-Робеку телеграфное сообщение о своем вступлении на пост Главнокомандующего и просил Великобританию, «чтобы та возможность, которую Британское Правительство предлагает главнокоман. дующему и его главным сотрудникам найти приют вне России, была бы предоставлена в одинаковой степени всем тем, кто предпочел бы оставление своей родины принятию пощады от врага».

И далее, осуществляя принятое 22 марта генералами на военном совете решение, Врангель в той же телеграмме на имя адмирала де-Робека говорил следующее: ...«Возможно быстрое разрешение вопроса о перемирии и его осуществление является необходимым. Переговоры могли бы быть возложены на представителей английского командования, находящихся здесь (в Севастополе). Для спокойного разрешения вопросов, связанных с прекращением военных действий и ликвидацией военных и гражданских учреждений, в связи с передачей Крыма Советскому правительству, необходимо предоставить мне не менее двух месяцев от дня завершения переговоров. В течение этого времени союзники должны продолжать

снабжать армию и население занятых областей всем необходимым». (П. Врангель. Записки. «Белое Дело», т. VI-й, стр. 13-14).

Участие Донского Атамана **Богаевскаго,** командующего Донской армией **Сидорина** и командующего Кубанской армией **Улагая** в выборах Врангеля и подписание ими вышеприведенного акта об условиях, на которых он принял должность главнокомандующего, указывало на то, что казачьи генералы, вместе с русскими генералами, составляли одну дружную семью людей, формально тогда согласившихся на том, что вооруженная борьба против большевиков прекращается.

Необходимо особенно подчеркнуть и следующее обстоятельство: на том же военном совете 22 марта в г. Севастополе «**был поднят вопрос, что так или иначе войска нужно подготовить к мысли о мире и тогда же и там же было решено, что сделать это должно и необходимо**» (из заявления ген. В. И. Сидорина 3 мая 1920 г. на Военно-Морском суде в Севастополе).

Вот откуда шли разговоры о мире с большевиками: **«от старших начальников армии и флота вооруженных сил Юга России»...**

Действительно, 29-го марта, «т.-е. через семь дней после занятия Врангелем должности главнокомандующего белыми армиями, Английский министр иностранных дел лорд Керзон предложил Советскому Правительству прекратить военные действия против Врангеля и обещать ему амнистию; он выразил желание узнать, какие условия предложит Советское Правительство».

Однако, затягивая переговоры о перемирии, большевики спешили оружием и пропагандой добить Кубанскую армию на Черноморском побережьи, а также занять Крым. Поэтому 31-го марта XIII-я сов. армия перешла в весьма энергичное наступление на Перекоп с целью ворваться в Крым.

А «1-го апреля Советское Правительство ответило на предложение Керзона. В своем ответе оно привет-

ствовало начало нового периода советско-английских отношений и предложило поставить на взаимное обсуждение весь комплекс интересующих обе стороны вопросов. Касаясь вопроса об амнистии врангелевцев, советская нота выдвигала контр-требование — доставить в Советскую Россию бывших венгерских народных комиссаров, томившихся в тюрьме после разгрома Советской Венгрии» (Коммунистическая академия. Разгром Врангеля. Сборник статей. Москва. 1930, стр. 14).

Тем временем, в горячих боях на крымских перешейках 31 марта — 3 апреля большевитское наступление на Крым было отбито. В свою очередь, большевитские войска тогда же не позволили Врангелю захватить часть Таврии. На перешейках после этого надолго наступило затишье, так как большевики были всецело заняты боями с польско-украинскими войсками, а Врангель тем временем занялся дипломатической, политической и военной подготовкой возможности выхода из Крыма на широкие просторы Таврии.

Глава XXIII.

Соглашение Атаманов с Врангелем. — Меморандум о самостоятельности Казачьих Областей. — Назначение Кубанского Атамана Букретова на пост Командующего войсками на Кавказском побережьи Чёрного моря.

Кубанский Атаман **Букретов** и председатель Кубанского Правительства **В. Иванис** очень хорошо знали о той черной роли, какую ген. Врангель сыграл в 1918-1919 г. г. в деле борьбы русских «белых» против казачьих самостийнических стремлений вообще, как ген. Врангель упорно боролся против организации Кубанской армии, какую роль сыграл он во время подготовки и осуществления им и другими русскими генералами ноябрьского 1919 г. переворота на Кубани, издевательства над Кубанской Краевой Радой, повешения А. И. Кулабухова... («Траг. Казач-ва»), ч. III, стр. 43-64, 455-603).

Несмотря на все это, Кубанский Атаман и председатель Правительства 27 марта 1920 г. поехали из г. Сочи к Врангелю в Крым. Уже этот факт может свидетельствовать о том, какую политическую неустойчивость проявили тогда эти официальные представители кубанской власти.

Следует отметить, что некоторые источники говорят о том, что Врангель, чтобы заманить Кубанского Атамана в Крым, передал ему через ген. Улагая в Сочи, что после получения английской ноты от 20-го марта, совершенно конкретно, серьезно и неотложно стал на порядок дня вопрос **о заключении мира** с большевиками и потому присутствие Кубанско-

го Атамана в Севастополе является крайне необходимым в интересах самих же Кубанцев. С тою же целью Врангель спешно пригласил в Крым и Терского Атамана ген. **Вдовенко,** с остатками Терской армии отступившего по Военно-Грузинской дороге в Грузию.

Казачьи Атаманы были нужны Врангелю для использования их в целях и интересах его политики. В то время Врангель укреплял свою власть и представители воинственного, неприемлющего большевизма Казачества, к тому же обладавшего еще в то время в Крыму и на Кавказском побережьи Черного моря десятками тысяч бойцов, нужны были ему.

Он хотел одним ударом разрубить сильно затянувшийся узел русско-казачьих взаимоотношений.

К концу марта в Севастополе собрались Атаманы и председатели Правительств Дона, Кубани, Терека и Астрахани. Врангель повел с ними соответствующие переговоры, пользуясь чрезвычайно тяжелым положением казаков, как в Крыму, так и в районе Туапсе-Сочи. Необходимо иметь в виду то, что Донской и Терский Атаманы весьма охотно шли навстречу желаниям Врангеля, а Кубанского Атамана и Кубанскую армию завели в тупик, преданные России и Деникину-Врагелю генералы — **Улагай, Писарев, Науменко, Шкуро, Муравьев, Звягинцев, Лещенко** и другие.

Переговоры шли быстро. 29-го марта Врангель распубликовал «Положение об управлении областями, занимаемыми вооруженными силами на Юге России», в котором говорилось, что Казачьи Войска имеют право только на самоуправление и что казачьи вооруженые силы вполне подчиняются Главнокомандующему. При чем Врангель утверждает, что приказ этот он «издал **по предварительному соглашению с атаманами и председателями правительств Дона, Кубани, Терека и Астрахани**» («Записки» Врангеля т. II-й стр. 30).

***

Рядом с этим признанием власти Врангеля, Атаманы и Правительства Дона и Кубани, по соглаше-

нию с тем же Врангелем, подали представителям держав Антанты особые меморандумы. Чтобы показать, каким сложным лабиринтом проходила тогда, сбившаяся с прямой дороги, казачья политика, чтобы показать как выборные казачьи Атаманы позволяли себе путать как казаков, так и представителей Антанты, мы приведем ниже эти меморандумы.

В Донском меморандуме указывалось «на историческое право казаков на самостоятельное существование, на их свободолюбие и республиканские убеждения, с насильственно навязанным советским строем казачество не примирится никогда. В виду этого Донское правительство настаивало на том, что, если вопрос о борьбе с большевиками бесповоротно будет решен в отрицательном смысле, — независимость Донской территории должна быть гарантирована Антантой. Взаимоотношения Донцов с советской Россией должны быть только договорными».

С такими требованиями этот меморандум подписали Донской Атаман и председатель Донского Правительства и подали Союзникам. Одновременно с тем, Атаман Богаевский писал Врангелю следующее: ...«представляя из себя последние два года самостоятельное государство с определенной территорией и населением, Войско Донское и при ликвидации борьбы не может быть безгласным свидетелем переговоров. Оросив кровью каждую пядь своей земли, отстаивая старинные вольности, Донское казачество не может помириться с поглощением его советской Россией и перед Правительством Дона встает вопрос об обеспечении интересов Казачества дипломатическим путем. В случае катастрофы, Казачество не может рассеяться, так как оно привязано к своей территории».

Почему же Донской Атаман в действительности не осуществлял такую самостийническую политику раньше и заговорил об этом только тогда, когда Казачьи армии оказались за пределами своих территорий?

Почему Донской Атаман так упорно и настойчиво

перед тем и потом поддерживал руководителей русской единонеделимческой политики?

Раз возможно было при тягчайших условиях создавшихся к концу марта 1920 г., добиваться самостоятельности Донского государства, почему ген. Богаевский и другие казачьи генералы так боролись против казачьих самостийников тогда, когда Казачьи армии в 1919 г. очистили было Казачьи территории от советских войск и являлась реальная возможность для создания самостоятельного Союза Казачьих Республик, о чем даже принято было Донским Войсковым Кругом особое постановление 1-го июня 1919 г.?!

Почему тогда казачьи генералы и правители сломили и исказили волю доверчивых казаков? Почему неразумные казачьи политики тогда тащили казаков на «московскую дорогу»?

Почему казачьи безумцы стали на путь борьбы с Кубанской Радой и с кубанскими самостийниками осенью 1919 г., и за какую, собственно, вину повесили А. И. Кулабухова, об'явив его изменником Казачества?

Почему Донской Атаман не поддержал Верховный Круг Дона, Кубани и Терека в январе 1920 г.? Ведь тогда была еще полная возможность об'единить казачьи армии, об'единить все Казачество вокруг казачьих лозунгов и выиграть смертельный бой Казаков с Сов. Россией.

Почему Донской Атаман в начале марта того же года так решительно восстал против решения Верховного Круга о разрыве с Деникиным?

Если Донской Атаман так упорно, последовательно и систематически боролся против закрепления самостоятельности Казачьих государств, как он в конце марта в меморандуме мог писать о том, что Антанта должна гарантировать независимость Донской территории, что Казачество имеет право на самостоятельное существование?..

***

Кубанский Атаман **Букретов** и председатель Пра-

вительства Иванис 31 марта 1920 г. подали начальнику Великобританской Военной Миссии ген. Перси (пришел на место ген. Хольмана), начальнику Французской Военной Миссии ген. Манжену, начальнику Американской Миссии Мак-Колли и начальнику Японской Миссии маиору Такахиси следующий меморандум:

«Имею честь просить, Ваше Превосходительство, передать Вашему Правительству следующее:

«Кубанский Край в большой своей массе населен казаками, вышедшими из Запорожской Сичи в конце ХУШ века, не пожелавшими подчиниться укладу жизни, который императрица Екатерина 2-я задумала ввести по образцу России. Запорожские казаки, предки Кубанцев, управлялись представительным органом — Радой и выборным Кошевым Атаманом. Не желая расставаться со своими вольностями, Запорожские казаки перешли на берега Черного и Азовского морей, где 75 лет вели борьбу с горцами Кавказа за территорию, ныне занимаемую Кубанскими казаками.

Управлялись Кубанские казаки до конца ХУШ столетия выборным Кошевым Атаманом и имели Парламент-Раду; лишь в конце ХУШ века у Кубанских казаков стал Атаман назначаться и была упразднена Рада, но станицы продолжали управляться все время выборными органами, как это было в Запорожских куренях. Таким образом, во внутренней своей жизни Кубанская область имела свой особый уклад, несвойственный остальной России.

В 1906 году по приказу императора Николая 2-го вновь была созвана на Кубани Рада, так как нужно было пересмотреть земельный вопрос, что даже при монархическом управлении не решались делать без участия казаков.

После февральской революции 1917 года Кубанские казаки восстановили полностью те порядки, которые исторически у них сложились — выбрали Раду, Атамана и Правительство.

Не имея в мысли отделяться (тогда) от России,

Кубанские казаки признали над собой власть Временного Российского Правительства, отстаивая лишь свои внутренние порядки от покушения на них Центральной власти.

В октябре месяце 1917 года произошел в России новый переворот, вследствие которого во главе Российского Государства стала политическая партия большевиков, принципы управления которой диаметрально противоположны желаниям Кубанского казачества.

Прежде всего большевики не признают представительного строя, на котором базируется весь уклад жизни Кубанского народа. Большевики не признают института частной собственности, а между тем все население Кубанского Края состоит из мелких собственников при общинном землепользовании. Благодаря такому коренному расхождению Кубанский народ не признал советской власти и вступил с нею в борьбу, об'явив себя самостоятельным государственным образованием до созыва Всероссийского Учредительного Собрания, единственно, по мнению Кубанцев, правомочного в определении политического устройства Российского Государства.

Ведя борьбу с большевиками, Кубанский народ в лице своих представителей не прекращал созидательной работы по устроению мирной жизни своих граждан. На Кубани законодательным актом все граждане уравнены в политических правахъ; аграрный вопрос разрешен согласно желанию всего населения. Рабочим Кубанского Края законодательным путем гарантирован 8-часовый рабочий день; изданы законы о страховании рабочих и т. д.. В области экономической жизни на Кубани велась огромная работа по восстановлению разрушенной и созданию новой промышленности Края. Но везде Кубанскому народу приходилось сталкиваться при мирном строительстве с большими затруднениями, вследствие ведущейся борьбы. Большая часть здорового населения была на фронте, транспорт выполнял в первую очередь по.

требности фронта, чем тормозилось обслуживание потребностей гражданской жизни.

Борьба с большевиками ведется Кубанскими казаками уже два с половиной года, в союзе с остальными Казачьими Войсками и Добровольческой армией. Борьба эта велась и ведется исключительно из-за желания казаков устроить свою внутреннюю жизнь так, как они это делали в продолжение всей своей жизни. Территория Кубани в процессе борьбы служила неоднократно ареной этой борьбы и главной базой снабжения продовольствием всех армий. Население Кубанского Края ради спасения своих очагов жертвовало своими лучшими сынами и своим достоянием, но оно никогда не стремилось навязывать свою волю русскому народу.

Никогда Кубанский народ не преследовал завоевательной политики по отношению к Советской России — во всех актах и заявлениях Кубанской Рады, Атамана и Правительства по русскому вопросу говорилось, что Кубанцы ведут борьбу лишь за право независимого устройства собственной внутренней жизни.

В настоящий момент Кубанская армия, в количестве нескольких десятков тысяч человек, потеряв свою территорию, отошла в район Черноморской губернии. Армия испытывает громадные лишения вследствие недостатка продовольствия и, несмотря на это, готова в любой момент перейти в наступление.

Кубанский народ готов всегда к мирному соглашению с Советской Россией, но когда в 1918 г. население приняло у себя управление аналогичное с Центральной Россией, то уже через два месяца везде начались восстания, закончившиеся полным освобождением Кубанского Края от советских войск.

Желая закончить гражданскую войну мирным путем и тем дать возможность, как населению всей России, так и населению нашего Края приступить к созидательной работе, мы от имени Кубанского народа обращаемся к Великим Державам с призывом во имя гуманности, во имя спасения культуры, во

имя собственных интересов взять на себя посредничество в деле мирного окончания борьбы. Ибо установление такого мира, который удовлетворил бы обе стороны и дал бы спокойствие всей России, возможно лишь при посредничестве Великих Держав.

Приемлемыми условиями для переговоров могут считаться для Кубани следующие: полное невмешательство Советской России во внутреннюю жизнь Кубанского Края; на территории Кубанского Края не должно быть советских войск; связь с Россией должна быть установлена на основании особых соглашений, которые должны иметь международные гарантии в соблюдении их обеими сторонами.

Для непосредственного сношения с Верховным Советом и Правительствами Великих Держав мною уполномачивается председатель Кубанской Законодательной Рады **Лука Лаврентьевич Быч».** (Подписи).

***

Неизвестно, какую практическую цену могли иметь подобные обращения к государствам Антанты с просьбами гарантировать неприкосновенность Казачьих территорий, когда Атаманы и Правительства, по существу, тогда делали все, что было угодно Врангелю.

2-го апреля было выработано и принято соглашение между ген. Врангелем, с одной стороны, и Войсковыми Атманами и председателями Правительств Дона, Кубани, Терека и Астрахани, с другой, в «силу которого Главнокомандующий об'единял в своих руках всю полноту власти военной и гражданской без всяких ограничений. Что касается казачьих вооруженных сил, то Главнокомандующий являлся теперь высшим военным начальником, обладающим всей полнотой военной власти в отношении стратегического и тактического их употребления и по другим вопросам, связанным с ведением военных действий. В отношении внутреннего гражданского устройства Казачьи Войска и области должны были пользоваться полной автономией... При сношениях с Правитель-

ствами инстранных государств никакие сепаратные выступления не могут иметь места и всякие сношения и действия должны предприниматься по соглашению с главнокомандующим. В свою очередь, главнокомандующий при сношениях с иностранными правительствами по всем вопросам, касающимся казачьих областей, предварительно должен был сноситься с Казачьими Атаманами»...

***

Добившись подчинения себе Атаманов, Врангель начал энергично преследовать быв. командующего Донской армией ген. **Сидорина** и нач. штаба этой же армии ген. **Кельчевского** (об этом ниже).

Скоро и Кубанский Атаман Букретов лично на себе испытал, как Врангель понимал смысл его взаимоотношений с Войсковыми Атаманами.

8 апреля, на совещании у Врангеля, в г. Севастополе, присутствовали Атаманы: **Богаевский, Букретов** и **Вдовенко,** помощник Врангеля ген. **Шатилов,** командующий Черноморским флотом адмирал **Герасимов,** командующий Кубанской армией ген. **Улагай,** командир 4-го Дон. корпуса ген. **Стариков** и нач. штаба Вранреля ген. **Махров.** Обсуждался вопрос о том, как быть с Кубанской армией, находившейся в очень тяжелом положении на Черноморском побережьи.

Букретов указал на то, что на побережьи есть выход для армии, а в Крыму такого выхода нет. Кроме того, Атаман сам не может дать определенного ответа, так как подобные вопросы должна решать Кубанская Рада, которой Атаман Букретов должен подчиняться. Далее, ген. Букретов обратил внимание присутствующих на совещании на то, что «Кубанские казаки были пасынками в Добровольческой армии» и что он, Букретов, не желает, чтобы так было и в дальнейшем.

Этими замечаниями Атаман не ограничился. Так как присутствовавший на этом совещании командующий Кубанской армией Улагай утверждал, что Кубанские казаки не желают драться с большевиками,

и так как это утверждение не соответствовало действительности, Букретов решительно опротестовал такие утверждения Улагая. При этом Атаман указал на действительную причину отступления Кубанской армии: «...Неправда, что казаки не желают драться», возразил Букретов, **«Не желают драться лишь их старшие начальники — генералы Улагай, Шкуро, Науменко, Бабиев и другие».**

Врангель, по соглашению с Донским Атаманом, только накануне (7-го апреля) принял решительные меры к искоренению самостийности в Донском корпусе в Крыму. Заявление ген. Букретова о том, что только Кубанская Рада может решить вопрос о перевозке казаков в Крым, что сам Букретов есть выборный Атаман, что Добровольческая армия была мачехой для казаков, что Букретов решительно осуждает поведение некоторых генералов Кубанской армии, само собою разумеется, возмутили ген. Врангеля, который ненавидел Раду, но в лице названных генералов вообще, и в особенности, в лице ген. Науменко, в течение всего 1919 г. имел преданнейших и вернейших помощников в деле борьбы с казачьей самостийностью...

Врангель прекрасно понимал, что Букретов говорил правду о казаках и некоторых генералах. Но он, особенно теперь, когда осуществилась, наконец, его мечта о захвате в свои руки власти, не хотел терпеть около себя проявления воли выборной казачьей власти, будь то власти Рады, или Круга, или Войсковых Атаманов. Врангель хотел и в этом случае еще раз, и при этом резко и решительно, подчеркнуть, перед всеми Атаманами, что только он является носителем неограниченной власти.

Следует подчеркнуть, что только утром, в день заседания, появился в севастопольских газетах приказ Врангеля об удалении с должности командира Дон. корпуса ген. Сидорина и начальника штаба этого Корпуса ген. Кельчевского.

Врангель хотел достичь того, чтобы рядом с

послушным Атаманом Богаевским и уступчивым Терским Атаманом Вдовенко, стал покорным и Кубанский Атаман Букретов. Кроме этих мотивов, в разыгравшемся конфликте выдающуюся роль сыграло и следующее обстоятельство: Кубанская армия действительно находилась в ужасном положении; генерал Улагай отказывался от командования ею, так как полагал, что его роль уже доведена до конца; Кубанский Атаман, согласно Конституции Кубани, должен был назначить нового командующего армией. Но генерал Врангель не признавал казачьих конституций. Он хотел сам, своею властью назначить нового командующего Кубанской армией.

Поэтому Врангель принял решение: или заставить Атамана Букретова из рук Врангеля принять назначение на новую должность — «командующего войсками на Кавказском побережьи Черного моря», или же просто не выпустить его из Крыма, где его и так, под разными предлогами, задерживали в то время, когда Кубанская армия голодала, а Кубанское правительство вдруг 7 апреля само приняло решение начать переговоры о перемирии. Об этом своем решении оно сообщило по радио и ген. Врангелю. Это сообщение Врангель получил именно в день описываемого заседания с Атаманами.

При таких обстоятельствах Врангель вдруг предложил Атаману Букретову согласиться занять должность командующего войсками на побережьи. Букретов наотрез отказался принять это предложение. Тогда Врангель заявил ему: «Можете идти (с совещания), но с Крыма не выедете». И тут же, обращаясь к командующему флотом адмиралу Герасимову, приказал: «Поручаю вам принять меры, чтобы ни одно из отходящих из Крыма судов не приняло на свой борт ген. Букретова».

— «Что это арест?» спросил Букретов.

— «Понимайте, как хотите», крикнул Врангель,

— «Я принимаю это, как арест, и иду в свой номер», заявил Атаман и направился в гостиницу, где жил во время пребывания в Севастополе.

Все присутствующие казались весьма смущенными», повествует Врангель. Ген. **Богаевский** и ген. **Вдовенко** стали убеждать меня изменить мое решение». «Атаман лицо неприкосновенное», говорил Богаевский, «Вы только что отдали с согласия Атаманов приказ, где подтвердили права казачества на внутреннее самоуправление; задержание ген. Букретова произведет тяжелое впечатление на всех казаков»... Ген. **Шатилов** стал также убеждать меня. Я твердо стоял на своем: «Я не могу допустить, чтобы ген. **Букретов** вернулся к армии и там продолжал агитацию. Я ни одну минуту не верю ему, что казаки готовы драться, но пусть он сам несет ответственность за все, что произойдет»... (Записки Врангеля, т. II-й стр. 40).

Врангель знал, что генералы уже поставили Кубанскую армию в безвыходное положение на побережьи. Он только хотел, чтобы в глазах казаков и рядовых офицеров Кубанской армии как-то прикрыть черную работу некоторых генералов, занимавших высшие должности в армии. Врангель хотел, чтобы тяжелая ответственность перед Казачеством и перед историей за намечающуюся гибель Кубанской армии пала на Букретова, а не на тех генералов, которые привели армию на Черноморское побережье.

Врангель метался, не зная, как только достичь этого при создавшейся обстановке, когда протестующий Атаман ушел с совещания, а пылающий гневом диктатор распорядился не выпустить его из Крыма.

Нашел «выход из положения» единомышленник и друг Врангеля — ген. Шатилов: он «предложил поехать к ген. Букретову и переговорить с ним» по вопросу о согласии Букретова принять назначение на должность командующего войсками на Кавказском побережьи Черного моря. Шатилов надеялся на успех, так как был в хороших личных отношениях с Букретовым и был с ним «на ты».

Явившись к Букретову, ген. Шатилов обратился к нему со следующими словами: «Николай Андриа-

нович! Ты его прости... Ты можешь представить, что и его положение тяжелое. Он (Врангель) на себя принял очень много и тоже может ошибаться. Он хочет перед тобою извиниться»...

Букретов ответил: «Для меня извинения не нужны. Он (Врангель) так же любит Россию и так же страдает, как и я. И если взять во внимание такое большое дело, какое делаем мы — спасение России, то извинения не нужны совершенно».

Так эта сцена представляется согласно рассказу штаб-офицера для поручений при Атамане (Ю. З.).

В конце концов, в дальнейшем разговоре Шатилова с Букретовым, последний дал свое согласие на то, что он примет из рук Врангеля назначение на пост командующего войсками на побережьи.

После этого ген. Шатилов возвратился к Врангелю.

«Через полчаса ген. Шатилов вернулся», рассказывает Врангель, «и сообщил, что Букретов готов согласиться на командование армией. Я вновь просил Шатилова проехать к Кубанскому атаману и передать ему, что я сожалею о происшедшем недоразумении и прошу его вернуться на совещание. Ген. Букретов прибыл. — «Я рад узнать, что вы изменили свое решение и готовы принять на себя тяжелую ответственность! Забудем все бывшие недоразумения», сказал я, протягивая ему руку»; повествует Врангель. (Там-же).

Букретов ответил, что извиняться нет нужды: «По всей вероятности, Вы имеете обо мне тенденциозные сведения», заявил Букретов; «я офицер генерального штаба, георгиевский кавалер, но я вижу, что командующие частями не хотят мне подчиняться и ведут себя недостойно. Я возьму в свои руки власть, но с тем, чтобы вы безболезненно отозвали с Черноморского побережья в Крым, как бы на совещание, некоторых генералов... И прошу вас, чтобы они не подумали, что это — мое желание» (Букретов боялся, чтобы отзываемые, узнав, что сам Букре-

тов в этом деле принимал участие, не разложили частей», поясняет штаб-офицер для поручений при Атамане).

После этого, обрадованный ген. Врангель **немедленно** подписал короткий приказ о назначении ген. Букретова — «командующим войсками на Кавказском побережьи Черного моря» и об отозвании в распоряжение главнокомандующего генералов: **Улагая, Науменко, Шкуро, Бабиева и Муравьева..**

Приняв назначение, ген. Букретов весьма настойчиво просил Врангеля о скорейшей высылке для голодающей Кубанской армии муки, овса и пр. «Семь транспортов вслед за вами посылаю», успокаивающе ответил Врангель.

Таким образом Атаман Букретов, хотя и часто ссылался на волю населения Кубани и Кубанской Рады, но самовольно признал над собою власть русского генерала, сделавшего перед тем столько зла Кубанским казакам. Перед Кубанцами свое поведение в Крыму Букретов старался об'яснить следующей формулой: «Я бы и с чертом подписал договор, если бы это дало продовольствие голодающим на побережьи» (из доклада члена Куб. Правительства доктора **Ледомского** на Кубанской конференции в Праге в декабре 1920 г.).

Однако, Атаман ошибся и в этом своем расчете. Помощь из Крыма не спасла Кубанскую армию от голода.

В этот же период установления отношений с казачьими Атаманами, генерал Врангель осуществил следующее мероприятие: «Дабы подчеркнуть еще раз единение Главнокомандующего с Атаманами, я просил ген. **Богаевского** согласиться принять на себя звание командующего Донской армией... Принятие ген. Богаевским должности командующего Донской армией имело лишь значение принципиальное», говорит Врангель.

Русский очередной диктатор мог праздновать новую легкую победу над казачьими Атаманами...

Глава XXIV.

Положение Кубанской армии на Черноморском побережьи. — Решение Кубанского правительства о необходимости перемирия. — Верховный комиссар Великобритании за продолжение войны. — Обращение Кубанского правительства к армии. — Возвращение Букретова из Крыма в Сочи.

Около 1-го февраля 1920 г. казачьи армии, как сказано выше (главы XI-XII), занимали фронт по рекам Дону и Манычу, далее на юго-восток, примерно, через г. Святой Крест и до района Черного Рынка, что на берегу Каспийского моря, а к половине марта советские войска уже заняли Новороссийск, подошли к перевалам на Туапсинском направлении, вышли на Военно-Грузинскую дорогу и заняли г. Петровск на берегу Каспийского моря, т. е. всего в течение полутора месяца красные заняли юго-западную часть Донской области, всю Ставропольскую губ. и обширные земли Войск Кубанского и Терского.

Терцы, попавшие в Грузию, были обезоружены Грузинским правительством и интернированы в районе г. Поти. Терский Атаман ген. Вдовенко переехал в Крым, а вслед за ним туда же были перевезны из района Поти и войска в количстве около трех тысяч человек (из письма Врангеля ген. Лукомскому от 19 апреля 1920 г. Ген. Лукомский. Воспоминания. Берлин. Том. II-ой, стр. 216-217).

Отмеченные выше при последовательном разборе событий из истории Казачества за 1917-1920 г. г. основные причины постигшего его политического и военного разгрома, естественно, продолжали играть

решающее значение в дальнейшей судьбе Кубанской армии и 4-го Донкорпуса, к концу марта 1920 г. сосредоточившихся на побережьи Черного моря в районе Сочи и Адлера.

Кубанскую армию от Туапсе преследовали небольшие советские части, всего одна 34-я дивизия.

Теоретически для Кубанской армии возможен был один из трех выходов: а) переход в наступление, б) уход в Грузию и в) переезд в Крым.

Во всяком случае, при желании можно было легко организовать, пользуясь природными условиями, защиту занимаемого раиона, тем более, что Черное море было в полном распоряжении антибольшевистских сил.

Однако, «последние дни марта и начало апреля войска Туапсинской группы постепенно отходили от рубежа к рубежу. **Главной причиной отхода»,** говорит ген. В. Науменко, **«был не противник, а голод.** Прошедшие на юг войска с'ели, что было на месте. В Туапсинокой группе голодали лошади. голодали и люди. Ожидаемое продовольствие из Крыма не приходило. Новая трава хотя и подросла, но склоны гор были крутые и к тому же покрыты колючим кустарником, из-под которого лошадь не в состоянии достать траву. Падеж лошадей принял ужасающие размеры. Они умирали, подходя к источникам воды, и заражали их. В воздухе, несмотря на то, что все деревья были в цвету, стояло зловоние от разлагающихся лошадиных тел... Люди начали заболевать желудочными болезнями. **Началась холера, усилился тиф** («Черноморская трагедия». «Казачьи Думы», Нр. 20 (4), 1924. София).

...«Начался настоящий голод, началась и холера». пишет быв. член Куб. Правит. П. Сулятицкий. «Люди ели прошлогодние гнилые груши, «кислиці» и орехи, которые находили в лесу под кучами сухих листьев... Обессиленные, апатичные люди не в силе были копать ямы в твердом каменном грунте, чтобы зарыть трупы. Трупы разлагались и отравляли воздух и воду» (журн. «Кубанский Край», Нр 9. Прага).

«В прибрежных деревнях и городах Сочи и Адлере царит неописуемый голод: с'еден весь скот, птица, кукуруа, даже посаженный картофель и тот вырыт и с'еден. Голодные полчища казаков добираются и до горных деревень. Голод сметает все, и вслед за ним придет холера и голодный тиф, которые уже свирепствуют в прибрежной полосе» (Н. Воронович. «Зеленая книга». 1921. Стр. 142).

От голода и его последствий и от заразных болезней армия увядала физически и духовно.

Командующий армией ген. Улагай, командиры корпусов — генералы Писарев, Науменко и Шифнер-Маркевич — и ген Шкуро, как отмечено выше, не признали над собой власти Кубанского Атамана и, после упорной борьбы, фактически отстранили его от какого-бы то ни было руководства Кубанской армией. Ген. Улагай, совершенно самостоятельно и независимо от Кубанского Атамана, сносился с «главнокомандующим».

Ни Кубанский Атаман, ни Кубанское Правительство, ни, тем более, Рада фактически не мешали этим генералам вести дело так, как они того хотели. Напротив, как показало туапсинское совещание, бывшее 15 марта, Кубанский Атаман и председатель Правительства не только не высказались тогда за осуществление полного разрыва с Крымом, а, напротив, Атаман Букретов сам просил ген. Улагая об организации подвоза продовольствия и огнестрельных припасов из Крыма в район Туапсе. И своим последующим от'ездом в конце марта в Крым к Врангелю Кубанский Атаман и председатель Правительства наглядно показали, что они не рвут с Врангелем. Наоборот, в кубанском меморандуме, поданном Букретовым-Иванисом Союзникам 31 марта, Кубанская исполнительная власть утверждала, что «борьба с большевиками ведется Кубанскими казаками уже два с половиною года в союзе с остальными Казачьими Войсками и Добровольческой армией». Помимо того, соглашением, заключенным Атаманами и Правительствами Дона, Кубани, Терека и Астрахани с Врангелем 2-го апреля 1920 г., Кубанский Атаман и председатель Правитель-

ства просто **подчинились** Врангелю и сделали попытку подчинить ему и Кубань (гл. XXIII).

Все эти факты, вне сомнения, ясно говорят о том, что кубанские генералы, отстранившие Атамана от дела управления армией, обязаны были и могли предпринимать шаги и меры для обеспечения ее всем необходимым, если бы только хотели проявить о ней действительную заботу.

Чем же были заняты командарм Улагай и весь высший командный состав Кубанской армией после того, как они эту армию так поспешно оттянули с Кубани на Черноморское побережье?

Во-первых, ген. Улагай почему-то находился не при своей армии, а в Крыму, и только иногда, и то на очень короткое время, появлялся в районе расположения Кубанской армии: 14-15 марта он был в г. Туапсе с целью, как он сам пояснял, дать «Главнокомандующему правдивую картину того, что здесь делается»; тогда же ген. Улагай торжественно заявил на совещании генералов о том, что он «заручился согласием Главнокомандующего о движении на Туапсе транспорта с продовольствием и эскадры»; после этого более десяти дней ген. Улагай сидел в Крыму; по приезде Врангеля из Константинополя в Севастополь, 21 матра, «первое знакомое лицо, встреченное мною», пишет Врангель, «при сходе на берег был ген. Улагай».

«Уже при этой встрече Улагай следующими словами характеризовал состояние Кубанской армии: ...«Части совершенно деморализованы и о серьезном сопротивлении думать не приходится (на военном совещании 15 марта в Туапсе, в присутствии самого Улагая, было установлено, что Кубанские казачьи части были боеспособны). Отношение к «добровольцам» среди не только казаков, но и офицеров было **резко враждебно** (Врангель. Записки. «Белое Дело», т. VI, стр. 6).

В конце марта ген. Улагай снова появился в Куб. армии — в Сочи. Очевидно, свое положение он считал настолько крепким и свои полномочия настолько обширными, что «не довольный деятельностью ген.

Писарева он назначил своим заместителем ген. Шкуро» (Раковский. В стане белых, ст. 288).

«29-го марта ген. Шкуро отдал приказ о том, что, согласно распоряжения Командующего армией, он вступил в командование всеми войсками на Черноморском побережьи. Таким образом, только теперь осуществилось об'единение командования в одних руках», замечает ген. В. Науменко (выше цит. его работа).

Почему «только теперь»? Для чего же существовал сам командующий армией ген. Улагай? Почему это он все время пребывал в Крыму, а не при армии?

После назначения Шкуро своим заместителем, ген. Улагай, **ознакомившись с положением, выполняя, как он заявил некоторым членам Рады, свою программу, возвратился в Крым. Какую программу выполнял вот уже второй месяц Улагай, никому, повидимому, не было известно»** (Раковский, стр. 288).

Кубанская армия страдала от голода и болезней, а ее командующий жил в Крыму около Врангеля, «выполняя свою программу».

Весьма характерным и показательным для деятельности ген. Улагая в роли командующего армией является отмеченный выше факт (гл. XXI-я): ...«Генерал Писарев (тогда командовавший группой корпусов в районе Туапсе) с 14 марта не получал никаких указаний от командующего армией», утверждает ген. В. Науменко.

Та же история повторилась и со следующим заместителем ген. Улагая — ген. Шкуро. «После своего назначения заместителем командующего Кубанской армией, ген. Шкуро вызвал в Сочи из отряда Морозова ген. штаба полк. Дрейлинга и предложил ему пост начальника штаба, приказав формировать этот штаб по образцу армейского. **«Никаких распоряжений свыше мы не получали»,** рассказывает Дрейлинг. **«По словесному распоряжению Улагая наша задача заключалась в том, чтобы держать за собой плацдарм на Черноморском побережьи. Для какой цели мы должны были это делать — для планомерной эвакуации войск, или-же для развития наступательных операций**

— нам не было указано» (Раковский, выше цит. его работа, стр. 294).

Почему же ген. Улагай, как командующий армией, не исполнял своей элементарной обязанности перед вверенными ему войсками? Почему он не давал ни ген. Писареву, ни ген. Шкуро «никаких распоряжений и указаний»?

К чему же тогда в действительности сводилась роль командующего армией?

***

Вновь побывав короткое время в г. Сочи в первых числах апреля, 7-го апреля Улагай в докладе ген. Врангелю в весьма темных красках изображал моральную сторону состояния Кубанской армии.

Невозможно отрицать, что Кубанская армия находилась действительно в ужасном положении. Но было ли оно настолько безнадежным, что не было уже места для веры в возможность новых побед казаков над большевиками? На этот важный вопрос попробуем ответить документом, подписанным 7-го апреля официальным лицом — казаком ген.-майором Косякиным, бывшим тогда начальником гарнизона гор. Сочи.

«ПРИКАЗ № 28
по Сочинскому гарнизону
7 апреля 1920 г.

Тяжелые испытания переживает казачество. Казаки покинули свои родные семьи, богатые станицы и, как бездомные скитальцы, пришли в голодную Черноморскую губ. И тут казаки не нашли покоя: с одной стороны враг — большевики, а с другой — новый, еще более страшный враг — холера.

Жизненные условия в Черноморье, наше недоедание и антисанитария — вот рассадники холеры, и борьба с этим страшным врагом одна — создать себе человеческие условия жизни. Способ же для этого тоже один — из Черноморья на Кубань, в свои родные области. И не путем одиночек и дезертиров, а сплоченной стальной стеной.

Неужели Казачеству, доблесть которого знает весь мир, суждено здесь, в голодном Черноморье, окон-

чить свою историю и умереть от голода или холеры?

Нет, так могут думать только малодушные, а истинные казаки, сомкнувшись рядами вокруг своих вождей, могучей лавой ринутся туда, в Родные покинутые места.

Только в едином порыве, единой воле, строгой дисциплине — залог вашей победы и спасение от злого бича — холеры. 7-го апреля все видели, как стройными рядами проходили через город кубанские полки. Их молодецкий вид поднимал дух у малодушных и колеблющихся»...

Чье казачье сердце не защемит острой болью при чтении этого приказа, ясно говорившего казакам об известных тогда фактах: голоде, холере и, рядом с тем... стройные ряды полков бездействующей Кубанской армии. Ген. Косякин, очевидно, не знал того, что злою иронией судьбы в тот самый день, когда был распубликован его приказ, призывавший казаков к походу на Кубань, Кубанское Правительство постановило искать перемирия с большевиками (об этом далее).

В том то и беда была, что **в те тяжелые времена у Казачества на верхах не оказалось своих настоящих вождей,** вокруг которых могли-бы сомкнуться ряды казаков; **не было единой воли, единого разумного и твердого казачьего руководства...** Самоуправство и полная безнаказанность командиров Корпусов и командующего армией; тяга некоторых начальников к «главнокомандующему»; отсутствие твердой воли и ясной казачьей программы деятельности у Кубанского Атамана; безличное правительство, в состав коего входили некоторые слабохарактерные не-казаки, полубольшевик Д. Филимонов, агент большевиков — старый русский генерал; мечущийся между казаками и русскими его председатель — все они, растрепали, обезличили и в конец обессилили Кубанскую власть, беспомощно повисшую «в воздухе»...

Носители и представители казачьей власти не оказались на высоте своих великих, хотя и тяжелых задач...

«Удержать в секрете от'езд Атамана и председателя Правительства в Крым не удалось», публикует

П. Сулятицкий. «На фронте пошли слухи о переговорах о мире (с большевиками). Слухи эти, естественно, не могли не повлиять на боеспособность войск. Казаки сразу заговорили о безумстве войны в то время, когда идут переговоры о мире» (журн. «Кубанский Край», Нр. X, стр. 18, 1931. Прага).

Большевики тоже не сидели сложа руки: желая разложить Кубанскую армию, они всякими способами старались убедить казаков в том, что при посредничестве Англичан уже ведутся переговоры о мире, что Советское Правительство соглашается прекратить войну... «В то время в грузинских газетах, печатавшихся на русском языке, появились сообщения об английском ультиматуме и о том, что большевики-де вошли в переговоры с главным командованием Добровольческой армии по вопросу о заключении мира. В виду отсутствия точных информаций, казаки все это принимали на веру... ...«Во время отсутствия Атамана и председателя Кубанского Правительства Иваниса из советских радио, находившиеся на побережьи, получают новое подтверждение тому, что, в виду английского ультиматума, происходят при посредстве Англичан переговоры о мире между Врангелем и большевиками» (Раковский. В стане белых, 287, 294).

Вообще, большевики всеми силами, и в Казачьих Краях, и на фронте муссировали слухи о переговорах о мире, дабы убить в казаках бодрость духа, дабы подорвать всякую веру в возможность дальнейшей успешной борьбы Казачества против Советской власти.

Также и ген. Улагай уже в первый свой приезд из Севастополя в Сочи немедленно после того, как Врангель стал главнокомандующим, об Английском предложении мира сообщил своим приближенным. Эти авторитетные сведения о мире постепенно сверху распространились вниз — по рядам армии.

Командир 4-го Дон. корпуса даже хвалился тем, что «мы (командование) не скрывали от Донских казаков, что начались переговоры о мире» (там же, 295).

Таким образом, почти безостановочно продолжавшийся уже второй месяц бесцельный и непонят-

ный отход Кубанской армии; нелады на казачьих верхах, чего нельзя было скрыть от рядовых офицеров и казаков; голод и болезни, охватившие ряды армии; долгое отсутствие Атамана; подтверждавшиеся со всех сторон слухи о переговорах о мире с большевиками; тяжелое сознание отсутствия своего, казачьего вождя, которому бы доверяла и за которым бы шла казачья армия; появление Врангеля на посту Главнокомандующего — все это, вместе взятое, создавало в армии гнетущее сознание безвыходности положения...

Чрезвычайно тяжелое положение Кубанской армии было причиною появления нескольких течений среди кубанцев.

Часть офицеров и гражданских чинов считала продолжение борьбы невозможным и положение армии безнадежным. Эти лица под самыми различными предлогами старались выехать из района расположения армии. Повторялась Новороссийская история... Ген. Шкуро сам советовал некоторым лицам «запасаться заграничными паспортами»... ...«И каждый день у члена Правительства по внутренним делам появлялись толпами полковники, войсковые старшины и есаулы с разрешениями своего начальства на от'езд; брали заграничные паспорта, чтобы выехать: кто в Крым, кто в Грузию, а кто и, далее»... (вышецитированная статья Сулятицкого).

Другое течение составляли те лица, которые защищали необходимость эвакуации армии в Крым с целью продолжения там борьбы под руководством ген. Врангеля. Однако, то обстоятельство, что Врангель не давал транспортов даже для 4-го Донского корпуса, командир которого ген. Стариков, в конце концов, казалось, убедил и Донского Атамана и самого Врангеля в необходимости переброски Донцов в Крым, значительно ослабляло это течение.

Третье течение стояло за то, чтобы добиться у Грузинского Правительства разрешения на отход армии и беженцев на территорию Грузии с тем, чтобы потом, выйдя из под ударов советских войск, решить, что делать далее. Усилия этого течения разбивались

о нежелание Грузии пустить казачью армию на свою территорию.

Некоторая часть казаков и офицеров стояла за продолжение вооруженной борьбы с большевиками путем перехода в решительное наступление на Кубань. Вышеприведенный приказ ген. Косякина по Сочинскому гарнизону, от 7 апреля, может служить ярким выражением взглядов именно этого, здорового казачьего течения того времени.

Тем не менее, шатание правящей верхушки, как было отмечено уже выше, достигли тогда таких размеров и, вместе с голодом, так разлагающе действовали на здоровые и бодрые элементы среди офицеров и рядовых казаков, что не дали возможности и этим последним организованно, в широком масштабе, выявить свою волю к активной борьбе.

Еще одно течение возглавлял член Куб. Правительства и Рады сотник Д. Филимонов, который «и днем, и ночью» вел пропаганду за заключение мира с большевиками. Сотник Филимонов, юрист по образованию, был редактором официальной газеты — «Вестник Кубанского Краевого Правительства», выходившей в гор. Сочи. Свое положение редактора правительственного органа Филимонов умело использовал для пропаганды примирения казаков с Советской Россией.

Кубанское Правительство, не дождавшись возвращения из Крыма в Сочи Атамана Букретова и председателя Правительства Иваниса, 7-го апреля 1920 г. взяло на себя инициативу в вопросе заключения **перемирия** между Кубанской армией и советскими войсками. Член этого Правительства, лично принимавший тогда участие в принятии этого решения, П. Сулятицкий, следующим образом поясняет этот факт:... «Чтобы не допустить братания на фронте и самовольного примирения, Правительство выдвинуло вопрос, не будет ли целесообразнее самому командованию начать переговоры о перемирии. Ген. Шкуро сначала не хотел и слушать об этом, но, взвесивши все обстоятельства, с этой мыслью согласился, если только удалось бы найти такую форму переговоров, которая бы

не унижала его военное достоинство, и если Законодательная Рада одобрила бы начать переговоры».

«Правительство, после самостоятельного ознакомления с состоянием дел, после совещаний с ген. Шкуро и с начальником штаба полк. Дрейлингом, постановило: начать переговоры с командованием войск Советской России на Кавказском побережьи о перемирии до окончания мирных переговоров, для чего просить командующего армией предпринять соответствующие шаги».

«Законодательная Рада в закрытом своем заседании, заслушав ген. Шкуро, который, констатируя ужасное состояние Кубанской армии, что касается обеспечения ее патронами, продовольствием, фуражем и лекарствами, заявил, что он, после долгого обдумывания, не высказывается против переговоров о перемирии — постановление Правительства одобрила».

«В тот же день ген. Шкуро сообщил по радио об этом постановлении Законодательной Рады Кубанскому Атаману и председателю Правительства, которые еще находились в Севастополе, Командующему английской эскадрой адмиралу Де-Робеку и ген. Врангелю, прося последнего, в виду тяжелого состояния войск на побережьи, освободить его (ген. Шкуро) от командования, угрожая, что если его прошение не будет удовлетворено, то он решит этот вопрос самостоятельно» (цитированная выше статья Сулятицкого)

В описании Г. Раковского, на основании слов начальника штаба полк. Дрейлинга, говорится, что ген. Шкуро послал вышеперечисленные сообщения по радио сейчас же после принятия Правительством постановления о перемирии. И только на другой день ген. Шкуро выступил в Раде, «где в мрачных тонах обрисовал общую обстановку, создавшуюся на побережьи» (В стане белых 296).

Во всяком случае, и сообщение П. Сулятицкого, и сообщение Г. Раковского сходятся в том, что а) инициатором постановления о перемирии является Кубанское Правительство, что б) фактический командующий армией ген. Шкуро и начальник его штаба полк. Дрейлинг одобрили эту инициативу Правительства, что в) ген. Шкуро лично выступил с соответст-

вующим докладом Раде, и что г) Законодательная Рада одобрила решение Правительства о необходимости заключения перемирия.

Это все произошло 7-8 апреля.

Важно отметить, что 8 апреля, имея у себя в руках вышеуказанное сообщение по радио от ген. Шкуро по вопросу о необходимости перемирия и требование ген. Шкуро об освобождении его от несения обязанностей заместителя командующего войсками на побережьи, а также имея отказ ген. Улагая от того же командования, ген. Врангель проделал целую историю с арестом Кубанского Атамана (см. главу XXIII), лишь бы добиться того, чтобы этот Атаман в такое весьма критическое время принял на себя командование войсками на побережьи... «Пусть он (Букретов) сам несет ответственность за все, что произойдет», пояснил Врангель своим единомышленникам ген. Богаевскому, Вдовенко, Улагаю и Шатилову 8 апреля!

***

Верховный Комиссар Великобритании в Константинополе адмирал Де-Робек, получив по радио сообщение от ген. Шкуро о решении Кубанского Правительства о **перемирии,** очевидно, был весьма встревожен этим обстоятельством, почему во главе Английской эскадры поспешил к черноморскому побережью, куда прибыл 9-го апреля.

По инициативе адмирала Де-Робека было устроено совещание при участии ген. Шкуро, нач. штаба Дрейлинга, вр. командира 4-го Донкорпуса ген. Калинина и члена Кубанского Правительства Белашова, замещавшего тогда председателя Правительства. Ген. Шкуро подробно доложил, как мотивы принятого решения, так и самое решение о перемирии. При этом ген. Шкуро указал на то, что при сложившихся обстоятельствах он по радио просил главнокомандующего Врангеля об освобождении его, Шкуро, от обязанностей командующего войсками.

Английский адмирал заметил, что ген. Врангель, как видно из его радио, полученного на корабле адмирала Де-Робека, не желает освободить ген. Шкуро от командования войсками.

Далее адмирал Де-Робек заявил, что **никакого ультиматума Врангелю о мире с большевиками Великобритания не пред'являла.** Кроме того, адмирал сообщил, что из Севастополя на побережье выезжают «Атаманы Казачьих Войск и Главнокомандующий»... И Верховный Комиссар Великобритании просит «продержаться, в крайнем случае, до приезда Атаманов и не входить ни в какие переговоры с большевиками».

Для обеспечения голодающей армии адмирал Де-Робек распорядился дать из запасов его эскадры «трехдневный порцион на 45 тысяч душ». Адмирал также обещал немедленно поехать в Константинополь, снестись оттуда со своим Правительством и «доставить на побережье все необходимое».

Вследствие такого неожиданного вмешательства представителя Правительства Великобритании, переговоры о перемирии тогда не были начаты.

⁂

Потом из Крыма в Сочи прибыли председатель Кубанского Правительства Иванис и командующий армией ген. Улагай.

Прежде всего, 11-го апреля ст. имени Кубанского Правительства, Командующего Кубанской армией и Терского Атамана было подано адмиралу Де-Робеку заявление, заготовленное, очевидно, еще в Севастополе, с просьбой предложить «Советскому Правительству прекратить немедленно враждебные действия на Кавказском побережьи Черного моря».

12 апреля ген. Улагай пригласил к себе ген. Науменко, Бабиева и Шкуро и сообщил им об отчислении их от занимаемых ими должностей и отозвании в Крым. При этом ген. Улагай пояснил, что это делается по настоянию Атамана Букретова, назначенного командующим войсками на побережьи.

В тот же день 12 апреля ген. Улагай отдал следующий приказ: «Согласно приказа Главнокомандующего от 8-го апреля, предписываю генерал-лейтенантам Шкуро и Бабиеву и генерал-майорам Науменко и Муравьеву отправиться в распоряжение Главнокомандующего. Сего числа, согласно приказа Главнокомандующего, я сдал Кубанскую армию Войсковому Атаману ген. Букретову».

С своей стороны, Кубанское Правительство широко распубликовало нижеследующее разъяснение происходящих событий:

«Официально. От Кубанского Правительства. 31 марта Войсковой Атаман и Председатель Правительства в г. Севастополе обратились к Союзникам с заявлением, что Кубанское Правительство **желает прекратить гражданскую войну и просит Союзников взять на себя посредничество для ведения мирных переговоров с Советской Россией.**

Английский министр Керзон от имени Английского Правительства предложил Советскому Правительству прекратить военные действия и приступить при посредстве Английского Правительства к мирным переговорам, причем в этом предложении указывается, что, в случае дальнейшего наступления советских войск, Английскому флоту будет отдан приказ оказать поддержку борющимся на юге России против большевиков войскам.

Официальный ответ Советского Правительства Кубанскому Правительству пока неизвестен.

11-го апреля в г. Сочи подано заявление командующему морскими силами Союзников в Черном и Средиземном морях адмиралу Де-Робеку, в котором Кубанское Правительство, Командующий Кубанской армией и Терский Атаман просят адмирала Де-Робека предложить Советскому Правительству прекратить немедленно враждебные действия на Кавказском побережьи Черного моря.

Таким образом, Кубанское Правительство в полном согласии с Радой и командным составом армии принимает все меры **к прекращению войны** и призывает армию, от казака до генерала, твердо стоять на фронте и спокойно ждать результатов предпринятых Правительством шагов к прекращению войны.

Армия должна помнить, что до тех пор пока не заключено перемирие и не подписан мир, война продолжается. Правительство требует от всех чинов армии сохранить спокойствие, порядок и дисциплину. Только крепкая армия поможет Правительству **добиться почётного мира.**

12-го апреля 1920 г. г. Сочи».

Как видно, весь смысл этого официального раз'яснения сводился к тому, чтобы подготовить войска к миру с Советской Россией.

И рядом с этим, как бы подготовляя путь для едущего из Крыма Атамана Букретова, было распубликовано еще одно официальное сообщение Кубанского Правительства:

«Официально. От Кубанского Правительства.

Доводится до сведения всех чинов Кубанской Армии, что приказом Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России ген. Врангеля, генералы Шкуро, Науменко, Бабиев, Улагай и Муравьев отзываются в распоряжение ген. Врангеля. Поименованные генералы уезжают из района действий Кубанской армии. В командование армией вступил Кубанский Войсковой Атаман ген. Букретов. На место уезжающих генералов назначены новые начальники. Правительство остается с армией. Никто из бывших начальников не имеет права уводить с собой казаков из ранона расположения армии. 1920 г. 12 апреля, г. Сочи».

Какой смысл теперь имело это запоздавшее удаление из армии сразу пяти старших начальников, когда официально было уже об'явлено о прекращении войны?

13-го апреля ген. Букретов, прибыв в г. Сочи, отдал нижеследующий приказ:

Приказ

Войскам Кавказского Побережья Черного моря.

Нр 469. 13 апреля 1920 г. г. Сочи.

В тяжелый час возложено на меня командование войсками Кавказского побережья. Бесконечно трудная задача выпала на мою долю — вывести армию из создавшегося положения и сохранить в целости ее личный состав.

Эта ответственная задача может быть выполнена только при полном единении всего состава Армии, при напряженной, не за страх, а за совесть, работе командного состава, и доверии и поддержке его рядовым казачеством.

Только таким путем можем мы спасти свою ро-

дину при поддержке Союзников, а потому призываю всех от старших начальников до последнего казака к самой энергичной работе.

Пусть никто не помышляет о себе, только совместная работа приведет к счастливому результату.

Только твердая решимость довести борьбу до конца и упорное удержание занимаемого ныне района заставит противника принять выгодные для нас условия и тем спасти Кубань, а с нею и армию.

Войсковой Атаман, генерал-майор Букретов.

Начальник Штаба, Генерального Штаба, полковник Дрейлинг».

Из двух вышеприведенных официальных раз'яснений Кубанского Правительства и из приказа ген. Букретова не видно, кто, собственно, возложил на Кубанского Атамана «командование войсками Кавказского побережья».

Очевидно, и ген. Букретов, и Куб. Правительство сознательно уклонялись сказать правду Кубанцам о том, как Атаман и Председатель Правительства в Крыму подчинились Врангелю.

Кроме того, в приказе ген. Букретова было много просто непонятного: как это он, Букретов, думал путем «упорного удержания занимаемого ныне района заставить противника принять выгодные для нас условия и тем спасти Кубань, а с нею и армию»?

О спасении какой «своей родины при поддержке союзников» шла речь в приказе? О какой борьбе и ради чего говорилось в приказе Атамана 13-го апреля, когда 12-го апреля Кубанское Правительство авторитетно и безапелляционно раз'яснило, что дело идет не о войне, а о заключении мира с большевиками?

Не удивительно, что при таких условиях, при такой путанице «оппозиционно настроенные генералы стали уезжать в Крым, весьма довольные своим отчислением» (Раковский. В стане белых, стр 298).

С берегов рек Лабы и Белой они самовольно, не слушаясь Кубанского Атамана, привели Кубанские корпуса к морю. Теперь Кубанская армия попала в самое ужасное положение.

Глава XXV.

Поездка Кубанского Атамана в Грузию. — Советские войска заняли Сочи. — Начало переговоров о перемирии. — Совещания войсковых начальников. — Переговоры с большевистским командованием и с Грузией. — Капитуляция.

Кубанский Атаман Букретов, вступив в командование казачьими войсками на Кавказском побережьи Черного моря, принял на свои плечи тяжелую ответственность перед армией и перед Казачеством.

Что предпринял Атаман? Прежде всего он бросился искать возможности отвести войска в Грузию. Уже 15-го апреля ген. **Букретов,** начальник штаба полк. **Дрейлинг** и председатель Куб. Правительства **Иванис** на английском миноносце поехали в Грузию — в г. Гагры, чтобы просить там командующего пограничными грузинскими войсками ген. Артмиладзе о разрешении казакам перейти границу Грузии. Ген. **Артмиладзе** заявил, что он не имеет права ни одного серьезного вопроса разрешить по своему усмотрению и должен сноситься со своим правительством.

Грузинское Правительство подчеркивало свой нейтралитет, указывало на довольно тяжелое продовольственное положение страны и т. п. и потому не соглашалось впустить на свою территорию казаков. Грузины вели в то время переговоры с Москвой и не хотели «компрометировать» себя связью с казаками. Рассчеты грузин на Москву, как выяснилось позже, не оправдались.

В то время Советское Московское правительство, стремясь продолжить дело «собирания России», сосре-

доточило все свое внимание и силы, главным образом на противопольском и противоукраинском западном фронте. Весьма показательным было то, что еще 4-го апреля советское командование приказало Конной армии Буденного двинутся походным порядком с Кубани и к 19 мая сосредоточиться в районе Бердичева-Винницы, т. е. к юго-западу от гор. Киева (Н. Е. Какурин и В. А. Меликов. Война с белополяками, стр. 81):

Представитель Английского командования, присутствовавший при переговорах Кубанского Атамана с грузинами в гор. Гаграх, **высказался решительно против насильственного перехода кубанцами границы Грузии и пригрозил, что в случае осуществления казаками подобного плана, Великобритания не только откажет кубанцам в своей помощи, но решительно воспрепятствует осуществлению этого намерения.**

Поэтому Кубанский Атаман, начальник штаба и председатель Куб. Правительства не могли добиться в г. Гаграх благоприятного ответа от Грузии и ни с чем возвратились в г. Адлер.

16 апреля большевики перешли в энергичное наступление и принудили арьергардные Кубанские части, находившиеся под командой ген. Морозова, оставить г. Сочи.

С этого момента начались переговоры между советским и казачьим командованием. Существует несколько версий того, как начались эти переговоры. «Большевики воспользовались телефонной сетью, которую отступающие не успели уничтожить, и вызвали к телефону командира корпуса. К аппарату подошел ген. Морозов» и т. д. (Раковский. В стане белых, стр. 302). Это одна версия.

Большевистский комиссар И. Рабинович, лично принимавший участие в переговорах, говорит: ...«Среди наших красноармейцев ходило немало анекдотических рассказов о том, как начались эти переговоры. Нашим телефонистам удалось включиться в провода противника и подслушать приказ, передаваемый Морозовым одному из командиров полков. Трубка была передана нашему начдиву т. Е(горову), который и

принял весь приказ и затем передал генералу Морозову, что приказ принят им, начдивом красной дивизии. В ответ послышалось ругательство. Начдив Е(горов) предложил генералу начать переговоры о сдаче. Генерал согласился» и т. д. (И.Рабинович. Сдача Кубанской армии красным).

Так или иначе, а ген. Морозов начал эти переговоры. О своем разговоре с начальником передовой 34-й сов. дивизии Егоровым ген. Морозов телеграммой сообщил ген. Букретову в Адлер.

На совещании Атамана с председателем Правительства Иванисом было решено о большевистском предложении мира сообщить представителю Английского командования (Английские 2-3 наблюдательные военные суда постоянно находились вблизи побережья). Как утверждает член Куб. Правительства П. Сулятицкий, находившийся тогда в г. Гаграх, «Атаман прочитал ему — представителю Английского командования — полученную от ген. Морозова телеграмму и спросил, что он думает по поводу предложения полковника Егорова. Англичанин ответил, что по его мнению положение Кубанской армии такое, что следует использовать случай и начать переговоры с большевиками о мире.. А в это время было получено от Белашова из Гагр сообщение, что Грузия решительно отказалась впустить Кубанцев на свою территорию» (цитированная выше статья П. Сулятицкого).

Таким образом, бывший член Куб. Правительства подчеркивает два момента: 1) прямой совет представителя Англии вступить в переговоры с большевиками и 2) отказ Грузии впустить Кубанцев на свою территорию. Если это и было так, то эти факты не могли играть решающего значения, так как Кубанское Правительство еще 7-го апреля постановило приступить к переговорам о перемирии, а 12-го апреля то же Правительство открыто заявило, что основной задачей его деятельности является заключение мира с Советской Россией. Такое решение Правительство Иваниса считало тогда единственным выходом из создавшегося положения.

***

Но была еще одна возможность — **переход армии в наступление с целью выхода ее на богатую Кубань, где не пришлось бы умирать с голода.**

Если бы дело собирания сведений о положении противника вообще было поставлено тогда удовлетворительно, то командующий армией должен был бы знать, что в то время 1) наиболее сильная часть советских войск на Кавказе — 1-я Конная армия Буденного ушла уже с Закубанья на север Кубани, 2) что против Кубанской армии наступала только одна 34-я сов. дивизия, 3) что среди Кубанских казаков в станицах значительно усилилось антибольшевистское движение, 4) что Польская армия, закончив подготовку, в союзе с армией Украинской уже перешла в общее наступление на Украине.

Кроме того, Кубанскому Атаману и всему командному составу армии хорошо было известно, что новая энергичная попытка XIII-й советской армии ворваться в Крым 31 марта — 3 апреля окончилась неудачей, что свидетельствовало о том, что большевиков по-прежнему можно было побеждать. Кубанскому Атаману также известно было, что 6 апреля Английское Правительство предупредило большевиков о том, что если «советские войска не прекратят дальнейшего наступления на юг, Британское Правительство было бы вынуждено направить корабли для всех необходимых действий, чтобы охранить армию в Крыму и предупредить вторжение советских сил в ту область, в которой находятся вооруженные силы юга России».

Это Английское предупреждение говорило о возможности получения казаками, хотя временной, помощи со стороны Английского флота. Факт подобной помощи имел место 9-го апреля со стороны самого Верховного Комиссара Великобритании в Константинополе адмирала Де-Робека.

Однако, обстоятельства сложились так, что в самый решающий и поворотный в истории Казачества момент во главе Кубанского Края и Армии стоял не-

казак ген. **Букретов,** начальником штаба у него был не-казак полк. **Дрейлинг,** военным министром Кубани был не-казак ген. **Болховитинов,** командиром передовых войск, непосредственно соприкасавшихся с большевистской дивизией, был не-казак ген. Морозов, видную роль в Армии продолжал играть не-казак ген. **Шифнер-Маркевич...** Эти лица были в свое время и могли быть в будущем хорошими командирами частей и начальниками штабов в **Русской Армии, защищавшей русские интересы, но они не могли быть последовательными и вдохновенными выразителями казачьих чаяний и вождями казачьих войск. Они не могли казачью армию повести в наступление против русской армии...** К оценке происходивших событий эти русские люди подходили, естественно, с русской, а не казачьей точки зрения. Казачье дело они не могли отделить от русского дела...

***

Итак, большевики сделали официальное предложение переговоров о мире, а ген. Морозов принял это предложение и передал его ген. Букретову. Надо было как-то решать этот вопрос: отвергнуть сделанное предложение или вступить в переговоры.

Что предпринял ген. Букретов? 16-го апреля в г. Адлере он собрал военное совещание в составе старших чинов армии. На этом совещании присутствовали: ген. **Букретов,** нач. штаба полк. **Дрейлинг,** военный министр **Болховитинов,** командир 4-го Донского корпуса ген. **Калинин** (замещавший бывшего в Крыму ген. Старикова), ген. **Шифнер-Маркевич,** председатель Правительства **Иванис** и др.

Начальник штаба Дрейлинг доложил о тяжелом положении армии — в армии числилось 47 тысяч бойцов, но боеспособных, по словам полк. Дрейлинга, всего 5-6 тысяч, продовольственных запасов в интендантстве всего на один день...

Во время этого доклада на совещание пришел председатель Кубанского Правительства Иванис и заявил: только что от Грузин получено уведомление, что ни одного пешего, ни конного, ни с оружием, ни

без оружия они пропускать через границу не будут и что одновремено с этим грузинским войскам отдается распоряжение занять позиции вдоль границы...

Как раз в этот-же день и от представителя английского командования было получено новое подтверждение того, что, если казаки будут переходить грузинскую границу силой, с оружием в руках, англичане лишат казаков всякой помощи. Но, **если грузины добровольно пропустят казаков, то англичане и тем, и другим окажут свою поддержку. Однако, участники совещания, ознакомившись с непримиримой позицией грузин, высказались против того, чтобы, защищая самостоятельность Грузии, русские совместно с грузинами дрались бы против русских, хотя-бы и большевиков** (на основании слов полк. Дрейлинга это записал военный корреспондент Гр. Раковский; член Куб. Правительства П. Сулятицкий в полной мере подтверждает эти факты).

Все же, английская постановка вопроса отпала уже потому, что Грузия, ведшая переговоры с большевиками и не хотевшая их раздражать, решительно отказалась разговаривать с казаками.

На совещании председатель Правительства Иваніс заявил: «Если бы армия принуждена была начать переговоры с большевиками о мире, то следовало бы эти переговоры, по возможности, затянуть, чтобы все те, кто не желает сдаваться большевикам или не хочет ехать в Крым, для чего немедленно надо было бы вызвать пароходы, — успели бы, так или иначе, перейти границу Грузии или отправиться через горы домой.

Это предложение поддержал ген. Шифнер-Маркевич и совещанием было решено: организовать Комиссию для переговоров с большевиками о мире, поручив ей эти переговоры затянуть» (П. Сулятицкий. Капитуляция Кубанской армии. Журнал «Кубанський Край» № 10, 1932).

В состав Комиссии вошли председатель — ген. **Морозов**, члены — начальник штаба полк. **Дрейлинг**, представитель 4-го Донского корпуса ген. **Голубин-**

цев и председатель Кубанского Правительства **В. Н. Иванис.** Члены Комиссии получили соответствующие письменные удостоверения за подписью ген. Букретова и ген. Болховитинова.

16-го апреля была послана по радио Врангелю в Крым просьба **прислать пароходы для эвакуации казаков в Крым.**

Бывшие на совещании члены Комиссии — полк. Дрейлинг, В. Иванис и ген. Голубинцев без промедления выехали из г. Адлера на позиции. Генерала Морозова на совещании не было. Получив сведения от прибывшей к нему Комиссии о решениях совещания, ген. Морозов сейчас же по телефону сообщил в советский штаб, находившийся в г. Сочи, о приезде парламентеров. Уже перед приездом членов Комиссии из Адлера на фронт, там фактически существовало перемирие, установленное по соглашению ген. Морозова с командиром большевистской дивизии полк. Егоровым.

16-го апреля состоялась первая встреча парламентеров. Со стороны большевиков были два комиссара полков и один командир полка, а со стороны казаков вышеназванные четыре члена комиссии. Официально было установлено перемирие, установлена нейтральная зона. На этом первые переговоры были закончены, так как советские представители заявили, что для дальнейших переговоров они не имеют соответствующих полномочий.

В это время советское командование на Кавказе вело перегогворы с Москвой о тех условиях **капитуляции,** которые оно собиралось поставить казачьей армии. Дело в том, что советское командование не ожидало, что казачье командование даст согласие на мирные переговоры и потому большевики не были приготовлены к их конкретному осуществлению. В основу большевистских условий были положены те, которые красные предложили войскам Северного фронта ген. Миллера.

В ночь под 17-е апреля члены Комиссии, кроме

оставшегося на фронте ген. Морозова, возвратились в г. Аддер для доклада ген. Букретову.

17-го апреля, ген. Букретов созвал новое совещание в составе всех лиц, бывших на совещании 16-го апреля, и генералов: начальника Войскового штаба **Лещенко,** начальника артиллерии **Чумаченко** и ген. **Косякина.**

Комиссия доложила совещанию о встрече с большевистскими парламентерами.

Было доложено и только что полученное решение Грузинского Правительства:

«Принимая во внимание захват большевиками Азербейджана и приближение их к границе Грузии, Грузинское Правительство и его армия должны быть готовы ко всяким событиям. **Переход на Грузинскую территорию нескольких десятков тысяч небоеспособных Кубанских казаков нарушит правильную коммуникацию размещенного на побережьи Грузинского войска, уменьшит его боеспособность и весьма усложнит и без того тяжелое положение продовольственного вопроса.** Потому переход Кубанскими частями Грузинской границы совершенно невозможен, и все попытки это сделать — встретят со стороны Грузии вооруженное сопротивление.

Исключение будет сделано только для Войскового Атамана, Рады, членов Правительства, членов Верховного Круга, почетных стариков и для отдельных лиц командного состава; всех их Грузия принимает, как политических эмигрантов, а войсковым частям советуется эвакуироваться на единственно вольную от большевиков русскую территорию — в Крым».

Совещание постановило, чтобы Атаман послал большевикам условия **перемирия**, выработанные полковником Дрейлингом и одобренные уже Комиссией парламентеров.

Вот эти условия:

1. Прекращение враждебных действий и заключение **перемирия** впредь до подписания договора.

2. В основание при выработке условий переми-

рия, а впоследствии мирного договора, должны быть поставлены следующие идеи:

а) обе стороны должны смотреть друг на друга, как на части одного великого народа и не стремиться к уничтожению или унижению противника, как то бывает при внешних войнах. Сторонам надлежит думать лишь о светлом, общем будущем.

б) Заключенные соглашения должны вести к долгому прочному миру, т. е. не иметь в своем содержании никаких пунктов, которые бы явились обидными или унизительными для какой-либо стороны, оставляли бы чувство недоброжелательства или даже мести, и могли бы служить поводом к новым восстаниям и борьбе.

в) Для достижения целей, указанных в первых двух пунктах, необходимо принять во внимание особый уклад казачьей жизни и казачьего быта.

3. Почти трехлетняя гражданская война создала атмосферу взаимного недоверия, подозрительности, непримиримости. Поэтому при ведении переговоров необходимо проявить и подчеркивать особое, доверчивое отношение сторон друг к другу.

4. Условия перемирия:

а) Демаркационная линия сторон, нейтральная полоса: река Сочи — правый берег, река Бзуга (?) — левый берег. Между ними — нейтральная полоса.

б) Срок перемирия — до подписания мирного договора.

в) Передвижение желающих жителей в местности, занятые противной стороной, с разрешения подлежащих начальников не ниже начальников дивизий. Ныне-же — выход на полевые работы. Гарантирование им полной неприкосновенности личной и имущественной, как во время движения, так и на местах и снабжение их надлежащими документами от обеих сторон».

Эти условия, как видно, были составлены таким образом, чтобы при их обсуждении с большевиками, по возможности, затянуть переговоры подольше.

17-го апреля была послана в г. Гагры новая деле-

гация в составе члена Правительства **Л. Белашова** и начальника Куб. Войскового штаба ген. **Лещенко.**

Командир 4-го Донского корпуса ген. **Калинин,** не вполне полагаясь на переговоры Кубанцев с Грузией и желая своим личным участием в переговорах склонить Грузинское Правительство к пропуску Донцов на Грузинскую территорию, решил лично отправиться в Гагры для переговоров.

Также самостоятельно решил действовать и командир Черкесской дивизии ген. **Султан Келеч Гирей,** и тоже отправился к грузинам для разрешения вопроса о пропуске Черкесов.

И все же, несмотря на все энергичные усилия ген. Калинина, ему не удалось получить разрешения на переход Донцами грузинской границы.

С таким же отрицательным ответом возвратились из г. Гагр ген. Лещенко и Л. Белашов. Грузины соглашались пропустить в Грузию только те категории лиц, о которых говорило вышеприведенное полностью постановление Грузинского Правительства.

17-го апреля по радио в Крым была послана новая просьба о присылке пароходов.

Большевистское командование было осведомлено о том, что ведутся переговоры о пропуске казаков в Грузию. Оно хорошо понимало, что противник старается затянуть переговоры в то время, как основной задачей советской власти являлось желание захватить в свои руки всех казаков, скопившихся на побережьи, поскорее.

Советское командование тогда уже получало от ген. Морозова точные сведения о состоянии Кубанских частей. Так, например, большевистский комиссар И. Рабинович в своем описании хода переговоров отмечает такой факт: 17 апреля особой запиской на имя командира большевистской дивизии полк. Егорова ген. Морозов сообщил, что «они (казачьи правители) готовы продолжать переговоры, но что он, ген. (Морозов), вынужден был отступить вследствие панического настроения в его передовых частях от слухов, что мы (большевики) якобы начали обход их

(казаков) с фланга. Дальше (в записке Морозова) указывалось, что вызвать генерала к телефону можно включившись в Индо-европейский провод у дачи Николенко. Действительно, какой-то психоз овладел армией белых. Никакого обхода мы, конечно, не предпринимали», торжествующе пишет Рабинович (вышецитированная его статя: «Сдача Кубанской армии красным»).

Получая подобные информации от ген. Морозова, большевики могли действовать решительно. Поэтому они **совершенно не пожелали вести переговоры о перемирии** на предложенных им казачьим командованием условиях, полученных через ген. Морозова. 18-го апреля утром, через того же ген. Морозова большевики передали ген. Букретову следующие условия сдачи казачьей армии:

«1. Гарантируется свобода всем сдавшимся, за исключением уголовных преступников, которые будут подлежать суду военно-революционного трибунала.

2. Гарантируется свобода всем сдавшимся, искренно раскаявшимся в своем проступке и выразившим желание искупить свою вину перед революцией поступлением в ряды Красной армии и принятием активного участия в борьбе с Польшей, посягнувшей на исконные русские территории.

3. Инициаторам и руководителям восстаний свобода не гарантируется. Они подлежат или привлечению в трудовые батальоны или заключению в концентрационные лагери до конца гражданской войны и только в виде особой милости они могут быть допущены в ряды Красной армии.

4. Все огнестрельное оружие и шашки подлежат сдаче. Кинжалы могут быть сохранены под честное слово с тем, что они не будут обращены против советской власти и отдельных ее представителей.

5. Содействие возвращению на родину будет оказано, поскольку позволят разрушенные войною пути.

6. Гарантируется неприкосновенность личности всем согласно пунктам 1 и 2. Неприкосновенность

имущества гарантируется всем, жившим своим трудом, не принадлежащим к классу эксплуататоров.

7. На ответ дается двенадцать часов, считая срок с момента получения настоящих условий, после чего, при неполучении удовлетворительного ответа, военные действия будут возобновлены с удвоенной энергией. Ни в какие мирные переговоры представители командования тогда вступать не будут.

8. Условия будут считаться нарушенными, если хоть один человек, после получения условий перемирия, будет пропущен в Грузию или уедет в Крым».

Получив эти условия, ген. Букретов 18 апредя созвал новое совещание в составе лиц высшего командного состава и начальников Кубанских частей. На этом совещании положение армии было изображено, как безвыходное.

Руководители мирных переговоров с большевиками склонили совещание к принятию большевистского ультиматума с тем, чтобы советское командование точно раз'яснило и облегчило некоторые пункты: кого подразумевать под «уголовными преступниками», об оставлении холодного оружия и личных вещей у сдающихся и т. д.

После этого Комиссия парламентеров в составе ген. **Морозова,** начальника штаба полк. **Дрейлинга,** председателя Куб. Правительства **В. Иваниса** и ген. **Голубинцева** 18 апреля выехала на фронт для встречи с большевистскими парламентерами. В условленный пункт с большевистской стороны прибыли военный комиссар 34-й сов. дивизии **Сутин,** командир бригады Ф., и комиссар бригады **Рабинович**.

Комиссар Сутин «сразу заявил, что никаких разговоров о перемирии быть не может, речь может идти только об условиях сдачи восставшего против Советской Реслублики казачества. Ген. Морозов, очевидно, не желая обострять вопроса, не возражал против этой постановки и она была молчаливо признана всеми генералами. Разговор шел об оставлении лошадей и холодного оружия казакам, в этом им было категорически отказано», повествует участник переговоров Рабинович... «Тактичнее всех был Моро-

зов, он сразу понял, что все переговоры излишни, что уступок от пред'явленных условий не будет. Разрешено было позднее уже оставлять лишь холодное дедовское оружие»...

Интересные данные об этих переговорах подает другой источник:

...«Мы видим из предложенных нам письменных условий, что вы патриотически настроены» (вышеприведенные условия **перемирия,** предложенные антибольшевистской стороной), заявил в начале переговоров Сутин. «Выход вашему патриотическому чувству будет дан на польском фронте. В данный момент **Советская Россия ставит своей задачей восстановление единой, великой России.** В этой работе офицерство, понятно, сыграет огромную роль и ему будет дана полная возможность послужить идее великой России»... (Раковский. В стане белых, 315).

Получив необходимые раз'яснения от представителей красной армии, Комиссия вернулась вечером в г. Адлер, где ген. Букретов позно вечером 18-го апреля вновь созвал военное совещание для заслушания доклада парламентеров.

Начальник штаба Дрейлинг доложил о ходе последних переговоров с большевиками. На этом совещание и было закончено.

После 12-ти часов ночи с 18-го на 19-е апреля командующий войсками Букретов получил от советского командования следующее письменное раз'яснение пунктов пред'явленного перед этим большевиками ультиматума;

«В дополнение и развитие условий, продиктованных революционным военным советом IX-й армии, сообщаю:

1. Все лица, которые производили без суда и следствия всякие расстрелы, грабежи и насилия, а также офицерство, состоявшее на службе в рядах Красной армии и добровольно перешедшее на сторону войск командования южной России, считаются уголовными преступниками.

2. Всем добровольно сложившим оружие гаран-

тируется жизнь и свобода. Разрешается раз'ехаться по домам и всем казакам, гражданским лицам и беженцам. Генералам и офицерам предоставляется полная свобода, кроме привлеченных по пунктам 1 и 2 условий, продиктованных военно-революционным советом IX-й армии 1 мая (18 апреля по ст. ст.) сего года.

3. Третий пункт остается без изменений согласно тем-же условиям.

4. Кинжалы, серебряные шашки и дедовское холодное оружие остается на руках при условии круговой поруки, что это оружие не будет обращено против Советской России.

5. Пятый пункт остается без изменений.

6. Все собственные вещи, деньги офицеров-казаков не подлежат отобранию, кроме приобретенных нелегальным путем.

Срок ответа не может быть изменен, согласно условий военно-революционного совета IX-й армии. Срок мирных переговоров кончается 2-го мая (19 апреля по старому ст.) сего года в 4 часа 15 мин.

К означенному сроку Вам надлежит дать определеный ответ.

Подписал начдив Егоров. Военком дивизии Сутин.

2-го мая (19 апреля ст. ст.) 1920 г. 00 часов 40 минут».

До истечения срока большевистского ультиматума оставалось очень мало времени.

Посоветовшись с начальником штаба полк. Дрейлингом, ген. Букретов в 3 часа ночи приказал послать председателю Комиссии парламентеров ген. Морозову следующую телеграмму:

«Передайте за своей подписью следующий ответ начальнику пятидесятой советской дивизии: «Принципиальных возражений нет. Необходимо казаков, вернувшихся в станицы, считать на равных правах со всеми гражданами. **Хотя мною и отдано распоряжение о невыезде в Грузию и Крым, но ответственности за исполнение распоряжения принято быть не может, так как уходят самовольно.** Благоволите прислать документ с подлинными вашими условиями за соответст-

вующими подписями на мое, генерала Морозова, имя. **На сообщение и разъяснение этих условий частям войск, в виду разбросанности, потребуется 2-3 суток. Морозов».** Букретов.

Вопрос о капитуляции был решен.

19-го апреля утром большевистское командование по телефону предложило ген. Морозову прислать к нему Комиссию парламентеров «для обсуждения технических вопросов капитуляции». Ген. Морозов об этом желании большевиков сообщил ген. Букретову.

Ген. Букретов хотел послать к большевикам ту самую Комиссию, которая вела переговоры 16-го и 18-го апреля. Но члены Комиссии полк. Дрейлинг, председатель Куб. Правительства В. Иваніс и ген. Голубинцев под разными предлогами ехать к большевикам для дальнейших переговоров **категорически отказались.** Попытка ген. Букретова составить новую Комиссию не удалась.

Напрасно советское командование ожидало приезда комиссии.

***

Что говорят различные источники о действительном настроении казаков и офицеров Кубанской армии в то время, когда высшие политические и военные руководители армии вели переговоры с большевиками о ее капитуляции?

Большевистский комиссар Рабинович, лично принимавший участие в переговорах о сдаче Кубанской армии, описывая ход этих переговоров и стремясь в этом описании унизить казаков, все же два года спустя после капитуляции, публиковал следующее:

...«Весь ход переговоров был передан красноармейцам, которые с величайшим вниманием следили за событиями. Никто не сомневался, что белые примут все продиктованные условия. **Но все же была возможна последняя провокационная попытка господ генералов двинуться обратно на Кубань... У них еще тлели надежды, если уже не свержения советской власти вообще, то хотя бы возможности установления самостийной белой Кубани»** («Путь Коммунизма», посвящен революционной борьбе на Кубани и Черно-

моры. Книга третья. «Буревестник». Краснодар. 1922. Статья И. Рабиновича: Сдача Кубанской армии красным. Стр. 158).

Ген. В. Науменко, на основании заявлений очевидцев, в числе их командира бригады, принимавшего личное участие в одном из упомянутых выше военных совещаний, созывавшихся ген. Букретовым, опубликовал следующее:

«Мнения почти всех начальников сводились к тому, что, хотя и ощущается недостаток продовольствия и огнеприпасов, но драться надо и, в крайнем случае, перейти грузинскую границу...

...«Возвратившиеся (с совещания) к частям начальники об'явили казакам о предстоящей сдаче. Хотя и раньше было много разговоров о возможности мира с большевиками, **но известие о сдаче произвело ошеломляющее впечатление. Казаки и офицеры не хотели верить такой возможности».** («Казачьи Думы», 20 (4). 1924. София. Стр. 9 и 12).

Г. Раковский, тоже на основании рассказов участников и очевидцев описываемых событий, между прочим, самого члена комиссии парламентеров — полковника Дрейлинга, говорит:

...«У Кубанцев была окончательно подорвана вера в возможность найти выход из создавшегося положения. **Однако, в день капитуляции Кубанцы в массе были настроены против этого и готовы были прорываться в Грузию или идти в горы... «И не желавшие сдаваться Кубанцы и Донцы отправились в горы, где частью распылились, очутившись в рядах зеленых, частью проникли на Кубань».** (В стане белых, 324-325).

П. Сулятицкий такими словами характеризует состояние армии:

...«Если высший командный состав более или менее единогласно высказался за капитуляцию армии, то среди остальных офицеров и казаков такого единомыслия не было. «Шкуринцы», «партизаны» и «волки», которые, больше нежели кто другой, боялись мести со стороны большевиков, почти все решили эвакуироваться в Крым.

...Среди иных казаков было не много желающих ехать в Крым или идти в Грузию. Много было тех, кто был не прочь, чтобы еще раз, быть может в последний раз, произвести натиск на большевиков и прорваться на Кубань.

Но некому было об'единить эту массу и повести ее на новые бои, на новый риск» (Кубанський Край», 1932, Нр X, стр. 6).

Так пишет не-казак, член того самого Правительства, которое еще 7-8 апреля вынесло постановление о необходимости перемирия «до заключения мира» и фактически не приступило к переговорам с большевиками только благодаря тому, что из Константинополя в Сочи прибыл Верховный Комиссар Англии и всей силой своего авторитета помешал осуществить это решение Кубанского Правительства; так пишет член того самого Правительства, председатель коего — В. Иванис — был парламентёром при подготовке к капитуляции Кубанской армии...

Все вышеприведенные данные разных авторов людей разных национальностей, политических убеждений и ориентаций, говорят о том, что Кубанская армия была еще способна вести дальнейшую борьбу, что она сама не думала еще о капитуляции...

Командиры корпусов во главе с ген. Писаревым привели эту армию на берег Черного моря и бросили ее там, а Кубанский Атаман, Правительство и часть высшего командного состава подготовили капитуляцию армии, но в последний момент струсили и, не подписав даже договора о капитуляции, сами потихоньку 19-20 апреля поскорее убрались с территории расположения армии, кто в Крым к Врангелю, а кто — в Грузию...

Неизвестно, найдутся ли в военной истории народов примеры подобного поведения вождей...

***

Когда рано утром 19-го апреля, в разговорах по телефону с ген. Морозовым большевистское командование выяснило, что никакая комиссия со стороны командования казачьей армией к большевикам не при-

сдет, красных охватилъ страх, как бы не сорвались так успешно и сравнительно легко проведенные переговоры о сдаче такого большого количества казаков, какого большевикам еще ни разу и ни на одном фронте не попадало в руки за все время войны 1918-1920 г.г.

Для обеспечения дальнейших своих шагов большевики, прежде всего, потребовали от ген. Морозова, чтобы он лично немедленно прибыл в штаб красных. Хотя большевики и верили ему, но они, на всякий случай, хотели иметь его в своих руках, чем достигалось обезглавливание стоявших непосредственно против них казачьих частей.

О требовании большевиков Морозов сообщил Букретову. Между этими генералами произошел по телефону следующий разговор:

Ген. Морозов: Приедет ли Комиссия или нет?

Ген. Букретов: Нет, не приедет!

Ген. Морозов: Большевики требуют, чтобы я приехал!

Ген. Букретов: Если уедете, то, наверняка, назад не вернетесь. Что-нибудь придумайте, но сами не уезжайте к большевикам!

Ген. Морозов: Но это равносильно отказу от перемирия. Большевики, по всей вероятности, ответят на это наступлением. Части самовольно покидают фронт. Все это приведет к кровавой катастрофе. Мне придется ехать...

Ген. Букретов: Ну, хорошо, поезжайте...

(Этот разговор записан Г. Раковским со слов нач. штаба полк. Дрейлинга).

Так как ген. Морозов все же медлил со своим от'ездом в штаб советской дивизии, большевистское командование решило послать за ним своего комиссара И. Рабиновича.

Рабинович на автомобиле проехал прямо к штабу ген. Морозова.

«Я отправился прямо в штаб», повествует Рабинович. «Масса солдат (для Рабиновича **казаки** — солдаты) в комнатах... Тут же ген. Морозов и офицеры.

Извинился перед генералом, что без разрешения въехал в его расположение. Рядом стояли солдаты и офицеры, внимательно смотрели на красного. Были открытые взгляды, были затаенные, злобные. Прислушивались к каждому слову. **Генерал сообщил, что не желают сдаваться, что не верят, что мы им ничего не сделаем за прошлое и предложил прислать наших для разъяснения. Генерал просил агитаторов»...** (вышецит. статья Рабиновича, стр. 159).

Это — чрезвычайно важное свидетельство советского комиссара. Оно достаточно точно и ярко рисует действительное настроение казаков и офицеров: **«Не желают сдаваться».**

Перед тем казалось, что ответственные за честь, достоинство и жизнь Кубанской армии политические и военные руководители — командующий армией и Войсковой Атаман ген. Букретов, Кубанское Правительство и некоторые высшие чины армии — сделали все, чтобы подготовить и обеспечить эту сдачу армии большевикам: а) было принято большевистское предложение о мирных переговорах, б) были приняты большевистские условия капитуляции, в) было устроено 16, 17 и 18 апреля несколько военных совещаний, на которых ответственными лицами подавались сведения, изображавшие самое ужасное моральное и материальное состояние армии, и этими докладами окончательно подрывалась моральная стойкость тех чинов командного состава, которые не хотели и не могли никак усвоить мысль о неизбежности и допустимости сдачи большевикам десятков тысяч вооруженных казаков, прошедших через горнило двухлетней упорной борьбы...

И вдруг... сам председатель комиссий парламентеров ген. Морозов, перед тем неоднократно подававший ген. Букретову сведения о том, что армия будто бы окончательно разложилась, что ген. Морозов не ручается за удержание фронта, и этими данными в значительной мере содействовавший тому, что была усвоена и одобрена мысль о неизбежности капитуляции, — теперь тот же Морозов, в присутствии ка-

заков и офицеров, принужден был открыто сказать большевистскому комиссару, **что казаки и офицеры не желают сдаваться,** и что для осуществления этой сдачи **необходимо прибегнуть к дальнейшему организованному обману — разложению Кубанской армии речами большевистских агитаторов...**

В каком грозном положении оказалась **не желавшая сдаваться большевикам армия, которую руководители ее решили сдать советской власти, договорились с красными об условиях этой сдачи и потом, не подписав даже условий капитуляции, бросили ее, обезглавленную, на милость большевиков...**

Необходимо отметить такие факты. Адъютанты Атамана Букретова заблаговременно уже находились на пароходе «Бештау», а **сам Букретов в 4 часа дня 19-го апреля, вместе с начальником штаба полк. Дрейлингом, начальником своей канцелярии ген. Р... и адъютантами из г. Адлера выехал на английском крейсере «Кородок» в хут. Веселый, а оттуда 20 апреля утром с чинами штаба, по предложению англичан, выехал... в Батум.**

***

Что же сделали большевики для того, чтобы забрать в свои руки брошенную казачью армию?

Заслушав просьбу ген. Морозова о присылке агитаторов, комиссар Рабинович решил прислать в Кубанские части в качестве пропагандистов тех Кубанцев, которые были в советской дивизии, присоединившись к ней за время ее похода по территории Кубани. «На следующий день были забраны из (большевистских полков) все лошади, посажены на них все Кубанцы — рядовые и командный состав, и все это под руководством Военкомдива и Начподива с политработниками двинулось в армию сдающихся...

Совершено неожиданно вечером 19-го апреля Грузинское Правительство прислало сообщение о том, что оно разрешает перейти Грузинскую границу всем лицам командного состава до урядников включительно. Но в это время весь высший командный состав армии уже находился на кораблях и некому было провести в жизнь эту возможность.

Ген. Врангель 18-го апреля прислал из Крыма некоторое число кораблей к побережью, где тогда располагалась Кубанская армия и 4-й Донской корпус. О прибытии судов из Крыма знала только незначительная часть войск. Хотя Английские суда тоже приняли часть казаков, все же для отправки в Крым погрузилось не более пяти тысяч Донцов и полторы-две тысячи Кубанцев, принадлежавших, главным образом, к частям ген. Шкуро, по поручению ген. Врангеля распоряжавшегося погрузкой.

***

Остальные Кубанские части не знали о том, что где-то в районе Адлера-Веселого идет погрузка для отправки в Крым.

Несколько тысяч казаков ушло в горы, несколько сот горцев и казаков, некоторые члены Кубанской Рады и Донского Круга, члены Куб. Правительства, офицеры, чиновники были пропущены все же через Грузинскую границу.

Кубанская Законодательная Рада на заседании 18 апреля в г. Адлере постановила: «**Сессию Рады прервать и каждому члену Рады предоставить свободу действий, Правительству же и Войсковому Атаману продолжать борьбу за независимость Кубани**»...

Большинство членов Рады, разделяя судьбу армии, сдалось большевикам.

20 апреля все брошенные части Кубанской армии и Донского корпуса были сосредоточены в районе Адлера-Хоста, а 21 апреля большевики отобрали у казаков оружие. «Через нашу регистрацию», говорит комиссар Рабинович, «прошло до 40.000 человек и до 10.000 лошадей».

Так погибла еще одна Казачья армия.

o IIII o

СОДЕРЖАНИЕ:

Стр.

Глава I. Основные причины возникновения войны в 1917 - 1920 годах на территории бывшей Российской империи. — Провал организованного русского «белого» движения и успех «красной» России в 1919 г. Оценка положения к началу 1920 г., сделанная русскими «красными» и русскими «белыми» 5

Глава II. Внешняя и внутренняя обстановка Юго-Восточного Казачества к началу 1920 г. — Подготовка разрыва Казачества с «белым» движением. — Пребывание Донской казачьей армии и Терских частей в русских руках. — Стремление русских генералов к захвату в свои руки военных сил Кубани. — Желание русских держать в своих руках государственную власть на Казачьих Землях. — Принятие генералом Деникиным предложения представителя Англии Мак-Киндера об отношении «к существующим окраинным правительствам» 17

Стр.

Глава III. Борьба между «белыми» и Кубанью продолжается». Кубанцы не хотели уже дальше воевать под знаменами Деникина. Сессия Рады 30 декабря 1919 — 7 января 1920 г. Выборы нового Кубанского Атамана ген. Букретова. Новое Кубанское правительство. Поведение представителей Союзников. — Телеграмма ген. Сидорина 27

Глава IV. Попытки организации казачьего союзного государства в 1917 - 1919 годах. Ноябрьское постановление Кубанской Краевой Рады. Начало работ Верховного Круга Дона, Кубани и Терека. Выступление на Круге Донского Атамана ген. Богаевского и Председателя Донского Правительства Мельникова. Программа работ Круга. Комиссии. Компетенция Круга. Основы конституции Казачьего государства 41

Глава V. — Задачи Советской России на Юге. Переименование советских фронтов. Усиление Кавказского фронта. 1-ая советская конная армия — директива 28 декабря 1919 г. Приведение Донской армии в боевую готовность. Положение раненных и больных. Бои в районе станицы Ольгинской - Батайска 5, 6, 7 и 8 января 1920 г. Выводы 50

Стр.

Глава VI. Фронт и тыл. — Верховный Круг приветствует фронт. — Ответ Донского Атамана и ген. Деникина. — «Белые» используют успехи казачьего фронта. — Совещание в Тихорецкой 12 января 1920 г. — Совещание в Штабе Донской армии 15 января. — Выступление ген. Деникина на Верховном Круге 16 января. — Ответ председателя Круга. — Политика Кубанского Атмана и Правительства 67

Глава VII. Отход казачьих корпусов за р. Маныч. — Новый план советского командования. — Сосредоточение конной армии Буденного и конного корпуса Думенко на Маныче. — Ликвидация прорыва Думенко 13 - 15 января. — Телеграмма Командарма Сидорина Атаману Богаевскому. — Прорыв Буденного на левый берег р. Маныча. — Бои 15 - 16 января — разгром армии Буденного. — Новое неудачное наступление армии Буденного в низовьях Маныча. — Разногласия среди высшего красного командования. — Новый командующий советским фронтом. Приказ Донской армии 17 января 1920 года 92

Глава VIII. Причины неуспеха национальных освободительных движений на Юге, Юго-Востоке и Востоке б. России —

Стр.

Терская, Донская и Кубанская резолюции по вопросу об об'единении. — Казачье - русский компромисс. — В 1920 г. Деникин принял то, что отверг в 1919 г. — Неискренность обоих сторон. — Решение Верховного Круга 22 января. — Организация Южно - русского правительства Н. М. Мельникова. — Вопрос о раненых и больных. — Делегация Круга в Грузию, Армению, Азербейджан и к Горским народам. — Перерыв сессии Верховного Круга 111

Глава IX. Отношение Черноморского крестьянства к Деникинской власти и к Кубани. — Решение делегатского с'езда 18 ноября 1919 г. — Обращение «Комитета Освобождения Черноморья» к Кубанской Раде. — Освобождение г. Туапсе от Деникинской власти. — Антиденикинские восстание в Ейском районе, в Ставропольской губ. и в Минерало - Водском районе 142

Глава X. Значение Кубани в борьбе Казачества на два фронта. — Причины ухода Кубанцев с фронта. — Казачья масса и кубанская правящая верхушка. — Пелюковщина. — «Зеленые». — Карательные отряды. — Приказ Кубанского Войскового Атамана 147

Стр.

Глава XI. Состояние советских армий. — Неудавшееся наступление X-ой армии через р. Маныч. — Советский шпионаж, советские агенты и «пособники». — Распределение сил на фронте. — Подготовка советского удара в Тихорецком направлении. — Отношение Верховного Круга к фронту. — Деникин — «диктатор». — Положение на верхах Донской армии. — Положение раненых и больных. — Директивы ген. Деникина и ген. Сидорина 157

Глава XII. Переход советских армий в наступление 1-го февраля. — Контрмеры Донского командования. — Директива нр. 0456. — Действия конной группы ген. Старикова. — Разгром конницы Гая и 28-ой стр. дивизии. — Организация советской ударной группы войск в районе Торговой. — Трагедия 4-го Донского корпуса и ее последствия 187

Глава XIII. Положение фронта 6-го февраля. — Директива Донской армии нр. 497. — Наступление Добровольческого и 3-го Донского корпусов через р. Дон. — Тяжелое положение казаков у устьев Маныча. — Разгром 1-го Кубанского корпуса ген. Крыжановского. — Уход 2-го Кубанского корпуса в район станицы Кав-

Стр.

казской. — Переход в наступление 4-го конного Донского корпуса. — Группа войск Буденного оставляет Тихорецкое направление. Положение 4-го Донского корпуса между Ср. Егорлыкским и Белой Глиной 214

Глава XIV. Положение фронта около 10-го февраля. — Стягивание казачьих сил в район станиц Егорлыкской и Мечетинской. — Директива 12-го февраля. — Поражение Буденного под ст. Егорлыкской и поселком Иловайским 13-го февраля. — Отступление 3-го Донского корпуса. — Директива 16-го февраля. — Общее отступление Донской армии 237

Глава XV. Совещание в Сосыке. — Как реагировала Кубань на вторжение советских войск в пределы Края. — Бой у Кавказской. — Приказ Кубанского Атамана ген. Букретова. — «Отряды порядка». — Постепенное отступление Донской армии и Добровольческого корпуса по территории Кубани. — Приказ об отходе на р. Челбасы. — Отход на р. Бейсуг. — Бои на Ставропольском, Кавказском и Тихорецком направлениях 259

Глава XVI. Последствия казачье - русского соглашения. — «С'езд трудовых ка-

Стр.

заков в Москве». — Планы дальнейшей борьбы. — На фронте Кубанской армии в последних числах февраля. — Состояние Донской армии. — Белые и красные директивы. — Бои на путях к Екатеринодару. — Бегство Добровольческого корпуса 275

Глава XVII. Состояние фронта перед оставлением Екатеринодара. — Хаос гражданских и военных властей в столице Кубани. — Попытка казаков организовать свое государство с единой властью и единой армией. — Постановление Верховного Круга о разрыве с ген. Деникиным. — Что было сделано для проведения в жизнь постановления Верховного Круга с дня 3 марта? — Оставление Екатеринодара 302

Глава XVIII. Природные условия нового театра боевых действий. — Население Закубанья. — «Зеленые». — Крестьянское ополчение. — «Черноморская советская армия». — Распределение казачьих сил на фронте. — Решение Верховного Круга о разрыве с Деникиным и деникинская политика казачьих генералов 315

Глава XIX. Хаос на казачьих верхах. — Большевики охватили казачьи силы с

Стр.

флангов и прорвали их в центре. — Разрыв казачьего фронта. — Провал плана похода донцов на Тихорецкую — Дон. Меры Донского командования для обеспечения эвакуации Донской армии через Новороссийск. — Командиры Кубанских корпусов не признали Кубанской власти и постепенно уводят Кубанскую армию на Туапсе. 348

Глава XX. На путях к Крымской. — Страдания казачьей массы. — Муки командного состава. — Новороссийское предательство 369

Глава XXI. Грозные события и Кубанская Краевая Рада. — Положение Кубанской армии после выхода ее к Черному морю. — На генеральских верхах. — Казаки искали помощи со стороны Грузии. От'езд Кубанского Атамана и председателя Кубанского правительства с Крым 399

Глава XXII. Первые дни пребывания донцов в Крыму. — Положение 4-го Донского корпуса на Кавказском берегу Черного моря. — Политика Англии. — Уход Деникина с поста главнокомандующего ... 429

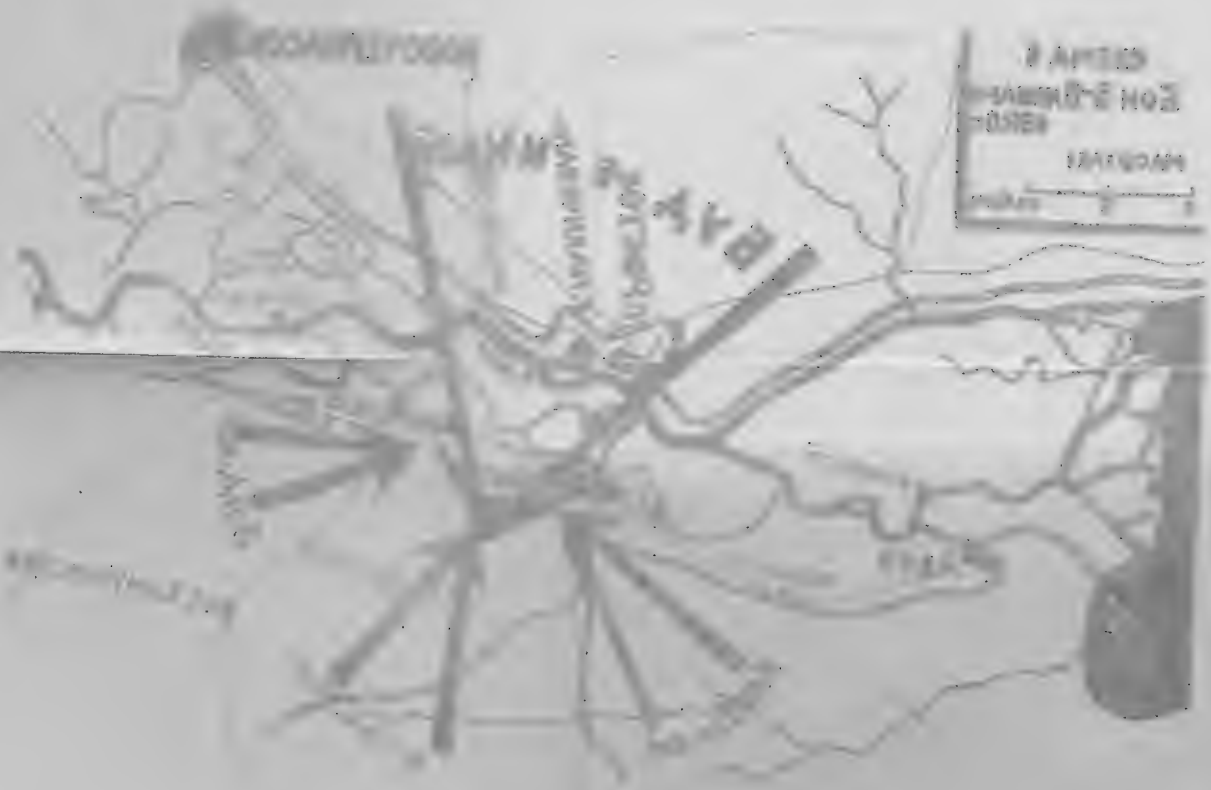
Стр.

Глава XXIII. Соглашение Атаманов с Врангелем. — Меморандум о самостоятельности Казачьих Областей. — Назначение Кубанского Атамана Букретова на пост Командующего войсками на Кавказском побережьи Черного моря 447

Глава XXIV. Положение Кубанской армии на Черноморском побережьи. — Решение Кубанского правительства о необходимости перемирия. — Верховный комиссар Великобритании за продолжение войны. — Обращение Кубанского правительства к армии. — Возвращение Букретова из Крыма в Сочи 461

Глава XXV. Поездка Кубанского Атамана в Грузию. — Советские войска заняли Сочи. — Начало переговоров о перемирии. — Совещания войсковых начальников. — Переговоры с большевистским командованием и с Грузией. — Капитуляция 477

СХЕМА 1
Бои 5-8 января 1920 г.
МАСШТАБ:
0 5 10 Вер.
НОВОЧЕРКАССК
БУД
Г. РОСТОВ
НАХИЧЕВАНЬ
АКСАЙСКАЯ
ННЫЙ
СТАРОЧЕРК.
Р. ДОН
Р. ДОН
ОЛЬГИНСКАЯ
Г. ПОДОЛИНСКИЙ
ОБУХОВСКИЙ
БАТАЙСК
З-И Д. КОР.
АЗОВ
КУЛЕШОВКА
Х. ЗЛОБЕЙСКИЙ
СТ. ХОМУТОВСКАЯ
КУБ. ТЕР. КОР.
ЧЕРК. КОРП.
ЧЕРК. КОР.

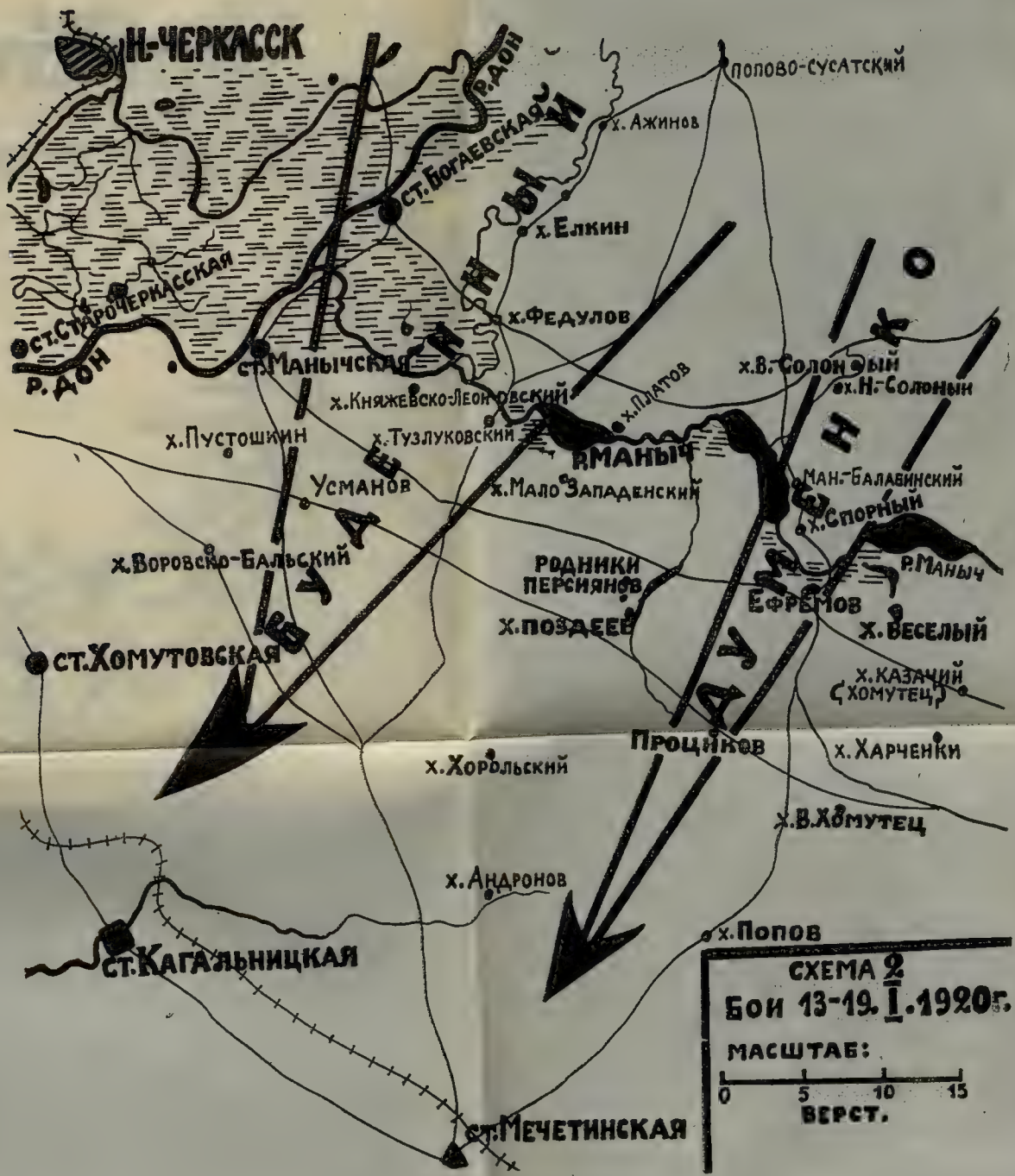

Н-ЧЕРКАССК
Р.ДОН
ст.Богаевская
Попово-Сусатский
х.Ажинов
х.Елкин
х.Федулов
ст.Старочеркасская
ст.Манычская
х.Княжевско-Леонтовский
х.Платов
х.В.Солонный
х.Н.Солонный
х.Пустошкин
х.Тузлуковский
р.Маныч
Усманов
х.Мало-Западенский
Ман.-Балабинский
х.Спорный
х.Воровско-Бальский
Родники Персиянов
Ефремов
х.Веселый
ст.Хомутовская
х.Казачий (Хомутец)
х.Позднеев
Проциков
х.Харченки
х.Хорольский
х.В.Хомутец
х.Андронов
х.Попов
ст.Кагальницкая
ст.Мечетинская
СХЕМА 2
Бои 13-19.I.1920г.
МАСШТАБ:
0 5 10 15
ВЕРСТ.

СХЕМА 3
Положение и директивы сторон к 1 февраля 1920.
Масштаб:
20 0 20 40 60 ВЕР.
Александро-Грушевск
Кутейников
Раздорская
Новочеркасск
Будённый
Султан-Сал
8 Ар.
Ростов
Богаевская
9 Сов. Арм.
Орловка
Мартыновка
р. Сал
Манычская
Ольгинская
3. Кор.
Азов
Батайские
Аон
х. Веселый
Манычская
Ягодинская
Добр. Корпус
Каг. Линия
Каг. Ст.
х. Хоперский
1. Кор.
Чкаловская
Мечетинская
IX Кар. Арм.
зим. Яновка
Шара-Булукский
ст. Платовская
Двойная
10 Сов. Арм.
Ельмут
Великокняжеская
Кущовка
ст. Егорлыкская
Буденный
К. Кор.
Торговая
ст. Егорлыкское
Ея
Незамаевка
Сосыка
Штаб Д. А.
Белая Глина
Летницкое
Банская
9. Кор.
Кар. Арм.
оз. Шаут-Толга
11 Сов. Ар.
Манычская
Привольное
39. Стр. Д.
Медвежье
Тихорецкая
Штаб Деникина
Ильинка
Успенская
Дмитриевка
Безопасное
Дивное
Девбетовское
Птичье
Кавказская
Московское
XI Кар.
Усть-Лабинская
Штаб Куб. Арм.
р. Кубань
Луговка
Константиновка
Ставрополь
Армавир
Надежда
Белореченская
Майкоп
Лабинская

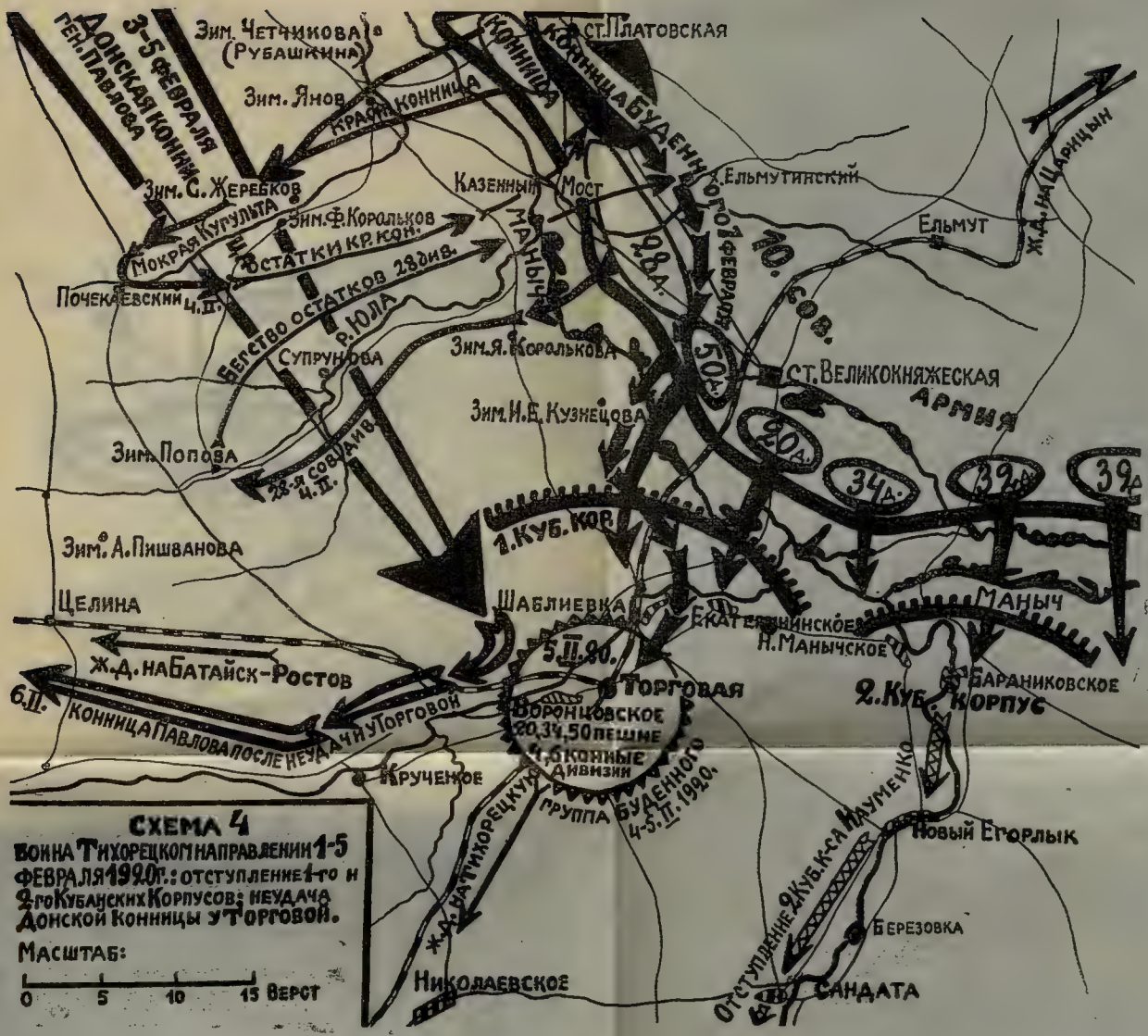

СХЕМА 4

БОИ НА ТИХОРЕЦКОМ НАПРАВЛЕНИИ 1-5 ФЕВРАЛЯ 1920 Г.: ОТСТУПЛЕНИЕ 1-ГО И 2-ГО КУБАНСКИХ КОРПУСОВ; НЕУДАЧА ДОНСКОЙ КОННИЦЫ У ТОРГОВОЙ.

МАСШТАБ:

0 5 10 15 ВЕРСТ

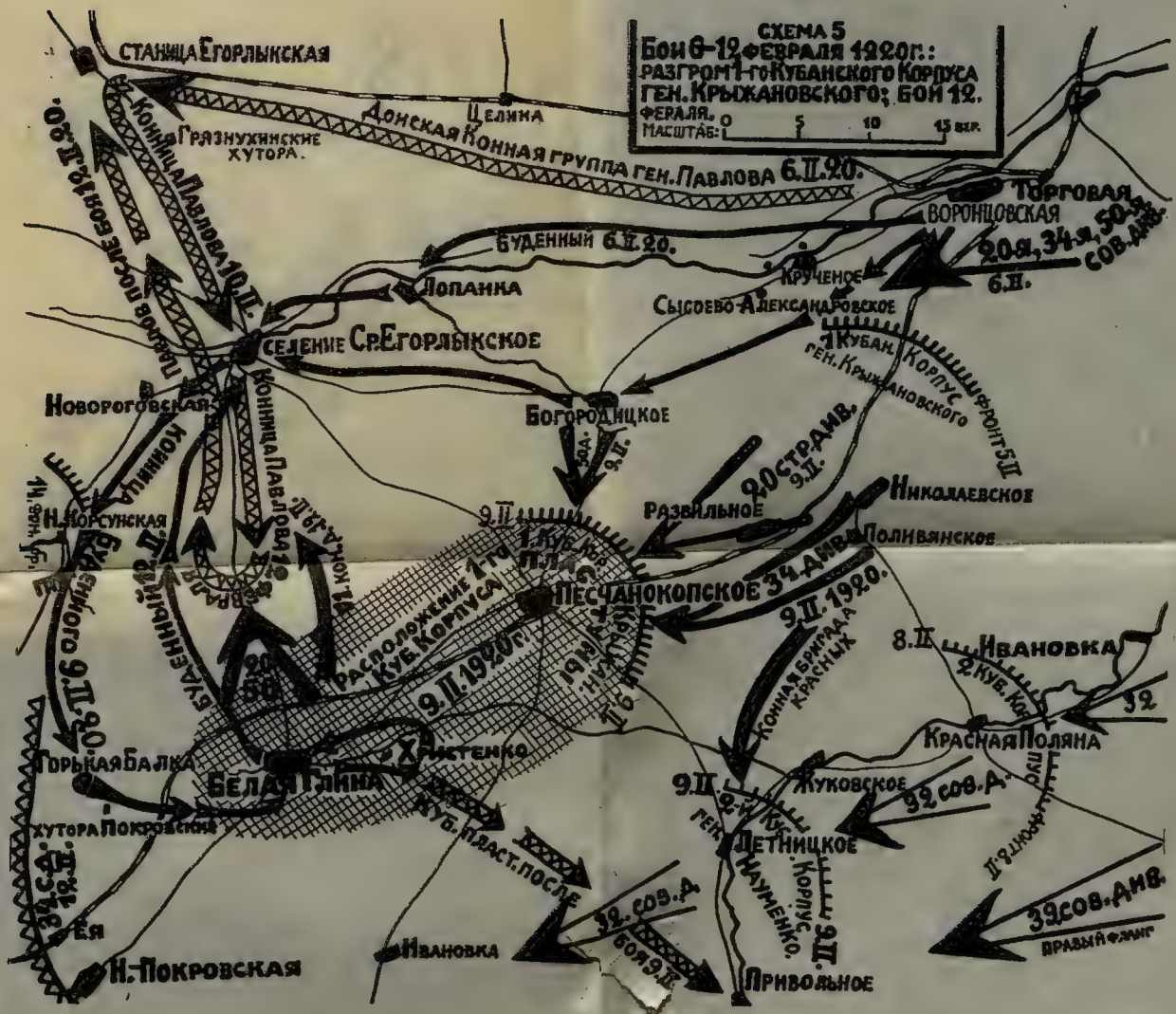

СХЕМА 5
Бои 6-12 ФЕВРАЛЯ 1920 г.:
РАЗГРОМ 1-го КУБАНСКОГО КОРПУСА
ГЕН. КРЫХАНОВСКОГО; БОИ 12.
ФЕВРАЛЯ.
МАСШТАБ: 0 5 10 15 ВЕР.
СТАНИЦА ЕГОРЛЫКСКАЯ
Щелина
Донская Конная группа ген. Павлова 6.II.20.
Грязнухинские хутора.
Конница Павлова 10.II.
Буденный 6.II.20.
Торговая
Воронцовская
20 я, 34 я, 50 сов. див.
6.II.
Лопанка
Крученое
Сысоево
Александровское
Селение Ср. Егорлыкское
1 Кубан. Корпус ген. Крыхановского
Фронт 5 II
Новороговская
Богородицкое
20 страд. див. 9.II.
Николаевское
Развильное
Поливянское
Песчанокопское 34 див. 9.II.1920.
Расположение Куб. Корпуса 9.II.1920 г.
Ивановка
Конная бригада Красных
Красная Поляна
Горькая Балка
Белая Глина
Христенко
Жуковское
32 сов. А.
Четницкое
Куб. пласт. после
Ивановка
Привольное
Хутора Покровские
Н. Покровская
32 сов. див.
правый фланг

СХЕМА 6.
ДЕЙСТВИЯ КОННИЦЫ
ГЕН. СТАРИКОВА 3-10 ФЕВ
РАЛЯ 1920 Г.
0 5 10. ВЕР.
НОВОЧЕРКАССК
БЕСЕРГЕНЕВСКАЯ
ЗАПЛАВСКАЯ
КРИВЯНСКАЯ
8-Я СОВ. АРМ.
Р. ДОН
КАРПОВСКИЙ
СУСАТСКИЙ
АЖИНОВ
КУДИНОВ
ЯНЧЕНКОВ
ЕЛКИН
ПУС ДУМЕНКО
9. СОВ. АРМ.
БОГАЕВСКАЯ
4 Д
5 Д
3 Д
КОР
КРАСНОДВОРСКИЙ
ХОХЛАТОВСКИЙ
ФЕДУЛОВ
СТАРОЧЕРКАССКАЯ
Р. ДОН
АЛИТУБСКИЙ
АРПАЧИНСКИЙ
КНЯЖЕВСКО-ЛЕОНОВСКИЙ
ПОДПОЛИНСКИЙ
МАНЫЧСКАЯ
КОННАЯ ГРУППА ГЕН. СТАР.
2 Д
ПУСТОШКИН
КУВЛУКОВСКИЙ
Р. МАНЫЧ
МАЛОЗАПАДЕНСКИЙ
3-ий ДОНСКОЙ КОРПУС
УСМАНОВ
2-Й ДОН.
МАНЫЧСКО-БАЛАБИНСКИЙ
ВОРОВСКО-БАЛЬСКИЙ
КОР

СХЕМА 7

Бои 10–18 февраля 1920 г.:

А) сосредоточение ударной группы на правом фланге Донской армии. Б) бои 13 февраля на фронте ст. Егорлыкская – пос. Иловайский. В) отход 3-го Донского и Добровольческого корпусов с линии р. Дона. Г) бои 17 февраля...

Группа ген. Павлова 13 февраля 1920 г.:
1. 4-й Кон. корпус – 3. и 10 дивизии.
2. 2-й Кон. корпус – 4. див., 15. кк.
3. Сводный корпус ген. Агоева.
4. 1-й Кон. бриг. ген. Барбовича
5. Сводно-Партиз. див.

Масштаб:

0 5 10 15 20 вер.

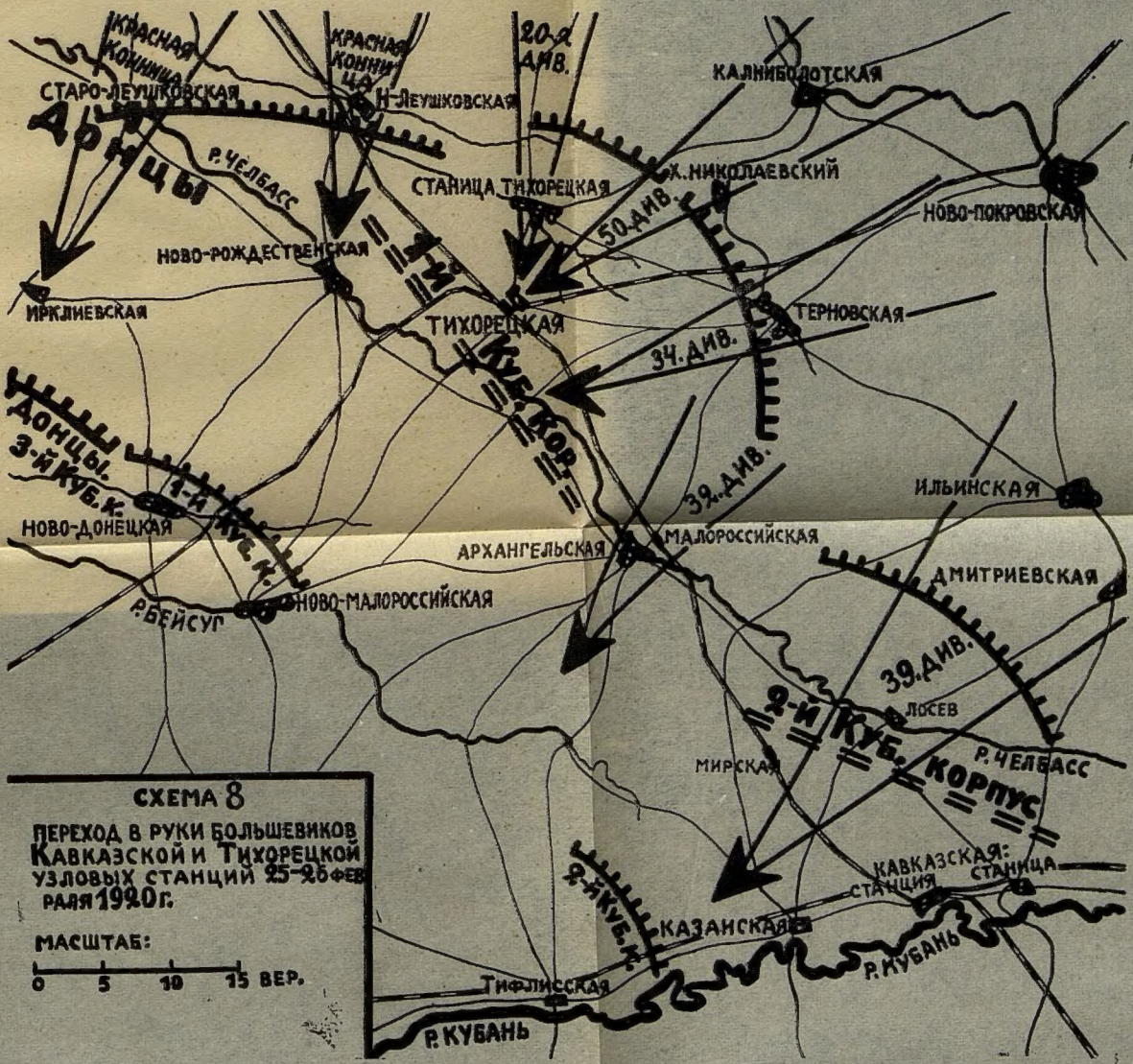

СХЕМА 8

ПЕРЕХОД В РУКИ БОЛЬШЕВИКОВ КАВКАЗСКОЙ И ТИХОРЕЦКОЙ УЗЛОВЫХ СТАНЦИЙ 25-26 ФЕВРАЛЯ 1920 г.

МАСШТАБ:

0 5 10 15 ВЕР.

Дон
Ворона
Хопёр
Медведица
Битюг
Воронеж
Елец
Лиски
Поворино
Грязи
Тихорецкая
Ртищево
Балашов
Новохопёрск
Новохоперский
Новохоперская
Новохоперская
Новохоперская

БИБЛИОТЕКА

«ВОЛЬНОГО КАЗАЧЕСТВА -- ВІЛЬНОГО КОЗАЦТВА»

Цена: 1 амер. доллар.

S.P.I., 4, r. Saulnier, Paris.